ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

(Род. 1813 г., † 1879 г.).

ОДНА изъ оригинальныхъ личностей, связанныхъ съ началомъ нашего общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, личность Виктора Ипатьевича Аскоченскаго представляетъ немало сторонъ, любопытныхъ въ историко-психологическомъ отношеніи. Но главное, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ имя Аскоченскаго историческую любознательность, это—превратность судьбы, постигшей писателя. Публицистъ съ сильнымъ дарованіемъ, съ разностороннимъ образованіемъ, съ огромнымъ запасомъ энергіи—во всемъ этомъ Аскоченскому никто даже изъ враговъ его никогда не отказывалъ,—такой публицистъ не оставляетъ по себѣ иной памяти, кромѣ той, которая съ именемъ его связываетъ репутацію обскуранта и фанатика. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что личность, обладавшая всѣми задатками на уваженіе и современниковъ, и потомства, личность, проникнутая самой искренней готовностью посвятить свои силы на честное служеніе общественной пользѣ, попадаетъ въ разрядъ „отверженныхъ“ и въ завершеніе своей дѣятельности становится мишенью неотразимыхъ издѣвательствъ со всѣхъ сторонъ? Втаптываніе въ грязь личности, столь же поспѣшное, какъ и возведеніе ея въ кумиръ—такое явленіе зачастую наблюдается въ условіяхъ русской дѣйствительности; но, по отношенію къ Аскоченскому, этой чертой нашихъ нравовъ можно уяснить не многое. Направленіе, какое приняла его журнальная дѣятельность, создавшая ему помянутую репутацію, явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ болѣе сложныхъ и неотвратимыхъ причинъ. Весьма существенную важность въ настоящемъ случаѣ имѣетъ фактъ, что Аскоченскій сталъ публицистомъ именно въ то время, когда жестокіе удары жизненныхъ неудачъ успѣли уже надломить сильную на-

туру, а тяжкія нравственныя испытанія—оставить неизгладимый слѣдъ болѣзненности на душевномъ состояніи. Задавленный безъисходной нуждой, доходившей временами до нищеты, потерпѣвъ неудачи всюду, куда ни кидался, онъ вступилъ, наконецъ, на тернистый путь журналиста. Влеченіе къ такой дѣятельности въ немъ жило съ-молоду, но въ эту пору пылкихъ порывовъ, когда талантъ его могъ бы найти дѣйствительно плодотворное примѣненіе, мы видимъ его или въ безплодной тоскѣ среди окружавшихъ его пошлости и пустоты, или же въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, борьбѣ не менѣе безплодной, но гораздо болѣе сокрушительной для благородныхъ увлеченій, прекрасныхъ упованій и надеждъ. Въ этомъ отношеніи участь, постигшая Аскоченскаго, нисколько не разнится отъ той, какая тяготѣла и тяготѣетъ надъ лучшими изъ нашихъ писателей. Еще Добролюбовъ отмѣтилъ грустный фактъ такой аналогіи въ обстоятельствахъ ихъ внутренняго развитія. Въ начальной дѣятельности писателя замѣтны смѣлые порывы, широкія мечты, благороднѣйшія, сильныя стремленія; затѣмъ на смѣну имъ мало-по-малу прокрадывается и наполняетъ душу горькое сознаніе своего безсилія передъ судьбою, сознаніе собственнаго разслабленія и сожалѣнія о напрасно растраченныхъ силахъ молодости. Такъ было съ Пушкинымъ въ позднюю пору его дѣятельности, съ Лермонтовымъ, Кольцовымъ, Полежаевымъ, Гоголемъ, Помяловскимъ, та же исторія повторилась и съ менѣе крупными дарованіями, въ ихъ числѣ и съ Аскоченскимъ. Какъ увидимъ ниже, въ молодые годы самоувѣренность въ собственныхъ силахъ, готовность служить обществу, прекрасныя упованія на жизнь, не покидаютъ его; — противъ житейскихъ дрязгъ и людскихъ предразсудковъ онъ вооружается юморомъ и сатирою. Но плетью обуха не перешибешь. Благородные порывы гаснутъ въ смрадной атмосферѣ провинціальной сплетни и злобнаго невѣжества. Страстность натуры не даетъ, однако, успокоиться Аскоченскому. Онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ товарищескомъ кругу, предаваясь временами разгулу. Но и это увлеченіе не надолго занимаетъ его. Къ юмору уже замѣтно примѣшивается желчное недовольство и тоска, безъисходная тоска. Куда дѣваться отъ нея, гдѣ скрыться, и чѣмъ наполнить жизнь? Академическая среда не удовлетворяетъ Аскоченскаго, да ему и тѣсно тамъ,—негдѣ развернуться живымъ силамъ души, а родникъ ихъ бьетъ наружу. Общественная жизнь вращается около пустыхъ развлеченій и личныхъ интересовъ; явленія, важныя въ общественномъ смыслѣ, не пользуются сочувствіемъ: не съ кѣмъ нутнаго слова сказать; о томъ же, чтобы ожидать участія или добраго совѣта, и думать нельзя. Въ такой-то обстановкѣ Аскоченскій отдается мало-по-малу мысли о женитьбѣ, надѣясь найти въ ней себѣ тихое пристанище. Но не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свой планъ, какъ уже надъ нимъ разразился ударъ безпощадной судьбы. Другъ его, „ангелъ хранитель“ его, какъ называетъ онъ свою первую жену, покидаетъ его. За смертью жены слѣдуетъ цѣлый рядъ жизнен-

ныхъ неудачъ, которыя къ засѣвшему твердо въ душѣ Аскоченскаго недовольству жизнью прибавляютъ мрачное настроеніе, равнодушіе ко всему и покорное отчаяніе. Но и тутъ сказалась въ Аскоченскомъ чуткая натура. Воспріимчивость къ вѣянію жизни не изсякла въ немъ, желанье возрожденія не пропало совсѣмъ. Представилась возможность борьбы, и Аскоченскій ринулся въ нее. Полемъ для этой борьбы явилась журналистика.

Къ несчастію, Аскоченскаго уже сильно помяла жизнь, онъ слишкомъ поздно пробился на свою дорогу сквозь кору общественныхъ несправедливостей, онъ оказался, что называется, слишкомъ отсталымъ отъ вѣка, слишкомъ состарѣлся, чтобы вѣрно понять зародившіяся тогда въ обществѣ потребности. Позднѣе его ожидала тѣмъ болѣе печальная участь, чѣмъ съ большей страстностью отдавался онъ дѣлу. Его пытливый умъ, необыкновенно склонный къ скептицизму, не удовольствовался, конечно, ролью наблюдателя, ролью „умѣреннаго и аккуратнаго“ отмѣтчика явленій, порожденныхъ новыми запросами жизни. Для натуры дѣятельной, подобной Аскоченскому, лучше пасть въ борьбѣ, нежели безмятежно и пассивно отречься отъ собственной личности и самостоятельности. Но гдѣ же было найти выходъ силамъ, хоть и порядкомъ надорваннымъ?

Кипучая жизнь била ключемъ лишь подъ лучезарнымъ свѣтомъ идей и порывовъ,—увы!—уже превышавшихъ кругозоръ запоздалаго публициста. А куда не успѣли проникнуть лучи этого благодѣтельнаго свѣта, тамъ журналисту, понятно, приходилось въ потьмахъ бродить ощупью. Аскоченскій напрягалъ всѣ усилія, чтобы стать на твердую почву и найти доступъ къ свѣту, но въ томъ-то и бѣда, что онъ хотѣлъ достигнуть этого, не покидая мрака, который его окружалъ, иными словами,— не умѣя хорошенько вглядѣться въ свѣтлыя стороны новой своей обстановки. Этому, отчасти, конечно, мѣшало самолюбіе Аскоченскаго, болѣзненно развившееся въ немъ въ долгій періодъ жизненныхъ испытаній. Въ школѣ онъ шелъ первымъ, въ академической карьерѣ своей онъ выдѣлялся изъ среды товарищей, въ общественной жизни онъ искалъ высшихъ интересовъ, привыкъ выдвигаться и умомъ, и образованіемъ. А тутъ на поприщѣ журналиста, послѣ всего пережитаго, ему пришлось все-таки быть новобранцемъ и встрѣтить на первыхъ же порахъ своей дѣятельности неособенно лестный пріемъ въ мірѣ журнальномъ. Вмѣсто того, чтобы, замѣтивъ въ своихъ статьяхъ фальшивую ноту, не повторять ее больше, Аскоченскій уклонялся въ полемику и, въ пылу спора, вдаваясь въ діалектическія увертки, на которыя онъ былъ мастеръ, упускалъ изъ виду нерѣдко прямые интересы истины.

Но чѣмъ гуще становилась застилавшая ему глаза тьма личныхъ пререканій, тѣмъ мрачнѣе была его дѣятельность, тѣмъ сильнѣе въ немъ росло недовольство, но уже не на себя самого, не на эту непроглядную тьму, а на свѣтъ, къ которому онъ такъ

тщетно стремился. Подъ гнетомъ такого недовольства, натуры, подобныя Аскоченскому, не знаютъ удержу личному раздраженію. И дѣйствительно, его журнальная дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, вполнѣ подчинилась внушеніямъ этого раздраженія на всѣхъ и на все. Упрямство замѣняло убѣжденія на страницахъ блаженной памяти „Домашней Бесѣды“, а зачастую и заглушало всякіе доводы разсудка. Не даромъ же самъ Аскоченскій говоритъ о себѣ: „разольется желчь въ моемъ сердцѣ, и тогда прощай послѣдній остатокъ приличія“. Или вотъ еще одно характерное признаніе его: „обдумывать и углубляться я никакъ не умѣю. Богъ ее знаетъ, какъ у меня устроена натура! Другіе съ какимъ-нибудь тамъ сомнѣніемъ носятся, точно курица съ яйцомъ... У меня бываетъ вовсе не такъ. Часто, садясь за столъ и принимаясь за перо, я не знаю, чѣмъ начать, и сиротинка — мысль не знаетъ, гдѣ пріютиться, гдѣ стать. Спроси она у меня, я и самъ бы не указалъ ей мѣста. Но тронется перо — и пошли мысли бѣжать вольною струей, и цѣлая вереница посылокъ и отсылокъ рвется и тянется и опутываютъ мысль-сиротинку. Не прерывайте такого моего экстаза, и я въ одинъ присѣстъ кончу вамъ мое gelehrter'ское издѣліе“. Также съ легкимъ сердцемъ Аскоченскій быстро порѣшалъ и съ публицистическими вопросами, кидаясь въ полемику и посылая громы небесные на головы своихъ противниковъ. Немудрено, что и убѣжденія и взгляды его мѣнялись съ тою же быстротой, какъ эпитеты, крѣпкія слова и проклятія, въ изобиліи разсѣянные въ „Домашней Бесѣдѣ“.

Печальный конецъ, постигшій Аскоченскаго, извѣстенъ. Журнальная дѣятельность, направляемая духомъ оппозиціи, увлекла его на борьбу въ защиту злобствующаго обскурантизма, а болѣзненная страстность, какую проявилъ Аскоченскій въ этой борьбѣ, завершилась душевнымъ страданіемъ.

Послѣ всего сказаннаго, невольно возникаетъ вопросъ: заслужилъ ли Аскоченскій, на самомъ дѣлѣ, тотъ суровый приговоръ, какой произнесли надъ нимъ его современники и повторяютъ доселѣ потомки? Какой бы мрачной ни представлялась по своему направленію дѣятельность писателя, но приговоръ исторіи не долженъ основываться лишь на знакомствѣ съ одностороннимъ проявленіемъ этой дѣятельности. А надъ Аскоченскимъ тяготѣетъ именно такого рода несправедливость. Выставляя мрачную сторону его журнальной дѣятельности, обыкновенно забываютъ объ его истинныхъ достоинствахъ и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были причиною гибели этой талантливой и энергической личности. Мы имѣемъ возможность пополнить такой пробѣлъ, пользуясь поступившимъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ „Дневникомъ“ В. И. Аскоченскаго. Это — откровенная исповѣдь покойнаго писателя передъ собственною совѣстью; въ ней нѣтъ ни фальши, ни прикрасъ. Тутъ вполнѣ обрисовывается живая и оригинальная личность Виктора Ипатьевича со всѣми ея недостатками и достоинствами.

Дневникъ этотъ начатъ съ 1835 года, когда Аскоченскій былъ еще студентомъ кіевской духовной академіи, и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ душевнаго состоянія, испытаннаго авторомъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, въ какія бросала его судьба втеченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ. Въ четырнадцати томахъ „Дневника“ тщательно отмѣчено все, что такъ или иначе имѣло вліяніе на жизнь будущаго публициста. Въ особенности пора разцвѣта юныхъ силъ, пора увлеченій и порывовъ, ярко выступаетъ въ запискахъ, которыя аккуратно ведутся въ это время изо дня въ день. Себя самого не щадитъ Аскоченскій въ своихъ признаніяхъ: „Я самъ строгій себѣ судья“, пишетъ Аскоченскій подъ 1-мъ января 1857 года, „и сдѣлавъ какую нибудь глупость, вытерпѣвъ огорченіе или даже оскорбленіе, я прежде всего задаю самъ себѣ вопросъ: „не виноватъ ли я тутъ чѣмъ нибудь? Не подалъ ли съ своей стороны какого либо повода къ оскорбленію меня?“ И что-жъ! Ни разу не случалось, чтобы я вышелъ изъ этого суда чистымъ и правымъ. Тогда у меня начиналась казнь за ошибку или глупость, мной сдѣланную, и какая казнь, если бъ знали! Вся душа моя занывала нестерпимой болью; въ дразнящихъ призракахъ проносились передо мною явленія того или другаго обстоятельства, и я терялъ послѣднее слово утѣшенія, которое до того елейно успокоивало тревожное сердце мое. Тяжеле этой пытки ничего придумать нельзя“. Но если Аскоченскій былъ строгъ къ себѣ, то не щадилъ онъ и другихъ. Въ его отзывахъ о лицахъ, съ которыми сталкивала его жизнь и многія изъ которыхъ получили впослѣдствіи извѣстность, проглядываетъ иногда непостоянство, но это объясняется чисто впечатлительностью его натуры, отчасти же недовѣрчивостью, подозрительностью и наклонностью къ скептицизму и сатирѣ. Рѣзко отзываясь сегодня о комъ нибудь, Аскоченскій искренно каялся въ неправотѣ своей, какъ скоро случай или болѣе близкое знакомство съ тѣмъ же лицомъ доставляли возможность ему убѣдиться въ поспѣшности своего отзыва. Зато, если авторъ „Дневника“ разъ проникался уваженіемъ къ другому, никакія личныя огорченія, испытанныя отъ этого лица, не могли измѣнить мнѣнія Аскоченскаго. Въ данномъ случаѣ характерный примѣръ читатели найдутъ ниже, когда будетъ рѣчь объ отношеніяхъ его къ кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, который, строго говоря, и былъ главнымъ виновникомъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія, въ какое попалъ Аскоченскій, бросивъ профессуру въ кіевской духовной академіи.

Помимо отзывовъ о современникахъ и сослуживцахъ Аскоченскаго, въ „Дневникѣ“ изложены его взгляды на общественные и литературные вопросы той эпохи, взгляды, въ которыхъ трудно узнать будущаго издателя „Домашней Бесѣды“. Ниже мы извлекаемъ все, что сколько нибудь выдается въ разсматриваемомъ отношеніи.

Что касается, наконецъ, личной жизни автора, тутъ видное мѣсто

въ „Дневникѣ“ отведено сердечнымъ дѣламъ и, съ другой стороны, испытаніямъ семейнаго горя. Эта часть „Дневника“ полна живаго интереса для оцѣнки психическаго состоянія Аскоченскаго. Пылкая кровь заставляетъ его искать разсѣянія, удовольствій и сильныхъ ощущеній. „Богъ знаетъ, что я такое дѣлаю“, пишетъ Аскоченскій 14-го марта 1845 г., „и что со мною дѣлается; ни во вѣки вѣковъ не думалъ я вдаться въ такой вертящійся вихрь свѣтской разсѣянности. Наступитъ день—и работа тяжело поднимается ослабѣвшей рукой моей; умъ усталъ; воображеніе отупѣло. Приходитъ вечеръ—и я, словно околдованный, лечу куда нибудь, чувствуя всю бѣду отъ моей разсѣянной жизни“. Но на этомъ скользкомъ пути Аскоченскій недолго остается; разсѣянная жизнь не только прискучила ему, но и истомила его скоро своею пустотою и безсодержательностью. „Странное дѣло!“ читаемъ подъ 16-мъ января 1846 г.— „Неужели мнѣ такъ скоро могли опротивѣть всѣ эти развлеченія большого свѣта? Неужели моя опытность должна идти ускореннымъ шагомъ, чтобъ стать въ ровень съ тѣми лѣтами, которыя уже сказываются въ головѣ моей небольшою сѣдиной? Вотъ передо мною открыты салоны лучшихъ аристократическихъ домовъ,—но я не иду въ нихъ. Вотъ спектакль съ оперою,—но и это не занимаетъ меня. Вотъ купеческія общества, полныя хорошенькихъ блондиночекъ и соблазнительныхъ брюнетокъ; но и тутъ зѣвается. Чего же ты просишь, душа? Уединенія? Возьми его,—только видно, что и уединеніе не по тебѣ: ты скучна, тебѣ тяжело. Занятій? Гляди—вотъ они передъ тобою. Отчего жъ ты такъ вяло берешься за нихъ? Эхъ, братцы, братцы! Худо, когда оторвешься отъ берега и уронишь весло въ глубь моря жизни... Несетъ тебя отъ берега и нѣтъ силъ остановиться и плывешь себѣ наудачу, куда вынесетъ судьба,—и къ берегу не хочется, и даль не манитъ!“ Черезъ три дня Аскоченскій отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“: „Мною овладѣло уныніе. Я не хочу ничего; мнѣ отъ всего грустно; всѣ развлеченія и удовольствія, которыя представляетъ свѣтъ поклонникамъ своимъ, до того мнѣ наскучили, что радъ бы бѣжать отъ нихъ, куда глаза глядятъ. Двадцать разъ я рѣшаюсь на что нибудь и двадцать разъ отмѣняю мое рѣшеніе. На столѣ моемъ уже горѣли свѣчи; склонивъ задумчиво голову, я безсмысленно глядѣлъ на кучи книгъ, разбросанныхъ по моему письменному столу, и не могъ уловить ни одной опредѣленной идеи, которая бы могла направить дѣятельность души моей, заснувшей въ какомъ-то летаргическомъ снѣ“. На другой день Аскоченскій только и записалъ въ дневникѣ: „Тоска, тоска! Батюшки мои, тоска! Научите меня, какъ убѣжать отъ этой змѣи? Охъ, Боже мой!..“ Насколько похожденія автора „Дневника“ въ свѣтскихъ кружкахъ напоминаютъ провинціальнаго повѣсу, безпечно отдающагося забавамъ и подъ часъ нелишены комизма, настолько глубоко трагическимъ въ его положеніи представляется безъисходный гнетъ тоски, неоднократно сопровождавшейся сильными

потрясеніями. Такъ, смерть первой жены, затѣмъ неудачное сватовство за Балабухой, исторія котораго приведена ниже въ полномъ видѣ, какъ прослѣжена она изо дня въ день въ „Дневникѣ“ и, наконецъ, смерть второй жены—все событія, слѣдовавшія одно за другимъ быстро и непрерывно,—произвели цѣлый переломъ въ жизни Аскоченскаго. Самый „Дневникъ“ съ 1847 года, когда умерла вторая его жена, ведется уже неаккуратно. Подъ 23 декабря этого года авторъ силится объяснить причину такой неаккуратности. Но объясненіе похоже скорѣе на вопль отчаяннаго путника, утерявшаго свой путь и не вѣдающаго, какъ и куда ему брести. „Не дивитесь никто“ — пишетъ Аскоченскій,—„кому придется взять въ руки эту часть моего „Дневника“, что я уже не съ прежнею аккуратностью веду его. Это потому, во-первыхъ, что внутренняя жизнь моя рѣдко бываетъ сосредоточена въ самой себѣ; я самъ разрушаю эту гармонію чувствъ и мыслей моихъ, потому что страшно заглянуть въ глубь души моей. А другое и то, что внѣ меня вездѣ и всюду такая пошлость, что невольно умъ порывается на одни злыя насмѣшки, а сердце болитъ досадою. Откровенно долженъ, наконецъ, сказать я, что въ итогѣ каждаго дня всегда приходится ставить нуль“. Въ слѣдующемъ году записи „Дневника“ становятся еще скуднѣе. Еще годъ и Аскоченскій признается, что одна тоска только водитъ рукой его. Вотъ его собственныя слова, помѣченныя 8 іюня 1849 г.: „Сколько разъ въ жизни моей испытывалъ я тоску отъ совершеннаго бездѣйствія, и какъ тяжело на душѣ моей, привыкшей къ обуревающей дѣятельности. Васъ удивляетъ терпѣніе мое, такъ непонятно открывающееся въ безконечномъ продолженіи моего „Дневника“. Это—тоска водитъ и управляетъ рукой моей. Вы не знаете, какъ и когда находилъ и нахожу я время писать и то, и другое, составлять планы и проекты, готовить цѣлыя книги. Я и самъ не знаю, друзья мои, знаетъ грудь, да подоплека моя, гдѣ сидитъ вѣчная злодѣйка моя тоска. Вы—дѣловые люди—смѣетесь надъ моими, иногда, въ самомъ дѣлѣ, пустяшными занятіями; но вы не видите, гдѣ исходное начало такой безпокойной неуимчивости моихъ силъ, порывающихся на работу. Вы осудите меня, пережившіе свои желанья, разлюбившіе свои мечты, за мое мнимое волокитство, за мою любовь къ прекраснымъ созданіямъ, друзья мои! Не бросайте рано на меня камня. Это душа, бѣдная душа моя ищетъ пищи для себя. Вижу, вы мнѣ указываете громаду дѣловыхъ бумагъ,—да придвиньте-жъ ихъ ко мнѣ, обложите ими меня: я весь погружусь въ этотъ омутъ будничныхъ сплетней, я насквозь пропитаюсь чернилами и ябедами и, можетъ быть, загашу горящій, не ожигающій душу мою огонь дѣятельности разумной. Но, Боже мой! Ужели жъ я пройду тернистый путь моей жизни рядомъ съ толпою, знающей только будничныя потребности бытія, и забудетъ имя мое разумный потомокъ мой? Зачѣмъ же Ты вложилъ въ меня эту жажду неумирающей памяти? Зачѣмъ я живу? Грустно!“ Записи

подъ 1850 годомъ ведутся съ значительными пропусками. Въ это время Аскоченскій находился на службѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Послѣдующіе два года въ „Дневникѣ“ вовсе пропущены, точно Аскоченскій не жилъ. Подъ 1853 годомъ отмѣчено лишь, что скука довела автора до того, что ему вздумалось собрать подробныя свѣдѣнія объ имѣньяхъ, принадлежавшихъ монастырямъ до введенія штатовъ 1764 года. И затѣмъ слѣдуетъ самый перечень этихъ свѣдѣній. Съ 1854 года опять находимъ нѣсколько записей съ большими перерывами.

Положеніе Аскоченскаго въ это время было самое критическое. „Съ вялою и усталою душей сижу я въ убогой моей квартирѣ, и ни одна отрадная, утѣшительная мысль нейдетъ мнѣ ни въ умъ, ни въ сердце. Самъ добрый мой геній, внушающій мнѣ въ такія минуты или тайну вдохновенныхъ пѣснопѣній, или раздумчивыя сказанія о вопросахъ, волнующихъ современное человѣчество, какъ будто оставилъ меня. Я чувствую себя способнымъ только къ механической работѣ; но этого нѣтъ, потому что не имѣю средствъ, говоря просто: у меня не на что купить бумаги!.. Вотъ до чего дошелъ человѣкъ, котораго Господь Богъ не обидѣлъ ни толкомъ, ни смысломъ!.. О, Господи! гдѣ же предѣлъ твоему наказанію?..“ Комментаріи, разумѣется, излишни къ подобнымъ признаніямъ. Но какое чувство долженъ испытывать каждый, въ комъ не перестало еще биться сердце, читая слѣдующее, проникнутое безотрадною ироніею, признаніе: „Ноября 1-го (1854 г.), 11 часовъ вечера. Коллежскій совѣтникъ, бывшій и то, и то, и пятое, и десятое, сейчасъ всталъ изъ-за работы. Слово всталъ прошу понимать какъ можно буквальнѣе, потому что вышеозначенный чиновникъ работалъ на полу съ иглой въ рукѣ. Онъ, изволите видѣть, мастерилъ себѣ изъ ваточнаго тряпья что-то въ родѣ матраца, на которомъ будетъ почивать нынѣшнюю ночь. Удивляюсь, какъ это можетъ унижаться человѣкъ, обладающій такимъ важнымъ чиномъ? Могъ бы заставить лакея. — Гмъ, да если у коллежскаго совѣтника лакея-то нѣту? — Ну, такъ попросилъ бы кого-нибудь другаго? — Попросилъ, хорошо это сказать! А ну, какъ коллежскому совѣтнику-то откажутъ? Что тогда? Честь коллежскаго совѣтника рѣшительно скомпрометирована.—А кто-жъ постель ему сдѣлалъ? — Кто? Да самъ. — А платье кто чиститъ?—Все самъ же.—А сапоги? — Да все же коллежскій совѣтникъ. — Тьфу, пропасть! Да кто-жъ онъ такой?—Магистръ богословія и словесныхъ наукъ, бывшій профессоръ академіи, потомъ литераторъ немножко, далѣе совѣтникъ губернскаго правленія, еще далѣе — совѣстный судья и временно предсѣдатель гражданской палаты, а еще далѣе — ничто, то есть, вашъ покорнѣйшій слуга Викторъ Ипатьевъ сынъ Аскоченскій. Знаете вы его? Преглупый человѣкъ! Я слышу—вотъ онъ вздохнулъ почти со стономъ. А кто-жь ему виноватъ? Имѣлъ возможность нажиться, да захотѣлъ своею честностью удивить Европу. Вотъ и уди-

вилъ! Преглупый человѣкъ!" Здѣсь разумѣется время служенія Аскоченскаго въ Житомірѣ и Каменецъ-Подольскѣ, когда, по должности принадлежа къ „особамъ" провинціальнаго правительства, онъ не имѣлъ частенько на что пообѣдать. Подъ гнетомъ такой нужды, влеченіе къ освѣжающей душу работѣ, конечно, не могло быть сильнымъ. Подъ 3-мъ декабря 1854 г. мы находимъ на этотъ счетъ недоумѣвающее заявленіе. „Скажите мнѣ, отчего я, всегда неутомимо дѣятельный, всегда раздумчивый и мыслящій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, становлюсь такъ глупъ, такъ лѣнивъ, что ничего не кончаю, за что ни примусь, все бросаю, къ чему потянется утомленная рука и о чемъ задумываетъ моя побѣдная головушка? Одна изъ такихъ эпохъ наступила теперь. Я бросаюсь то къ тому, то къ другому, и даже не имѣю силъ сердиться на самого себя. И тутъ лѣнь одолѣваетъ".

Такое душевное состояніе усиливается далѣе съ каждымъ днемъ, отъ котораго успѣлъ только сохраниться слѣдъ въ „Дневникѣ". И 1855 годъ уже открывается замѣткою: „Написавъ эти два слова (т. е. „1855 годъ"), я горько и глубоко задумался. Боже мой! Какъ много промелькнуло въ минувшіе дни событій, отмѣченныхъ въ исторіи не такой бѣдной, какъ моя, а въ исторіи міра! Какъ сознательно живущій членъ всего человѣчества, я долженъ былъ бы все это вписать въ мой дневникъ, но... буду послѣ продолжать, а теперь я глупъ до безконечности, потому что въ цѣлыя сутки спалъ только три съ половиною часа, и даже долженъ справиться и по справкѣ написать, что̀ теперь". Аскоченскій, однако, не собрался навести справку раньше 11-го мая. Съ этого числа втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлано немного записей. Наконецъ, остается еще упомянуть, что отъ 1857 г. только за январь имѣются отмѣтки. Но по нимъ видно уже, что въ Аскоченскомъ совершился тотъ безотрадный нравственный переворотъ, который погубилъ у насъ немало даровитыхъ натуръ. Авторомъ „Дневника" овладѣваетъ холодное разочарованіе, мрачное настроеніе, отчаяніе за себя, словомъ, онъ принимается себя хоронить заживо.

Что прежде живо затрогивало и возбуждало сильныя движенія души, то теперь окрещивается названіемъ „пошлости". Общительный и энергическій человѣкъ хочетъ уйти въ самого себя, подальше отъ предательскихъ увлеченій своей лучшей поры жизни, выставляя эти увлеченія въ видѣ предостереженія юной неопытности—молодому поколѣнію. „Жизнь моя есть полная драма" — раскаявается Аскоченскій,—„со всѣми глупостями, заблужденіями и даже мерзостями, къ какимъ только способенъ человѣкъ, и съ частичкой добраго, истиннаго и честнаго, посылаемой отъ Вышней благодати, дабы не совсѣмъ пропалъ человѣкъ. Съ ужасомъ и горькимъ сожалѣніемъ оглядываюсь я на мое прошедшее, исполненное нелѣпостей и поражающихъ глупостей, подсказанныхъ мнѣ моей растлѣнной природой; съ тревожнымъ духомъ стараюсь я проникнуть въ будущее, чтобъ уга-

дать тамъ себя — каковъ-то я буду черезъ десять лѣтъ, если Господь Богъ потерпитъ грѣхамъ моимъ и позволитъ помолиться на бѣломъ свѣтѣ... Въ справедливомъ негодованіи на себя, я хотѣлъ сжечь всѣ томы моего дневника, опасаясь, чтобъ они не принесли вреда кому нибудь впослѣдствіи; но потомъ раздумалъ. Пускай молодые люди, а всего болѣе сынъ мой, изъ заблужденій своего отца поучатся быть умнѣе, благочестивѣе и осторожнѣе. Фальшиво взятая нота чувствительна даже для необразованнаго уха". Аскоченскій, очевидно, уже потерялъ всякій слухъ и самъ не чуялъ фальши въ своей похоронной пѣснѣ... Но пусть рѣшаютъ читатели, ознакомившись съ приводимыми ниже признаніями изъ „Дневника" Аскоченскаго, о чемъ надо сожалѣть больше,—о томъ ли, что въ душѣ его горѣлъ огонь смѣлыхъ порывовъ и пылкихъ увлеченій, которыя не давали ему поработить себя людскимъ предразсудкамъ и возбуждали такое негодованіе къ нимъ, или же о томъ, что этотъ огонь, по слову поэта,

...въ безплодной тоскѣ
...сгорѣлъ и погасъ?

Въ заключеніе два слова объ извлеченіяхъ изъ „Дневника". Это— по нашему мнѣнію, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ мемуаровъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный необыкновенной фактичностью и искренностью. Каждая черта въ немъ на своемъ мѣстѣ и съ той или другой стороны имѣетъ общественное значеніе. Не говоря уже объ автобіографическихъ чертахъ, изъ остальныхъ однѣ проливаютъ свѣтъ на провинціальную жизнь того времени, другія представляютъ интересъ для историка русскаго просвѣщенія и русской литературы, иныя же могутъ быть весьма любопытны педагогу. Изучающій исторію театра найдетъ въ „Дневникѣ" прекрасныя, обстоятельныя рецензіи объ игрѣ кіевскихъ актеровъ, одно время писанныя изо дня въ день, и очеркъ искусной рукой составленный кіевскаго театра. Композиторъ встрѣтитъ тутъ цѣлый рядъ замѣтокъ о музыкѣ и въ особенности о нашемъ церковномъ пѣніи,—въ этихъ областяхъ Аскоченскій считался знатокомъ и самъ немало писалъ пьесъ. Ученый богословъ не могъ бы оставить безъ вниманія этюды по предмету академической спеціальности Аскоченскаго. Короче сказать, дневникъ представляетъ цѣлую энциклопедію, какая только доступна силамъ одного человѣка. Къ сожалѣнію, намъ не позволяютъ предѣлы журнальной статьи воспользоваться извлеченіями изъ дневника въ той мѣрѣ, какъ бы это было желательно. Пришлось ограничиться крупными явленіями и сосредоточить главный интересъ цитатъ на выясненіи личности самого автора. Факты, относящіеся къ однороднымъ обстоятельствамъ его жизни и дѣятельности, но разсѣянные подъ разными числами, мы старались, разумѣется, по возможности привести къ единству, а равнымъ образомъ дѣлали то же и съ сужденіями Аскоченскаго объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, отъ себя добавляя только нѣсколько словъ для связи.

Ѳ. Вулгаковъ.

I.

Дѣтство Аскоченскаго.—Происхожденіе его фамиліи.—Домашнее воспитаніе.—Поступленіе въ школу.—Родительскіе проводы.—Первые дни въ школѣ.—Знакомство съ архіереемъ.—Учеба того времени въ духовныхъ училищахъ.—Школьная среда. — Наказанія.—Аскоченскій „четверто-классный".—Розговая дисциплина.—Отецъ Иннокентій.—Грубость школьныхъ нравовъ.—Проявленія *любознательности* у Аскоченскаго.—Аскоченскій „*словесникъ*".—Первые *опыты* въ стихотворствѣ.—Ректоръ воронежской семинаріи Евтихіанъ.—Что помѣшало Аскоченскому поступить въ университетъ?—Общая характеристика духовной школы.

В. И. Аскоченскій [1]), по собственному его показанію, родился 1-го октября 1813 года. „Судьбѣ угодно было", пишетъ онъ подъ 21-мъ мая 1841 года, „чтобы я былъ первенцемъ между моими братьями и сестрами. Разумѣется, первыя дѣти всегда утѣха родителей,—это цѣпь, которая соединяетъ двухъ супруговъ крѣпче и крѣпче, это—елей, которымъ помазуются первые дни семейнаго быта; это—первое знаменіе Вышняго благословенія, которое принимается

---

[1]) Въ „Дневникѣ", подъ 20-мъ мая 1842 года, находимъ не лишенную интереса генеалогическую замѣтку о происхожденіи фамиліи Аскоченскихъ. „Генеалогія моя", говоритъ авторъ „Дневника", „вовсе не состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которыя пузаты и знаменитостью, и богатствомъ. Мой прадѣдушка былъ попъ; Господь благословилъ его обзавестись дѣтками; одинъ изъ сыновъ его, по имени Иванъ, родился въ селѣ Аскошномъ, Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Дѣдушки мои, которыхъ числомъ, кажется, было до десятка, подъ скромнымъ прозваніемъ Поповыхъ, разошлись по разнымъ селамъ въ качествѣ небольшихъ, весьма небольшихъ сановниковъ церковной іерархіи, а родной мой дѣдушка Иванъ Ивановичъ остался въ томъ же Аскошномъ въ должности стихарнаго дьячка. Прошло нѣсколько времени, жена его, а моя бабушка, Матрена, родила между прочимъ сына Ипата. Это былъ мой покойный родитель. Изъ благодарности къ мѣсту, видѣвшему рожденіе какъ самаго о. Ивана, такъ и дѣтей его, мой дѣдушка перемѣнилъ фамилію Поповыхъ на Аскошныхъ и повелѣлъ впередъ именоваться такъ всему своему потомству..." „Первоначально наша фамилія была Аскошный; но батюшка мой, какъ человѣкъ грамотный, замѣтилъ тутъ слишкомъ неизящную народность,—извините, онъ не зналъ настоящихъ теорій объ этомъ предметѣ и, слѣдуя правиламъ правописанія, которое тогда иначе и не называли, какъ орѳографія, перемѣнилъ Аскошный въ Осконный. Не знаю, какъ это случилось, только съ теченіемъ времени батюшка сталъ подписываться: Отскоченскій. Съ этимъ громкимъ прозвищемъ я и братъ поступили въ школу. Прошло немного времени, и насъ стали дразнить „отскочками"; я бранился, ссорился, плакалъ и дрался, разумѣется съ кѣмъ могъ сладить, а избѣжать насмѣшекъ не могъ. Съ досады я рѣшился еще разъ изуродовать свое фамильное прозваніе—и вслѣдствіе такого рѣшенія я сталъ подписываться: Аскоченскій. Братъ, ни въ чемъ не отстававшій отъ меня, послѣдовалъ моему примѣру. Покойникъ сердился, бранилъ насъ, пачкалъ наши тетради, нападалъ на репетиторовъ, позволяющихъ намъ такую вольность въ такомъ важномъ дѣлѣ; но мы, и особенно я, оставались непреклонными. Учители, привыкнувъ видѣть на тетрадяхъ выдуманную мною подпись, отстали отъ несноснаго для меня: Отскоченскій. Потомъ и батюшка мало-по-малу приставалъ къ моей сторонѣ, и такимъ образомъ, я былъ послѣднимъ преобразователемъ моего фамильнаго прозванія".

всегда ощутительнѣе уже потому, что оно первое. Какъ первое дитя, я былъ предметомъ нѣжныхъ попеченій и предупредительной заботливости моихъ родителей; на меня не давали упасть, что называется, синь-пороху; всѣ прихоти мои, всѣ капризы были выполняемы, какъ что нибудь законное. Это избаловало меня совершенно, я требовалъ невозможнаго, горячился, топалъ ногами, падалъ на земь, кричалъ, если мнѣ говорили, что того-то нельзя для меня сдѣлать. Мать моя сказывала, что меня даже накормить было трудно: если даютъ мнѣ пищу, я плачу, зачѣмъ мнѣ даютъ; если дожидаются моей просьбы, я плачу опять, зачѣмъ не догадаются накормить меня. Словомъ, я былъ прекапризное дитя. Братъ мой Аристархъ, родившійся годомъ послѣ меня, былъ постояннымъ предметомъ моихъ нападеній.

„Но эти годы проведены мною почти безсознательно. Помню только,— и то какъ будто сквозь сонъ, старый домъ нашъ; помню большую кухню, свѣтлую, чистую горенку, лѣтнюю холодную комнату, обыкновенно на зиму служившую складочнымъ мѣстомъ всякихъ жизненныхъ припасовъ; помню нѣсколько картинъ съ англійскою подписью, висѣвшихъ по стѣнамъ и изображавшихъ исторію блуднаго сына; помню Авдотью, добрую нашу крестьянку. Она умерла, бѣдная; ее похоронили поздно вечеромъ; я еще, въ ту пору, ребенокъ, видѣлъ, какъ сколачиваютъ ея гробъ, какъ кладутъ ее туда, и мнѣ ее стало жалко, крѣпко жалко; но я боялся заплакать, потому что маменька, по какому-то старинному капризу, разсердилась бы за эти слезы, не дѣлавшія чести, по тогдашнему ея мнѣнію, малому баричу, какъ я.

„Я еще не умѣлъ ни читать, ни писать, а пѣть уже умѣлъ мастерски. Отецъ мой былъ наставникомъ въ нотномъ пѣніи всѣхъ церковнослужителей обширной Воронежской губерніи, заключавшей тогда въ себѣ и Ново-Черкаскъ со всѣми станицами и слободами. Пѣніе этого неотесаннаго клира, собиравшагося обыкновенно въ банѣ, такъ врѣзалось въ ребяческую мою голову, что я безъ всякаго труда и съ возможною вѣрностію выполнялъ все, что требовалось отъ церковнаго пѣвца. Ребяческому моему самолюбію весьма льстило то, что меня выбирали иногда наставникомъ въ томъ, чего я не зналъ классически, но что очень хорошо было знакомо мнѣ по-наслышкѣ. Чистый, звонкій голосъ мой раздавался серебрянымъ колокольчикомъ посреди нескладнаго рева дьяконовъ, дьячковъ и прочаго причта церковнаго.

„Дали мнѣ въ руки церковную азбуку и указку, отслужили молебенъ св. Науму и посадили за столъ. Домашняго учителя нанять было не на что. Отецъ мой получалъ жалованья всего 60 рублей ассигнаціями въ годъ. Дѣлать нечего, надо было взяться самому за ферулу учителя.

„Ну вотъ посадили и за латынь. Достали букварь; въ одинъ присѣстъ я выучилъ его. Учитель далъ мнѣ Евтропія; я началъ читать его съ восхищеніемъ; моему дѣтскому честолюбію ужасъ какъ нравилось то, что я понимаю болѣе, чѣмъ кто нибудь вотъ изъ этихъ, ко-

торые каждое утро горланятъ у насъ въ банѣ богородичные на восемь гласовъ.

„Однажды какъ-то родителей моихъ не было дома,—я остался полнымъ хозяиномъ. Въ это время уже была у насъ сестра Капочка. Вдругъ ни съ того, ни съ сего я затѣялъ сыграть похороны. По моему зову сбѣжались къ намъ на дворъ сосѣдніе ребятишки. Сестра моя должна была играть роль умершей. Мы положили ее на доску, приказавъ какъ слѣдуетъ сложить руки и закрыть глаза. Я взялъ на себя роль священника, а для полноты церемоніи далъ четыремъ изъ нашего погребальнаго кортежа ободранныя ольховыя палки, принявшія отъ солнца желтый цвѣтъ и много походившія на восковыя свѣчи. Процессія была хоть куда, я шелъ впереди и пѣлъ. Вдругъ моему мертвецу что-то соскучилось лежать неподвижно; ему захотѣлось посмотрѣть на церемонію. Движеніе, произведенное мнимо-умершею сестрою, заставило носильщиковъ нарушить балансъ — и моя мертвая брякъ! прямо оземь. Въ минуту все испугалось, побѣжало; державшіе свѣчи побросали ихъ, самъ священникъ ударился на утекъ, а умершая наша сидитъ и воетъ волкомъ.

„Для меня ничего не было пріятнѣе, какъ пустить змѣй какъ можно выше и держать его на ниткѣ, постоянно искушавшей мое терпѣніе и тревожившей меня своею непрочностью. Боже мой! какъ завидовалъ я тѣмъ, которые пускали свои змѣи на голландской бичевѣ и могли спокойно держать его впродолженіе свѣтлой іюльской ночи! Я ничего не могъ вообразить себѣ восхитительнѣе, какъ прислуживаться къ реву и глухому говору этихъ змѣевъ, которые, признаюсь, и теперь люблю слышать. Воля ваша, а тутъ что-то есть поэтическое. Вообразите безмолвіе лунной ночи, тишину угомонившагося города, изрѣдка прерываемую глухимъ лаемъ собакъ—вообразите на чистомъ, усѣянномъ звѣздами небѣ чуть замѣтную точку, которая повинуется малѣйшему движенію вашей руки,—и теперь вообразите среди этого безмолвія отдаленный ревъ чего-то, несущійся къ вамъ съ вышины, то стихающій, то будто стонущій, то раздающійся громкимъ forte, и въ минуту перемѣняющійся въ самое тонкое piano, о — воля ваша, тутъ есть поэзія. Конечно, все это дѣтское, не стоющее того, чтобы и вспоминать о немъ; но, Боже мой! кто изъ насъ снова не захотѣлъ бы быть дитятею.

„Курсъ домашняго нашего воспитанія кончился—пришла пора вести насъ въ школу; но нанередъ надо было представить начальству. Тогдашнимъ префектомъ училищъ былъ знаменитый въ Воронежѣ таинственною своею ученостію Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ. Въ дѣтскую мою голову такъ много нашумѣла молва объ немъ, что я всходилъ на ступени крутой лѣстницы со страхомъ и трепетомъ. Зацѣпинъ жилъ въ томъ корпусѣ, гдѣ и теперь еще (1842 г., апрѣль) помѣщается бурса и консисторія; комнаты его были самыя крайнія къ Спасовской церкви. Съ какою-то величавою осанкою, которая всегда такъ шла къ его

умному и благородному лицу, онъ принялъ батюшку и насъ. Взявъ меня за голову, онъ сталъ что-то щупать у меня на затылкѣ и потомъ сказалъ: „это быстрый ребенокъ“. Не понявъ хорошенько всей его операціи и незнакомый съ системою Галля, я заключилъ, что Зацѣпинъ или видѣлъ когда нибудь мои шалости, или изъ невѣжливаго наклоненія головы моей, которой смерть хотѣлось не поддаваться этой пробѣ, составилъ обо мнѣ такое дурное понятіе. „Быстрый, вишь ты, быстрый!“ подумалъ я и чуть не заплакалъ съ досады. Мы вышли отъ префекта—я сердитый, а братъ довольный тѣмъ, что ему не сдѣлано такого-жъ замѣчанія.

— Ну, дѣти, сказалъ нашъ родитель,—теперь къ отцу Иларію.

„Я повеселѣлъ. Этотъ отецъ Иларій былъ предметомъ дѣтскаго моего любопытства. Нашъ учитель домашній такъ много говорилъ объ немъ съ товарищами своими смѣшнаго; я все подслушалъ: напримѣръ, какъ онъ заставлялъ на рекреаціи семинаристовъ пѣть:

„Ахъ, сякой такой комарицкій мужикъ,
Онъ безчинно такъ по улицѣ бѣжитъ“;

какъ они обкрадывали библіотеку, находившуюся подъ его присмотромъ, ползая въ ногахъ его и заставляя пятиться къ шкафамъ, гдѣ стояли на полкахъ книги; какъ клали ему въ клобукъ сухари.—Что это за отецъ Иларій? думалъ я,—должно быть чудакъ: непремѣнно захохочу, какъ взгляну на него. Не тутъ-то было. Шагъ черезъ порогъ, и вся охота смѣяться пропала. Батюшка вошелъ, а за нимъ вползли и мы. Показалась (сколько помню) тощая, низенькая фигурка въ камилавкѣ и завопила дрожащимъ козлинымъ голоскомъ: „а, отецъ Ипатій! это ваши дѣтки!“ Мы поклонились. Чѣмъ кончилась эта аудіенція, право забылъ; помню только, что отецъ Иларій далъ намъ „Ксенофонтовы Достопамятности“ на греческомъ языкѣ. Батюшка скомандовалъ намъ домой — и мы съ братомъ чуть не подрались за подарокъ. Вечеромъ объявили намъ рѣшеніе, что завтра мы должны сбираться въ школу. Всю ночь не спали мы. Тревоги, тревоги, Боже упаси!

„Вотъ забреждилось утро, мы ужъ на ногахъ. Маменька хлопочетъ о завтракѣ и чуть не плачетъ, разлучаясь такъ надолго съ любезными своими дѣтками. Мы умылись, Богу помолились и сѣли за кашу. Батюшка все ходилъ кругомъ стола и твердилъ: „Эй, дѣти, ѣшьте поменьше: plenus venter non studet libenter.“ Онъ, изволите видѣть, дошелъ до поэзіи и зналъ прекрасно нѣсколько пословицъ. Любимыя его были оная и сія, Deus gaudet impari—по-русски „Богъ любитъ нечетъ“. Поймите-ка, что это такое? То-то и есть—трудно; слушайте же: „Богъ любитъ троицу“. Вотъ батюшка и твердитъ все оную пословицу, а мы, не понимая хорошенько смысла ея, слушаемъ да ѣдимъ, ѣдимъ да слушаемъ. Гдядишь, ужъ мисочка-то пуста. „Голодны, батюшки мои“, заговоритъ маменька, гладя то того, то другаго по го-

ловкѣ. „Нѣжь, нѣжь на свою голову“, зашумитъ бывало покойникъ, „будетъ прокъ“.

— Да ужъ ты...

— Ну, что ты?..

„Тутъ батюшка, бывало, приметъ грозную позу и маменька оставитъ насъ и пойдетъ къ колыбели, которая ужъ непремѣнно каждый годъ содержала въ себѣ какое-нибудь живое существо. Вотъ мы ужъ одѣты, маменька сама повязала намъ галстухи, надѣла картузы... Мы готовы. Книгъ еще у насъ нѣтъ, по весьма простой причинѣ: купить не на что. Батюшка идетъ впередъ—мы за нимъ.

„Первыя школьныя двери отворилъ намъ о. Василій Дольскій. Какъ теперь вижу его. Онъ все ходитъ мимо насъ и вѣчно ужъ въ зубахъ держалъ свою косу. Ну, такъ мы вошли и остановились, какъ новобранцы, у порога.

— А что̀ вы знаете? спросилъ о. Василій.

„Онъ былъ регулярнѣйшій и строгій человѣкъ.

„Я взглянулъ на брата; въ глазахъ его свѣтился отвѣтъ: ничего; толкнулъ себя въ башку—тамъ тоже ничего; не желая, однако жъ, такъ скомпрометировать себя на первый разъ, мы оба смолчали. Вѣроятно, молчаніе наше принято было за удовлетворительный отвѣтъ, потому что насъ посадили — и мы стали отъ нечего дѣлать глазѣть на учениковъ, а я такъ ужъ сталъ и пошаливать. Кончился классъ. Боже мой! съ какимъ шумомъ полетѣли мы домой. Съ радости забыли даже шапки надѣть и трепали ихъ въ рукахъ, летя сломя голову домой. Маменька утерла намъ носы, поцаловала и давай кормить. Ну, ужъ и аппетитъ у насъ былъ—дай Богъ здоровья! Въ пору русскому мужику. Дорогою сказали намъ, что послѣ обѣда нѣтъ ученья. Это, видите ли, какъ я очень хорошо помню, было въ среду. Мы сказали это маменькѣ. Та и вѣрить не хочетъ. „Ахъ, вы такіе сякіе,—„меду не ѣлъ, а ужъ воскомъ...“ (маменька иногда употребляетъ непечатныя пословицы). Ступайте-ка“! И прогнала. Мы пошли, классы были заперты, надо было воротиться домой; мы и воротились, боясь, однако же, попасть въ бѣду за оплошность.

„Не прошло и двухъ недѣль съ поступленія моего въ школу, какъ я успѣлъ уже напроказить такъ, что строгій мой менторъ вынужденнымъ нашелся оштрафовать меня лишеніемъ обѣда и заключеніемъ въ классѣ. Я рыдалъ, бился, метался ницъ—не помогало. Строгій Катонъ былъ безжалостливъ. Нечего было дѣлать, — я рѣшился быть дезертиромъ; вырываюсь вмѣстѣ съ толпою и лечу сломя голову. Меня ловятъ, я кричу. Учитель строго обѣщался наказать меня, лишь бы только меня поймали. А я употребляю всѣ усилія, чтобы не даться въ руки моимъ алгвазиламъ. Никогда не выйдетъ у меня это изъ памяти. Смотрю, по садику (тогда около архіерейскаго дома былъ палисадникъ, въ которомъ были даже фруктовыя деревья) ходитъ какой-то старичекъ въ камилавкѣ. Стремглавъ я бѣгу мимо него.

— Постой, сказалъ онъ.

„Не знаю, почему—но и въ самомъ испугѣ своемъ я остановился.

— Чей ты? спрашивалъ меня старичекъ.

— Ипата Ивановича, сказалъ я, всхлипывая.

— А, знаю. Зачѣмъ же ты бѣжишь?

— Меня хотятъ запереть въ классѣ.

— За что?

— Не знаю, отвѣчалъ я, поглядывая изъ-подлобья на подходившаго ко мнѣ учителя. Я изумился, когда увидѣлъ, что мой страшный педагогъ идетъ къ намъ безъ шапки и даже косы въ зубахъ не держитъ.—Э, подумалъ я, этотъ старичекъ должно быть выше учителя, и вовсе не боится его, даромъ, что тощенькій и сѣденькій. Мнѣ, видите, казалось, что выше и важнѣе моего учителя нѣтъ и человѣка на бѣломъ свѣтѣ.

— За что ты хотѣлъ запереть его въ классѣ?

— Онъ большой шалунъ, ваше преосвященство.

„Это былъ Епифаній, епископъ нашъ. Я взглянулъ съ любопытствомъ на этого старичка, передъ которымъ такъ спасовалъ мой учитель, и радъ былъ уничиженію сего послѣдняго.

— О, когда такъ, то запереть его.

„Я опять въ слезы.

— Не будешь шалить?

— Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ.

— То-то же, ну, ступай домой.

„Онъ протянулъ мнѣ руку. Отъ восторга, что я уже теперь воленъ, я не поцаловалъ ее, какъ слѣдуетъ, и опрометью пустился бѣжать, отирая слезы и стараясь не показать родителямъ вида, что я было попалъ подъ опалу. Впрочемъ, старанія мои увѣнчались не полнымъ успѣхомъ. На другой день о. Василій сказалъ батюшкѣ о моемъ свиданій съ архіереемъ и покойникъ такъ перепугался смѣлыхъ моихъ отвѣтовъ, что даже забылъ наказать меня.

„Не знаю, вслѣдствіе чего, только насъ не захотѣли держать во второмъ низшемъ отдѣленіи, а низвели въ третій классъ. Это былъ классъ предуготовительный. Мы были страшные романтики, книгъ у насъ не было, уроковъ намъ не задавали, предоставляя, такимъ образомъ, полную свободу развивать идеи. Бывало, отецъ Иванъ (онъ поступилъ послѣ того въ монашество и назывался Иннокентіемъ, умеръ архимандритомъ и настоятелемъ Черногорскаго и Екатеринолебяжьяго монастыря),—такъ, бывало, отецъ Иванъ съ усмѣшкой спроситъ насъ: „А вы что“? Мы поднимаемся.—„Прочтите-жъ что нибудь“. Намъ дадутъ книжку „Epitome sacrae historiae“ Ломонда. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, переведемъ,—и квитъ. Теперь уже нѣтъ ни Ломонда, ни классовъ тѣхъ, въ которыхъ мы отличались. На томъ мѣстѣ стоятъ монашескія кельи, вновь передѣланныя. Залы съ ея свѣтлыми окнами, съ каѳедрою, окрашенною дикою краскою, и съ амфитеатромъ, воз-

вышавшимся на первомъ планѣ залы, комнаты, гдѣ было поставлено много-много нартъ, порѣзанныхъ ножичками и облитыхъ подъ мраморъ чернилами, той лѣстницы, которая вела на чердакъ и пугала дѣтское мое воображеніе, — всего этого теперь ужъ нѣтъ. Тутъ-то, въ этой-то квадратной комнатѣ, примыкавшей къ залу, начали мы учиться заурядъ съ прочими. И что за науки тогда были! Ужасъ вспомнить, какъ много погибло времени по-пустому. Ребенку не давали никакой живой мысли, ничего, что могло бы интересовать золотое въ эти годы его любопытство. Мы учились латыни, не зная хорошо по-русски, толковали о единицахъ и дробяхъ, не умѣя при порядочномъ человѣкѣ не стыдясь, безъ застѣнчивости, пересчитать свои пять пальцевъ; учили уставъ церковный, ломая голову надъ безсмыслицей, которой не могли живымъ образомъ растолковать намъ наши учители; переводили съ латинскаго на какой-то дикій, варварскій, не-русскій языкъ, и плакали съ горя, когда не могли вбить въ голову какого-нибудь τύπτω, или грамматическаго правила; а между тѣмъ, не видя хорошихъ примѣровъ и боясь одной только школьной ферулы, росли маленькими негодяями. Экое, подумаешь, время было! Признаюсь, что наше духовное воспитаніе хуже всѣхъ воспитаній въ свѣтѣ.

„Прошелъ годъ, насъ перевели въ первое отдѣленіе къ Д. А. Прохорову. Тутъ началось повтореніе того же самого. Смутно представляются мнѣ эти два года, не ознаменованные ничѣмъ особеннымъ. Помню только Левку Данилова, нашего Ришельё, который правилъ цѣлымъ классомъ, и сильный силою своего учителя и протектора, заставлялъ всѣхъ насъ трепетать предательскаго пера своего. Только я одинъ былъ у него какъ спица въ глазу. Вѣчная вражда: онъ запишетъ, а я отниму да изорву; онъ въ доносъ, а я въ волосы ему; онъ въ драку, а я и подавно. Помню еще Ублинскаго и Елисея Владимірова, авдиторовъ моихъ взяточниковъ. Помню верзилу Богомолова, котораго однажды велѣно было мнѣ отодрать за уши, но такъ какъ это было сдѣлать нельзя по причинѣ неодинаковаго нашего роста, то мы только насмѣшили своими штуками разшутившагося учителя. O tempora! O mores! И какъ не прибавить: o pecora! o boves! Въ третьемъ классѣ или, какъ говорили во время оно, въ нижнемъ, мы просидѣли два года. Я даже до сихъ поръ помню мѣсто, которое занималъ въ школѣ. Это было къ окну, выходившему на теперешній монастырскій дворъ; окно это послѣднее къ Вознесенской церкви. Тутъ-то я поучался той премудрости, которую съ теченіемъ времени непремѣнно надо было забывать, чтобы не остаться вѣчно дуракомъ. Таварищи, окружавшіе меня, были такая грязь, ихъ понятія (если только были у нихъ какія-либо понятія) такъ гадки, ихъ поведеніе такъ сѣро и подозрительно-смирно, что надо благодарить Бога, если малютка изъ этого омута грязи и нравственной тины вынесетъ сердце свое чистымъ, незапачканнымъ навѣки; не было мерзости, о которой бы не толковали между собою оборванные мальчишки. Это была циническая

школа негодяевъ и шалуновъ. Благодѣтельное начальство мало обращало вниманія на эти пороки, которые ржавью въѣдались въ характеръ дѣтей. Учители смотрѣли только за тѣмъ, чтобы передъ ними шапку скидали, да въ классѣ смирно сидѣли. За проступки противъ этихъ двухъ заповѣдей казнили по-Нероновски. Сто ударовъ лозами — нипочемъ; доходило подъ часъ и до двухъ сотъ, а когда менторъ былъ не въ духѣ, то и до трехъ сотъ. Но все это сплывало съ насъ, какъ съ гуся вода. Чувство грубѣло болѣе и болѣе, и въ дитяти, вмѣстѣ со страхомъ и ненавистью къ тирану-учителю, развивались скрытность и плутовство, доходившія, наконецъ, до такой закоснѣлости, что никакія тиранства не могли вымучить у мальчика искренняго признанія въ какомъ либо проступкѣ.

„Само собою разумѣется, что между нами много было порядочныхъ плутовъ. Мы гуртомъ ходили на воровство къ торговкамъ, продававшимъ яблоки, арбузы, и кто ловче всѣхъ обкрадывалъ бѣдную бабу, тому и почетъ, и названіе молодцомъ.

„Въ эту пору домашнимъ учителемъ у насъ былъ ученикъ словесности, Стратонъ Тимофеевичъ Гравировскій. Не знаю, чѣмъ онъ съ нами занимался, помню только, что частенько приходилъ онъ какъ-то не въ себѣ. Такой, бывало, странный отъ него запахъ! Отзываетъ какъ будто немножко водкой и немножко какимъ-то корнемъ. Онъ обыкновенно въ такія критическія минуты ложился спать, чему и мы съ радостью слѣдовали, инстинктивно угадывая то премудрое изреченіе, что хоть все узнай отъ кедра до иссона, а когда придется идти спать, то непремѣнно скажешь: „суета суетствій и всяческая суета!“

„Помню я очень хорошо то время, когда, послѣ публичнаго экзамена стали вызывать лучшихъ учениковъ къ наградѣ книгами. Между этими лучшими былъ и я. На катехизисѣ Платона написано было: „Виктору Аскоченскому за хорошіе успѣхи и прилежаніе“. Я схватилъ книгу и опрометью бросился домой. Братъ Аристархъ, не получившій такой же награды, бѣжалъ за мною съ недовольнымъ видомъ. По дорогѣ мы за что-то поссорились, я жестоко назвалъ его лѣнтяемъ; братъ, какъ и слѣдовало, притаскалъ меня. Но мнѣ было не до слезъ и не до таски. Я вбѣжалъ во дворъ. Маменька (очень хорошо помню) чистила сама рыбу близъ погребицы. Я прямо къ маменькѣ и громко читаю, что̀ написано въ подаренной мнѣ книгѣ. Маменька съ вопросомъ къ брату,—„А тебѣ ничего не дали?“ Братъ заплакалъ, мнѣ стало жаль его; я и самъ заплакалъ. Пришелъ батюшка, похвалилъ меня, похвалилъ и брата. Мы повеселѣли. „Четвертоклассные, четвертоклассные!“ кричалъ я, прыгая съ книгою моею по двору.

„Да, точно—это была радость непритворная. Добиться четвертаго класса, или синтаксиса, по тогдашнему, было не поле вспахать. И что за важные люди были тогда эти четвертоклассные! Это то же, что

patres conscripti въ училищѣ. Они уже съ пренебреженіемъ смотрѣли на инфилистовъ, а приходскіе были у нихъ на-посылкахъ; они уже дерзали курить трубку и подъ часъ ходить въ шинелѣ спустя рукава и закутывая носъ по журавлиному, что удивительно какъ много придавало имъ вѣсу. Они небрежно снимали шапку передъ какимъ нибудь третьеклассным учителемъ, а со второклассными уже вступали въ споръ. Осипъ Иванычъ и Иванъ Савичъ (учители втораго и перваго класса) имъ были ни по чемъ.

„Къ такой-то категоріи важныхъ людей примкнулъ и я съ братомъ. Нашими учителями были о. Иннокентій (вышеупомянутый) и Яковъ Фирсовичъ Покровскій, умершій лишеннымъ протоіерейскаго сана по злобѣ и долгосильной ненависти воронежскаго святоши Антонія. На время болѣзни какого либо изъ нашихъ учителей къ намъ присылали студентовъ семинаріи изъ богословскаго класса. Такихъ я помню двухъ: Киселевскаго, умершаго архимандритомъ при китайскомъ посольствѣ, и Палищева, нынѣшняго Пантелеймона, инспектора, кажется, астраханской семинаріи. Предметы, преподаваемые у насъ, были: греческій языкъ. Для упражненія въ немъ мы переводили вторую часть извѣстной греческой хрестоматіи (Якобса?) и, надо сказать, переводили чудесно. Съ русскаго на греческій мы перекладывали, не спрашивая словъ у учителя, а выдумывали ихъ сами и рѣдко дѣлали ошибки противъ грамматики. Къ чести своей скажу, что я поступилъ въ училище, не зная по гречески ни іоты. Въ два года я выучился и сталъ наравнѣ съ самыми лучшими учениками. Преподавателемъ греческаго языка у насъ былъ упомянутый Иннокентій, отличный знатокъ его. За Иннокентіемъ оставались славянскій языкъ, катехизисъ, уставъ церковный и нотное пѣніе. Славянскій языкъ мы изучали по какой-то старинной грамматикѣ, впрочемъ, очень хорошо написанной. Лучше меня никто не могъ изъ всего класса разбирать филологически славянскую грамоту. Катехизисъ у насъ читался по руководству Платона, а потомъ Филарета. Тутъ я не опережалъ другихъ. Уставъ церковный преподаваемъ былъ такъ же безсмысленно, какъ и въ низшемъ классѣ. По этому предмету я не смыслилъ ничего. На классъ нотнаго пѣнія я и братъ не ходили, ибо въ качествѣ пѣвчихъ мы избавлялись отъ необходимости драть горло по этимъ кавыкамъ.

„Яковъ Фирсовичъ Покровскій читалъ намъ латинскій языкъ, ариѳметику, географію и... кажется только. Самъ онъ, не въ укоръ ему будь сказано, зналъ свои предметы плоховато; но за то мы помирали со смѣху на его лекціяхъ. Все такъ мастерски умѣлъ онъ представить, что любо. Громовой хохотъ раздавался въ залѣ, когда онъ, закутавшись въ свою рясу, копировалъ семинариста, представляющаго изъ себя Хемницерова метафизика. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы преподаваніе латинскаго языка шло у насъ безуспѣшно. Нѣтъ, мы отлично переводили Корнелія Непота, а нѣкоторые изъ насъ могли

à livre ouvert [1]) — читать какую-угодно латинскую книгу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я. Какъ дорого заплатилъ бы я теперь за переводъ, дѣланный и писанный моей рукою съ Квинта Курція... Переводы съ русскаго на латинскій мы дѣлали легко и свободно. Мои occupationes еще и теперь цѣлы, и я по нимъ читаю мои первыя, лучшія ощущенія безразсчетнаго самодовольства своими успѣхами. Ариѳметики я въ зубъ, что называется, не зналъ и всѣми силами отвиливалъ отъ нея. Географію зналъ тоже плохо, да и преподавалито ее, прости Господи, дрянно. Бывало, заучишь названіе городовъ, рѣкъ и проч., отдерешь, какъ говорится, съ зуба—и дѣло съ концомъ, а гдѣ эти города, гдѣ эти рѣки, и чѣмъ они замѣчательны, словомъ, все, что требуется отъ знатока географіи,—мы и знать не знали, и вѣдать не вѣдали. Учители выслушивали у насъ уроки, водили пальцами по открытымъ картамъ, размежевывали черезполоснымъ образомъ города и горы — и квитъ, а мы думали, что это такъ и надо, и въ простотѣ сердца не простирали въ даль своихъ претензій.

„Должность инспектора училищъ въ то время неразлучна была съ званіемъ смотрителя. То и другое держалъ о. Иннокентій. И грозенъ, суровъ и подъ-часъ кровожадно-жестокъ онъ былъ, прости ему Господи. Понедѣльникъ каждой недѣли былъ для насъ сущею грозою. Въ этотъ день дѣлалась расправа всѣмъ, кто или не былъ въ церкви, или, бывши, не чинно стоялъ. Послѣднимъ доставалось больше всего. Страшно было видѣть Иннокентія, когда онъ, закусивъ бороду и сдвинувъ клобукъ на сторону, закричитъ не своимъ голосомъ домашнимъ палачамъ: „пори“. Кровью обливается несчастный преступникъ, а тирану все мало. Страшнѣе всего для насъ былъ зовъ въ библіотеку. Это—лобное мѣсто домашнихъ преступниковъ. „Архангелы, сюда“! закричитъ, бывало, Иннокентій, и изъ дальнихъ кутовъ или, какъ у насъ говаривали, изъ „камчатки“ вылазятъ, бывало, человѣка три самыхъ дюжихъ для исправленія должности палачей. И горе бѣдняку, попавшемуся въ ихъ руки! Но когда хладнокровіе позволяло Иннокентію сдѣлать предварительныя приготовленія къ наказанію преступниковъ, то обыкновенно являлись солдаты въ качествѣ алгвазиловъ. Этимъ молодцамъ однажды попался и я. Не помню, за что, знаю только, что за самую малость, взбѣшенный Иннокентій приказалъ солдату отвести меня и одного изъ товарищей моихъ, четырнадцативершковаго верзилу въ карцеръ. Насъ повели. Дорогою я размышлялъ о томъ, что̀ дальше съ нами будетъ, и мнѣ страхъ захотѣлось улизнуть отъ казни.

— Полянскій, сказалъ я, обращаясь къ товарищу моему;—давай уйдемъ.

— Да какъ тутъ уйдешь—вишь, за нами солдатъ.

— Экой дуракъ! Да свисни его въ ухо, а тамъ тягу.

---

[1]) Въ подлинникѣ „ouvèrte livre“.

„Дурачина послушался. Бѣдный служитель свалился съ ногъ; мы убѣжали. Но этимъ не спаслись нисколько отъ бѣды. Насъ привели снова. Ну, плохо было моему Полянскому, и мнѣ не хорошо, да ужъ все легче, потому что Иннокентій, какъ говорится, сорвалъ сердце на товарищѣ моемъ.

„Но, не смотря на такое Нероновское обращеніе съ нами, мы были ужасные шалуны и негодяи. Въ самомъ классѣ у насъ бывали рыцарскіе потѣхи, отъ которыхъ у иного являлась лазурь подъ глазами и носъ принималъ фигуру разносторонняго триугольника. Бывало, за часъ до прихода учителя мы сберемся и идемъ на кулачки стѣна на стѣну. Это жестокое побоище кончалось тѣмъ, что одна какая-нибудь сторона давала тылъ и побѣдители гнали побѣжденныхъ по корридорамъ училища, свирѣпствуя надъ ними не хуже татаръ. Другая дикая забава состояла у насъ вотъ въ чемъ. Партія выходитъ на партію, имѣя вмѣсто оружія или платки съ завязанными на одномъ концѣ узелками, или просто край халата, — этимъ оружіемъ мы щелкали другъ друга, не боясь выстегнуть глаза. Часто пораженный сваливался со стола, ибо битва всегда происходила на партахъ, и громъ паденія его былъ призывнымъ знакомъ къ лютѣйшему сраженію. Ужасная грубость, что и говорить. Но гдѣ-жъ взять лучше развлеченіе, когда наши менторы сами не понимали, чѣмъ можно занять ребятъ въ минуты досуга. Подъ неумолимою ферулою домашнихъ палачей ожесточались душа и тѣло, и мы становились дикарями, для которыхъ такія побоища были самымъ лучшимъ dolce far niente.

„Дома мы съ братомъ занимались большею частью переводами съ латинскаго языка. Педагогомъ нашимъ былъ нѣкто Петръ Ефремовичъ Устиновскій, съ ужаснымя бакенбардами и съ глупою головою. Не знаю, почему, но я его терпѣть не могъ. Какъ жаль, что для моей охоты къ ученью не было никакой пищи, что мнѣ никто ничего не могъ указать. По нѣскольку разъ я переписывалъ тексты, выбираемые учителемъ для ежедневнаго повторенія,—меня и за это бранили, говоря, что я по-пусту трачу бумагу; перечищалъ мои классическія задачи—и то украдкой, чтобъ батюшка не замѣтилъ. Я радъ былъ бы душею прочитать какую нибудь книгу; но мнѣ не давали, да, въ правду сказать, и дать было нечего. Одно и единственное мое наслажденіе было читать какую-то древнюю исторію, у которой не было ни начала, ни конца, да еще сказки лубочной печати. Вотъ все, чѣмъ должна была ограничиться моя литературная дѣятельность. А любопытство страшно кипѣло въ ребенкѣ. Я читалъ философскія лекціи моего педагога и завидовалъ ему, что онъ учитъ вещи гораздо умнѣе тѣхъ, которыми тиранилъ я въ ту пору память свою. Не помню, какъ и какимъ образомъ попалась мнѣ „Піитика“ Платона. Я съ радости почти выучилъ ее наизустъ. Помѣщенныя тамъ при концѣ „Овидіевы превращенія“ заинтересовали меня болѣе всего; я нѣсколько разъ обращался съ просьбою объяснить мнѣ эти разсказы;

но мой педагогъ важно прогонялъ меня прочь, замѣчая мнѣ, что я все пустяками занимаюсь. Тутъ еще успѣлъ я выучить одно старинное стихотвореніе о пѣтухѣ и лисицѣ, которое (до сихъ поръ помню) начиналось такъ:

Дивная исторія и чудная вѣсть,
Какъ однажды лисица захотѣла ѣсть.

„Я декламировалъ его мастерски, и меня по нѣскольку разъ заставляли читать и перечитывать его, постоянно осыпая похвалами. Въ это время, не знаю, по какому случаю, я познакомился съ стихотвореніями Державина, Капниста, Николева и Жуковскаго и моею дѣтскою рукою списалъ многія изъ нихъ. Подражаніе Іову Ломоносова я зналъ наизустъ, и сердце во мнѣ трепетало отъ восторга, когда я читалъ неслыханныя никогда мною строфы этого отца нашей поэзіи. Самъ батюшка поглаживалъ иногда меня по головѣ и приговаривалъ: „Хорошо, сынокъ, только, смотри, береги у меня бумагу“. Богъ знаетъ, не было ли это предвѣщательнымъ предостереженіемъ, чтобъ я не брался впослѣдствіи времени за перо стиходѣя. Грѣшенъ, что жъ дѣлать, не исполнилъ завѣта отцовскаго и даже влѣзъ съ стихами моими въ печать.

„Я былъ въ училищномъ хорѣ; пѣлъ альтомъ. Еще до поступленія моего въ школу, я охотно бѣжалъ въ церковь и громко распѣвалъ на клиросѣ стихиры. Звонкій голосъ мой нравился всѣмъ; но я боялся попасть въ архіерейскій хоръ, ибо вовсе потерялъ бы въ общемъ мнѣніи. Тамъ было сборище самыхъ отчаянныхъ шалуновъ и лѣнтяевъ. Хоромъ, къ которому принадлежалъ и я, завѣдывалъ Я. Ф. Покровскій, и мы—экая смѣлость! дерзали даже пѣть концерты. Около этого времени послѣдовала кончина Епифанія, епископа воронежскаго и черкасскаго... Съ пріѣздомъ нынѣшняго Антонія я посвященъ въ стихарь въ качествѣ лампадника къ его преосвященству. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произведено было на меня блестящимъ стихаремъ, впервые надѣтымъ на мои плечи. Мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ и любуются мною, и это, конечно, отъ того, что я не могъ налюбоваться самъ собою... Принимался я и за рисованіе. Разумѣется, учителя у меня не было никакого, а перенималъ все у товарищей. Главный секретъ рисованья состоялъ у меня въ слѣдующемъ: взять какую нибудь картину, пришпилить къ ней бумагу булавками и приставить къ стеклу, рисовать сначала карандашемъ, а потомъ размазывать красками. Картины мои вовсе не годились бы на выставку.

„Брался я за музыку, но безуспѣшно. У моего домашняго педагога были гусли, на которыхъ онъ преудивительно игрывалъ. Урывками я, бывало, побренчу собственную фантазію и убѣгу, чтобы не увидалъ меня злой Петръ Ефремовичъ.

„Вотъ одна страница моей жизни,—переверните ее и будете читать на другой, гдѣ я уже пишусь словесникомъ, т. е. ученикомъ словесности, а паче „хитростей піитическихъ".

Отрывокъ изъ этой страницы находится въ „Дневникѣ" подъ 1845 годомъ. Вотъ что читаемъ мы тамъ:

„Я сказалъ уже, что читатели мои (если только будутъ у меня читатели) должны теперь не иначе воображать себѣ меня, какъ словесникомъ. О, не шутите этимъ! Въ мою пору это было совершенно то же, что тоненькій эполетъ для прапорщика, первый выѣздъ на балъ для институтки. Мы гордо проходили мимо училища, уже не боясь, чтобы насъ отодрали за уши, если мы не скинемъ шапки передъ какимъ нибудь учителемъ. Мы уже смѣло носили шинель спустя рукава, нисколько не воображая, какъ это было смѣшно, особенно для фризовой яркаго цвѣта шинели. Прошу помнить, что носить шинель спустя рукава наше начальство строго запрещало, находя въ этомъ что-то богопротивное. Словесники и такъ далѣе были въ этомъ случаѣ немножко вольнодумцы и уже позволяли себѣ все, что запрещалось ученикамъ уѣзднымъ.

„Я съ братомъ попался во второе отдѣленіе словесности. Профессорами у насъ были: по словесности Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, по исторіи—Антонъ Ивановичъ Собкевичъ, а по прочимъ предметамъ лекторы, назначаемые изъ лучшихъ учениковъ богословскаго класса. Я помню ихъ: одного, который читалъ у насъ греческій языкъ, звали Петровымъ, а преподавателя французскаго языка — Мезецкимъ. Нѣмецкій языкъ читалъ А. А. Николаевскій. О послѣднихъ нечего говорить. Это были такіе же семинаристы, какъ и я и всѣ мои товарищи, не обозначаемые особеннымъ типомъ. Но о профессорахъ можно и даже должно сказать.

„А. П. Лебедевъ былъ у насъ заслуженнымъ профессоромъ и однимъ изъ важнѣйшихъ диктаторовъ въ семинарскомъ ареопагѣ. Болѣе двадцати лѣтъ обучая ребятъ реторикѣ, онъ, какъ говорится, набилъ руку; но, собственно говоря, онъ не умѣлъ приспособляться къ понятіямъ ребятишекъ. Всегда важный, гордый, онъ говорилъ съ нами языкомъ не педагога, а оратора, декламирующаго передъ публикою заранѣе обдуманную лекцію. Онъ не любилъ долго вбивать въ голову ребенка условныя правила составленія рѣчи,—оттого теорію мы знали плохо. Лебедевъ обыкновенно училъ насъ примѣрами. Онъ возметъ, бывало, какое нибудь сочиненіе, положимъ, Анастасія, Карамзина или Ѳеофана, и начнетъ его разбирать по суставчикамъ, указывая намъ, гдѣ тутъ порядочная хрія, гдѣ несовсѣмъ порядочная, гдѣ тутъ винословный, гдѣ раздѣлительный періодъ, гдѣ тамъ торчитъ синекдоха, гдѣ метонимія. Къ концу такого анатомическаго анализа, бѣдное сочиненіе до того бываетъ истрепано, что на немъ лица не видно. Впрочемъ, нельзя не поблагодарить Лебедева за такой методъ преподаванія, — не всѣ, но многіе изъ насъ, выбитые самимъ наставни-

комъ изъ привычной колеи реторическихъ правилъ, рано начали писать тѣмъ языкомъ, который тогда впервые показался въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Благодаренъ я Лебедеву и за то еще, что онъ не привязывался къ школьнымъ пріемамъ условной рѣчи, а позволялъ писать свободно, прямо, не растягивая рѣчи на прокрустово ложе реторики. И—странное дѣло—мы учились сочинять по-русски по руководству латинской реторики Бургія, безтолковѣе которой я доселѣ еще не читывалъ ни одной реторики. Что за глупая была мысль убивать въ ребенкѣ всякую живую мысль этою аптечною мертвечиною... А насъ заставляли учить и непремѣнно отъ слова до слова. Новое варварство! Но вѣчная память моему доброму наставнику. Первые начатки писать я вынесъ изъ его школы. Медленно развертывались мои способности и односторонне ихъ было направленіе, но я не виноватъ былъ въ томъ. Намъ читали только проповѣди, строго запрещая чтеніе повѣстей, которыхъ тогда было слишкомъ небольшое число. А энциклопедическихъ свѣдѣній и требовать нельзя было отъ насъ, ибо сами учители ихъ не имѣли, простодушно довольствуя насъ уроками о смиреніи и суетѣ сего міра. Но вотъ что странно. По-русски мы не умѣли писать, зато по-латыни были такіе мастера, какихъ теперь трудно поискать. Я самъ въ настоящую пору (въ 1845 году) не сумѣю написать того, что выходило во время оно изъ-подъ дѣтскаго моего пера... А сказать ли, что меня заставило заниматься латинскою поэзіею? Былъ у меня въ ту пору товарищъ Н. К. Смысловъ. Его рано похитила смерть; но такихъ талантовъ, какіе имѣлъ этотъ человѣкъ, я во всю жизнь мою не встрѣчалъ. Онъ былъ могучимъ соперникомъ моимъ въ школѣ, всегда и во всемъ перебивая мнѣ дорогу. Это меня бѣсило. Но я успѣлъ опередить его въ знаніи русскаго языка и еще кое въ чемъ. Вдругъ, слышу, Лебедевъ читаетъ чьи-то латинскіе стихи съ такою похвалою, что у меня уши загорѣлись. Кончивъ чтеніе, онъ отдалъ тетрадь Смыслову. Я чуть не заплакалъ. „Постой же ты, злодѣй, думалъ я, не опередить тебѣ меня и въ этомъ“. Тотчасъ же я взялся за просодію, началъ учить Овидія, читать Виргилія и Горація, и черезъ двѣ недѣли первый опытъ моего стиходѣйства былъ уже въ рукахъ нашего ментора. Но каково же было мое огорченіе, когда профессоръ въ какихъ нибудь сорока стихахъ нашелъ правильнымъ только одинъ коротенькій стишекъ: „labitur omne“. Я готовъ былъ растерзать себя. Смысловъ торжествовалъ. Не испугавшись, однако жъ, первой неудачи, я усилилъ мои старанія, зная очень хорошо, что „gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, sic bene doctus eris non vi, sed saepe studendo“. Успѣхъ увѣнчалъ мои старанія, и я сталъ наровнѣ съ моимъ противникомъ. Въ эту же пору рука моя впервые вооружилась тростію стихописца,—и смѣшно и досадно мнѣ это воспоминаніе. Зачѣмъ тогда же не вырвали у меня пера и бумаги,—сколько бы уцѣлѣло ея? Самое первое мое стихотвореніе, помню хорошо, написано было мною къ празднику

Рождества, для моихъ сестеръ. Я пробылъ тогда въ реторикѣ только первую треть учебнаго года. Стихотвореніе это забыто мною. Оно было контрабанда, потому что мы еще не слышали отъ нашего профессора никакихъ наставленій о „хитростяхъ піитическихъ“. Наконецъ, мы дождались сего вожделѣннаго часа съ подабающею въ таковыхъ случаяхъ важностью. Профессоръ приказалъ намъ запастись „піитикою“ Аполлоса и въ первой же лекціи доложилъ намъ, что „поэзія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и уваженію слушающихъ или читающихъ“, что на таковой конецъ въ поэзіи есть героическія поэмы, нравственныя, и очень душеспасительныя оды, водится даже лирическій восторгъ, отпускаются, по требованію надобности, богатыя и бѣдныя риѳмы, и пр. и пр. Съ благой руки мы пустились писать. Такъ какъ піитика пришла къ намъ въ нагольномъ тулупѣ зимою, то намъ дана была для перваго стихотворенія: Зима. Вотъ ужъ какъ мы ее отдѣлали, разбойницу! Вотъ что особенно хорошо было у насъ: у каждаго непремѣнно въ стихахъ упоминался морозъ съ непремѣнною риѳмою кустъ розъ; свирѣли съ риѳмою трели. А пальцы — бѣдные пальцы! У меня мозоли были на суставахъ отъ этого проклятаго каданса, къ которому надо было пріучаться по милости этого піиты Аполлоса. Послѣ „Зимы“, намъ задаваемы были разныя темы, большую часть которыхъ я уже забылъ, а помню только двѣ, изъ которыхъ намъ приказано было сдѣлать рондо. Первая тема: Тотъ счастливо живетъ, а вторая — Антоній нашъ отецъ. Въ такихъ мудреныхъ казусахъ мы поступали вотъ какъ. Сначала подбираешь риѳму, а тамъ уже мысль, какая придется, и выходитъ рондо. Плачь, потомство! Завистливое время отняло у тебя эти перлы моего поэтическаго таланта...

„А вотъ это какъ вамъ покажется? Замѣтьте, что я чуть было не уронилъ тогда славу Крылова тремя сохранившимися доселѣ басенками: 1) Дятелъ и Голубь; 2) Левъ, Медвѣдь и Волкъ; 3) Страусъ и прочія птицы. Лебедевъ подъ этими баснями положилъ такую резолюцію: „studium versus et fabulas struendi laudatur maximopere; coeterum perfectiones fabulae firmioni memoria tenere debes. Cura“. Но я не послушался напраснаго совѣта моего наставника и не сдѣлался баснописцемъ, за что премного себѣ благодаренъ.

„Но это все были стихи по казенной надобности. Нельзя было не ожидать, чтобы не принесъ я посильной дани и красотѣ. Мнѣ попалась одна дѣвочка, которой ужъ теперь нѣтъ на свѣтѣ. Я влюбился въ нее, какъ обыкновенно влюбляются мальчики въ шестнадцать лѣтъ. Это была та дѣвушка, которую воспѣлъ незабвенный Кольцовъ въ своемъ „Косарѣ“. Онъ хорошо пѣлъ, а я — увы! довольно скверно на первый разъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я научился различать размѣренныя строки отъ сплошной прозы, самовластно переходящей съ одного конца строки на другой, стихокропанье стало

лучшимъ моимъ farnieute. Подъ вечеръ, уединясь въ свой маленькій садишко, я усаживался на большихъ камняхъ близъ бани и писалъ съ такимъ наслажденіемъ, какое только могъ испытывать мальчикъ моего возроста...“

На этой послѣдней тирадѣ, занесенной въ дневникъ въ 1846 году, прерываются, къ сожалѣнію, автобіографическія воспоминанія Аскоченскаго. О дальнѣйшемъ пребываніи его въ воронежской семинаріи попадается только подъ 30-мъ іюля 1854 года весьма любопытная замѣтка о ректорѣ Евтихіанѣ и о занятіяхъ послѣдняго съ семинаристами, замѣтка, пополняющая отчасти этотъ пробѣлъ въ „Дневникѣ“.

„Это былъ оригиналъ въ своемъ родѣ. Одинъ изъ ученѣйшихъ людей тогдашняго времени и въ высшей степени своенравный и неуступчивый, онъ былъ въ постоянной враждѣ съ могущественнымъ Антоніемъ, архіепископомъ воронежскимъ, и ни въ какомъ случаѣ не покорялся его капризамъ. Зато жъ и не усидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ. Всего только одинъ годъ пробылъ Евтихіанъ ректоромъ, но въ это короткое время онъ чуть было не уронилъ тогда цвѣтущей семинаріи. Нарушая общепринятый порядокъ чтенія лекцій, Евтихіанъ являлся рано въ аудиторію и просиживалъ въ ней, сколько ему заблагоразсудится. Профессоръ, являвшійся на перемѣну, очень часто уходилъ домой съ своей лекціей. Что же, вы думаете, дѣлалъ у насъ ректоръ? Развертывалъ библію, которую онъ зналъ съ изумительною подробностью и вѣрностью, толковалъ первопопавшійся текстъ, пріискивалъ соотвѣтствующіе ему тексты, и непремѣнно смѣялся и кощунствовалъ надъ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Помню много такихъ его выходокъ, непростительныхъ Евтихіану и неприличныхъ ни сану его, ни званію, ни лѣтамъ, ни, наконецъ, болѣзненному состоянію. Замѣчу въ скобкахъ, что Евтихіану было подъ 60 лѣтъ; разбитый параличемъ, онъ едва волочилъ ноги и съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя слова. Впрочемъ, все это не мѣшало ему отпускать кощунственныя шутки, подобныя слѣдующимъ. Въ Книгѣ Бытія (гл. XXI, ст. 14) сказано, что Авраамъ „возложи на плещи Агари отроча его (Измаила)“. По сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ и по вычисленію выходитъ, что Измаилу тогда было лѣтъ восьмнадцать. Евтихіанъ, растолковавши это намъ, вдругъ обратился къ одному изъ бывшихъ моихъ товарищей—Иванову.

— Петръ Ивановичъ! Естественно ли это? Ну что, если бы ты навалился на бабу какую-нибудь?

„Громкій хохотъ обыкновенно бывалъ отвѣтомъ такой кощунственной выходкѣ неблагоразумнаго старика.

„Въ первой Книгѣ Царствъ (гл. XVIII, ст. 27) сказано, что Давидъ, по желанію царя Саула, принесъ ему сто иноплеменническихъ краснообрѣзаній, какъ искупительную плату, какъ калымъ за дочь, на которой послѣ этого Давидъ женился. Не трудно догадаться, какъ

пластично были изъяснены эти слова, такъ цѣломудренно у насъ истолованные чудакомъ Евтихіаномъ. Отличавшійся между нами и успѣхами, и благонравіемъ Ефимъ Егоровичъ Свѣтозаровъ, поднявшись, возразилъ ректору, что здѣсь разумѣются уши, которыя и теперь еще обрѣзываютъ у убитыхъ восточные народы, какъ документъ своей побѣды.

— Полно, Іофимъ! Какія тамъ уши! сказалъ ректоръ.—Просто, Давидъ поднесъ царю сотню хорошихъ филистимлянскихъ... на вотъ, молъ, тебѣ, а мнѣ давай дѣвку!..

„Въ такихъ-то занятіяхъ мы проводили золотое время. Хохотъ не умолкалъ въ аудиторіи. На другой день Евтихіанъ являлся съ новыми шутками и кощунственными прибаутками, острилъ надъ лѣнтяями, сидѣвшими, какъ водится, въ заднихъ рядахъ, называлъ ихъ „тулупниками", придавалъ каждому изъ любимыхъ слушателей своихъ имена; напримѣръ меня, не знаю ужъ почему, называлъ „девятый бѣсъ", покойнаго Колтунова „Колпаковымъ", Иванова „мадамъ яграфія", Козловскаго „мадамъ исторія", брата Аристарха „всесвѣтный учитель", Акимова „Носовымъ", урода Александровскаго „красотою", и такъ далѣе. Само собою, что съ такимъ наставникомъ наука не пойдетъ далеко, и мы, дѣйствительно, ровно ничего не знали изъ богословія. Экзаменовъ впродолженіе цѣлаго года собственно у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, не было. На этотъ счетъ Евтихіанъ отозвался, что онъ самъ всѣхъ своихъ учениковъ знаетъ, а другимъ до того дѣла нѣтъ.

„Странно и жаль, что этотъ человѣкъ не оставлялъ кощунства своего и въ храмѣ Божіемъ. Онъ не становился ни въ церкви, ни въ алтарѣ, а всегда за дверью, какъ разъ за правымъ клиросомъ. Отсюда-то онъ говорилъ разныя шутки и непристойныя насмѣшки надъ пѣвчими. Помню, однажды онъ заставилъ оба хора—правый и лѣвый—пѣть посреди церкви осьмигласный концертъ. Тогда было въ обычаѣ кричать напропалую. Это былъ какой-то торжественный день. Въ семинарской церкви, кромѣ учениковъ, почти никогда никого не было. Басы изъ кожи лѣзли, выкрикивая forte и fortissimo, а Евтихіанъ, выставившись въ дверь, восклицалъ: „хорошенько, ребята, хорошенько!" Рѣдко онъ самъ отправлялъ богослуженіе, но нельзя не сказать, что онъ былъ благоговѣненъ въ священномъ одѣяніи архимандрита. Высокій ростомъ, съ сѣдой окладистой бородой, умнымъ и серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ въ эту минуту заставлялъ насъ забывать недавнія его кощунства и шутки, такъ несвойственныя его сану. При всемъ томъ Евтихіана любили и даже уважали. Съ профессорами онъ всегда не ладилъ и былъ у нихъ спицей въ глазу.

„Ему, между прочимъ, обязанъ я тѣмъ, что не поѣхалъ въ университетъ. Когда я принесъ къ нему просьбу объ увольненіи меня изъ духовнаго званія, уже скрѣпленную резолюціей преосвященнаго, Евтихіанъ изорвалъ ее въ клочки и бросилъ къ моимъ ногамъ, оби-

женный, конечно, тѣмъ, что я повелъ это дѣло мимо ближайшаго моего начальства. На вопросъ обо мнѣ Антонія, онъ вотъ что отвѣчалъ его высокопреосвященству: „Извольте распоряжаться вашими попами, дьячками и дьяконами, а моихъ студентовъ предоставьте мнѣ. Аскоченскій мнѣ нуженъ для академіи". Это мнѣ сказывалъ самъ Евтихіанъ, котораго я былъ любимцемъ".

Къ сожалѣнію, воспоминаній о дальнѣйшемъ ходѣ образованія Аскоченскаго мы не нашли въ „Дневникѣ". Но и изъ приведенныхъ ясно уже, какова та суровая школа стараго закала, которую проходилъ Аскоченскій съ природными задатками, съ натурою, требовавшей дѣятельности. Что могла она дать ему, какими знаніями и нравственной подготовкой снабдить — не трудно собѣ представить. Но пусть самъ авторъ „Дневника", вынесши на собственной спинѣ вліяніе прежней духовной школы, скажетъ намъ, что̀ это за разсадникъ просвѣщенія.

„Въ свѣтѣ нѣтъ хуже того воспитаанія" — съ горечью писалъ Аскоченскій уже по выходѣ изъ академіи—„которое получаютъ молодые люди въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Убитый характеръ, неразвитыя понятія, ожестѣлое сердце, склонность къ грубымъ порокамъ,—вотъ что получаетъ въ наслѣдство юноша, попавшійся въ эту инквизицію мысли и добраго, непритворнаго чувства. Посмотрите-же, что̀ выходитъ изъ такого питомца? Житейскій бурсакъ, съ сѣрою, суконною физіономіею, съ педантизмомъ вмѣсто человѣческаго умаразума, съ кускомъ теплой грязи вмѣсто добраго, чувствительнаго сердца, безъ малѣйшаго сочувствія къ прекрасному, съ устарѣлыми, фарисейскими понятіями о чистой нравственности, съ телячьей скромностью и съ медвѣжьей неразвязностью... Но, Боже сохрани, раздражить эту сѣрую скотину. Онъ замолчитъ, глупая его рожа выразитъ глубоко-сокрытую злобу,—и прощай тогда признательность и благодарность. Ихъ и въ помину не будетъ. Грустно, а такъ оно и есть..."

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

II *).

Въ сферѣ духовно-академической и монашеской.

Взглядъ Аскоченскаго на монашество.—Старанія его отклонить молодежь отъ посвященія въ монахи.—Куда ведетъ академическое образованіе?—Скользкій путь нынѣшняго отшельничества.—„Грѣхи монашескіе".—Торгашество святынней.—Критика обрядовъ—анаѳематствованія и поста.—Академическая латынь.—Ненависть Аскоченскаго къ сочинительству проповѣдей.

Изъ воронежской семинаріи Аскоченскій поступилъ въ кіевскую духовную академію. Немало интересныхъ страницъ „Дневника" относятся къ этому времени. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ зарождающимся и мало-по-малу созрѣвающимъ недовольствомъ юнаго студента. Академическая атмосфера многими своими сторонами вызывала пытливый умъ на критику и порождала въ пылкой натурѣ недовольство. Извращенность направленія духовнаго образованія, суетность стремленій къ пользованію благами монашеской жизни, недостатки спеціально-академическаго образованія,— вотъ предметы, занимавшіе въ то время Аскоченскаго и вызывавшіе его филиппики. Онъ не жалѣлъ красокъ для изображенія аномалій монашества. Самое стремленіе молодыхъ людей къ монашеству ему представлялось неестественнымъ и непонятнымъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ о постриженіи въ монахи бакалавра польскаго языка Кульчицкаго.

„Я не могъ вытерпѣть, чтобы не уйти изъ церкви, не могъ равнодушно смотрѣть на этотъ печальный обрядъ, разлучающій несчастнаго навсегда съ міромъ, отнимающій всякую надежду на удоволь-

*) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VII, стр. 79.

ствія и очаровательные успѣхи.—Боже мой, подумалъ я, выходя изъ церкви,—на что же ты создалъ этотъ міръ такимъ великолѣпнымъ. такимъ очаровательнымъ, если тѣ, коимъ ты вручилъ владычество надъ нимъ, оставляютъ, пренебрегаютъ имъ? Не лучше ли бы было сотворить тебѣ для этихъ мироненавидцевъ темную, освѣщаемую тусклымъ полусвѣтомъ пещеру? На что жъ было давать людямъ твой драгоцѣнный подарокъ, если они бросаютъ его? Не постигаю судебъ Премудраго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу понять и сердца человѣческаго. Не странное ли дѣло проститься съ міромъ, отринуть прелести природы, насмѣяться надъ прекрасными твореніями ея,—и для чего это? Для монашескаго клобука, который, по моему, ничѣмъ не лучше коробки, въ которой продаютъ всякія овощи. Другое дѣло, если бы просилъ этого чина старецъ, убѣленный сѣдинами, несчастливецъ, убитый безотраднымъ, скорбнымъ отчаяніемъ; отецъ, потерявшій дѣтей своихъ—единственное въ мірѣ утѣшеніе. А то—молодой, еще неопытный въ дѣлахъ безконечнаго монашескаго искуса, въ самой порѣ пылкихъ лѣтъ, рискуетъ всѣмъ, что украшаетъ нашу здѣшнюю жизнь, рискуетъ неописанными, восхитительными удовольствіями семейственной жизни, безжалостно хоронитъ молодой восторгъ, горячую любовь, которыми, конечно, пламенѣетъ иногда его сердце. И, конечно, эти великія, неизчислимыя пожертвованія не ту имѣютъ цѣль, чтобы рѣшительно воздержаться отъ грѣховнаго преткновенія, не туда мѣтятъ, чтобы купить этимъ спасеніе,—этому я ни за какія блага въ свѣтѣ не повѣрю. Пускай мнѣ говорятъ, что бывали и теперь есть такіе люди, которые съ юныхъ лѣтъ посвящали себя на служеніе Богу, которые отказывались отъ міра и удовольствій его не изъ какой либо корыстной цѣли; я не буду спорить съ этимъ, но скажу, что эти времена были, да прошли. Не стану утверждать того, чтобы и теперь не было безкорыстныхъ любителей уединенной монашеской жизни; но это очень, очень рѣдко. Большею же частію, по моему мнѣнію, надѣваютъ длинные капюшоны на себя для того, чтобы удобнѣе было прикрыть честолюбіе, нескромно обнаруживающееся въ поступкахъ обрекающихъ себя въ этотъ орденъ; чтобы прикрасить ученое чело свое золотою шапкою „отъ каменей честныхъ“. Если не вѣрите мнѣ, спросите у каждаго анахорета, не гадалъ ли онъ, хоть иногда, въ часы задумчивости объ этой обольстительной тіарѣ, не мечталъ ли когда нибудь, хоть невзначай, о пастырскомъ жезлѣ? Вѣрно каждый изъ нихъ скажетъ внутри себя: „да“, хотя высказать намъ это и посовѣстится“.

Такой взглядъ на монашество не разъ повторяется въ „Дневникѣ“. Подъ 15 февраля 1841 г., читаемъ, между прочимъ:

„Сегодня, воротясь отъ утрени, Константинъ извѣстилъ меня, что тамъ происходило постриженіе въ монахи пятерыхъ студентовъ академіи. Прости меня, Господи, но я отъ души порадовался, что не видѣлъ своими глазами этой убивающей меня церемоніи. Я пони-

маю, совершенно понимаю всю важность отшельническаго служенія Богу, понимаю и то, если несчастный служитель алтаря, лишившійся лучшей половины своего существа, надѣваетъ монашескій кукуль и растерзаемое сердце свое врачуетъ молитвою и постничествомъ; понимаю, хоть и не вполнѣ вѣрю этому особенному, сверхъестественному какому-то призванію на подвиги, но рѣшительно не понимаю вотъ чего: по какимъ побужденіямъ молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, полный жизни и силъ, съ прекрасными способностями, съ явнымъ призваніемъ на общественные труды и заботы, съ блестящими видами впереди, съ образованнымъ умомъ (я не скажу: сердцемъ, это— еще вопросъ), надежда семейства, дѣятельный членъ общества, еще не умершій ему ни одною своею частію корень, посаженный рукою Промысла на доброй землѣ человѣчества съ тѣмъ, чтобы дать въ свое время отпрыски святые, освящаемые самимъ Богомъ,—по какимъ, говорю, побужденіямъ такой человѣкъ дѣлается такъ рано хилымъ старикомъ, убиваетъ въ себѣ животворный духъ, — элементъ высокой гражданственной дѣятельности, тащитъ въ узкое отверстіе односторонности свои прекрасные таланты, которые готовы были раскинуться широко, залетѣть высоко; уединяется въ свою бездомную келью, какъ птица въ чужое гнѣздо, закрываетъ глаза отъ всего, что имѣетъ прекраснаго прекрасный міръ Божій... Боже мой! по какимъ это побужденіямъ дѣлаются люди такими! Господи, будь на мнѣ святая воля Твоя! но я не повѣрю, что эти люди не были маленькими честолюбцами, пародіями на непостижимаго, чуднаго лицемѣріемъ, притворствомъ и постоянствомъ Монмальто. Я не повѣрю, чтобы они въ этомъ страшномъ рискѣ не разсчитывали на золотую шапку, на прекрасный экипажъ, на богатые доходы, на преблюды, на житье сибаритское; я не повѣрю, чтобъ здѣсь не было ужаснаго святокупства, страшной симоніи. Не о всѣхъ я говорю: есть люди и въ клобукахъ—Баярды своего рода, рыцари христіанскаго міра безъ порока и упрека; но много этихъ званныхъ, да мало избранныхъ. Я знаю одну причину, одно еще побужденіе, заставляющее нѣкоторыхъ молодыхъ людей идти по этому скользкому, опасному пути: „Я—говорятъ и даже пишутъ они иногда въ своихъ прошеніяхъ,— давно себя чувствую склоннымъ къ этому образу жизни; я имѣю неудержимое желаніе оставить сей міръ и посвятить себя служенію Богу въ чинѣ ангельскомъ“.

— Очень хорошо, но скажите мнѣ, спрашивалъ я не разъ этихъ несчастныхъ, приходившихъ ко мнѣ зачѣмъ нибудь,—скажите мнѣ, давно ли вы почувствовали такую склонность къ монашеству?

— Давно, очень давно, какъ скоро я началъ сознавать себя.

— А чѣмъ, позвольте узнать, обнаружилась въ васъ эта бѣдственная склонность?

— Охотою моею быть наединѣ, чуждаться людей, плакать даже, если родитель зоветъ меня къ себѣ тогда, когда въ комнатѣ есть гости.

— Такъ-съ, но признайтесь мнѣ откровенно, не любили ли вы играть въ простыя игры съ крестьянскими ребятишками?

— Нѣтъ-съ.

— О! такъ вашъ батюшка былъ, видно, престрогій человѣкъ!

— Напротивъ, очень снисходительный.

— Позвольте теперь узнать, кто онъ теперь былъ такой чиномъ,—чиномъ?

— Священникъ, отвѣчалъ иной, гордо поднимая голову, — дьяконъ, говорилъ другой, взявъ на два тона пониже, — дьячекъ, сквозилъ черезъ зубы бѣднякъ, попавшійся ко мнѣ въ тиски съ своимъ монашествомъ.

— Ну, положимъ, кто бы тамъ ни былъ, а гдѣ жилъ вашъ батюшка? Гдѣ вы родились?

— Въ деревнѣ.

— Кто жъ такіе бывали у васъ гости?

— Разумѣется, попы...

— Извольте, я помогу вамъ докончить: попадьи старозавѣтныя, которыя во время оно любили побродить о святкахъ со двора на дворъ, чтобъ служить въ собственномъ смыслѣ несѣдальны-акаѳисты своему мамонѣ; дьякона, дьячки съ своими пьяными половинами и прочій весь причтъ церковный. Нуте-съ. А, можетъ быть, заѣзжалъ къ вамъ иногда и толстобрюхій помѣщикъ съ дюжиной собакъ, да съ толпою доморощенныхъ егерей, только что взятыхъ отъ сохи, съ глупымъ чванствомъ, съ безтолковою рѣчью въ зубахъ, съ ослиною смышленостью въ глазахъ; а, можетъ, еще заѣзжала къ вамъ и помѣщица въ накрахмаленномъ чепцѣ, со связкою ключей за поясомъ, съ лоснящеюся кошкою и преясною надписью на лбу: „жиръ, сало, плоть и кровь". Послѣ этого, знаете ли, что я вамъ скажу? Охота ваша плакать, когда васъ тащили на показъ такимъ гостямъ, очень, очень естественна, только вы не принимайте ее за выраженіе склонности вашей къ одиночеству; эти слезы выжимало у васъ ваше свѣтлое, чистое, невинное дѣтское чувство; оно еще не заплыло грязью этихъ гадкихъ деревенскихъ оргій; его еще не залили водкою, какъ это очень похвально дѣлаютъ многіе отцы по деревнямъ; ему еще больно смотрѣть на это скотоподобное униженіе достоинства человѣческаго, инстинктуально, но еще безсознательно вами угадываемаго. Вы плачете, потому что васъ тащатъ не въ вашу сферу; вы даже желтѣете, становитесь дикимъ, если въ васъ много посѣяно семянъ чувства человѣческаго, если вы не состояніи заглушить ихъ терніемъ грубостей и пороковъ, образцы которыхъ такъ часто вертятся передъ вами.

— Но, помилуйте, въ нашемъ домѣ никогда не бывало такихъ пьяныхъ обществъ и, однако, я все-жъ-таки боялся ихъ, все плакалъ отъ нихъ.

— И вамъ, конечно, легче было, когда вы хорошенько поплачете?

— Да, потому что я оставался тогда одинъ.

— Не правда, не потому, а потому, что вы видѣли тамъ чужихъ людей, и потому, что вамъ не съ кѣмъ тамъ было подѣлиться откровенно дѣтскою мыслью, что васъ даже не научили, какъ это дѣлать, что съ вами не умѣли, не хотѣли говорить, какъ съ дитятею; что вамъ пѣли постоянно сухія, ничтожныя моральныя тирадки; что каждое ваше слово клеймили названьемъ глупости; что вы боялись сказать что нибудь, не заслуживъ... извините... титла дурака. Я говорю вамъ откровенно. Поставьте васъ въ другомъ мѣстѣ, окружите васъ людьми съ другими понятіями, съ другимъ образомъ мыслей, съ умѣньемъ приспособляться, наклоняться, какъ бы, къ вамъ,—и ваши способности дѣтскія развернулись бы свѣжо, какъ благоуханный цвѣтокъ, и вамъ бы весело было и привольно, и вашъ мрачный взглядъ на вещи прояснился бы самъ собой, и вы бъ не бѣгали тогда отъ людей, отъ самихъ себя,—и вы бы не сказали теперь, что чувствуете давно наклонность къ одиночеству, къ монашеству.

— Но теперь ужъ поздно ворочаться назадъ. Данное мнѣ направленіе глубоко пустило во мнѣ корни свои,—оно вошло въ мой характеръ и рѣшительно измѣнило меня...

— „Теперь поздно“; а по мнѣ не такъ: mieux tard que jamais. Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что это несчастное направленіе таки вовсе измѣнило вашъ характеръ? Да еще позвольте васъ опросить—напередъ прошу не обижаться,—есть ли у васъ характеръ? Гдѣ вы его сыскали? Какъ онъ забрался въ вашу душу, занятую въ дѣтствѣ ферулою приходскаго дьячка, или школьнаго учителя, а теперь, когда вы начали сознавать себя, исключительно посвятившую себя схоластическимъ, сухимъ, часто, и очень часто, неудобоприложимымъ къ жизни, занятіямъ? Нѣтъ, mon cher, характеръ пріобрѣтается не тамъ, подъ руководствомъ родителей, и не тутъ, подъ звонкомъ училищнаго регламента. Я говорю—пріобрѣтается, потому что онъ не есть что нибудь намъ врожденное, какъ какія нибудь идеи,—это вздоръ, батюшка. На этомъ основаніи, пожалуй, холерикъ сталъ бы извинять себя въ томъ, что онъ мстителенъ, золъ; сангвиникъ—что онъ сладострастенъ; меланхоликъ — что онъ лѣнивъ ко всему, даже къ спасенію души своей; „виноватъ, скажутъ они, въ такомъ случаѣ врожденный намъ характеръ, а не мы“. Нѣтъ, вздоръ, почтенные! Ваши характеры, или, пожалуй, темпераменты, какъ субстратъ характеровъ—своимъ чередомъ, а законъ и дѣло—тоже своимъ чередомъ. Нѣтъ, не такъ. Темпераментъ, положимъ, хоть отъ природы: но это только почва; характеры ваши—собственное ваше сѣяніе; а сниски-ваются, пріобрѣтаются, изолируются, врастаются, такъ сказать, въ наше естество они посреди враждующихъ себѣ стихій добра и зла, посреди самодѣятельнаго, сознательнаго, разумнаго, мужественнаго участія въ этой страшной борьбѣ на жизнь, или на смерть. Изъ-за академической парты вы выходите, не погнѣвайтесь, самыми невин-

ными бурсаками; я самъ былъ въ нѣкоторой степени такимъ же. Міръ намъ представляется или обширною залою, залитою потокомъ свѣта, разукрашенною всѣми призматическими цвѣтами упоенья и роскоши, или пустынею, гдѣ чувству вашему, какъ голубицѣ Ноевой, негдѣ пріютиться, негдѣ отыскать оливковую вѣтвь мира и утѣшенія. Тотъ и другой взглядъ есть слѣдствіе заранѣе полученнаго вами направленія; тотъ и другой взглядъ, само собою разумѣется, невѣренъ. Боже же васъ сохрани послѣдовать какому нибудь одному изъ этихъ раннихъ вашихъ предубѣжденій. Упитанные мечтатели, взвихрившись въ порывахъ наслажденій, вы сломите, непремѣнно сломите, себѣ шею, оттого что вы еще не умѣете держаться на скользкомъ паркетѣ свѣта; но, опять, сохрани васъ Боже принять мрачный вашъ взглядъ на міръ въ тусклую космораму вашего студенчества, одиноказго быта, за дѣйствительный эскизъ того, что тамъ совершается; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вы—пропащій человѣкъ. Принявъ минутную прихоть разстроеннаго одиночествомъ вашего воображенія за норму всей будущей вашей дѣятельности, вы (отъ чего да сохранитъ васъ Творецъ небесный) надѣнете кукуль, возмете четки и заслонитесь мантіею отъ этого міра, который о васъ и слыхомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ, и на который вы разсердились Богъ знаетъ за что. Только смотрите, чтобъ вы и въ этомъ даже случаѣ не остались въ проигрышѣ; смотрите, кто кого отвергъ, кто кого бросилъ: вы ли міръ, или міръ васъ, вы ли узнали его негодность, или онъ васъ призналъ негоднымъ членомъ для общества, для всего человѣчества.

— Да міръ когда же признавалъ...

— Понимаю, что вы хотите сказать. Міръ, правда, безсовѣстенъ, но бѣжать отъ него, бѣжать безъ выстрѣла,—воля ваша, а это пахнетъ чѣмъ-то неловкимъ. Знаю, были люди, которыхъ не былъ достоенъ весь міръ и которые между тѣмъ скитались и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропостяхъ земныхъ; но то были другія времена, другіе нравы; то была, какъ говорится, старина—то и дѣянье. И однако жъ, помните, что Спаситель ни самъ не бѣгалъ отъ скорбей, ни другихъ не училъ этому; а заповѣдь—аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгите въ инъ—относилась собственно къ апостоламъ. Имъ не надобно было слишкомъ рано и неразумно рисковать своею жизнью; имъ надо было сдѣлать много, учить всѣ языки, крестить и жидовъ, и эллиновъ; а ихъ, между тѣмъ, гнали; дѣлать нечего — надо было бѣгать изъ одного города въ другой. Спаситель для того-то и оставилъ имъ эту предостерегательную заповѣдь. Зато жъ никто изъ нихъ и изъ истинныхъ исповѣдниковъ Христовой вѣры не отрекся умереть въ пыткахъ и истязаніяхъ лютѣйшей смерти, никто не бѣжалъ, когда этого не нужно было, въ пустыни, дрожа и тѣломъ и душою за животъ свой. Но, позвольте, мы отклонились отъ главнаго предмета нашей длинной рѣчи. О чемъ, бишь, мы говорили?

— Я говорилъ, что міръ...

— Да, да-съ, — неблагодаренъ, безсовѣстенъ. Очень хорошо. Да для васъ-ли однихъ, для тѣхъ ли, которые грозятъ ему кукулемъ да мантіей? Батюшки мои, да поглядите, Бога ради, для кого онъ менѣе всего готовитъ наградъ, какъ не для своихъ же тружениковъ, т. е. я говорю не о міролюбцахъ, а о тѣхъ, которые живутъ въ мірѣ и трудятся для общества, или, какъ говорятъ монахи,—для міра. Повѣрьте мнѣ, всѣ награды, всѣ почести добрымъ, безкорыстнымъ этимъ міролюбцамъ достаются легко только въ проповѣдяхъ, да въ бесѣдахъ; не всякій бы лежебокъ-монахъ согласился промѣнять свою теплую берлогу, пожалуй, хоть на порядочный домикъ, который надо натопить, жену, дѣтей—накормить, да и самому чего-нибудь перекусить. Какъ хотите, а красоуля монашеская полновѣснѣе и сытнѣе, чѣмъ кусокъ, заработанный потомъ и службою. Знаете ли, что я скажу вамъ? Первые въ свѣтѣ монахи, первые въ мірѣ подвижники — это солдаты. Вотъ, батюшка мой, люди, которые кладутъ, по заповѣди Спасителя, душу за други и недруги своя, вотъ тѣ праведники, которымъ Господь Богъ дастъ сѣсть одесную славы своея; вотъ страдальцы, которые кровью омываютъ грѣхи свои, для которыхъ самъ Божественный Голгофскій Страдалецъ готовитъ вѣнцы на небесахъ. А эти тунеядцы, эти лежебоки... Но простите меня; я надѣюсь, даже знаю, что вы не относитесь къ этому классу двуногихъ животныхъ въ клобукахъ.

— Конечно, каждый изъ студентовъ, поступающихъ въ сословіе монашеское, долженъ занимать училищное мѣсто и служить обществу...

— Ну-те, ну-те! продолжайте. Что-жъ вы остановились? Я жду, не скажете ли вы и тутъ чего-нибудь о неблагодарности этого пресквернаго міра, который мы съ вами разругаемъ когда-нибудь на досугѣ,—этакъ, знаете—въ проповѣди, передъ лицомъ такъ называемыхъ „благочестивыхъ слушателей“? А? что, mon cher? Видно, тутъ ужъ прильпне языкъ къ гортани? Да, признаться, и есть отъ чего. Я вамъ скажу вотъ что: академія, какъ и всякое высшее заведеніе вообще, открываетъ смѣтливому, оборотливому, съ маленькимъ толкомъ человѣку прекрасную карьеру; но, вотъ видите ли, у насъ идутъ дороги въ разныя стороны. Самая плохая, изрытая ухабинами, промоями, усыпанная репейникомъ и терномъ, неблагодарная и не дающая средствъ и возможности составить „благопріобрѣтенное имѣніе“,—это есть дорога собственно ученая. Мало избранныхъ, которые бы съ охотою, съ самоотверженіемъ пустились въ этотъ тѣсный, не ровный путь; они велики для меня, если гдѣ есть; велики такъ же, какъ великъ воинъ, жертвующій жизнью за то, что не можетъ даже въ половину окупить этой единственной драгоцѣнности человѣка. Гдѣ бы я ни встрѣтилъ такихъ людей, я имъ уступлю мѣсто, я сниму передъ ними шапку и поклонюсь до лица земли. Благоговѣйте передъ ними, — это святые труженики истины! Другой путь, это—священный санъ бѣлаго духовенства (я иду ab infimo ad summum); тутъ есть кое-какія выгоды,

бо́льшія передъ классомъ ученыхъ; но вообще и эта дорога не слишкомъ выгодна. По моему, вовсе не надобно учиться такъ долго и такъ много, чтобъ послѣ того забыть все это за приходскими хлопотами, да алтынничать по могиламъ да похоронамъ. Правда, здѣсь лучше можно узнать высокое назначеніе этого сана, лучше можно выучиться держать себя; но можно остаться безъ куска хлѣба. Развитое и облагороженное сознаніе собственнаго достоинства запретитъ человѣку употреблять низкія, грязныя средства къ обогащенію себя; а работа, къ которой тѣло и руки вовсе не пріучены, само собой, не принесетъ пользы, если за нее взяться не умѣютъ; такимъ образомъ, и съ умомъ да будешь въ кулаки дуть. Этакія вещи бываютъ сплошь да рядомъ; исключенія рѣдки. Третья дорога—въ палаты, въ департаменты, въ сенатъ, въ синодъ,—просторная дорога и вмѣстѣ трудная, особенно человѣку безъ имени, безъ протекцій, безъ кузинъ и тетушекъ. Кажись бы, тутъ-то и земля наша обѣтованная,—анъ вонъ и нѣтъ. Если гдѣ, то именно между нами, воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, трудно найти служаку, который, знаете, способенъ былъ бы на всякія этакія, говоря слогомъ армейскихъ острякова, экивоки, и если какъ нибудь укуситъ грѣха и смахнетъ нечисто, то, того гляди, и подмѣтятъ, что рыльце въ пушку — и подпишутъ „въ чистую“. А это, знаете, не больно ловко. Оно — „грѣхъ не бѣда, молва не хороша“. Есть еще дорожка, на которой блестятъ всевозможныя звѣзды, начиная отъ прапорщичьей, украденной съ млечнаго пути на небѣ, до генеральской звѣзды—первой величины; но эта дорожка давнымъ-давно заросла частымъ ельничкомъ-березничкомъ. Нашему брату, выступающему изъ-за парты обыкновенно на 25 году, какъ-то и не пристало вздѣвать на себя портупею прапорщика и щеголять мундиромъ, такъ привлекательнымъ для военныхъ Нарциссовъ съ нафабренными усиками. А вотъ, mon cher, дорога, такъ дорога—укатанная, гладкая, просторная, сытная для брюха, и для честолюбія, и для роскоши. Это—дорога, которая ведетъ прямо къ монашеству. Что вамъ угодно? Вниманія къ вашимъ самымъ мелочнымъ услугамъ (я не говорю: „заслугамъ“,—это много чести этимъ анахоретамъ)? Есть. Поощренія ли? Тутъ, со всѣми ощутительными его признаками. Орденовъ? Боже мой! да сколько угодно. Наградъ, стипендій? Извольте получать полными руками! Золотой шапки? Чрезъ шесть-восемь лѣтъ непремѣнно будетъ. А замѣтьте, что шапка архимандритская равна полковничьимъ эполетамъ и что черезъ шесть лѣтъ никто и во снѣ не гадалъ быть полковникомъ въ военной службѣ, а въ статской, будь хоть семи пядей во лбу, такъ раньше десяти лѣтъ и въ усъ себѣ не дуй быть коллежскимъ совѣтникомъ. Есть пословица: „не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки“; у монаховъ нѣтъ этой пословицы—у нихъ такъ журавль журавлемъ, а синица синицей. Все ихъ; они, какъ баснословные драконы, сѣли на золотѣ, сами имъ не въ состояніи пользоваться, зато и другимъ не даютъ.

— Но вѣдь и они трудятся. Высшія семинарскія должности кѣмъ другимъ заняты, какъ не ими?

— Покорнѣйше благодарю! Да кто жъ ихъ проситъ брать на себя это, по ихъ допотопнымъ словамъ, многопопечительное иго? Не они ли сами навязали его на себя? Нѣтъ, почтеннѣйшій, они знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Представьте теперь какое нибудь маленькое Монтальто, вырвавшееся на свободу, на просторъ, пропѣвшее уже „Te Deum“, гордо протянувшее хищническую руку къ жезлу ректора семинаріи. Человѣкъ онъ безъ гроша, безъ состоянія, съ гордымъ титломъ начальника, попечителя, съ добрымъ желаніемъ блага — на словахъ, съ жаждою добычи въ сердцѣ, пріѣзжаетъ въ растрепанную уже предшественникомъ его аренду. Съ перваго раза не науки, а экономію подавай ему; и видитъ—надо обревизировать: плутъ плута по почерку знаетъ. Ладно—все исправно; это въ переводѣ значитъ—мнѣ осталось; и вотъ онъ принимается судить и рядить; если экономъ монахъ, такъ и дѣло въ шляпѣ,—воръ вора не выдастъ; если, къ несчастію, экономъ во фракѣ, ну, такъ держи жъ ухо востро. Зажмурь глаза, гдѣ не надо видѣть, оглохни, гдѣ не надо слышать; вези хоть на себѣ,когда ѣхать хотятъ; стань самъ на четвереньки вмѣсто креселъ, когда требуютъ мебели. А кушанье? Разумѣется, казенное, да самое лучшее, на что жъ они и начальники! Пускай тамъ профессоры, какъ хотятъ; имъ достанетъ и жалованья на все и на вся; ну, а ректору—иное дѣло; ему надо экипажъ, по крайней мѣрѣ, три человѣка для прислуги, по крайней мѣрѣ, десять комнатъ для помѣщенія собственной его персоны. Боже мой! да мало ли чего ему надобно? Люди все они такіе важные „въ семъ вертоградѣ просвѣщенія“, все такіе умные „въ семъ храмѣ музъ“,—какъ же имъ не распоряжаться всѣмъ по своему благоусмотрѣнію! О! иго, иго „многопопечительное!“ Какъ легко тебя носить этимъ подъяремникамъ! Когда настанетъ та блаженная пора, что эти черные геніи улетятъ съ вихремъ въ бездны неизвѣстности, откуда вызвалъ ихъ на поприще свѣта лукавый духъ!..

— Позвольте вамъ сказать, что если гдѣ, то здѣсь-то именно открываются всѣ удобства жить ученою жизнью...

— Да, это правда. Нечего грѣха таить: брошенъ бисеръ предъ свиньями, и они дѣлаютъ свое дѣло—попираютъ его ногами и, помните, что даже не замѣчая того. Я не повѣрю, да и вы не вѣрьте, тому, кто вамъ скажетъ, что въ монахѣ нынѣшняго времени есть, или можетъ быть, любовь къ наукѣ, любовь чистая, безкорыстная, святая. Она, знаете, и во всякомъ-то человѣкѣ все до поры до времени, а въ монахѣ это диво не виданное, слыхомъ не слыханное. Наука есть сама себѣ цѣль, а у нихъ вѣдь не такъ — у нихъ свое *я*—цѣль; а всѣ науки въ свѣтѣ больше ничего, какъ средство, и, повѣрьте, всѣ эти „насадители вертограда просвѣщенія“ презрительно себѣ посмѣиваются въ клобукъ надъ тѣми, которые вѣруютъ въ ихъ умъ и просвѣщеніе. Но обратимся къ вашей склонности. Вы гово-

рили мнѣ, что стремленіе къ монашеской жизни въ васъ и теперь довольно сильно, что оно въ вашемъ характерѣ, ну, и проч. Я уже, кажется, доказалъ вамъ, что у молодаго человѣка вашихъ лѣтъ и находящагося въ вашихъ обстоятельствахъ,—нѣтъ характера, и что слѣдовательно, стремленіе, склонность, или назовите, какъ угодно,—просто вздоръ, дѣло небывалое. Но если вы со мной еще не согласны, то вотъ вамъ мой совѣтъ... или нѣтъ, не хочу его выдавать за свой; разскажу про одного моего товарища, подобно вамъ проповѣдывавшаго о склонности своей къ монашеству, порою съ жалкой миной фарисея, вздыхавшаго о покойной рясѣ и высокомъ кукулѣ, а иногда безъ церемоній обѣщавшаго себѣ мѣсто митрополита кіевскаго и галицкаго. Отецъ этого фанатика, человѣкъ благоразумный, поступившій въ орденъ монашій по смерти жены своей, замѣчая въ сынѣ своемъ эту глупую ревность, говорилъ ему: „Николай, подожди! пробудь года два на должности; и если твое намѣреніе останется въ тебѣ твердо—ну, тогда съ Богомъ! а до тѣхъ поръ нѣту тебѣ моего отцовскаго благословенія!“ Вотъ прямой, умный, откровенный совѣтъ молодому энтузіасту такому, каковъ вы. Пробудьте съ людьми года два-три,—да, я говорю—съ людьми, которые умѣютъ жить и понимать жизнь, а не съ такими получеловѣками, которые ѣдятъ, пьютъ-спятъ и опять спятъ, пьютъ и ѣдятъ, и тогда, если вы...

— Странное дѣло! Если я, вы хотите сказать, выду изъ котла, наполненнаго копотью и сажею, не помаравшись, то могу идти въ гости. Не такъ-ли?

— Остроумно! Да только кто жъ васъ проситъ садиться въ этотъ котелъ? Богъ съ вами! Я только сейчасъ вамъ говорилъ объ этомъ. Берегитесь его, бѣгите отъ него; найдите, говорю, людей съ душою, съ умомъ, постигающимъ долгъ службы, съ сердцемъ, знающимъ священныя обязанности любви и дружбы,—и тогда вы будете не только не въ сажѣ, но даже свѣтлѣе и чище, чѣмъ какой нибудь монахъ, даже хорошій монахъ. Вѣдь не тотъ, mon cher, добрый человѣкъ, кто любовь къ себѣ и къ ближнимъ сосредоточилъ въ самомъ себѣ безъ выраженія ея на дѣлѣ, а тотъ, отъ кого лучи ея изливаются на всѣхъ, кто согрѣваетъ ими и дрyга, и недруга.

— Но такихъ людей, о какихъ вы говорите, ужасно трудно найти...

— Да, не легко; такъ что жъ?

— Скорѣе можно напасть на злыхъ и развратиться.

— Фи, какъ старо! Знаете ли, на это ваше опасеніе я сказалъ бы вамъ одну сентенцію, на которую вы, вѣрно, писали какую нибудь хрію, хоть, пожалуй, хрію Аѳанасьевну; она вотъ что гласитъ: prava consortia vitanda. Да эта мораль и будетъ больше ничего, какъ пуфъ дыму. Ну, Богъ съ вами! да проститъ вамъ Аллахъ это невольное согрѣшеніе противъ общаго человѣческаго смысла. Такъ—пожалуйте! вы боитесь развратиться? Что жъ? тѣмъ лучше! Не пугайтесь, я про-

повѣдую не развращеніе! Если вы развратились, такъ вы еще не пропали; напротивъ, я поздравляю васъ со спасеніемъ. Вы упали—ничего, подниметесь. А въ монахахъ, батюшка, не то; тамъ ужъ упали разъ, такъ и въ другой, а тамъ и въ третій, а тамъ и въ десятый, а тамъ подъ штрафъ, да подъ пьяный искусъ, а тамъ въ Соловецкій, а тамъ, по счастливому выраженію Иннокентія,—въ адъ. Вотъ вамъ и счетъ конченъ! Да постойте, mon cher! Какъ же это вы пали? то-есть развратились-то? Вѣдь вы жъ говорили, что имѣете сильное, непреоборимое, непобѣдимое, непостижимое желаніе вести одинокую, строгую, подвижническую жизнь? гдѣ жъ дѣлось ваше желаніе? гдѣ жъ это характеръ, который былъ для васъ такимъ point fixe? То-то, любезнѣйшій! Видно, всѣ ваши планы-то разлетѣлись, какъ разлетаются мыльные пузыри при прикосновеніи соломенки! Я очень радъ, если съ вами это случится здѣсь, въ мірѣ. Страсти, которыя теперь спятъ въ васъ такимъ глубокимъ сномъ, будьте увѣрены, проснутся въ свое время и загозорятъ страшно. Онѣ взволнуютъ вашу кровь, вскипятятъ ее, какъ огненную лаву, разобьютъ сердце ваше объ холодный камень отчаянія, разгрызутъ душу вашу тоскою и унынiемъ, и тогда—горе, горе вамъ! Вы пожелаете возвратиться назадъ, — нельзя: міръ васъ будетъ ждать съ достойными оскорбленіями; онъ забросаетъ васъ грязью насмѣшекъ и ругательствъ, и вы уже не будете имѣть чести даже быть гонимымъ. Вы воротитесь въ опостылѣвшую вамъ келью, броситесь на жесткую, одинокую вашу кровать, вопьетесь зубами въ подушку, подслушавшую тайные ваши вздохи, станете молиться—и молитва неспокойнаго духа, волнуемаго страстями, упадетъ къ вамъ назадъ въ тяжелыхъ капляхъ холоднаго пота. Вы обомрете отъ терзанія, отъ ужаса; стаканъ, другой, третій водки или рому, и вы будто утушили внутренній жаръ вашъ. Но страсти ваши раскипѣлись еще больше, похоть плоти требуетъ непремѣнно удовлетворенія, женщинъ нѣтъ,—какъ быть? Знаете ли, я не хочу говорить о тѣхъ гнусныхъ картинахъ, которыя такъ наивно и такъ откровенно разсказываются кое-гдѣ, а замѣчу только, что есть грѣхи человѣческіе, есть грѣхи скотскіе, и есть грѣхи хуже всѣхъ грѣховъ—монашескіе. Sapienti sat".

Такъ или почти такъ, по признанію Аскоченскаго, онъ говорилъ не разъ „несчастнымъ молодымъ людямъ", увлекаемымъ дурнымъ примѣромъ на скользкій путь нынѣшняго отшельничества. „И слава тебѣ, Господи! замѣчаетъ онъ при этомъ. Успѣлъ въ нѣкоторыхъ поколебать, если не совсѣмъ истребить, это намѣреніе ихъ, враждебное Богу, людямъ, себѣ самимъ, всему человѣчеству". Не разъ возвращается Аскоченскій къ нападкамъ на монашество. Такъ, онъ считалъ вреднымъ поручать имъ руководительство просвѣщеніемъ молодежи.

„Когда это—восклицаетъ онъ—власть анахоретовъ перейдетъ въ руки людей, которые знаютъ свѣтъ и требованія просвѣщенія! Мнѣ кажется, что покуда бородатые философы будутъ ораторствовать съ устарѣлыхъ своихъ каѳедръ, пока не истребитъ Господь этотъ нечи-

стый духъ односторонности и закоренѣлаго беззубаго квіэтизма, пока не дадутъ воли чувству и простора уму, а главное, пока не отнимутъ грозную, безтолковую ферулу у этихъ черныхъ геніевъ, которые, не во гнѣвъ имъ будь сказано, ужасно какъ близоруки,—до тѣхъ поръ отъ нашей академіи не жди добра. Все въ ней будетъ грязно, темно, пошло, и наше просвѣщеніе черезъ десять, а много-много черезъ двадцать лѣтъ, станетъ страшнымъ анахронизмомъ".

Понятно, что, усвоивъ себѣ такой взглядъ на монашество, Аскоченскій всячески открещивался отъ карьеры, какая ему могла бы открыться на поприщѣ подвижничества, рѣшись онъ послѣдовать совѣту академическаго начальства, дорожившаго даровитымъ студентомъ. Въ одномъ мѣстѣ „Дневника", упоминая объ обѣдѣ, который давался ректоромъ академіи тогдашнему кіевскому митрополиту, авторъ заявляетъ, что, если бы еще разъ пришлось „нашему брату" такъ откушать, то нормальное состояніе его желудка разстроилось бы такъ, что его не поправить ни крѣпительными, ни слабительными.

„Сидя за столомъ, я", говоритъ Аскоченскій, „признаться, не разъ вспоминалъ обычай нашихъ предковъ, которые за третьимъ блюдомъ преспокойно отстегивали свои пояса и давали прожорству своему самый натуральный просторъ... Но это въ сторону, а главное вотъ что. Митрополитъ такъ меня озадачилъ, что я сталъ, просто выпучивъ на него глаза. Послѣ обѣда, когда всѣ стали принимать у него благословеніе, я съ другими также подошелъ къ старику. Вдругъ онъ правою рукою беретъ мою руку, а лѣвую кладетъ на мою голову и съ усмѣшкою говоритъ: „Ну, что, братъ, ты скоро въ монахи?" Я сталъ въ пень отъ этого неожиданнаго привѣтствія и, высвободивъ мою руку, бѣжалъ отъ старика въ залу.—Убилъ бобра, подумалъ я на досугѣ. Если бъ ваше высокопреосвященство сняли съ себя всѣ ордена вмѣстѣ съ бѣлымъ клобукомъ и придали ко всему этому всѣ выгоды и всѣ богатства вашей лавры; если бъ, говорю, вы надѣлили меня, кромѣ этого, всѣми благами міра, которымъ вы удивительно какъ славно улыбаетесь,—то и тогда бы я не согласился принять ни вашего клобука, отъ котораго такъ пахнетъ одиночествомъ, ни вашихъ орденовъ, которые такъ неловко сидятъ на вашей шеѣ, ни вашихъ богатствъ, коими вы такъ же сладко пользуетесь, какъ лисица сѣномъ; короче, ничто въ свѣтѣ не можетъ заставить меня надѣть эту мантію, которая прикрываетъ своею черною тѣнью столько ужасовъ и тиранствъ во имя религіи. Dixi!"

Болѣе рьянаго противника „грѣховъ монашескихъ", чѣмъ Аскоченскій, въ бытность его студентомъ и въ первые годы его профессорской дѣятельности, трудно было бы найти. Онъ не пропускалъ случая, чтобы не подчеркнуть фальши и изувѣрства анахоретовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ его возмущаетъ спекуляція монастырской святыней:

„Сколько разъ я ни былъ въ Софійскомъ“, пишетъ онъ, „всегда, подходя къ гробницѣ, заключающей въ себѣ частицы многихъ святыхъ, приходилъ въ смущеніе отъ печатнаго показанія, что, будто бы, тутъ же есть капля крови Іисуса Христа. Господи, Боже мой! Какими ужасными вещами спекулируетъ шарлатанство! Кровь Іисуса Христа! Да откуда же она взялась? Кто могъ ее собрать подъ крестомъ, отъ котораго или бѣжали съ робостью, или плакали горько, безутѣшно плакали, не сводя очей съ Божественнаго Страдальца и вовсе не думая о томъ, чтобы сберечь каплю крови его, его, котораго считали почти всѣ добрымъ, благочестивымъ человѣкомъ, рѣшившимся на неудачную попытку учить людей и заплатившимъ за это поносною смертью? Позволили ли бы римскіе воины, а еще болѣе—ожесточенные іудеи оказывать такіе знаки благоговѣйнаго почитанія распятому, какъ они называли его, льстецу? Опять,— если даже и возможно было взять и унести съ собою каплю Спасителевой крови кому нибудь изъ близкихъ къ нему, то объясните мнѣ, какимъ чудомъ могла она, черезъ столько столѣтій, перейти, — куда же? въ Кіевъ! Я говорю чудомъ, ибо безъ этого невозможно вовсе пріобрѣтеніе такой драгоцѣнности. Далѣе—чудо; всякое чудо имѣетъ извѣстную, святую цѣль; тутъ какую бы оно имѣло, если бы дѣйствительно было? Вѣрно, и сами наши представители-то духовные очень хорошо понимаютъ этотъ ужасный подлогъ, ибо такъ называемая кровь Спасителя помѣщена въ одной гробницѣ съ грѣшными (хоть и святыми) остатками праведниковъ. Пусть всякій знаетъ и вѣдаетъ, что тѣлу, и истинному тѣлу и крови Спасителя не нашлось и не можетъ найтись мѣста на землѣ. Спаситель все съ собою взялъ на небо, оставивъ намъ только то, что далъ ему міръ для прикрытія телѣсной его наготы и потомъ для умерщвленія его плоти съ тѣмъ, чтобы одухотворить ее страданіями!.. Велико, Господи, долготерпѣніе твое!“

Помимо монашества, Аскоченскаго поражали отжившіе свой вѣкъ церковные обряды. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился отзывъ его въ „Дневникѣ“. Вотъ что онъ писалъ объ обрядѣ анаѳематствованія еще въ 1841 году:

„Сегодня, 16-го февраля, у насъ такъ называемая недѣля православія. Обрядъ православія совершается на святой Руси давнымъ давно; но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ существуетъ со временъ Петра Великаго. Цѣль этого, разумѣется—укоренѣніе и огражденіе правъ, подъ страхомъ анаѳемы, высокихъ истинъ религіи. Цѣль прекрасная, но, кажется, уже не по духу времени; нынѣ страхомъ ничего не сдѣлаешь; нужно возбудить разумное, сердечное убѣжденіе, а не боязнь; изъ подъ палки служитъ только оселъ, да рабъ, а не дѣти. Притомъ обрядъ этотъ обратился теперь въ посмѣхъ людямъ образованнымъ и въ потѣху праздной черни. Очень хорошо помню, какъ интересовалось дѣтское мое любопытство услышать оглу-

шительный ревъ протодьякона. Мнѣ чудо какъ весело было слышать какое-то завываніе моего родителя, постепенно возвышавшееся и вдругъ переходившее изъ а-моля въ ц-дуръ и вдругъ разражавшееся громовымъ: „анаѳема“, отъ котораго дрожали стекла и плясалъ фарфоръ и хрусталь въ шкафѣ. Съ какимъ-то трепетомъ я смотрѣлъ въ церкви на эти „старинныя кисти греческой“ иконы Спасителя и Богоматери, только разъ въ году на этотъ день выставляемыя среди церкви на особенныхъ налояхъ; съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ я на протодьякона, снаряжавшагося точь въ точь, какъ римскій гладіаторъ, на выкличку разныхъ разностей. Отъ восторга я не слышалъ ногъ подъ собою и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какъ станутъ проклинать Гришку Отрепьева, Ваньку Каина и Ивана Мазепу, и къ общему восхищенію глашатый, вполнѣ обыкновенно раздѣляющій мнѣніе толпы, бывало, какъ нарочно погромче грянетъ это мѣсто. И куда, подумаешь, было весело! ушки на макушкѣ! Я такъ думалъ дитятею, такъ думали и думаютъ теперь многія дѣти съ бородами и даже безъ бородъ, не „происходившіе, знаете, наукъ“. Я говорю, что этотъ обрядъ теперь также лишній, какъ лишни сдѣлались, напримѣръ, сожженіе въ пещи тріехъ отроковъ, вшествіе на ослѣ патріарха въ Іерусалимъ, и проч. и проч. Защищать святыя истины человѣческою анаѳемою, воля ваша, и смѣшно, и грѣшно. Нынѣ ужъ времена не тѣ. Изъ разности мнѣній насчетъ того или другаго догмата—нѣтъ драки: ты вѣришь такъ, а я вѣрю иначе, ты принимаешь это, а я—нѣтъ; что жъ тутъ? Вольному—воля, спасенному—рай, а драться намъ не изъ чего и ругаться тожь. Ты не навязываешь мнѣ собственнаго убѣжденія? нѣтъ? Ну, хорошо! Такъ давай же мнѣ руку,—мы съ тобой братья. Въ этомъ обрядѣ есть еще пунктикъ такой, что по милости его всѣ до одного человѣка выходятъ изъ церкви анаѳемами, не исключая ни одного и изъ лицъ духовныхъ. Тамъ, помню, говорится о томъ, что если кто не исполняетъ во всей строгости правилъ святыхъ отецъ, тотъ—анаѳема. Покорнѣйше благодарю! Перечтите-ка мнѣ всѣ эти правила. Перечтите хоть отцовъ, которыхъ я долженъ слушать! Да помилуйте, Бога ради, за что жъ такая напасть? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, и за то, что я во время шестопсалмія осмѣлюсь немножко „зѣвнути или харкнути“, или и за то, что я во время чтенія извѣстныхъ молитвъ не помолюсь по командѣ въ одинъ темпъ, или и за то, что я назову монаховъ тунеядцами?

„Меня всегда оскорбляло это анаѳематствованіе несчастныхъ Отрепьева и Мазепы. Это ужъ изъ рукъ вонъ, какъ плохо. Судъ Божій совершился надъ ними,—зачѣмъ же трогать ихъ кости? Положимъ, они были злодѣи, но вѣдь они—люди; пощадите жъ, люди, ихъ! Не трогайте тѣхъ, надъ коими уже почила страшно отомстившая имъ десница Божія. Отрепьевъ—вѣдь это сфинксъ, котораго до сихъ поръ еще никто не разгадалъ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, кровь

его лежитъ неистребимымъ пепломъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Показаніе бездушнаго Шуйскаго, убійство Битяговскаго и товарищей его, истребленіе угличанъ, даже мощи царевича Димитрія,—еще ничего не доказываютъ. Есть страшное доказательство и противъ убійства Гришки. Прочтите только хоть исторію преосв. Платона, прочтите Устрялова, Погодина, — и передъ вами откроется картина, отъ которой содрогнется сердце ваше и мысль невольно остановится неподвижно на этомъ нерѣшенномъ вопросѣ о Гришкѣ: кто онъ и кого убили русскіе? Я много бы поговорилъ объ этомъ, но тутъ не мѣсто. О Мазепѣ, — эхъ, батюшки, какъ скверно. Постойте! дайте сказать нѣсколько словъ объ этомъ дивномъ, замѣчательномъ человѣкѣ. Мазепа еще можетъ быть названъ измѣнникомъ дружбы Петровой; но, мнѣ кажется, между ними секретной дружбы вовсе не могло быть; они хитрили, и только; Мазепа надулъ Петра — и дѣло съ концомъ. Теперь, чтобы отвратить напередъ подобныя попытки надувательства себя, Петръ рѣшился подѣйствовать на умы и совѣсти страхомъ анаѳемы. Такъ называемая церковь, или, правильнѣе, представители церкви, были всѣ въ рукахъ его; главою этихъ представителей вмѣсто патріарха былъ собственный кортикъ [1]) Петра, а синодъ, созданный имъ изъ тѣхъ же представителей, былъ просто горшокъ, который держалъ только то, что въ него угодно было влить этому дивному человѣку съ желѣзною волею. Тотчасъ оскорбленный, Петръ повелѣваетъ внести въ обрядъ православія имя несчастнаго Мазепы, а послушные отцы, забывъ всѣ пожертвованія, забывъ даже то, что они будутъ противорѣчить себѣ, молясь въ одномъ мѣстѣ за Мазепу, какъ за создателя и благотворителя храмовъ, а въ другомъ—проклинать его, какъ бунтовщика и измѣнника, подписали опредѣленіе, начертанное перомъ досады и личнаго обманутаго чувства политической привязанности.

„Прошло полтора столѣтія, а это несчастное имя до сихъ поръ оглашается анаѳемою отъ нѣкоторыхъ архіереевъ, которые далѣе своего носа ничего не видятъ. Скверно и стыдно!

Изъ другихъ обрядовъ всего болѣе возмущали Аскоченскаго посты.

„Охъ, ужъ эти мнѣ посты, посты!“ — пишетъ онъ подъ 24-мъ ноября 1840 г., — „Богъ судья тому, кто выдумалъ ихъ! И съ чего это вздумали люди безусловно покоряться толкамъ двухъ-трехъ тощихъ головъ? Тамъ, гдѣ-то въ Сиріи или въ Египтѣ, выдумали не ѣсть мяса, изъ опасенія умноженіемъ питательныхъ соковъ возбудить въ бо̀льшей степени любострастіе жителей юга, — ни съ того, ни съ сего перенеслось это обыкновеніе и къ намъ на сѣверъ. Если сказать правду, то самый климатъ тамошній требовалъ постовъ, а иначе

[1]) Такое чтеніе слова подчеркнуто въ рукописи; мы не выдаемъ за вѣрное, но его иначе и прочесть трудно по неразборчивости. Ѳ. Б.

просто люди гибли бы отъ постояннаго употребленія горячительныхъ животныхъ соковъ; но, Бога ради, то же ли у насъ на сѣверѣ? Нѣтъ спора, что установленіе постовъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ мѣстѣ очень могло содѣйствовать успѣхамъ нравственности; но у насъ, по замѣчанію медиковъ, мясоястіе, замѣняемое рыбою, вовсе не достигаетъ своей цѣли. На востокѣ вмѣсто мяса ѣли финики, оливы, а у насъ кушаютъ рыбу, а рыба, какъ извѣстно изъ медицины, ужасно возбуждаетъ нервы, и вслѣдствіе этого — похоть, которой тамъ боялись и избѣгали установители поста. Право, съѣвши крылышко курицы или сочный котлетъ, я меньше почувствую требованія плоти, чѣмъ какой нибудь постникъ, угощающій свой мамонъ ухою стерляжьей и отличнымъ фазаномъ съ прибавкою доброй красоули вина. Притомъ, что тутъ особеннаго для нравственности, если вы кушаете грибы, а я индѣйку? Неужели въ самомъ дѣлѣ можетъ кто нибудь подумать, что Богъ именно благословитъ того, кто всталъ изъ-за стола съ тощимъ, сжавшимся какъ мокрая подошва, желудкомъ? Неужели вы, господинъ постникъ, вѣрите, что Богу, кромѣ вашей мамоны, и заниматься нечѣмъ? Пожалуйста, не говорите мнѣ, что Богъ самъ установилъ постъ еще въ раю: это, вотъ видите ли, дѣло спорное, темна вода во облацѣхъ, и если мы соглашаемся на ваше толкованіе, то потому только, что вы облекаете все это авторитетомъ вѣры. Вы мнѣ скажете, что Спаситель нашъ самъ постился. Знаю, да ему и некогда было пировать. Втеченіе сорока дней онъ приготовлялся къ Божественному, великому служенію; онъ былъ занятъ благомъ всего человѣчества, и сшедшаго во адъ, и жившаго и имѣвшаго жить на землѣ: до пищи ли, до питія ли ему тутъ было? Если мы, ничтожныя созданія въ сравненіи съ великимъ Совершителемъ нашего спасенія, замышляя какое нибудь, по мнѣнію нашему, важное дѣло, отказываемся часто отъ хлѣба, не спимъ дней и ночей, то что жъ мудренаго, если Господь нашъ, исходившій на брань съ міромъ, людьми, діаволомъ, постился сорокъ дней? И неужели можно вѣрить, что постъ этотъ принятъ былъ имъ съ единственною цѣлью — показать намъ примѣръ? Оно, если угодно, и такъ, но только въ томъ смыслѣ, что и мы, предпринимая важное какое нибудь дѣло, не должны гулять да бражничать, а бдѣть и трудиться, обдумывать и соображать. Повѣрьте, не чрево и не брашно, по выраженію апостола, поставляютъ насъ правыми предъ Богомъ, а вѣра въ Спасителя и добрыя дѣла. Не спасется Гарпагонъ, питающійся гнилымъ хлѣбомъ, не спасется и Факиръ, который кушаетъ во славу Аллаха коренья и свиной пометъ. Вы чувствуете въ себѣ вѣяніе Духа Божія, — не думайте же, что это отъ того, что вы кушали рыбное — это отъ другой, болѣе благородной, возвышенной причины. Благодать вышняя, можетъ быть, бываетъ и на томъ человѣкѣ, который ѣстъ свинину, даже лошадей и, пожалуй, всякую падаль. Мы не жиды; для насъ раздѣляющія

и не раздѣляющія, отрыгающія и не отрыгающія жвачку—вещи зѣло не важныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже самый недостатокъ въ животныхъ отнимаетъ у человѣка возможность дѣлать это тонкое желудочно-святое различіе. Пустяки, братцы, кушайте-ка все, что ни дадутъ вамъ. „Предлагаемое ядимъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ"—вотъ какъ говорилъ великій, постоянно вдохновляемый Богомъ, Учитель языковъ. Видите—онъ даже не велитъ осуждать, а нетолько что предавать анаѳемѣ".

Послѣ приведенныхъ замѣтокъ Аскоченскаго, уже легко себѣ представить, какъ долженъ онъ былъ относиться съ такимъ свѣтскимъ образомъ мысли къ господствовавшей тогда системѣ духовнаго воспитанія и академическому преподаванію.

Отъ академической латыни, проповѣдей и прочихъ непріятностей Аскоченскій искалъ нерѣдко спасенія въ товарищескихъ пирушкахъ съ „пуншемъ" и картами, да еще въ погонѣ за „шляпками", которыхъ отыскивалъ нашъ студентъ, рыская по кіевскимъ церквамъ.

„Сейчасъ только (21-го декабря 1835 г.) отъ разсужденія, коекакъ сбитаго мною изъ самой дубовой латыни. Охъ мнѣ эти проклятые римляне! Когда они перестанутъ насъ безпокоить своимъ мертвымъ, непонятнымъ языкомъ? Эдакіе злодѣи! Мало того, что прахъ ихъ разнесенъ уже вѣтрами, — нѣтъ, не перестаютъ насъ донимать своею дребеденью. Да ужъ, признаться, и мы ихъ угощаемъ. Если бы кости Цицерона, Виргилія, Горація, связались опять жилами и облеклись плотію, если бы, говорю, эти великіе любители латинской прозы и поэзіи прочли наши творенія, то, право, они за счастіе почли бы себѣ опуститься въ самыя подземныя пропасти мрачнаго тартара, нежели услаждаться нашимъ краснорѣчіемъ по части любимаго ими діалекта".

Но занятіе латынью все-таки не докучало Аскоченскому въ такой степени, какъ проповѣди и свои, и чужія, которыя давались ему на рецензію. „Слава Богу! пишетъ онъ, окончилъ про..." Аскоченскій отъ омерзѣнія не въ состояніи былъ видимо дописать это противное слово—онъ какъ будто гадливо бросилъ прочь перо, или уснулъ отъ скуки, какую наводило на него сочиненіе проповѣдей. „Чортъ ихъ побери, всѣхъ этихъ проповѣдниковъ, которые мучатъ православныхъ пошлостями и дичью. Навязалъ же мнѣ лукавый этакое горе: шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, просидѣть за рецензіею одной какой нибудь проповѣди два съ половиною часа. Это просто убійство и времени, и здоровья".

Въ „Дневникѣ" не разъ попадаются и другіе знаки, обнаруживающіе подобное же настроеніе и состояніе духа автора,—иныя страницы залиты его слезами, мѣстами строки выведены дрожащею рукою. Недовольство окружающей средой рано запало въ душу Аскочен-

скаго; оно разрослось, въ бытность его въ академіи, въ озлобленіе и не покидало его и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался профессоромъ академіи.

III.

По окончаніи академическаго курса.

Свѣтлый періодъ въ жизни Аскоченскаго. — Духовно-академическій кругъ, въ которомъ вращался онъ въ началѣ 40-хъ годовъ.—Отзывъ его объ академическихъ преподавателяхъ.—Характеръ лекцій Аскоченскаго.—Кіевское духовенство. — Свиданіе съ А. В. Кольцовымъ.

Наиболѣе свѣтлымъ періодомъ въ жизни Аскоченскаго были 1840 и 1841 годы. Въ 1840 году онъ впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ школьническихъ обязанностей, „мучившихъ его“, по его собственному выраженію, „слишкомъ 15 лѣтъ“. Въ томъ же году онъ получилъ и дипломъ свой на степень магистра. Но главное — говоритъ авторъ — въ томъ, что „я въ первый разъ почувствовалъ тутъ истинную, крѣпкую, какъ смерть, привязанность къ милому, единственному въ цѣломъ мірѣ существу“. Рѣчь идетъ о знакомствѣ съ его первой женой. Бо̀льшая половина „Дневника“ за 1840 и 1841 годы, когда Аскоченскій женился, переполнена изліяніями чувствъ его, тревогами по поводу устройства семейной жизни и сѣтованіями на свое безденежье, которое положительно отравляло ему покой. Но и здѣсь личныя заботы не успѣли поглотить его вполнѣ. Проводя большую часть времени то на лекціяхъ въ академіи, то на частныхъ урокахъ, Аскоченскій не перестаетъ, однако, провѣрять себя самого наединѣ съ своею совѣстью и время отъ времени заноситъ въ „Дневникъ“ сужденія свои о всемъ, что такъ или иначе можетъ имѣть общественный интересъ. Безъ сомнѣнія, академическая сфера всего болѣе занимаетъ автора и служитъ за это время главнымъ предметомъ его критической наблюдательности. Замѣтки его въ данномъ случаѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ одной изъ нихъ авторъ представляетъ въ сжатомъ видѣ тогдашній духовно-академическій кругъ.

„Сегодня (29-го апрѣля) началъ я снова,—пишетъ Аскоченскій,—свои патрологическія лекціи. Добрые студенты собрались всѣ и слушали меня съ возможнымъ вниманіемъ. Не знаю, какъ теперь (т. е. въ 1842 году), а въ наше время это было для преподавателя достойнымъ ручательствомъ того, что онъ знаетъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, и ведетъ уроки свои ревностно и добросовѣстно. Не хваля себя пишу это, а только ободряя свою лѣность на новые труды и хлопоты. При-

знаюсь, люблю послушать стороною объ отзывахъ студентовъ касательно преподающихъ въ академіи разныя науки. Мѣра всему—вниманіе слушателей. У насъ не заставишь неволею идти студента въ классъ. Угрозы, эпитиміи, штрафъ—не пугаютъ его; равнодушно идетъ онъ въ часы занятій за городъ и къ обѣду является непремѣнно, какъ ни въ чемъ нигдѣ не бывалъ. Это велось при насъ, ведется и теперь. И потому-то нѣкоторые наставники академіи часто не досчитываются десятками своихъ слушателей. У ректора—нечего сказать—бываютъ всѣ не отъ того, чтобы они боялись власти его; нѣтъ, ректоръ вовсе не обращаетъ вниманія на то, много ли, или мало сидящихъ въ аудиторіи. Онъ знаетъ только свое дѣло, безъ умолку говоритъ битыхъ полтора часа, изумляетъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, необъятностью своей памяти, энциклопедическимъ знаніемъ всего, что входитъ какъ нибудь въ сферу богословія и, кончая необъятную свою лекцію, выходитъ самъ съ своими слушателями утомленнымъ, измученнымъ. Инспекторъ Іоанникій мало интересуетъ студентовъ своею моралью. Его нравственное богословіе такъ нравственно, что не смѣетъ шагу ступить далѣе предѣла, указаннаго какимъ-то нѣмецкимъ руководствомъ. Скученъ, Господь съ нимъ, этотъ отче. Замѣчательно, что этотъ инспекторъ есть уже вторая ошибка нашего митрополита. Старикъ думалъ, что кто въ семинаріи хорошъ, тотъ будетъ такимъ же и въ академіи—анъ вотъ и нѣтъ... Другія части богословія нѣсколько уже лѣтъ читаетъ бакалавръ Серафимъ, и нѣсколько уже лѣтъ читаетъ прескверно. Вотъ человѣкъ, который такъ ловко посмѣялся надъ неудачнымъ лафатерствомъ Иннокентія (Борисова?)! Мы думали, что изъ Аретинскаго, который въ студенчествѣ бросалъ взгляды выше черемухи, что̀ стоитъ подлѣ академической столовой, мы, говорю, думали, что онъ будетъ однимъ изъ свѣтилъ нашего доморощеннаго музея; не тутъ-то было. Безъ всякихъ свѣдѣній, безъ ученаго такта, съ одною пустопорожнею идеею, онъ уже пятый годъ путаетъ, какъ говорится, бабушку, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: византіизма гибель, а толку ни крошки. Зато-жъ и студенты отдѣлываютъ его. Изъ пяти десятковъ рѣдко бываетъ одинъ десятокъ — и тотъ зѣваетъ до ушей, и при повтореніи — обыкновенномъ прибѣжищѣ преподавателей-лѣнтяевъ, разбѣгаются кійждо по единому. Священное писаніе толкуетъ о. Фотій, и толкуетъ, Богъ съ нимъ, тоже очень, очень плохо, а все отъ того, что учиться не хочетъ. Не зная ни одного живаго языка, не имѣя охоты и терпѣнія копаться въ мертвыхъ фоліантахъ, онъ, какъ выражаются студенты, готовитъ лекціи свои подъ одѣяломъ, и оттого-то при чтеніи ихъ такъ и тянетъ подъ одѣяло. А вотъ послушайте молодаго монаха Макарія,—какъ хорошо, съ какимъ энтузіазмомъ импровизируетъ онъ свои уроки изъ исторіи русской церкви. Послушайте, говорю, его всѣ слушаютъ".

Такъ отзывается Аскоченскій объ академическихъ наставникахъ-

монахахъ; но и о свѣтскихъ преподавателяхъ онъ не позабылъ. Вотъ, напримѣръ, Я. К. Амфитеатровъ:

„Было время, когда этотъ чудесный профессоръ говорилъ лекціи свои съ такимъ энтузіазмомъ, которому нельзя было не симпатизировать: мы слушали его, не переводя духу. Бывало—войдетъ, сядетъ, утрется платкомъ—все это такъ неловко; заговоритъ себѣ подъ носъ, а тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе, а тамъ и пошелъ, и пошелъ. Славно, умно, правильно! А теперь... онъ ослабѣлъ; ревностныя занятія и неизлечимая болѣзнь убили его здоровье, потушили прежній жаръ, и отъ прежняго восторженнаго импровизатора остался скучный читатель старозавѣтныхъ уроковъ. Но прошлое совершенство искупаетъ настоящіе недостатки его преподаванія. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, создалъ науку—пусть ужъ молодежь теперь развиваетъ и горячится надъ нею.

„Д. И. Макаровъ, преподаватель церковной исторіи, читаетъ, какъ бы это сказать... Случалось ли вамъ слушать стараго проповѣдника, который боится на каѳедрѣ говорить по модному, а ломаетъ бѣдный языкъ по письменному? Или случалось ли вамъ слышать чтеніе повѣсти Марлинскаго отъ какого нибудь сельскаго попа, или отъ чего нибудь въ родѣ этого? Если случалось, то вы поймете, какъ досадно и скучно слышать хорошую лекцію, исковерканную какою-то фанатическою набожностью къ цѣлости буквъ и положенную на какія-то жалкія ноты монотоніи. Не знаю, какъ теперь, а въ наше время многіе внимательные слушатели уроковъ Макарова съ четверть часа не могли наладить рѣчи своей на складъ человѣческій. А, впрочемъ, Д. И. дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно. Онъ трудится много, крѣпко много, лишь трудъ его и не видѣнъ.

„За Макаровымъ слѣдую я съ своей патрологіей. Ну, ужъ извините, говорить о себѣ какъ-то не приходится. Перехожу къ преподавателямъ языковъ и напередъ замѣчу, что эта часть во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне запущена. Читаютъ мертво, сами преподаватели не имѣютъ хорошихъ свѣдѣній по своему предмету, и потому студенты весьма простительны въ небреженіи своемъ на этотъ разъ. Еврейскій языкъ читаетъ И. П. Максимовичъ и постоянно ссорится съ пустыми партами. Языкъ Гомера и Пиндара достался подъ опеку И. М. Бобровницкаго, который столько же знакомъ съ греческими діалектами, сколько я съ китайскою азбукою. Приготовится дома по латинскому переводу, пріищетъ слова въ лексиконѣ Ивашковскаго, придетъ въ классъ, переведетъ; на него и его переводъ позѣвываютъ долготерпѣливые студенты, и довольный собою, прилизанный и примазанный, бакалавръ идетъ съ великой своей лекціи въ сопровожденіи двухъ-трехъ, а много-много десяти студентовъ. Вотъ вамъ и всѣ преподаватели по классу богословія".

„Классъ философскій былъ счастливѣе. Въ регентствѣ Иннокентія

философія дошла до высшей степени своего совершенства. Отличные преподаватели (Новицкій, Карповъ, Михневичъ, и потомъ Авсеневъ) держали ее въ такомъ видѣ, что Иннокентій безъ хвастовства могъ сказать, что нигдѣ въ Россіи не читается лучше филисофія. Но то было и прошло,—что теперь? Ветеранъ философіи, ординарный профессоръ И. М. Скворцовъ, и до сихъ поръ еще подвизается на давней своей аренѣ. Иннокентій толкнулъ его, и отскочивъ отъ Винклера, Скворцовъ въ иную пору и въ добрый часъ говорилъ и говоритъ дѣльно. Какъ бы то ни было, но двадцатипятилѣтняя служба заставляетъ смотрѣть снисходительно на нѣкоторыя странности нашего ветерана и даже уважать его за многое. Авсеневъ, экстраординарный профессоръ, нѣсколько уже лѣтъ дѣлаетъ свое дѣло мастерски, и студенты умѣютъ цѣнить и понимать его. Весь углубленный въ нѣметчину, онъ, однако же, строго держится духа православія и миритъ философію съ ученіемъ вѣры, дѣлая это безъ насилія той и другой. Этому человѣку можно и должно сказать большое спасибо. Третій преподаватель философіи есть В. Н. Курковскій. Если надобно опредѣлить значеніе этого человѣка, то стоитъ только выпустить пуфъ дыму и, указавъ на него, промолвить: се онъ! О немъ можно сказать: если бы онъ не былъ дуренъ, то непремѣнно былъ бы хорошъ. Страсть пускать пыль въ глаза, какая-то натянутость, хвастовство маленькими свѣдѣніями и буфы, постоянные буфы — понятны всякому и сдѣлали изъ него чудака, надъ которымъ смѣются не боясь грѣха. Математическія науки читаютъ двое: ординарный профессоръ В. П. Чеховичъ и бакалавръ Д. А. Подгурскій, и читаютъ, должно быть, хорошо, потому что имѣютъ довольно охотниковъ для слушанія своихъ сухопарыхъ ликцій.

„Всеобщая исторія... постойте, дайте перевести духъ... Когда-то давно, еще въ первомъ курсѣ здѣшней академіи былъ одинъ студентъ, отличавшійся аккуратностью и классическою точностью. Студентъ этотъ хорошо училъ уроки, подавалъ во время задачи, регулярно ходилъ въ столовую, въ церковь и былъ пес plus ultra исправный ученикъ. За таковыя похвальныя качества его присудили оставить бакалавромъ, кажется, французскаго языка. Прошло нѣсколько времени и ему отдали въ жертву исторію, и съ тѣхъ поръ онъ вымучиваетъ изъ нея дыханіе и жизнь. Взявъ въ помощники себѣ Кайданова (т. е. разумѣется, учебникъ), онъ тиранитъ ее, анатомируетъ и сѣчетъ, какъ живорѣзъ-Мажанди бѣдное животное, и за это дали ему пряжку съ римскими цифрами XV. Страхъ послушать, какъ онъ начнетъ разсказывать о событіяхъ древняго міра: ни одной живой мысли, ни одной идеи, которая бы проникала мертвые факты, нанизанные какъ попало, на удачу. Для этого человѣка какъ будто нѣтъ ни Гертера, ни Нибура, ни Погодина, ни Шафарика. Бѣдная исторія, бѣдная академія, бѣдные студенты! Губитъ васъ А. Д. Граниловъ! Учи, учи, учи наизустъ, тверди всякій вздоръ, даже и о

томъ, какая случилась оказія съ Копронимомъ въ купели, какъ Аргонавты похитили золотое руно, или... виноватъ, спутался. Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не все равно? Сказка—не быль: истина не пострадаетъ. А какъ важенъ этотъ нашъ отсталый профессоръ,—иной разъ подумаешь, что онъ съ неба звѣзды хватаетъ, а приглядишься поближе, анъ и выйдетъ трынъ-трава. Въ параллель ему можно и даже должно поставить экстраординарнаго профессора С. Ѳ. Соловьева. Братцы мои! Гдѣ это слыхано, чтобъ до сихъ поръ держаться, какъ за послѣднюю доску послѣ кораблекрушенія, Бати и Лагарпа? Боже мой! Что, если бы какой нибудь литераторъ послушалъ лекціи нашего Тредьяковскаго? Онъ обмеръ бы со страху, а мы—отъ стыда. Вотъ ужъ попалъ не въ свою колею. Я каждый разъ принужденъ сидѣть какъ на иголкахъ, когда бѣдные студенты, по наряду своего профессора, начинаютъ корчить словесниковъ. Ужасъ да и только! Вообразите, для него и теперь Россіада Хераскова—chef d'oeuvre русской эпической поэмы; для него и до сихъ поръ Ломоносовы рѣчи—образецъ прозаическаго краснорѣчія; для него и теперь Пушкинъ еще не поэтъ, Хомякова—какъ не было, Баратынскій—миѳъ, Лермонтовъ—сказка, Грибоѣдовъ—темна вода во облацѣхъ. Ахъ, батюшки мои, и это въ академіи? И это въ высшемъ учебномъ заведеніи?.. Бѣдная словесность! Бѣдные слушатели! бѣдный горемыка профессоръ!

„Перейдемъ теперь къ самому гадкому отдѣленію академической учености—къ языкамъ. Начнемъ съ французскаго, или нѣтъ—лучше не начинать. Довольно сказать, что его читаетъ Минервинъ—человѣкъ, у котораго если не телячья голова, то я, право, уже не знаю, какая, только увѣренъ въ томъ, что не человѣчья. Нѣмецкій языкъ остается за Гогоцкимъ. Исполняя ex officio свою Сизифову работу, онъ глядитъ въ лѣсъ, и потому, окончивъ съ пренебреженіемъ несносную лекцію, спѣшитъ къ болѣе важнымъ, домашнимъ ученымъ занятіямъ. По крайней мѣрѣ, онъ иногда забавляетъ слушателей своихъ разсказами о нѣмецкой литературѣ. Дѣлалъ когда-то и я съ своимъ польскимъ языкомъ, но теперь, изъ уваженія къ патрологіи, я бросилъ прежнюю свою любовницу—литературу польскую...“

Въ дневникѣ подъ 23 января 1846 г. Аскоченскій упоминаетъ и о характерѣ своихъ лекцій.

„Несмотря на то, что предметомъ ихъ служатъ лица, которыхъ почитать повелѣваетъ намъ святая наша церковь, и которыя въ минуты смиренной молитвы для меня самого служатъ предметомъ благоговѣнія, — несмотря, говорю, на это, я на каѳедрѣ профессорской рѣшился оторваться отъ той мысли, что у меня имѣется дѣло съ святымъ человѣкомъ. Что мнѣ за надобность, думалъ я, пиша во время оно свои лекціи, до святости такого-то; на благоговѣйное усмотрѣніе высокихъ подвиговъ угодника Божія суть особенныя времена, особые случаи, особые пріемы. Передо мной пусть онъ станетъ человѣкомъ, съ своею разумною рѣчью, съ своими сердечными убѣж-

деніями, даже съ своими человѣческими взглядами и ошибками, какъ слѣдствіями того или другаго направленія. Я читаю его сочиненія, разбираю ихъ, какъ критикъ, а не безотвѣтный поклонникъ прославленной Богомъ и людьми святыни. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня, быть можетъ, въ кощунствѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что я не виноватъ въ этомъ грѣхѣ, я говорю теперь и оставлю моему потомству записки мои, и не боясь самохвальства, скажу: exegi monumentum aere perennius. Да, Богъ одинъ видѣлъ, сколько поднято было мною трудовъ для составленія вотъ этихъ двухъ фоліантовъ, которые покоятся на этомъ столѣ, подавивъ своею тяжестью мелочныя книжки и брошюрки. Я шелъ непробитою дорогою, шелъ одинъ—безъ руководителя; впереди меня былъ дремучій лѣсъ; виляя изъ стороны въ сторону, я проложилъ, однако жъ, въ этомъ лѣсу просѣку и теперь уже лучше и вѣрнѣе будетъ идти моимъ послѣдователямъ. Благодарю Тебя, Господи, что Ты подалъ мнѣ силъ и способностей выполнить это служеніе на пользу добрыхъ и юныхъ моихъ братій"! „Тщательно, однако жъ, скрываю я лекціи мои отъ неразумной ревности нашихъ инквизиторовъ-монаховъ, которыхъ и безъ того уже бѣситъ нескрываемый восторгъ моихъ слушателей. Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерически и экзотерически. Въ аудиторіи, оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю имъ все, что идетъ мнѣ въ голову, и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи,—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что жъ дѣлать"?

Небезъинтересно здѣсь же привести отзывъ Аскоченскаго о кіевскомъ духовенствѣ, который высказанъ имъ въ дневникѣ 1845 г. по окончаніи курса въ академіи, на основаніи долговременныхъ личныхъ наблюденій.

„Въ Кіевѣ оно болѣе чѣмъ гдѣ либо раздѣляется на черное и бѣлое. Къ первому отдѣленію принадлежатъ ученые, состоящіе въ училищной службѣ монахи, и тѣ, которые живутъ по монастырямъ. Монахи, относящіеся къ ученому классу, рѣзко отличаются отъ прочихъ своихъ братій. Свободные отъ скитскихъ обязанностей, они ведутъ жизнь болѣе вольную и во многихъ случаяхъ позволяютъ себѣ licentiam vitalem *). Иннокентій нѣкогда и вовсе нечаянно хорошо опредѣлилъ ихъ значеніе въ составѣ общества. „Зачѣмъ вы", говорилъ онъ одному изъ студентовъ академіи, убѣждая его вступить въ монаше-

*) Такъ-сказать, житейскія вольности. Ѳ. Б.

ство, „воображаете себѣ тутъ что нибудь особенное? Это ни больше, ни меньше, какъ отдѣльная каста людей, точно также, какъ сословіе дворянъ, купцовъ и прочая“. Слова эти явно относятся только къ лицамъ монашествующимъ ученымъ. Это, точно, каста людей, которые водятся тѣми же правилами, тѣмъ же образомъ мыслей, какъ и всѣ порядочные въ свѣтѣ люди. Они мастера покутить, любятъ хорошіе экипажи, одѣваются въ шелковыя платья и предпочтительно предъ другими лицами своего сословія втораго разряда вѣжливы и уклончивы. Послѣднее свойство—уклончивость—они простираютъ немножко далеко. Передъ своимъ владыкою (такъ обыкновенно они называютъ митрополита) они падаютъ ницъ, и поклоны, отвѣшиваемые ими передъ его высокопреосвященствомъ, свидѣтельствуютъ о необыкновенной гибкости ихъ позвоночнаго столба. Не скажу, чтобъ они совершенно были чужды видовъ честолюбія,—это невозможно, особливо въ ихъ быту, гдѣ только и есть пища для ихъ души,—но не согласенъ опять и съ тѣми, которые увѣряютъ, что единственная цѣль ихъ жизни есть достиженіе высшихъ іерархическихъ степеней. Ученые монахи очень хорошо знаютъ, что все это придетъ само собою, и потому не слишкомъ заботятся о томъ, чтобы стать скорѣе на важный постъ служенія. Поэтому между ними не видно ни интригъ, ни сплетней. Они спокойно выжидаютъ, пока кого нибудь сведутъ съ своего поста или смерть, или неудача,—тогда уже навѣрнякъ каждому изъ нихъ повышеніе. Въ соблюденіи правилъ монашества они не слишкомъ строги; въ образѣ мыслей свободнѣе прочихъ, потому что образованнѣе, но эта свобода все-таки не мѣшаетъ имъ быть строгими блюстителями православнаго ученія вѣры. Мнѣ много разъ случалось пробовать ихъ въ этомъ отношеніи—и я всегда съ удовольствіемъ находилъ въ ученыхъ монахахъ твердость и устойчивость въ догматахъ и вѣрованіяхъ, занятыхъ отъ древняго православія.

„Не таковъ второй разрядъ монаховъ, проживающихъ въ здѣшнихъ монастыряхъ. По большей части монахи эти бываютъ изъ низшаго класса людей—и потому грубость и невѣжество остается всегдашнею отличительною чертою, общею почти всѣмъ имъ; по степени и важности монастырей и сами монахи придаютъ себѣ болѣе или менѣе важности. Монахъ лаврскій господствуетъ надъ всѣми. Онъ опрятнѣе одѣтъ, выше носитъ голову и говоритъ всегда отъ божественнаго. Покойный митрополитъ Евгеній въ эпиграматическомъ анекдотѣ умѣлъ опредѣлить разность между кіевскими монахами. „Изъ какого вы монастыря, батюшка?“—Съ Братскаго, смиренно отвѣчаетъ черноризецъ въ запыленной рясѣ и съ загорѣлыми руками безъ перчатокъ. „А вы изъ какого?“—Зъ Михайлівскаго, говоритъ протяжно отецъ святой, скидая перчатку и открывая бѣлую и полную руку, чтобъ благословить спрашивающаго. „А вы, отче святой, изъ какого монастыря?“—Спытай у хлопца.—Это, изволите видѣть,

монахъ лаврскій, всегда почти тучный и бѣлый, не щедрый на разговоры и очень хорошо умѣющій оцѣнить блаженство квіэтизма; не думайте, однако же, чтобы эти всѣ монахи точно были лежебоками и лѣнтяями. Нѣтъ, ихъ работа трудная. Тогда какъ ученое монашество отдыхаетъ въ пуховикахъ послѣ вечерней пирушки, монахъ монастырскій стоитъ въ церкви и тянетъ безконечную утреню. Съ охотою, или нѣтъ это дѣлаютъ они—не мнѣ судить; по крайней мѣрѣ, безпричинныя опущенія этой обязанности здѣсь невозможны. Замѣчательно, между прочимъ, что чѣмъ выше по значенію монастырь, тѣмъ меньше въ немъ грубыхъ пороковъ, но чѣмъ ниже, тѣмъ больше въ немъ пьянства и прочаго. Объ лаврскихъ монахахъ разсказываютъ (разумѣется, съ исключеніями), что многіе изъ нихъ имѣли и имѣютъ у себя на содержаніи женщинъ. Навѣрное утверждать этого не могу. По крайней мѣрѣ, судя по мѣрамъ строгости, недавно введенной митрополитомъ теперешнимъ, можно думать, что въ этомъ случаѣ точно было не безъ грѣха. А при покойномъ Евгеніи Лавра таки порядочно кутила на свой пай. Этому много способствуетъ богатство монаховъ и молодость большей части ихъ.

„Бѣлое духовенство здѣсь вовсе не на такомъ счету, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Несмотря на заслуги свои, щедро награждаемыя монаршими милостями, оно мало пользуется уваженіемъ, особенно высшаго класса людей. Простолюдины, правда, уважаютъ духовныхъ, но и то не искренно, не отъ души. Причина этому прежде всего—давняя свычка съ католическимъ духовенствомъ, не въ примѣръ нашему образованнѣйшимъ и умѣющимъ держать себя; наши духовные, по большей части, погрязли въ семейныхъ, жизненныхъ разсчетахъ и во многихъ случаяхъ играютъ роли ростовщиковъ, что, само собою разумѣется, отнимаетъ у нихъ по нѣскольку золотниковъ уваженія отъ прихожанъ. Мнѣ не случалось встрѣтить въ Кіевѣ священника, который бы святотатственно не считалъ храма Божія арендою, съ которой онъ всѣми зависящими отъ него средствами сбираетъ доходъ себѣ. Цинизмъ въ одѣяніи, неумѣстное простодушіе, прикрывающее ненасытную жажду наживаться, малороссійскія шутки и паясничество—вотъ скверныя стороны, которыми портитъ свою репутацію кіевское духовенство. Я не могу безъ отвращенія смотрѣть, какъ протоіереи даже, надѣвъ эпитрахиль, бродятъ по церкви, насильно зазывая богомольцевъ, чтобы выманить у нихъ алтынъ. Случалось видѣть мнѣ протоіереевъ въ камилавкѣ и съ наперстнымъ крестомъ, сидящихъ на порогѣ и потѣшающихъ наивными разсказами праздную толпу. Подчиненности въ ея благородномъ видѣ здѣсь не ищите. Дьяконъ преспокойно себѣ сидитъ развалившись, когда мимо его проходитъ протопопъ; дьячекъ въ изорванномъ или засаленномъ сюртукѣ, съ чудовищными бакенбардами, съ взъерошенными волосами и съ препьяною рожею хохочетъ съ какою нибудь бабою въ то время, когда мимо его проходитъ особа, гораздо повыше

его въ чину іерархическомъ. Къ слову сказать, хуже этого отребія человѣчества я нигдѣ не встрѣчалъ. Грубость и невѣжество—это самыя обыкновенныя свойства причта; неопрятность, нечистота—это второстепенныя ихъ качества; пьянство и развратъ клеймятъ ихъ деревянныя рожи такою гадкою печатью, что нѣтъ силъ смотрѣть. Словомъ сказать, кіевское бѣлое духовенство по справедливости не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какое приличествуетъ священному сану".

Вскорѣ по выходѣ изъ академіи, Аскоченскому удалось побывать на родинѣ. Сама по себѣ поѣздка въ Воронежъ не заслуживала бы вниманія, если бы съ нею не было связано въ дневникѣ воспоминанія о свиданіи съ А. В. Кольцовымъ. Вотъ какъ описано это свиданіе, происходившее 12 іюля 1841 года:

„Длинная, винтообразная лѣстница привела, наконецъ, меня къ уютному жилью любимца моего. Съ какимъ-то тихимъ замираньемъ сердца взялся я за ручку двери, за которою было передумано такъ много думъ, святыхъ мыслей, за которою такъ сильно и звучно билось сердце общечеловѣческою любовью. Замокъ щелкнулъ. Я вошелъ въ переднюю, сбросилъ шинель и, ставъ передъ поэтомъ, сказалъ:

— Здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ. Вы, конечно, меня не знаете.

— Нѣтъ, не имѣю чести, отвѣчалъ онъ удушливымъ, сиповатымъ голосомъ.

„Я отрекомендовался. Онъ просилъ меня сѣсть. Съ минуту я смотрѣлъ на него, не сводя глазъ. Мнѣ хотѣлось изучить это чело, въ которомъ зарождалось столько высокихъ, міровыхъ идей; мнѣ хотѣлось насмотрѣться на этого человѣка, для котораго природа была единственною книгою, который сталъ мастеромъ, не бывъ никогда труженикомъ науки. Это, думалъ я, помазанникъ Божій, и этотъ человѣкъ уже чуть дышетъ. Онъ говоритъ почти неслышнымъ голосомъ, за каждымъ словомъ переводитъ духъ. Съ непритворнымъ участіемъ я спросилъ его о здоровьѣ.

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ,—теперь... мнѣ лучше... а прошлый годъ... приходилось плохо.

— Живите Алексѣй Васильевичъ, живите для нашей родной литературы. Мы и такъ уже несчастливы, лишившись великаго представителя нашей народной...

— Меня, прервалъ онъ,—избаловали неумѣренныя похвалы нашихъ критиковъ... Избавьте меня отъ похвалъ.

— Умѣйте различать какую нибудь безотчетную, восторженную похвалу фельетониста отъ искренней привязанности и уваженія къ вашимъ талантамъ людей, которые знаютъ, какъ понимать васъ. Что касается до меня, то скажу вамъ прямо: я влюбленъ въ васъ.

„Поэтъ мой улыбнулся.

— Да, продолжалъ онъ,—во мнѣ хотятъ видѣть мѣщанина... Я прошу всѣхъ, чтобы на меня смотрѣли, какъ на человѣка... Я имъ

даю фактъ... Что имъ за надобность, съ неба ли беру я мое вдохновеніе, или отъ земли...

„Удушливый кашель прервалъ его рѣчь. Я просилъ его успокоиться.

— На васъ, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ я,—надобно смотрѣть, отвлекаясь отъ всѣхъ условій общественнаго быта. Вы поэтъ,—и выше этого титла я не знаю и не хочу знать ничего.

— Благодарю васъ.—Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Мнѣ тутъ тяжело, сказалъ онъ,—нѣтъ человѣка, который бы могъ подарить хоть... одной свѣтлой мыслью... Здѣсь пустыня.

— Такъ вамъ не нравится здѣшнее общество?

— Боже мой! Да развѣ здѣсь люди?.. И баранъ—прекрасное твореніе Божіе, онъ даетъ волну, мясо... онъ полезенъ... Но людямъ унижаться до барана, быть только матеріально полезными... это какъ-то... неловко... Они смотрятъ на меня, какъ на потеряннаго человѣка... оттого, что я не приношу имъ волны и сала... Здѣшніе чиновники—мандарины... простой народъ—китайцы... дамы — настоящіе куконы.

— Вотъ вамъ рука моя, я съ вами согласенъ. Однако жъ, извините, вамъ надобенъ покой.

— Беру съ васъ слово, что это не послѣднее ваше посѣщеніе.

— Если только не наскучу вамъ...

— Я человѣкъ больной... и если я скажу вамъ напрямки, что мнѣ дурно... то вы не обидитесь... и не назовете меня каннибаломъ...

— Такъ, стало быть, этикетъ въ сторону?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ я вашъ.

„Онъ проводилъ меня до дверей, изъявивъ желаніе поговорить со мною объ академіи, и простился до свиданія. Я былъ радъ его приглашенію и, однако жъ, по обстоятельствамъ, при всемъ желаніи моемъ не могъ воспользоваться имъ...“

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

IV.

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

Переходное время для Аскоченскаго.—Кончина первой жены.—Начало разочарованій.—Увлеченіе разсѣянной жизнью.—Фальшивое положеніе Аскоченскаго въ свѣтскомъ кругу.—Его „житейская грамматика“.—Свѣтскій катехизисъ.—Пѣснь одиночества.—Начало увлеченія В. Н. Балабухой.—Дневникъ сватовства Аскоченскаго.—Неудачи сватовства.—Развязка его.—Мечты о минувшемъ.

1842-й и первая половина 1843 года были для Аскоченскаго переходнымъ временемъ отъ радостей къ жестокому потрясенію. Много событій пережилъ онъ, отъ которыхъ, „посѣдѣли цѣлые десятки волосъ“. „Тамъ—говоритъ онъ о дневникѣ этого года—яркими красками написались счастливыя мгновенія, когда я назвалъ себя отцемъ; тамъ написались черезъ нѣсколько времени горькія слезы, которыми я проводилъ первенца моего въ могилу. Тамъ есть строки, которыя скажутъ моему потомству о смерти доброй, единственной страдалицы—моей маменьки; тамъ много, много омытаго горячими слезами раскаянія, поздняго сожалѣнія, томительной грусти, безпомощной нужды, обманутыхъ ожиданій, и однако все это прошло. Что же тутъ напишется?.. Вопросъ не легче Гамлетовскаго: быть или не быть?“.

Такъ писалъ Аскоченскій 10-го августа 1843 г., а 22-го января слѣдующаго года мы читаемъ уже:

„Ночь—страшная ночь!—А слезъ нѣту. Я чувствую, что все не такъ во мнѣ, какъ должно, а какъ должно—того не знаю. Софья велѣла позвать священника—нею“...

---

[1]) Продолженіе. См. „Историч. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 318.

Дальше дописать, очевидно, былъ не въ силахъ Аскоченскій,— ему уже было не до дневника. На третій день послѣ этого умерла первая жена Аскоченскаго. Какъ потрясла его эта кончина, показываетъ сдѣланное однимъ изъ студентовъ академіи описаніе всего, что происходило тогда съ Аскоченскимъ. Онъ почти помѣшался, бродилъ какъ тѣнь, ища своего „ангела — Софью". Вотъ одна изъ записей, какими надолго потомъ переполняется дневникъ послѣ смерти жены.

„Хоть бы во снѣ мнѣ увидѣть ее! Нѣтъ, не вижу, а тамъ, на кладбищѣ, только холодная земля. Гдѣ жъ Софья-то моя? Други мои! гдѣ жъ Софья-то моя! Я искалъ ее межъ нѣмыхъ памятниковъ; туда ее отнесли—а все нѣтъ ея; я звалъ ее на могилѣ ея—и она не сказала мнѣ ни слова. Софья, Софья! Явись же ко мнѣ хоть во снѣ. Скажи, какъ ты живешь тамъ? Что дѣлаешь, о чемъ думаешь? Господи, Боже мой! Хоть на одну минуту, хоть на одно слово повели снизойти моему ангелу ко мнѣ, несчастному".

Долго не могъ Аскоченскій помириться со смертью жены: этотъ моментъ былъ для него началомъ разочарованій. 29-го августа читаемъ въ дневникѣ: „Не думаете ли вы, что я дорожу теперь чѣмъ нибудь? Совершенно предавшись въ волю Божію, я бросился въ море жизни и иду безъ мысли, оторвавъ якорь пустыхъ надеждъ и желаній. И для чего надѣяться? Для того ли, чтобъ еще разъ обмануться въ своихъ надеждахъ? Будетъ, не надо. Пусть же уроки повторяютъ непонятливые, безпамятные ученики судьбы, а я знаю и твердо помню данный мнѣ Господомъ Богомъ урокъ. И желать не хочу—къ чему? Все вздоръ! У меня и безъ того уже много, куда какъ много сѣдыхъ волосъ, а эти желанія только крушатъ, да сушатъ. Мнѣ теперь одна молитва: „Со святыми упокой мою Софью; а для меня—день прошелъ, благодарю тя, Господи; подай мнѣ и вечеръ съ нощію безсоблазненъ, а обо всемъ прочемъ, якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь".

„Не правда ли, это самый благочестивый кейфъ"?

Но такому кейфу недолго предавался Аскоченскій. Онъ приглашенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ для наблюденія за воспитанникомъ его. Ситегинымъ. Поселившись у генералъ-губернатора, Аскоченскій получилъ безпрепятственный доступъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Послѣдними онъ не брезговалъ,—развѣ въ минуты воспоминаній о женѣ, да когда преслѣдовали его неотвязчивые кредиторы, возобновлялась у него прежняя грусть. Разсѣянная жизнь, видимо освѣжившая его на время, на самомъ дѣлѣ, если вникнуть глубже, была для него тѣмъ „моремъ", въ которое онъ бросился, безъ цѣли, безъ мысли, ища лишь забвенія о пережитыхъ душевныхъ тревогахъ. Неудивительно поэтому встрѣтить такую запись въ день новаго года (1845 г.):

„Подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, спѣшу вписать нѣсколько строкъ въ мой милый дневникъ, спѣшу потому, что теперь уже второй часъ но полуночи и мнѣ крѣпко спать хочется. Ну, слушайте. Балъ (у генералъ-губернатора) былъ блистательный. Мое зрѣніе во-

все притупилось отъ этого блистательнаго блеска—я чуть-чуть не ослѣпъ. Фу, чортъ возьми, даже самое безобразіе съ длиннымъ носомъ и съ кривою таліею казалось очаровательнымъ. Я просто влюбленъ во все,—и въ длинные, и чуть замѣтные носы, и въ кривые, и въ тонко-длинные, какъ шестъ, таліи, и въ мерзлыя и въ горячія очи или глаза, что, кажется, все равно. Варя Балабуха была исключительнымъ предметомъ моего волокитства. Я ей поролъ такую наивную чушь, что любо. Ей-ей, хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, особенно если этотъ бѣлый свѣтъ искрится шампанскимъ и весь состоитъ изъ такихъ... ну, какъ ихъ назвать, чтобы не обидѣть свѣта... элементовъ, какъ, напримѣръ, Лиза Жандръ и Варенька Балабушка"...

Не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, однако, Аскоченскій отмѣчаетъ уже въ дневникѣ: „цѣлый день мучила меня грусть, тоска безотрадная. Не понимаю, гдѣ этому причина. Кругомъ меня все радуется; только я точно рыба на берегу"... Минутами онъ хорошо сознавалъ свое тогдашнее фальшивое положеніе, но выбраться изъ него не умѣлъ и не видѣлъ возможнаго выхода.

„Знаете-ли, о чемъ я теперь думаю?—пишетъ Аскоченскій 19-го января,—о моемъ положеніи? Господу Богу угодно было поставить меня въ такомъ кругу, о которомъ я и во снѣ не мечталъ. Мнѣніе людей насчетъ меня поднялось высоко. По понятію досужихъ наблюдателей моихъ, я и славенъ, и богатъ, и силенъ, и далеко, вишь, пойду. Спасибо имъ за пророчества; но Богъ знаетъ, придется ли мнѣ ихъ устами медъ пить. Точно, я сталъ на такомъ мѣстѣ, что шагъ назадъ можетъ меня сбросить низко, низко, гораздо не въ примѣръ ниже того, какъ былъ я въ первый годъ по окончаніи моего курса. Завистники мои только и ждутъ, чтобы поточить объ меня свои зубы, чтобы залить меня грязью, опачкать желчью. Возвратъ мой въ прежнее состояніе, въ рангъ баккалавра, въ полномъ значеніи этого слова,—уже невозможенъ. Перемѣна моей жизни непремѣнно заставитъ меня перемѣнить родъ службы, или, по крайней мѣрѣ, выдти изъ вѣдомства, которому я теперь принадлежу. Меня называютъ счастливцемъ. И точно, я счастливецъ; но только тѣмъ, что я узналъ великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича, познакомился съ людьми высшаго, лучшаго тона, и имѣю возможность изучать манеру получше той, какою надѣлило меня мое происхожденіе и воспитаніе. Но... тутъ много, много, надобно поставить точекъ. Дмитрій Гавриловичъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего въ мою пользу. Я обѣдаю съ нимъ, провожу иногда вечера, удостоенъ ласковаго, привѣтливаго разговора; но существеннѣе чего либо я не видалъ и не вижу. Богатство мое ростетъ только въ глазахъ моихъ завистниковъ, а въ самой вещи я бѣднѣе послѣдняго камердинера, который неретираетъ ложки и завѣдываетъ половыми щетками. Неоплатные долги разорили меня въ конецъ. Моего жалованья не достаетъ мнѣ на покрытіе и десятой ихъ доли; зато я и не беру его, а между тѣмъ отъ Дми-

трія Гавриловича я не видѣлъ еще и полушки [1]). Serge мой проматываетъ тысячи, а я принужденъ продавать единственное мое серебро, чтобы какъ нибудь помянуть моего друга, мою Софью. Затѣялось было дѣло о переводѣ меня въ университетъ, но на затѣяхъ и остановилось. Я познакомился съ людьми лучшаго тона, но что мнѣ изъ этого? Чтобы поддерживать себя, мнѣ нужны новыя издержки, а изъ какого благополучія... И чѣмъ все это кончится—одинъ Богъ знаетъ."

Подъ гнетомъ такихъ безотрадныхъ думъ, Аскоченскій, пускаясь въ свѣтъ, утѣшалъ себя мыслью, что его не проведешь, что пора платоническихъ увлеченій для него миновала.

„Родъ человѣческій"—пишетъ онъ (28-го января)—„ужасно какъ хлопочетъ о томъ, чтобъ меня женить. Больно не хочется, а впрочемъ—я несовсѣмъ прочь. Только напередъ сказать: кромѣ существительнаго мнѣ нужно—и крѣпко нужно—прилагательное, и ни подъ какимъ предлогомъ и нарѣчіемъ я не вступлю въ союзъ съ однимъ глаголомъ, если числительнаго не будетъ на лицо. Теперь ужъ я въ такихъ лѣтахъ, что междометіями и дѣепричастіями меня не надуешь и я ужъ не пишу стиховъ и не могу питать платонически безсребренной страсти къ мѣстоимѣніямъ личнымъ безъ притяжательныхъ въ среднемъ родѣ. Это моя житейская грамматика, въ непогрѣшимость которой я вѣрю, какъ турокъ въ свой алькоранъ, и дѣйствительность которой буду отстаивать всѣми силами". Кромѣ этой грамматики, которая, какъ увидимъ впослѣдствіи, хотя и представлялась непогрѣшимой автору дневника, но на дѣлѣ оказалась для него недѣйствительной, онъ пробовалъ составлять для себя „свѣтскій катехизисъ".

„Онъ у меня не a priori сочиняется, а изъ наблюденій и подслуховъ.—Одѣвайтесь со вкусомъ—вотъ общее правило; отсюда частности. Боже васъ сохрани испестрить себя цѣпочками и разными бездѣлушками модниковъ низшаго класса. Вы будете бросаться въ глаза, а это ужь несносное mauvais genre. Перчатки чтобъ у васъ были всегда чисты, хоть и немножко разорваны—это ничего, напротивъ, это даже bon genre; но главное, чтобъ перчатки съ трудомъ всползали на вашу руку и держали ее словно въ тискахъ.

„Громко говорить тоже mauvais genre, а спорить—просто упаси васъ Богъ! Если вы заспорили—поздравляю васъ!—вы убиты. Смѣяться много и долго—mauvais genre. Самому смѣшному вы только улыбнитесь.

„Покамѣстъ будетъ. Нѣтъ, еще вотъ что, но это ужъ собственно для меня. У меня есть несчастная слабость быть всегда веселымъ. По настоящему—тутъ нѣтъ несчастія, но дѣло въ томъ, Викторъ Ипатьичъ, смотрите, чтобъ веселость ваша не допускала тривіальности и пошлости. Заставляйте смѣяться другихъ, но сами не смѣйтесь.

[1]) Аскоченскій писалъ это, прожив у Бибикова болѣе полутора года.

Иначе вы сами будете смѣшны. Врите, но не завирайтесь; проказьте, но не забывайтесь".

Какъ ни старался Аскоченскій обмануть самого себя увѣреніями, что сердцу его мило его положеніе въ свѣтѣ, но временами нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ сомнѣніе—и снова тоска и скорбь души входятъ въ свои права.

„Нѣтъ, Богъ съ ними, — наскучили мнѣ эти балы. Все такъ свѣтло, однообразно, блистательно, приторно, какъ ликерная конфекта... Ни одного порядочнаго впечатлѣнія... Вижу, чувствую, какъ твердѣетъ душа моя—и, по временамъ, находятъ на нее припадки сплина. И снова тѣснится въ сердце мое грустная пѣснь одиночества, и не выжимая слезы, давитъ меня своею тяжестію... И пройдутъ (годы), видно, такъ, не оставивъ по себѣ слѣда, и не придется, знать, подобрать мнѣ отрадныхъ воспоминаній, прихотливо брошенныхъ судьбою на пути остальной моей жизни.

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки—и все тамъ ничтожно!"...

Это писано 31-го января 1845 г., а подъ 4-ымъ февраля читаемъ:

„Не знаю, съ нѣкотораго времени не оставляетъ меня какое-то тревожное чувство. Что-то мнѣ пророчитъ,—угадать не могу. Проклятые кредиторы безсовѣстно и неотвязно лѣзутъ къ мнѣ. Они дураки вообразили, что у меня теперь золотыя горы. Особенно эти Гурьевы ханжи. Старая корга грозитъ мнѣ судомъ—будь она проклята, вѣдьма! Мошенникъ экономъ финтитъ со мною такъ предательски, что свиданіе съ нимъ для меня тяжеле похмѣлья. Не знаю, когда и какъ выпутаюсь я изъ долговъ моихъ. Если Дмитрій Гавриловичъ не поможетъ мнѣ, такъ я пропалъ".

„10 часовъ вечера. Нѣтъ, братцы, видно худо наше дѣло. Куда ни кинь—все клинъ. Придется, видно, и мнѣ испытать на себѣ непріятности серьезныя. Тамъ не къ мѣсту, тамъ опоздаешь, туда самому не хочется,—словомъ, то то, то другое, а все-таки концовъ не сведешь. Прескверно даже, милостивые государи.

„Весело, довѣрчиво, сладко, шелъ разговоръ мой съ Варенькою; я почти забылся и готовъ былъ сейчасъ же подать ей руку. Но скоро опомнилась проказница и безъ околичностей сказала мнѣ, что между нами ничего не можетъ быть похожаго на дѣло, и все потому, что она обручена тамъ за какого-то Никанора, богатаго купца. Съ досады, ей-Богу, съ досады (подите-жъ теперь, какъ капризно сердце человѣческое!) я укусилъ себѣ губу и чуть-чуть не пропѣлъ Варенькѣ пародированную пѣснь Офеліи:

Моего вы знали-ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ,
Въ круглой шляпѣ чудо парень,
Первой гильдіи купецъ.

„И Богъ знаетъ почему, но мнѣ стало грустно. Я какъ будто потерялъ что-то. Сердце, раскрывшееся такъ широко и привѣтно, такъ разыгравшееся на тему давно забытой страсти—сжалось попрежнему, замолкло совсѣмъ. Съ какою-то кислою усмѣшкою порѣшилъ я рѣчь мою, рѣчь, сказать правду, таки порядкомъ восторженную, страстную. „Благодарю васъ, В. Н. (Варвара Николаевна), сказалъ я, что вы безъ дальнихъ проволочекъ подписали мнѣ отставку. И вамъ хорошо, и мнѣ покойно".

Аскоченскій не на шутку сталъ увлекаться В. Н. Балабухой и мало-по-малу это увлеченіе перешло въ сильную привязанность, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Исторія сватовства, какъ весьма характерный эпизодъ, въ которомъ ярко обрисовалась личность Аскоченскаго, приводится ниже цѣликомъ. Первая бесѣда съ Варенькой, послѣ вышеприведенной прощальной бесѣды съ ней, имѣла мѣсто 7-го апрѣля.

„Варенька встрѣтила меня—пишетъ Аскоченскій, видимо стараясь подтрунить надъ собою—„такъ радушно, что я почувствовалъ въ боку моемъ легкое трепетаніе и чуть-чуть не убѣдился, что у меня точно есть что-то похожее на сердце. Мы заговорили, да такъ сладко и привольно, что не позволили бы никому слушать нашъ разговоръ. Къ нашему горю и досадѣ, насъ позвали внизъ пить чай, и мы съ облаковъ романической мечтательности спустились прямо къ самовару, толстому какъ купчиха. Нечаянно, право, нечаянно мы сѣли съ Варенькою другъ противъ друга; нечаянно тоже я взялъ ее за руку и сталъ пересматривать перстни, горѣвшіе на ея пальчикахъ.

— Подарите мнѣ, сказалъ я,—какой-нибудь изъ этихъ перстней на память.

— Ни за что въ свѣтѣ, сказала она.

„А между тѣмъ на мизинцѣ моемъ былъ уже перстень съ руки Варенькиной.

— Отдайте, говорила мнѣ Варенька,—этотъ перстень. Я вамъ другой дамъ.

— Когда-жъ вы дадите? спросилъ я.

— Когда вамъ будетъ угодно.

— Какой же это будетъ перстень?

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, указывая на обручальное кольцо.

„Ого! — подумалъ я. Это ужъ слишкомъ ясно, и чуть-чуть не обжегся горячимъ чаемъ.

— Посмотрите, что́ я пишу, сказала Варенька, указывая на окно, гдѣ она своимъ пальчикомъ рисовала мое имя и фамилію.

„Гмъ,—и это не темно, заключилъ я.

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила Варенька.

— Ничего покамѣстъ.

— А знаете-ли, вѣдь я думала, что вы сердиты на меня.

— За что?

— Помните, какъ я вамъ сдѣлала рѣшительный отказъ.

— Помню, и отъ того-то я спокоенъ. Между нами все рѣшено.

— Ну, терять надежды не надо.

— А развѣ вы согласились бы?

— Обо мнѣ говорить нечего; но у меня есть кое-кто постарше— мои родители.

„Тпру, тпру, тпру! подумалъ я, далеко заѣхали мы. Неравно голову свернешь. Я поворотилъ на-лѣво и рѣчь замята.

„Однако, это изъ рукъ вонъ, какъ прямо и ясно. Слова нѣтъ, Варенька лакомый кусокъ; но, кажется, безъ приправы, а я теперь имѣю притупленной вкусъ, и потому нужно что нибудь такое, что могло бы раздражить его. Но больше всего мнѣ не нравятся дражайшіе Варенькины—это такая чушь, что мочи нѣтъ".

Свиданія съ Балабухой начинаютъ, однако, учащаться. Минутами Аскоченскаго беретъ раздумье, но объ этомъ скоро забывается послѣ бесѣдъ съ „Варенькой". Нижеприводимыя выдержки изъ дневника 1845 года въ этомъ отношеніи не нуждаются въ комментаріяхъ.

Апрѣля 22-го, воскресенье.

„Утро не въ счетъ; зато съ вечеромъ надо посчитаться. Тотчасъ же послѣ обѣда я пошелъ на Подолъ и прямо къ Балабухѣ. Варенька такъ мило загорѣла отъ нынѣшняго гулянья водою, что глазъ бы не отвелъ отъ миленькаго личика этой вострушки. Часу въ восьмомъ мы пошли гулять; впереди насъ бѣжали дѣти, а я съ Варенькою объ руку... Но постойте, дайте-ка припомнить разговоръ нашъ.

„Я завелъ рѣчь о романсѣ, который заставила меня вчера Варенька списать для себя. Сила въ томъ, что этотъ романсъ могъ быть принятъ мною отъ Вареньки, какъ прямое declaration.

— Я самъ хочу, продолжалъ я,—написать либретто въ томъ же тонѣ и даже тѣми же словами, только съ небольшою неремѣною: „если бъ ты меня любила".

— Послушайте, сказала мнѣ Варенька, — въ вашихъ рѣчахъ все только слова.

— Какъ слова?

— Если бы вы точно чувствовали ко мнѣ что нибудь побольше обыкновенной расположенности, вы давно бы обратились къ моимъ родителямъ.

— Варвара Николаевна! заговорилъ я серьезно. — Вы не знаете хорошо моихъ обстоятельствъ, а знайте ихъ—вы сами бы осудили меня, если бы я поступилъ по вашему. Притомъ вспомните, что я уже теперь не въ такой порѣ, когда безразсчетно предаются восторгамъ любви, и пословица „не суйся въ воду, не спросясь броду"—годится теперь именно для меня.

— Не разсердитесь, если я вамъ скажу кое-что?

— Боже меня сохрани! Говорите.

— Вамъ надобна богатая невѣста.

— Да, точно такая, какъ вы.

— О, у меня ничего нѣтъ.

„И прочая. Разговоръ, какъ видите, принялъ оборотъ коммерческій, и я не хочу пачкать листовъ дневника глупыми разсчетами опытной индустріи; но эти рѣчи жестоко охолодили меня. Я вспомнилъ Пушкина и сказалъ про себя:

„Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться;
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить...“

Апрѣля 23-го, понедѣльникъ.

„Шутки! Въ подставные я не гожусь, отставнымъ я подавно быть не согласенъ. Это просто-на-просто значитъ, что мы немножко поразмолвились съ Варенькою. По милости ея, я истрепалъ всѣ ноги для того, чтобы доставить ей удовольствіе пройти нѣсколько разъ мимо дурня графа Ефимовскаго, и товарища его, лекаря Соколова. Ревновать мнѣ не приходится, а все-таки досадно, когда меня, обстрѣленнаго воробья хотятъ поймать за носъ и водить за собою...

Апрѣля 27-го, пятница.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Балабухѣ. Веселая бесѣда, милые глазки Вареньки—все это такъ прекрасно гармонировало съ расположеніемъ моей души, настроенной къ разгулью, что я и не видѣлъ, какъ бѣжало время. Я то пѣлъ, то читалъ дневникъ мой, то разговаривалъ съ Варенькою и, скажу откровенно, былъ беззаботно счастливъ...

Апрѣля 28-го, суббота.

„Половина одиннадцатаго. Я сейчасъ отъ Балабухи. Не понимаю я самъ себя. Зачѣмъ я шатаюсь туда? Къ чему поведетъ меня эта откровенность, въ которую я пустился со всѣмъ жаромъ юноши? Что обо мнѣ думаютъ люди? Что скажетъ „княгиня Марья Алексѣевна“? Вотъ вопросы, на которые я или не умѣю, или боюсь отвѣчать.

— Чѣмъ болѣе я слышу васъ, тѣмъ непонятнѣе становится мнѣ вашъ характеръ, сказала Варенька съ видомъ недоумѣнія.

„Я вспомнилъ Алкивіада, который отрубилъ хвостъ у красавицы-собаки, чтобы бросить его народу и сплетнямъ. Читайте, подумалъ

я, мое былое и забудьте о настоящемъ, да еще бойтесь будущаго, а я между тѣмъ буду жить да поживать...

„Какой эгоистъ! Ничего, господа, я только вхожу въ общую сферу человѣчества.

Мая 3-го, четвергъ.

„Вечеръ я провелъ у Балабухи, да такъ пріятно, что... и сказать нельзя. Признаться, Варенька порядкомъ закружила мою голову; ну, да и ей, кажется, не безъ того. Батюшка ея что-то морщится.

Мая 7-го, понедѣльникъ.

„Половина двѣнадцатаго. Нѣтъ-таки, не утерпѣлъ. Боясь умереть со скуки, я рискнулъ подъ дождемъ и по грязи ѣхать... не скажу, куда — сами догадаетесь. Да что вы, позвольте узнать, Викторъ Ипатьевичъ, такъ ревностно посѣщаете?.. Эхъ, братцы, перестаньте, Бога ради, перестаньте! Со мною творятся вещи чудныя. Я подъ вліяніемъ силы такъ знакомой мнѣ, силы, которую люди зовутъ любовью. Что таиться передъ вами? И скучно, и не знаешь, за что взяться, когда не видишь... право, не хочется всего договаривать. Не вините же меня,—я человѣкъ. Варенька сама дѣлала для меня чай и я, ей-ей—правда, поцѣловалъ нѣсколько разъ ея ручку.— Это по какому праву, скажете вы?—Да по праву вдовца-съ, отвѣчу я вамъ смиренно.—И она позволяетъ вамъ это?—Какъ же-съ, да еще какъ позволяетъ-то. Ну, да что объ этомъ. Я отдалъ ей сегодня стишки...

Мая 8-го, вторникъ.

„...По условію съ Варенькою, я тотчасъ послѣ обѣда явился въ домѣ ея дражайшихъ. Улучивъ минуту, я спросилъ ее о стихахъ, поднесенныхъ ей мною вчера: показывала ли она ихъ своей маменькѣ?

— Зачѣмъ же, отвѣчала она,—вѣдь она не пойметъ ихъ.

„Я подивился умной разсудительности этой дѣвушки. Точно, эти профаны примутъ чистосердечное изліяніе моихъ чувствъ за записку ловеласа и — чего добраго — надѣлаютъ непріятностей молодой дѣвицѣ. Однако, посудите, какъ умѣла эта Варенька стать выше того круга, который очертило около ея купеческое происхожденіе. Это меркантильный классъ людей, которые раскладываютъ на счетахъ самыя лучшія, святыя движенія души человѣческой. Нѣтъ, милая Варенька, ты стоишь лучшей участи! Жаль, крѣпко жаль мнѣ будетъ, когда судьба поставитъ тебя рядомъ съ такимъ человѣкомъ, который будетъ искать въ тебѣ только плодовитую тварь, умѣющую по извѣстнымъ періодамъ родить дѣтей, да напѣвать надъ колыбелью ихъ приторно паточныя нѣжности... Пройдетъ два-три года, и ты будешь Варварою-кумушкою, какихъ много въ твоемъ кругу, въ твоемъ званіи! Протянулъ бы я тебѣ руку, но...

„Въ церкви у всенощной я стоялъ рядомъ съ Варенькою и—прости меня Господи — думалъ и говорилъ совсѣмъ не о молитвѣ. Я вижу, вижу, что она меня любитъ; да, любитъ, хоть она и не хочетъ мнѣ прямо этого сказать.

— Викторъ Ипатьевичъ, сказала она мнѣ,—вы все можете; но не завлекайте меня.

„Какъ укушенный змѣею, я отскочилъ отъ Вареньки. Да, мысль, сказанная ею, точно змѣя. Она впилась въ мою душу и высасываетъ оттуда отвѣта: для чего все это я дѣлаю? Для чего такъ крѣпко сжимаю Варенькину руку? Для чего по цѣлымъ часамъ гляжу въ ея чудесные глаза? Чѣмъ все это кончится?..

Мая 10-го, четвергъ.

„Много, черезчуръ даже много говорилъ я вчера съ Варенькою. Но ужъ рѣшено: она любитъ меня, любитъ такъ, какъ я ужъ не думалъ быть любимымъ. На насъ со всѣхъ сторонъ устремлены были рысьи глаза этихъ отвратительныхъ сплетницъ; но, упорно встрѣчая пронырливые взгляды этой сволочи, я говорилъ Варенькѣ, и хорошо, привольно мнѣ было.

„Но грустно и темно становилось на душѣ моей часъ отъ часу, и я радъ былъ бы убѣжать отъ самого себя. Глупъ я, глупъ, какъ не слѣдуетъ порядочному человѣку.

Мая 11-го, пятница.

„...Все къ чорту! Я разстроенъ, разстроенъ до слезъ; у меня разбита душа, разорвано сердце, какъ у влюбленнаго юноши.

„Прислушайте, други мои, разговоръ, какой я имѣлъ сегодня съ Варенькою. Мы сидѣли съ нею вдвоемъ...

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила меня Варенька, улыбаясь и смотря мнѣ прямо въ очки.

— Ничего или, лучше, все то же, что говорилъ вамъ, и что навсегда осталось въ душѣ моей.

— Много, много сдѣлалъ зла Дмитрій Гавриловичъ, сказала она вдругъ задумавшись.

— Какъ, Бибиковъ вамъ сдѣлалъ зло?

— Да, безъ него я не знала бы всѣхъ обольщеній свѣта. Довольная своею участью, я прошла бы спокойно тою дорогою, которую указало мнѣ мое происхожденіе, а теперь...

„И она задумалась еще больше.

— Что-жъ, Варвара Николаевна, развѣ передъ вами нѣтъ сердца, которое умѣетъ понять и оцѣнить все, что такъ широко и глубоко вы почувствовали?

— Къ чему мнѣ это? Вы не знаете, я скоро уѣзжаю,—отвѣчала она такъ печально, что у меня, у меня, избитаго опытомъ, сердце сжалось.

— Не въ Рыльскъ ли?

— Да.

— Что-жъ! сказалъ я злобно.—Вы будете madame Аристархова, войдете въ общую колею житейскихъ потребностей, сдѣлаетесь хозяйкою, растолстѣете, заведетесь дѣтьми, по временамъ, для ради скуки и пріятнаго развлеченія, будете заниматься уѣздными сплетнями,—и благо вамъ будетъ и долголѣтни будете на землѣ.

— Аскоченскій! За что вы меня мучите?

— А за что вы вздумаля играть со мною, Варвара Николаевна? Я сталь, а не бумага, — раскалится сталь не скоро, но горяча она бываетъ и не скоро остываетъ. А вы меня раскалили.

— Зачѣмъ же вы долго не бывали у насъ, явились потомъ и стали навѣщать насъ такъ безотвязно?

— Затѣмъ, чтобъ имѣть гдѣ провести время попріятнѣе. Но вамъ мало было этого. Вы захотѣли заглянуть въ глубь души моей, и я вамъ открылъ ее. Вы, воображая меня, по словамъ вашимъ сумасшедшимъ, захотѣли провѣрить свое вѣрованіе, и я показалъ вамъ, что подъ этою маскою безпечности, подъ этою мнимою безпечностью, подъ этимъ шаловливымъ удальствомъ — цѣлая бездна думъ и соображеній. Вы узнали меня и въ награду того открыли и себя мнѣ. Откровенно скажу, я не выводилъ васъ изъ ряду купеческихъ дочекъ и любезничалъ съ вами холодно, витіевато и глупо. Вдругъ увидѣлъ въ сердцѣ вашемъ теплое чувство, въ умѣ свѣтлую мысль, въ понятіяхъ о людяхъ вѣрный взглядъ, въ знаніи себя изящную простоту и точность. О, Варвара Николаевна! этого слишкомъ довольно было, чтобъ привязать меня крѣпко-на-крѣпко.

— Но развѣ я не открыла вамъ тогда же, что я уже имѣю жениха?

— Говорили, но позвольте вамъ припомнить весь тогдашній разговоръ нашъ. Когда вы объявили мнѣ о томъ, то первый вопросъ мой былъ таковъ: „Такъ между нами все рѣшено?“ — Все, сказали вы. „Усерднѣйше благодарю васъ“, отвѣчалъ я спокойно, „этакъ лучше— дѣло кончится безъ проволочекъ“. Не правда ли, такъ было? Дня черезъ три я опять былъ у васъ, и вотъ что̀ вы мнѣ сказали: „Я думала, что вы уже разсердилились на меня.“—За что?—„А за отказъ“.—Помилуйте, я радъ и очень благодаренъ, что вы меня не льстили пустыми надеждами. Мы теперь, продолжалъ я смѣясь, отрѣзанные ломти и между нами все кончено.„—Ну, сказали вы, терять надежды еще не надо“. — Варвара Николаевна, посудите теперь, не была ли это сѣть, которую вы нарочно плели, чтобъ опутать ею меня? Да, и вамъ это удалось. Я люблю васъ, люблю съ тѣмъ мученіемъ, отъ котораго я такъ давно отвыкъ. Но, положа руку на сердцѣ, скажите мнѣ, легко ли вамъ самимъ обошлась эта побѣда? Другими словами, не чувствуете ли и вы ко мнѣ больше чего нибудь противъ того, что вы питаете къ роднымъ вашимъ и знакомымъ?

— О, конечно, я имѣю къ вамъ такую привязанность и расположенность, какую не питаю къ другимъ.

— Скажите проще, вы любите меня? Правда?

— Не правда, сказала она медленно и тихо.

— Варвара Николаевна, зачѣмъ словами противорѣчить тому, что давно подтвердила вамъ душа ваша? Скажите лучше: правда.

— Правда, отвѣчала она застѣнчиво.

— Признайтесь же теперь, такъ ли вы любили вашего жениха?

— О, такъ же точно.

— Я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ...

— Извините, я перебью вашу рѣчь. За васъ рѣшили другіе и правиломъ предписали, что̀ вамъ въ такомъ случаѣ надо дѣлать. Вы, какъ понятливая дѣвушка, тотчасъ смекнули, что̀ тутъ слѣдуетъ дѣлать. Какъ водится, постарались влюбиться, но, увѣряю васъ, совсѣмъ безъ искренняго участія сердца. И вотъ—вы невѣста добропорядочная и съ хорошимъ поведеніемъ.

— Нѣтъ, сказала Варенька, схвативъ мою руку,—и до сихъ поръ ни папенька, ни маменька не знаютъ, о чемъ мы съ нимъ иногда говорили.

— Положимъ, что и такъ. Но порывъ юнаго, неопытнаго сердца, восторгъ дѣвочки, прозванной невѣстою,—неужели можно принять за тотъ сладкій кризисъ души, который зовутъ любовью?

„Варенька задумалась. Мнѣ стало жаль ее.

— Ну, Богъ съ вами, Варвара Николаевна, сказалъ я, пожимая ей руку,—отъ сердца благословляю васъ на счастье съ избраннымъ для васъ. Что же касается до меня, то я—такъ и быть—понесу рану въ душѣ моей, рану, отъ которой она давнымъ давно уже отвыкла. Счетъ нашъ конченъ!

„Я всталъ и отошелъ отъ Вареньки. Глаза ея полны были слезъ и я готовъ былъ въ ту пору отдать все, чтобъ заслонить ее собою отъ бѣды и горя непонятаго сердца...

„Вотъ вся мучительная повѣсть нынѣшняго дня. Мнѣ больно. Богъ вѣсть, будетъ ли еще кто нибудь любить меня такъ, какъ любитъ Варенька. Я становлюсь уже сѣдъ, а сѣдина—худой аттестатъ на любовь.

Мая 12-го, суббота.

„Я усталъ, а Варенька такъ скучна, что мнѣ до слезъ ее жаль. Но не варваръ ли я?.. Она просила, чтобъ я сочинилъ для нея стихи и... въ какихъ нибудь полчаса вылилась изъ-подъ пера моего... импровизированная исповѣдь. Я облилъ ее желчью, которая вытекла изъ едва было зажившей раны моего сердца. Мнѣ больно!..

Мая 13-го, воскресенье.

„Я отдалъ Варенькѣ мою вчерашнюю исповѣдь глубоко и за живое задѣтаго сердца. Я даже прочиталъ мое издѣліе—и что жъ? Она

была такъ безбожно весела и безпечна, что я тутъ же назвалъ себя дуракомъ. Мнѣ стало грустно. Вѣрно, еще не научился я не вѣрить этимъ созданьямъ, которыя бываютъ такъ обольстительно хороши, когда мы прикрашиваемъ и убираемъ ихъ нашимъ воображеніемъ. Мнѣ стало грустно. Напрасно Варенька заговаривала со мной, напрасно пожимала мнѣ руку,—я былъ холоденъ, ибо видѣлъ, что, несмотря на сѣдой мой волосъ, я въ дуракахъ. И по дѣломъ мнѣ, сѣдому волокитѣ!"

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ В. Н. Балабуха была обручена. Аскоченскій, которому, казалось бы, пора было перестать горевать о ней послѣ того, какъ „Варенька" предстала передъ нимъ внѣ плѣнительнаго ореола, созданнаго его воспаленнымъ воображеніемъ, отмѣчаетъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня (1-го іюля) мнѣ сказали, что Варенька Балабуха нынче обручается съ нѣкіимъ Аристарховымъ, купчиною рыльскимъ. Повѣрите ли, немножко захолодѣло на сердцѣ. Правду сказать, больно, когда отрываютъ и послѣднее живое чувство въ одеревенѣлой душѣ. Но что жъ дѣлать? Я знаю, что это эгоизмъ, а не любовь, которой я давнымъ давно отдалъ поклонъ".

Распрощался съ любовью Аскоченскій не надолго. Нѣсколько разъ онъ дѣлалъ попытки разувѣрить „Вареньку" въ томъ, что она его и никого другаго не любитъ, а если и сосватана за другаго, то лишь по родительскому принужденію. Не разъ онъ встрѣчалъ отпоръ своимъ увѣреніямъ въ веселомъ и беззаботномъ смѣхѣ, какимъ отвѣчала „Варенька" на всѣ его увѣренія. Ничто не брало. Разочарованный сегодня, назавтра Аскоченскій пріискивалъ утѣшительныя для себя объясненія ея обращенію съ нимъ. Но пусть самъ онъ разсказываетъ дальнѣйшее своего романа, вступившаго въ новый фазисъ послѣ полученнаго Аскоченскимъ извѣстія о разладѣ Балабухи съ Аристарховымъ. „Варенька", очевидно, перемѣнила тактику. Аскоченскій опять ею очарованъ, опять убѣжденъ, что „терять надежды еще не надо". „Варенька" поддерживала это очарованіе, а авторитетный для Аскоченскаго голосъ генералъ-губернатора Бибикова одобрялъ и подзадоривалъ его къ энергическому образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ.

Октября 3-го, среда.

„Однако жъ, была не была, а поѣду на Подолъ. Нѣтъ, братцы, я еще не старъ, когда могу такъ любить. Сегодня генералъ спросилъ меня послѣ обѣда:

— Да вы влюблены, что-ль, въ Балабуху?

— Нѣтъ, в. в-ство, влюбиться мнѣ уже не подъ стать, а любить— другое дѣло.

— А женились бы вы на ней?

— Какъ бы не жениться!

— Что же мѣшаетъ?

— То, что ни у ней, ни у меня нѣтъ никакого состоянія. Это значило бы плодить нищихъ.

— А пошла бы она за васъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

„И вы, можетъ быть, думаете, что это самообольщеніе? Нѣтъ, друзья мои, послѣ Сонечки еще никто меня такъ не любилъ, какъ Варенька, — зато я никого послѣ моей Сони не любилъ такъ, какъ люблю Вареньку. Мнѣ грудь стѣснило отъ полноты восторга, когда она, взявъ мой бумажникъ, написала тамъ: „дай Богъ, чтобы желанія ваши исполнились“. Нѣтъ, это ужъ не по силамъ моимъ.

„А какъ мы разговариваемъ съ Варенькою! У насъ рѣчь идетъ не такъ, какъ у всѣхъ людей. Начала не бываетъ, а прямо продолженіе — и мы оба понимаемъ, чему слѣдовало бы быть впереди. Какъ это перевесть? Не вотъ такъ ли, что, по старинной аксіомѣ, равнонастроенныя души чувствуютъ одинаковыя впечатлѣнія? Ась?..

Октября 4-го, четвергъ.

„Съ лекціи я, не знаю зачѣмъ, заѣхалъ взглянуть на Вареньку. Те-те-те, посмотрите-ка, какъ въ одной строчкѣ я горожу дичь и сколько тутъ противорѣчій. Не знаю, видите, зачѣмъ заѣхалъ—а дальше стоитъ: взглянуть на Вареньку. Ужасный логическій недосмотръ! Оно, правду сказать, толкомъ разумъ мой точно не знаетъ, да сердце-то знаетъ, и какъ знаетъ,—твердо, крѣпко, наизустъ. Варенька, когда я вошелъ, сидѣла за столомъ и что-то вышивала. Не знаю (вотъ тутъ ужъ именно не знаю), отчего она перепутала шелкъ и стала складывать свою работу. Я сѣлъ близъ Вареньки; маленькая, крошечная ручка ея, не знаю, какъ очутилась въ моей рукѣ—и мы этакъ просидѣли минуту. Ей-ей, минуту; вы, можетъ быть, не повѣрите, вы скажете, что въ одну минуту нельзя вдоволь насмотрѣться въ ея милые, ясные, какъ утро майское, глаза, нельзя наслушаться ея сладкихъ рѣчей, нельзя... Согласенъ, совершенно согласенъ, но все-таки я просидѣлъ съ нею минуту. Можетъ быть, мнѣ такъ показалось,—и то можетъ быть; но все-таки я просидѣлъ не больше минуты. Пожалуйста, не спорьте со мною.

„Веселый, довольный, даже, если угодно, счастливый, я летѣлъ съ Подола на Печерскъ.

„За обѣдомъ Дмитрій Гавриловичъ шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ; но, если сказать правду, то мнѣ было это не по сердцу. Зачѣмъ кощунствовать надъ тѣмъ, что̀ берегу я, какъ святыню, въ душѣ моей? Я былъ упорно молчаливъ.

„Насилу дождался я конца этого длиннаго обѣда. Не ногами я шелъ, не на коняхъ летѣлъ, а рвался на крыльяхъ вѣтра къ моей Варенькѣ. Да, моей,—развѣ я не имѣю права назвать ту своею, которая

отдала мнѣ все, что есть лучшаго въ ней,—отдала чистую душу, горячее сердце? Но что вамъ, глухимъ, толковать объ этомъ? Да и некогда мнѣ; я съ нею, съ Варенькой; намъ есть о чемъ говорить; жаль только, что времени не стаетъ для всего, о чемъ намъ нужно бы перемолвиться индѣ просто безъ словъ, индѣ восторженною рѣчью.

„Вотъ ужъ отпили чай; вотъ ужъ Варенька и одѣлась. О, да какъ же она мила!—и мнѣ стало грустно. Какъ? Потерять такое сокровище, увидать на минуту это солнце — ликъ Создателя — и потомъ опять ослѣпнуть,—воля ваша, тутъ есть отъ чего загрустить, задуматься. Да, мнѣ стало грустно.

„Но предъ людьми я скученъ не бываю;
На что? Пускай наединѣ
Я съ горя погрущу и поскучаю“.

„Притомъ же, мы ѣдемъ въ театръ, а туда съ постнымъ лицомъ показываться странно. Итакъ, рѣшено—я веселъ. Варенька все видитъ... замѣтилъ и я торжествующій ея взглядъ, когда она, разодѣтая роскошно и вся прекрасная, стояла передо мною, надѣвая душистую перчатку. „Смотри—какъ будто говорила она мнѣ,—хороша ли я? Стою ли тебя?“ Отвѣтъ на это я подписалъ и скрѣпилъ въ моемъ сердцѣ, и, разумѣется, отвѣтъ мой былъ утвердительный.

„Театръ ужъ полонъ, ложи блещутъ...
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ“...

„Но я ничего не вижу, ничего не слышу, хоть смотрю даже въ очки, и слушаю вотъ этими самыми ушами, которыя иногда, по экстренной надобности, очень исправно исполняютъ свою должность. Чудесная игра Ивановой и Максимова... Что за кокетка эта Варенька! Посмотрите, какъ шаловливо она играетъ щегольскимъ лорнетомъ!.. „Фора! фора!“ Иванова поетъ, я слушаю... Варенька что-то шепчетъ мнѣ, но предосадный этотъ шумъ не позволяетъ мнѣ разслушать, что говор... „Иванову! Иванову! Максимова!.. Браво, браво!“

„Первая пьеса кончилась, начинается вторая. Въ театрѣ, сколько я замѣчаю, для меня всего интереснѣе бываютъ антракты. Кочуешь себѣ по ложамъ, смѣешься, врешь, словомъ, репетируешь въ лицахъ водевиль.

„Что это за проказникъ Дмитрій Гавриловичъ! Раскланявшись съ Варенькою, онъ обратился всѣмъ своимъ вниманіемъ на ложу, гдѣ она сидѣла, и все, что только было порядочнаго въ театрѣ, все это устремилось сюда съ лорнетами, очками и просто съ глазами безъ очковъ. Варенька умно себя выдержала. Она нисколько не сконфузилась и преспокойно себѣ разговаривала со мною. За то, когда я вышелъ изъ ложи и сѣлъ въ мое кресло, генералъ погрозилъ мнѣ, но такъ родительски—нѣжно, такъ привѣтливо, что я готовъ былъ прокричать ему: ура!

„Громкіе аплодисменты, шумъ, крикъ, въ которомъ можно только

было разобрать имена Ивановой и Соколова, возвѣстили окончаніе спектакля. Я проводилъ Вареньку до коляски и поплелся домой.

„И грустно мнѣ стало, и далъ я волю своей грусти. Задумчиво склонивъ голову, сидѣлъ я у стола — и тучи дыма разстилались по одинокой спальнѣ. Перекрестясь, я заснулъ, бросилъ трубку и легъ спать, ничего не придумавъ умнѣе этого.

Октября 5-го, пятница.

— Ну, милостивый государь, говорилъ мнѣ сегодня за столомъ генералъ, — теперь ужъ я самъ видѣлъ, какъ вы волочитесь. Шутки въ сторону, вы непремѣнно должны жениться; иначе вы компрометируете дѣвушку. Вчера на васъ всѣ въ театрѣ обратили вниманіе.

— Это и немудрено, ваше высокопревосходительство, смѣло отвѣчалъ я, — вы прежде всѣхъ изволили глядѣть на ложу, гдѣ... гдѣ я былъ; а тамъ уже и прочіе стали смотрѣть, слѣдуя вашему примѣру.

— Да нѣтъ, батюшка, а вы все-таки должны жениться.

— За мною дѣло не станетъ. Если прикажете—женюсь.

„Тѣмъ и покончился нашъ разговоръ; но вѣдь этого мало. Въ словахъ добраго, внимательнаго, милостиваго моего благодѣтеля, я вижу только что-то въ родѣ совѣта, безъ всякаго осязательнаго прилагательнаго, а съ этимъ далеко не уѣдешь, и желаніе мое ни на волосъ не подвинется впередъ. Не такъ бы и не то мнѣ надо.

„Послѣ обѣда я прямо полетѣлъ на Подолъ, рискуя сломить себѣ шею (прошу понимать послѣднее выраженіе въ смыслѣ моральномъ). Тревожно подходилъ я къ знакомому мнѣ дому и боязливо брался за ручку двери, но, была не была, иду,—сказалъ я самъ себѣ, и вотъ я уже близъ Вареньки. Съ нею сидѣла родная тетка ея, Александра Ѳедоровна Подгаецкая, повѣренная большей части ея дѣвическихъ надеждъ и ожиданій.

„Странное дѣло! Въ первой любви моей я также нашелъ себѣ помощницу въ теткѣ Александрѣ Васильевнѣ и невыносимую надзирательницу моихъ движеній — внѣшнихъ и внутреннихъ — въ сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ; вотъ и во второй нахожу то же самое. Варенькину сторону видимо держитъ ея тетка, а кто держитъ сторону Вареньки, тотъ, ясно, стоитъ за меня, а не противъ меня. За нами самымъ несноснымъ дозоромъ ходитъ сестренка Вареньки, которую тоже зовутъ Машею и которую я, вмѣстѣ съ Варенькою, начинаю уже порядочно ненавидѣть, точно такъ, какъ это было у меня съ Сонечкою, которая отъ всей души нетерпѣла своей Марьи. Къ довершенію этого страннаго сходства въ обстоятельствахъ той и другой моей любви, прибавлю еще и то, что какъ покойная маменька поддерживала любовь Сонечки, робко опасаясь противодѣйствій со стороны своей толстой половины, такъ и здѣсь Марья Ѳедоровна видитъ и, какъ кажется, одобряетъ любовь Вареньки, опасливо прислушиваясь и присматриваясь къ рѣчамъ и поступкамъ своего супруга. Какъ во

время оно, мой тестюшка храпѣлъ и досадовалъ, такъ, повидимому, и теперь нескрываемая мною привязанность бѣситъ папу Варенькина. Странное, въ самомъ дѣлѣ, стеченіе обстоятельствъ.!.

„За чаемъ я глупъ былъ. Чортъ возьми, что́ за гадкая моя натура! Разболтался и—попалъ какъ куръ во щи. Забывъ, что около насъ есть посторонніе свидѣтели, я началъ говорить съ Варенькой тѣмъ иносказательнымъ языкомъ, который до сихъ поръ остается понятнымъ только намъ однимъ. Само собою разумѣется, что неумѣстнѣе этого разговора ничего быть не могло. Я это увидѣлъ, но поздно. Варенька вскочила наверхъ. Я понялъ все и, высидѣвъ для приличія и, какъ говорится, для отвода съ четверть часа, пошелъ къ Варенькѣ; она сидѣла за фортепіано, судорожно бѣгая пальцами по клавишамъ и разыгрывая ніэсу, которая на этотъ разъ въ игрѣ Варенькиной стала непохожа сама на себя.

— Что вы это дѣлаете?—вскрикнула почти Варенька, увидѣвъ меня и громко стукнула по клавишамъ, стараясь заглушить слова свои. Глаза ея искрились, лицо горѣло. Я точно ошеломленный стоялъ передъ нею.

— Виноватъ; я глупъ.—Мнѣ стало душно.

— Если вы не спасете меня—я пропаду.

„Боже мой! этого не доставало,—подумалъ я, и сложивъ руки, задумался крѣпко. Душа моя какъ будто хотѣла оторваться отъ всего, что волнуетъ ее въ этомъ пошломъ мірѣ чувствъ и желаній; она желала уйти туда, туда—глубоко, въ самое себя, чтобъ поискать тамъ мысли, твердой какъ сталь, какъ кремень, чтобы изъ нея извлечь хоть одну искру утѣшенія. И вѣрно въ глазахъ моихъ, быстро устремленныхъ на Вареньку, свѣтилась бездонная, страшная пустота.

— Не смотрите на меня, сказала она,—не смотрите,—я васъ прошу.

Я отошелъ и сѣлъ въ кресло. Но это мѣсто было не по мнѣ. Я подошелъ къ фортепіано и усѣлся на стулѣ, сжавъ въ рукѣ моей пылающую папиросу.

— Зачѣмъ вы прямо и рѣшительно не скажете Дмитрію Гавриловичу? сказала Варенька громко, забывъ всякую застѣнчивость.

„Я молчалъ,—и что жъ мнѣ было сказать?

„Я молчалъ.

— Подите сюда.

„Я всталъ и подошелъ.

— Вы слышали и поняли, къ чему тетенька говорила сегодня о Чайковскомъ?

— Понялъ.

— Онъ за меня сватается; онъ проситъ руки моей, сказала она быстро и.....

„Други мои! Да вѣдь это вопль глубоко подавленной горести! Что жъ мнѣ дѣлать?

— Но папенька и маменька еще того не знаютъ.

— Люди предполагаютъ, а Богъ располагаетъ, сказалъ я мрачно.

„Что она говорила дальше, что я думалъ потомъ—не помню. Но мнѣ было тяжело.—Идутъ! идутъ! Я веселъ, чрезвычайно веселъ. Я болтаю уже, шучу, злословлю, пою,—очень весело!

„Но полно—ѣдемъ домой. Я простился съ Варенькой, поцѣловалъ руку М. Ѳ. (съ нѣкотораго времени М. Ѳ. стала ко мнѣ особенно нѣжна и внимательна; поцалуи ея жарче, пожатія руки крѣпче, разговоръ солиднѣе.... (?!)

„Теперь я сижу уже дома—и работа нейдетъ мнѣ на умъ.

Октября 6-го, суббота.

„Сейчасъ,—а теперь 12-й часъ утра,—воротился я изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ. Никакъ не ожидалъ я по такой дрянной погодѣ встрѣтить тамъ Вареньку. Замѣтивъ ее, я сошелъ съ прежняго своего мѣста и сталъ позади Маріи Ѳедоровны. Дрогнуло сердце мое, когда она, обратясь ко мнѣ, сказала: „Я на васъ сердита; теперь только что вы придете къ намъ,—отказъ“. Мнѣ, не шутя, грустно стало; а Варенька стояла и молилась Заступницѣ всѣхъ скорбящихъ; я взглянулъ на икону—и тепло стало душѣ моей; я началъ молиться. Не обращая ни на кого вниманія, я пѣлъ канонъ Богородицѣ,—и теперь на душѣ моей такъ тихо, такъ сладко, что плакать хочется. Послѣ общаго акаѳиста, я попросилъ отслужить молебенъ св. Ѳеодосію Тотемскому. Варенька упросила М. Ѳ. остаться,—мы въ троемъ молились. Я знаю, что у Вареньки одна была дума съ моею; каковато она была у той, которую я хоть сейчасъ готовъ бы назвать своею матерью. Кстати сказать, послѣ всего того, что теперь дѣлается со мною, я не знаю, возможно ли мнѣ оставить Вареньку. Сердце говоритъ—нѣтъ, но разсудокъ мой болѣнъ опасеніями и не скоро соглашается съ отзывомъ сердца.

„Боже мой! Въ тебѣ и на тебя надежда моя! Не хочу вмѣшиваться съ моими близорукими распоряженіями въ предвѣчныя твои судьбы о мнѣ! Твори, якоже хощеши.

„Половина десятаго вечеромъ. Страшно, убійственно тяжело мнѣ было передъ самымъ обѣдомъ. Я метался изъ одной комнаты въ другую, брался то за то, то за сё—и все это меня томило, мучило. Мнѣ хотѣлось бы заплакать, но на этотъ разъ даже слезы отказались меня слушать; они накоплялись и кипѣли тамъ, въ сердцѣ моемъ,—и я чувствовалъ ихъ, чувствовалъ, какъ давили они мнѣ грудь и какъ будто хотѣли прорвать ее; а глаза мои были сухи.

„Настало время обѣда. Я и адъютантъ А. К. Куманинъ вошли въ пріемную, гдѣ уже прохаживался Дмитрій Гавриловичъ. Отвѣтивъ на поклонъ мой своимъ обычнымъ привѣтствіемъ: „мое совершенное вамъ почтеніе“,—онъ тотчасъ же спросилъ меня:

— А что же, скоро ли ваше сватовство?

— Когда прикажете, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Да по мнѣ—хоть сегодня.

— Въ томъ все и препятствіе, что еще несовсѣмъ организирована моя финансовая система,—сказалъ я съ полусмѣхомъ.

„На этотъ разъ разговоръ, столько интересный для меня, тѣмъ и кончился. Я задумался и хорошенько не слышалъ, о чемъ послѣ того шла рѣчь.

„Пошли обѣдать. Генералъ, поговоривъ съ минуту съ дежурнымъ чиновникомъ, обратился ко мнѣ.

— Такъ какъ же? Вы женитесь на Балабухѣ?

— Не могу этого сказать, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Отчего же?

— Будь у меня мѣсто, которымъ бы сколько нибудь обезпечивалось мое состояніе,—тогда другое дѣло.

— А какого вы мѣста хотите?

— Такого, которое давало бы мнѣ ежегоднаго жалованья, но крайней мѣрѣ, тысячу рублей серебромъ.

— Ну, а тогда женитесь?

— Женюсь, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Да пойдетъ ли она за васъ?

— Пойдетъ, отвѣчалъ я съ тою же рѣшительностью.

— Какъ вы это знаете?

— На это я имѣю самыя осязательныя доказательства, и если позволите, я покажу ихъ послѣ обѣда вашему высокопревосходительству.

— Экой хвастунъ!—сказалъ генералъ смѣясь.

— Нѣтъ, точно, ваше в—ство, заговорилъ Куманинъ,—что она согласна пойти за Аскоченскаго; въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться.

— Не угодно ли будетъ вашему высокопревосходительству спросить самимъ о томъ Варвару Николаевну при первомъ свиданіи съ нею. Даже мать ея, можетъ быть, на моей сторонѣ. Если и есть какое препятствіе, такъ это со стороны ея отца.

— Ну,—замѣтилъ генералъ,—это еще бѣда не большая. Только смотрите, женитесь ли вы.

— Ваше в—ство! мнѣ уже прошла пора ловеласничать.... требованія семейной жизни широко у меня развиты и глубоко пустили корни въ моей душѣ,—могу ли я послѣ того отказаться отъ неожиданнаго счастья имѣть такую....

— Ну, перебилъ генералъ,—а если не женитесь?

— Дѣлайте тогда со мной, что хотите.

— Хорошо. Позволите ли тогда наказать себя тѣлеснымъ образомъ? сказалъ генералъ смѣясь.

— Надѣюсь, отвѣчалъ я также съ смѣхомъ, что я не дойду до такого непріятнаго положенія,—и потому осмѣливаюсь находить лишнимъ въ этомъ случаѣ мое согласіе.

— То-то, заговорилъ вдругъ генералъ серьезно,—иначе вы скомпрометируете ее—а это не хорошо: она дѣвочка умненькая и добренькая.

„Я замолчалъ, вполнѣ соглашаясь съ словами генерала и дивясь про себя страннымъ его опасеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ—не смѣшно ли думать, чтобы я отказался отъ такого ангела, который сулитъ мнѣ все, что потерялъ я въ моей Софьѣ? Да Богъ съ ними—и съ ихъ богатствомъ, и съ ихъ деньгами, и съ ихъ приданымъ, лишь бы у меня самого была возможность не заставить Вареньку почувствовать и терпѣть со мною нужду! Дайте мнѣ побольше работы—и я не откажусь, лишь бы стало моихъ силъ отплатить счастьемъ и довольствомъ за ту жертву, которую несетъ мнѣ въ даръ это милое созданье. А трудовъ я не боюсь; руки есть, голова на плечахъ, и кажется, благодаря Бога, не безъ толку,—чего же еще? Для любимой души—горою качну!....

„Послѣ обѣда я, генералъ и Куманинъ пошли въ кабинетъ. Генералъ самъ (чего прежде никогда не бывало) далъ мнѣ свою сигару и, усѣвшись въ вольтеровское кресло, сказалъ:

— Какія же тамъ у васъ осязательныя доказательства?

„Я досталъ мой бумажникъ и далъ прочитать генералу то, что написала Варенька 3-го октября.

— Это точно она писала? спросилъ онъ, отдавая мнѣ бумажникъ.

— Я не осмѣлился бы такъ грубо обманывать ваше высокопревосходительство, если бъ это была чужая рука.

— Это не его рука, замѣтилъ Куманинъ.

„Генералъ какъ будто пріостановился. Примѣтно, какая-то мысль бродила въ его головѣ, но угадать ее было трудно. Помня пословицу: куй желѣзо, пока горячо, я разсказалъ тутъ же сновидѣніе мое о Ѳеодисіи Тотемскомъ, объ иконѣ этого угодника, нечаяно, но уже послѣ сновидѣнія, увидѣнной мною въ домѣ Балабухи, разсказалъ о странной встрѣчѣ нашей въ церкви и вовсе неподготовленной заранѣе рѣшимости слушать вмѣстѣ заказанный мною молебенъ св. Ѳеодосію.

— Каковъ? сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину, — какъ мастерски онъ все подготавливаетъ и устроиваетъ.

„Это замѣчаніе задѣло меня за живое. Я вспыхнулъ.

— Ваше высокопревосходительство!—сказалъ я. Если-бъ даже вы и изволили замѣтить за мною когда либо охоту лгать, то меня въ настоящемъ случаѣ, прежде всего, удерживало бы то, что я говорю не передъ кѣмъ другимъ, а передъ вами, а съ другой стороны — и то, что шутить такими вещами я не согласенъ: имя угодника Божія, какъ бы то ни было, для меня священно, равно священна для меня и любовь моя къ...

— Къ кому? сказалъ генералъ съ улыбкою, замѣтивъ, что я вдругъ остановился.

— Къ Варварѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ я твердо.

„Сигара потухла въ моихъ рукахъ. Я поклонился генералу и вышелъ. О, если бы Всевышній вразумилъ добраго моего покровителя устроить мою судьбу, а больше всего — дать мнѣ средства, вырвать ее—мою душку—изъ этого омута, куда хотятъ ее бросить недальновидные родители. Господи! не оставь меня!

„Только что отъ стола—и ужъ я поскакалъ на Подолъ; но боясь какого либо замѣчанія со стороны родителей Вареньки за мои частыя и несовсѣмъ еще ясныя для нихъ посѣщенія, завернулъ къ Минервину. Послѣ чаю мы пошли съ нимъ ко всенощной. Побродивъ глазами моими по угламъ церкви, я рѣшился во что бы то ни стало еще разъ увидѣть Вареньку и пошелъ къ нимъ въ домъ. Робко поцаловалъ я руку М. Ѳ. и уже не чувствовалъ того крѣпкаго пожатія, какое бывало прежде. Это еще больше меня обезпокоило. Я оставилъ Вареньку у фортепіано, а самъ усѣлся близъ М. Ѳ., стараясь, сколько возможно, сдѣлать ее ласковою и внимательною ко мнѣ. По невеселому лицу и невольной задумчивости я заключилъ, что она, бѣдная, начинаетъ крѣпко безпокоиться объ отношеніяхъ моихъ къ Варенькѣ. Любовь ея ко мнѣ уже не тайна; мать не можетъ этого не видѣть. Съ неизбѣжною въ такомъ случаѣ неопредѣленностью я далъ замѣтить М. Ѳ., что я не сижу, сложа руки, а уже начинаю хлопотать о дѣлѣ. Это, сколько мнѣ было видно, мало ее успокоивало; но что же мнѣ было дѣлать? Поступить иначе было бы глупо и опрометчиво; оставить, бросить все—не могу, даже не долженъ; да, не долженъ.

„Странное дѣло! Опять то же самое дѣлается, что дѣлалось во время оно со мною и съ окружавшими меня! Опять является мать, понимающая любовь своей дочери, и колеблемая страхомъ, опасеніемъ и уже безплоднымъ страданіемъ о томъ, что заранѣе не приняла мѣръ прекратить всѣ способы къ тому, чтобы такъ тѣсно не соединиться намъ. Странное, повторяю, дѣло!

„Къ намъ подошла Варенька.

— Вообразите, Варвара Николаевна,—сказалъ я, стараясь сдѣлать разговоръ сколько возможно общимъ,—вѣдь у насъ-таки будутъ вечера и балы—и надѣюсь, что и вы будете тамъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь врядъ ли.

— Отчего же?

— Я еще до сихъ не могу понять, зачѣмъ въ прошломъ году являлась на эти вечера и балы? сказала Варенька, смотря на меня быстро. Я понялъ ее.

— Такъ Богу было угодно, сказалъ я, стараясь придать вѣсъ каждому слову.

— Богу было угодно, повторила она медленно, съ легкою задумчивостью.

— Да, Богу было такъ угодно,—еще разъ сказалъ я, — поймите это хорошенько, Варвара Николаевна.

„Она взглянула на меня: мысль моя была угадана.

— Прошлый годъ—другое дѣло, сказалъ Павелъ Семеновичъ, молодой дядя Вареньки,—а теперь она просватана.

— Такъ что-жъ такое? спросилъ я.

— Зачѣмъ она пойдетъ туда? Чтобы больше скучать?

— Больше скучать,—такъ, стало быть, она теперь скучаетъ?

— Я не говорю этого.

— Какъ не говорите? Больше скучать,—тутъ стоитъ сравнительная, значитъ, Варвара Николаевна скучаетъ положительно.

— Въ Рыльскѣ ужъ того не будетъ, сказалъ онъ, не замѣчая, вѣроятно, того, что онъ кинжаломъ роетъ и копается въ больномъ сердцѣ.

— За то тамъ ветчина будетъ, отвѣчалъ я, играя въ этомъ случаѣ роль безжалостнаго палача.

„Всѣ захохотали, только Варенькинъ смѣхъ горше былъ всякой слезы. Мнѣ жаль ее стало, до слезъ жаль. Рѣчь начала перебиваться. Не знаю, какъ-то зашли слова о томъ, что лучше бъ было, если-бъ я умеръ назадъ тому лѣтъ 15. Варенька подхватила:

— Нѣтъ, не лучше; тогда бы вы не были искупителемъ вашей Софьи...

„И она смотрѣла на меня своими прекрасными глазами, какъ будто прося, чтобъ я понялъ ее. Я тоже взглянулъ на нее — и увѣренъ, что она не могла не прочитать въ глазахъ моихъ: „знаю, не объ умершей ты Софьѣ говоришь, а о живой Софьѣ, которую еще только хотятъ уморить.

„Скоро послѣ этого я откланялся и ушелъ.

Октября 7-го, воскресенье.

„Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какого радостью спѣшилъ я въ клубъ купеческій! Я пѣлъ пѣсни, шумѣлъ, говорилъ самъ съ собою; а на дворѣ съ порывистымъ вѣтромъ шелъ дождь; ничего,—сказалъ я—и подъ ливнемъ пустился на Подолъ.

„И вотъ я уже изъ клуба,—а теперь только одинадцать часовъ,—и вотъ я уже дома грустный, задумчивый.

„Порадовала было меня Варенька первою встрѣчею, но не надолго. Откровенность, какой я въ настоящую пору вовсе не надѣялся отъ М. Ѳ., убила всю мою веселость, все мое счастіе, какимъ я думалъ упиваться въ глазахъ Вареньки. Сегодня, вслѣдствіе глупаго разсказа одного изъ Балабухъ, Павла Семеновича,—въ домѣ у нихъ поднялась суматоха. У меня не достанетъ силъ передать все, что̀ я слышалъ отъ М. Ѳ.: довольно того, что мнѣ хотятъ отказать отъ дому... О, если такъ, то я примусь уже за дѣло тремя руками—включая въ это число одну руку, которая можетъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ цѣлыя тысячи рукъ... Но пока-то это будетъ, пока кончится эта

борьба,—а я не могу быть покоенъ. Страшно взволнованный я бродилъ по огромной залѣ, безсмысленно зѣвалъ на танцующихъ и...

— Нѣтъ, Марья Ѳедоровна, сказалъ я наконецъ,—не бывать этому живому созданью за какимъ-нибудь рыльскимъ пентюхомъ!..

„Я всталъ и уѣхалъ домой. Охъ, да какъ-же мнѣ тяжело, грустно! Что-то Богъ дастъ: но гласъ народа уже совсѣмъ отдалъ мнѣ Вареньку. Мнѣ надо, непремѣнно надо переговорить съ генераломъ.

„Помолюсь Богу и лягу спать. Утро вечера мудренѣе.

Октября 8-го, понедѣльникъ.

„Цѣлое утро я до того былъ взволнованъ вчерашними разсказами и событіями, что даже почувствовалъ себя нездоровымъ. Припоминая то, что сказалъ мнѣ вчера генералъ,—а онъ сказалъ вотъ что: „надобно это дѣло кончить поскорѣе“, — припоминая, говорю, это, я не могъ на минуту успокоиться. Это почти разстроило меня.

„За обѣдомъ генералъ сказалъ мнѣ:

„Зайдите-ка ко мнѣ въ восемь часовъ вечера“. Тревожно ожидалъ я этого времени и, валяясь на кровати, чувствовалъ какъ будто припадки горячки. Кровь моя до того волновалась, что только лишь задремлю я,—въ ту жъ минуту вздрогну и проснусь. Пріѣхалъ Платонъ; я разсказалъ ему все, что со мною дѣется, и онъ ободрилъ меня, утѣшилъ упованіемъ на Господа Бога. Я сталъ покойнѣе.

„Вмѣсто восьми часовъ я попалъ къ генералу въ десять. Онъ усадилъ меня напротивъ себя и первый его вопросъ былъ таковъ: „хотите ли вы жениться“?

— Ваше высокопревосходительство, осмѣлюсь...

— Безъ фразъ, безъ фразъ; говорите прямо: да или нѣтъ?

— Да, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

— Что жъ вамъ для этого нужно?

— Мѣсто, которымъ бы я сколько нибудь могъ обезпечить свое состояніе.

— Какого жъ вы хотите мѣста?

„Я указалъ на мѣсто директора гимназіи, и генералъ приказалъ сдѣлать мнѣ по этому случаю нѣкоторыя необходимыя справки. Богъ вѣсть, къ кому мнѣ обратиться. Сохрани Господи, если узнаютъ объ этомъ господа университетскіе профессоры; они заклюютъ меня, — а мимо ихъ никакъ нельзя. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ всего лучше обратиться къ злѣйшему и пронырливѣйшему изъ нихъ, и я для этого выбираю Иванишева. Дай знать объ этомъ кому нибудь попростѣе — онъ начнетъ хитрить и, чего добраго — повредитъ мнѣ. А этотъ, надѣясь на свою проницательность, можетъ быть, заснетъ— и я проведу его и выпытаю, что мнѣ будетъ нужно. Завтра въ походъ, — строй каре, и поражая самъ, не подпущу къ себѣ никого и непремѣнно достану себѣ языка.

„Къ слову, я разсказалъ коротко генералу весь настоящій мой романъ, не забывъ и про вчерашнюю сцену, на которую даже я особенно налегалъ, давая тѣмъ знать о мучительномъ состояніи дѣвушки, которую обрекаютъ въ жертву разсчетамъ. Генералъ слушалъ меня внимательно, и когда подъ конецъ я сталъ было благодарить его за отечески-милостивое участіе ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Для васъ-то для васъ, а больше для этой дѣвушки надо постараться. Я люблю ее,—она умненькая.

„Теперь не усну я ночь отъ другой заботы; ихъ, впрочемъ, у меня такъ много, что я не знаю, на которой прежде всего остановить мое вниманіе. Счастье у меня почти въ рукахъ,—боюсь упустить его...

Октября 9-го, вторникъ.

„Насилу дождался я этого несноснаго утра. Несмотря на сильный, насквозь проникающій дождь, я поѣхалъ на Подолъ хоть взглянуть на Вареньку. Холодно принялъ меня возлюбленный ея папаша, который—на бѣду мою—вздумалъ совершенно некстати быть больнымъ, и потому сидѣлъ дома. Я сказалъ—на бѣду мою, потому что я не успѣлъ перемолвить, какъ бы мнѣ хотѣлось того, съ М. Ѳ. По крайней мѣрѣ, я далъ ей знать, что генералъ принялъ въ нашемъ дѣлѣ сильное участіе и что я не сижу сложа руки. Съ Варенькой я не могъ помѣняться даже двумя словами. М. Ѳ. воображаетъ, что Варенька ничего не знаетъ о намѣреніяхъ моихъ и что ей вовсе не извѣстно о томъ, что̀ говорила мнѣ сама Марья Ѳедоровна третьяго дня въ клубѣ. Дѣлать нечего, надо было довольствоваться только взглядами,—но и изъ нихъ, надѣюсь, Варенька поняла все.

„Я узналъ, что въ случаѣ просьбы моей объ увольненіи изъ академіи остановки не будетъ никакой. Митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого карбонарія, какъ я. Въ отмѣткахъ своихъ по послужному моему списку, онъ ужъ не такъ-то былъ расточителенъ на похвалы. Что же касается до новаго мѣста, то, мнѣ кажется, встрѣтятся большія затрудненія. Директоръ, на котораго я мѣчу, такъ плотно усѣлся на мѣстѣ, что его развѣ силою можетъ столкнуть такая рука, какъ у моего высокаго покровителя. Не знаю, что Богъ дастъ.

Октября 11-го, четвергъ.

„Я поѣхалъ къ Балабухѣ. Злодѣйка-Варенька встрѣтила меня сердито, даже не пожала, по обыкновенію, руки моей. Это меня жестоко изумило съ перваго. Я глядѣлъ на Вареньку, желая узнать по глазамъ ея причину такого недовольства на меня, но звонкій и счастливый смѣхъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ, что это гнѣвъ не къ наказанію. Я все понялъ.—Вы, сказала она потомъ,—вѣрно хотите пытать мое терпѣніе, что такъ давно у насъ не были.—„И радъ бы

въ рай, подумалъ я, да грѣхи не пускаютъ". Въ залѣ сидѣло все семейство—и намъ нельзя было молвить другъ другу двухъ словъ безъ свидѣтелей. Но довольно было взглянуть на Вареньку—и быть счастливымъ. О, какъ страстно глядитъ она на меня! Какой огонь горитъ въ этихъ чудныхъ глазахъ! Какъ понятно трепетны эти недоговоренныя рѣчи, этотъ судорожно-радостный смѣхъ ея. Да, Варенька любитъ, горячо любитъ—и я этотъ счастливецъ, предметъ ея любви, думъ, мечтаній и надеждъ! Благодарю тебя, Господи! Еще не совсѣмъ я одинокъ, еще есть чистое, прекрасное сердце, на которомъ написалось имя мое огненными буквами первой, юной любви.

— Я вся дрожу, сказала она тихо, быстро. Ей Богу, братцы, у меня духъ занялся.—Другъ мой! сказалъ я также тихо и скоро,—я уѣду; мы такъ измучимся.—И я взялъ шляпу.

— Постойте, сказала она почти со слезами, и я остался не надолго.

— Вы маменькѣ говорили что нибудь? спросила она меня.

— Все почти ужъ сказано.

— Что жъ это она безъ васъ смѣется надъ вами?

„Не помню, въ изъясненіе этого какую я сказалъ глупость. Но это обстоятельство заставило меня подумать, когда я уже поѣхалъ домой. Сказать правду, я не вовсе довѣряю Маріѣ Ѳедоровнѣ, и мнѣ кажется, что чуть ли она не дѣйствуетъ хитрѣй, чѣмъ почтеннѣйшій ея супругъ. Своею неожиданною откровенностью она выпытала у меня тайну любви къ Варенькѣ и хочетъ, какъ видно, повести меня за носъ и разстроить меня съ милою своею дочерью, новою избранницею моего сердца. Для этого она и просила меня бывать у нихъ какъ можно рѣже, для этого-то она и рисуетъ меня передъ Варенькою чернымъ карандашемъ, примазывая по мѣстамъ свой рисунокъ грязью. Это неладно. Впрочемъ, кстати, что Варенька сказала мнѣ объ этомъ. Я знаю, что́ теперь дѣлать. О, меня трудно провести!....

„Между прочимъ, М. Ѳ. извѣстила меня, что Аристарховы просили позволенія быть у Балабухъ въ ноябрѣ. Николай Семеновичъ изъявилъ, вишь, свое согласіе; но Варенька не отвѣчала ничего. Значитъ, мнѣ надобно стараться, чтобы главнокомандующій нашимъ дѣломъ воспользовался этимъ временемъ и дѣйствовалъ наступательно и рѣшительно, не дожидаясь атаки со стороны непріятеля. Коменданты крѣпости, къ которой мы приступаемъ, могутъ, чего добраго, измѣнить намъ,—и тогда все пропало!

„Такъ какъ ѣхать домой слишкомъ было рано, то я отправился къ генеральшѣ Красовской. Тамъ былъ Дмитрій Гавриловичъ, комендантъ Пенхержевскій, генералъ Желтухинъ, вице-губернаторъ Бибиковъ и прокуроръ Матюнинъ. Меня тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ усадили за зеленый столъ. Я игралъ съ комендантомъ и Желтухинымъ. Счастливо отдѣлавшись отъ виста, я подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ генералъ.

— Откуда вы, спросилъ онъ улыбаясь,—вѣрно съ Подола?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Да, да,—подхватила Красовская,—вѣдь у васъ скоро свадьба. Прекрасно! я буду у васъ посаженою матерью.

„Я поблагодарилъ генеральшу и подумалъ: если ужъ генералъ не держитъ этого въ секретѣ и самъ распускаетъ слухи, то быть дѣлу. О, когда бы скорѣй! Милая Варенька! Будемъ молиться и уповать на Господа Бога! Онъ, премилосердый, не оставитъ насъ; онъ благъ и любитъ дѣтей своихъ.

Октября 12-го, пятница.

„Никакая работа не идетъ на умъ; все такъ и валится изъ рукъ. Чтобъ доставить себѣ хоть какое нибудь развлеченіе, я принялся въ десятый, кажется, разъ переписывать мои стихотворенія за настоящій годъ. На дворѣ было холодно, какъ зимою; въ 12 часовъ пошелъ снѣгъ, который, разумѣется, не могъ совладать съ грязью, жидко свѣтившеюся на мостовой.

„За столомъ генералъ ни слова не говорилъ ни объ дѣлѣ моемъ, ни объ Варенькѣ.

„Выпросивъ у Д. Г. „Исторію Малороссіи“ для Николая Семеновича, я поѣхалъ на Подолъ, и благодаря Бога, встрѣченъ былъ отъ неблагосклоннаго ко мнѣ пани Варенькина довольно ласково. Мнѣ только и нужно было. Потомъ я пошелъ въ залу, и... Это, чортъ возьми, ни на что не похоже! Насъ ни на одну минуту не оставляютъ однихъ съ Варенькою. М. Ѳ. сидитъ какъ прикованная къ своему мѣсту; только у фортепіано, отвлекающаго вниманіе нашихъ инспектриссъ, мы успѣваемъ обмѣняться съ Варенькою лишнею парою словъ. Но для насъ и этого бываетъ довольно. Несмотря на краткость нашихъ разговоровъ, мы оба понимаемъ недосказанное. Варенька почти съ гнѣвомъ упрекаетъ меня за недѣятельность и только торопитъ кончать поскорѣе дѣло, какъ видно, опасаясь наступательныхъ дѣйствій со стороны жениха своего, которому она такъ охотно даетъ чистую отставку. Всѣ надежды ея обращены къ генералу, котораго она прямо называетъ своимъ защитникомъ и хранителемъ. Поспѣшность, весьма понятная въ Варенькѣ, меня часто сбиваетъ съ толку,— и я тогда не знаю, что̀ отвѣчать ей на это.

Октября 13-го, суббота.

„Молодой другъ мой совѣтовалъ мнѣ прямо и откровенно сказать все генералу, съ неотступнымъ требованіемъ мѣста и ходатайства предъ отцомъ Вареньки. Я и самъ думаю объ этомъ, но боюсь неотступными напоминаніями генералу испортить все дѣло. Впрочемъ, надѣясь на Господа Бога, сегодня рѣшусь еще разъ сказать Дмитрію Гавриловичу о себѣ и о Варенькѣ.

„6 часовъ вечера. И сказалъ-таки. Генералъ вотъ что, наконецъ, отвѣчалъ мнѣ: „пока я живъ и пользуюсь милостію государя, до тѣхъ поръ твердо могу вамъ сказать, что если мы не найдемъ мѣста по ученой службѣ, то я дамъ вамъ по гражданской. Это непремѣнно. Скажите то же самое отъ меня и вашей Варварѣ Николаевнѣ".

„Я поклонился и вышелъ. У меня голова кружится.

Октября 15-го, понедѣльникъ.

„Странное дѣло! Завтра рѣшается трудный вопросъ, который вотъ уже въ другой разъ задаетъ мнѣ судьба въ моей жизни—и между тѣмъ я покоенъ. Сказать правду, получивъ коротенькую записку отъ Николая Семеновича, я почувствовалъ въ первый разъ порядочное въ себѣ волненіе, усиленное въ особенности тѣмъ, что письмецо, посланное мною къ нему, воротилось ко мнѣ назадъ съ престраннымъ замѣчаніемъ на конвертѣ: ответъ въ срединѣ. Съ перваго раза я не разобралъ этого и подумалъ, что тутъ написано: ответъ въ среду. Почему же въ среду, а не сегодня, не завтра, разсуждалъ я, держа письмо въ рукѣ моей? Это странно! Да ужъ полно, читалъ ли онъ мою записку? Это было бы съ его стороны крайняя невѣжливость, еслибы онъ, не распечатавши, прислалъ мнѣ назадъ мою записку. Размышляя такъ, я уже хотѣлъ изорвать ее, но облатка, худо приклеенная, нечаянно остановила меня. Я развернулъ записку и прочиталъ: „завтра пріѣзжайте ко мнѣ въ 12 часовъ утра". Прекрасно! А тамъ—что будетъ, то будетъ.

„На святое Провидѣнье
Положился я давно"...

„Повторяю, я спокоенъ,—но что-то теперь съ Варенькой? Я почти увѣренъ, что она въ эту ночь глазъ не сомкнетъ: она такъ горячо и пылко меня любитъ; она еще впервые испытываетъ эту болѣзнь, которую зовутъ любовью. Жаль мнѣ ее, мою крошку,—и за нее я готовъ бы теперь упасть въ ноги тому, отъ кого зависитъ ея и мое счастье.

Октября 16-го, вторникъ.

„Пріѣзжаю по назначенію къ Балабухѣ ровно въ 12 часовъ. Прежде всего я забѣжалъ внизъ, гдѣ сидѣла Марья Ѳедоровна и Варенька. Обѣ онѣ были, какъ по всему видно, сильно встревожены. Размѣнявшись привѣтствіями, я съ рѣшительнымъ и спокойнымъ видомъ пошелъ наверхъ. Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня довольно вѣжливо и мы заговорили.

— Прежде всего,—сказалъ я ему,—благодарю васъ, Николай Семеновичъ, за то, что вы не заставили меня долго ожидать отвѣта.

„Онъ откланялся и пригласилъ меня садиться.

— Вы, конечно,—заговорилъ я, усаживаясь въ кресло,—могли нѣсколько угадывать цѣль моихъ посѣщеній. Если позволите, я выскажу ее прямо, и напередъ прошу васъ со мною въ настоящемъ случаѣ быть откровеннымъ; я люблю вашу Вареньку и прошу у васъ ея руки.

— Да вы развѣ не знаете, что она уже помолвлена? отвѣчалъ серьезно Николай Семеновичъ.

— Очень хорошо знаю; равно какъ знаю и то, что помолвка эта далеко еще не ведетъ къ дѣлу, которое, какъ мнѣ извѣстно, у васъ разладилось.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Весь Кіевъ.—Я умолчалъ здѣсь о болѣе вѣрномъ источникѣ, изъ котораго почерпнуто мною такого рода свѣдѣніе.

— Всему, возразилъ Николай Семеновичъ,—что говорится въ Кіевѣ, вѣрить нельзя. А я далъ слово—и не отступлюсь отъ него.

— Вы дали слово — прекрасно; но дала ли слово та, судьба которой рѣшается съ такимъ упорнымъ насиліемъ?

— Разумѣется, дала. Я самъ призывалъ ее еще передъ обрученіемъ, и она тогда объявила свое согласіе...

— Не справясь ни съ умомъ, ни съ сердцемъ, продолжалъ я.— Да, это точно великое согласіе и основываться на немъ очень благоразумно. Но, Николай Семеновичъ! не могла ли новость положенія закружить бѣдную, еще неопытную дѣвушку? Она невѣста, ее всѣ поздравляютъ; кругомъ суета, шумъ, освѣщеніе, всѣ рады и веселы; сбоку женихъ — да это хоть кому вскружитъ голову. Вы знаете, въ Индіи жертвы, обрекающія себя на сожженіе, точно бываютъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ была тогда Варенька. Но положимъ, что на этомъ согласіи вы могли въ то время основываться и затѣять такую громкую помолвку (которая, между прочимъ, ужаснѣйшая съ вашей стороны ошибка),—увѣрены ли вы, что Варенька готова и теперь сказать то же, что говорила она назадъ тому почти три мѣсяца?

— А мнѣ что до теперешняго ея согласія! Коротко скажу: слово дано мною и я ни за что не отступлюсь отъ него.

— Держать свое слово хорошо и похвально тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вещи, а не о лицѣ, которое само по себѣ можетъ имѣть свою мысль и, слѣдовательно, свое слово. Не будете ли вы отвѣчать передъ Богомъ за то, если въ угожденіе вашему упорству дочь ваша солжетъ предъ алтаремъ, если устами скажетъ—да, а на сердцѣ положитъ—нѣтъ?

— О, что касается до этого, то я отвѣтственности предъ Богомъ не боюсь.

— Не бояться вы можете, но она все-таки будетъ лежать на васъ. Если бы эта двуличность Вареньки была дѣломъ ея собственнаго произвола и избранія—другое дѣло; тутъ родители были бы невиновны;

но какъ скоро они отнимаютъ у ней свободу, поставляя только свою волю закономъ, то кто жъ отвѣчаетъ? Ужъ, разумѣется, не тотъ, кто дѣйствуетъ по принужденію.

— Будто мы ее принуждаемъ?

— А что жъ вы дѣлаете? Если не принуждаете, то почему же до сихъ поръ вы не выспросите ее, какъ отецъ, какъ другъ, безъ строгихъ замѣчаній и грозныхъ сентенцій?

— Да на что это?

— Какъ на что? Для счастья вашей дочери.

— О, она будетъ счастлива.

— Что и говорить. Счастье, Николай Семеновичъ, условная вещь. Однимъ и то счастье, если они могутъ пить, ѣсть, да спать вдоволь, а другимъ хочется другаго, хочется подѣлиться мыслью, чувствомъ, сердцемъ.

— Все это она найдетъ въ Аристарховѣ...

— Дай Богъ, но все это вы покамѣстъ говорите,—что-то она сказала бы, если бъ спросить ее...

— Не нужно это.

— Такъ, стало быть, вы сами будете находить въ выбранномъ вами фениксѣ всѣ качества, какихъ потребуетъ отъ него такая умная и образованная дѣвушка, какъ Варенька. Вы скажете: „вотъ это, молъ, дочка—чувство, вотъ это—мысль, вотъ это—сердце“; а она вамъ отвѣтитъ: „позвольте, папенька, я сама посмотрю“; вы опять скажете: „не нужно, дочка, это мы тебѣ говоримъ,—твои родители“;—„нѣтъ, ужъ позвольте“, скажетъ она и, хорошенько всмотрѣвшись—Боже сохрани, какъ прибавитъ: „посмотрите, да это не чувство, а сахарная вода,—это не мысль, а ариѳметическій счетъ,—это не сердце, а копченый кусокъ мяса“. Что тогда? Николай Семеновичъ! Отдать дочь вѣдь не то же, что сбыть залежалый товаръ. Смотрите, обдумайте...

— Сколько бъ я ни думалъ, все будетъ одно и то же.

— То-есть, перебилъ я, вы приносите Вареньку въ жертву вашему упорству. Хороша родительская любовь! Не говорите мнѣ этихъ примѣровъ, которыми такъ любятъ хвастаться старики, что вотъ, дескать, мы прожили, слава Богу, бывъ сведены вовсе безъ вѣдома нашего волею родительскою. То, скажу вамъ, были времена—другіе нравы; то старина, то и дѣяніе. Нашихъ стариковъ и надо было сводить, потому что они такъ никогда бы не сошлись; для этого нужно кое-что побольше ногъ; нужна образованность, взаимная настроенность,—а этого-то у стариковъ нашихъ (не во гнѣвъ будь сказано) и недоставало. Вѣкъ на вѣкъ не указываетъ и требованія времени измѣняются...

— Все это такъ; но предложеніе ваше въ другое время имѣло бы другой вѣсъ, а теперь Варя обручена...

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что я прежде этого извините) жалкаго обрученія очень легко могъ просить руки Варень-

киной, не напрасно себя лаская надеждою успѣха? Но, Николай Семеновичъ, помните, что я уже не въ первой порѣ молодости, и что соваться въ воду, не спросясь броду—мнѣ ужъ не приходится. Я смотрѣлъ, какъ устроятся мои обстоятельства, и смогу ли я прилично настоящему моему положенію въ свѣтѣ содержать себя и будущую жену мою своимъ собственнымъ коштомъ, не простирая слишкомъ далекихъ и обширныхъ видовъ на женино приданое. Въ этомъ смыслѣ я и дѣйствовалъ. Бывъ у васъ принятъ въ домѣ, я сблизился съ Варенькою, узналъ ея мягкую душу, ея теплое сердце, ея гибкій умъ, узналъ все, чѣмъ она способна быть—и откровенно признаюсь вамъ—полюбилъ ее. Варенька, замѣтивъ это, тотчасъ же дала мнѣ знать, что у нея есть женихъ, что онъ хорошъ и прочее, и что я могу оставить ее въ покоѣ. Поблагодаривъ за такую умную откровенность, я, точно, рѣшился прекратить мои исканія, внутренно—признаться—жалѣя, что это милое созданіе идетъ въ руки человѣку, который, быть можетъ, не съумѣетъ оцѣнить его. Но какъ бы то ни было, я пересталъ къ вамъ ѣздить; безъ меня совершилось ваше громкое обрученіе; безъ меня Варенька стала невѣстою. Я даже самъ поздравилъ ее, бывши въ гостяхъ у Семена Семеновича въ день его золотой свадьбы. Изрѣдка навѣдываясь къ вамъ и слыша отъ самой Вареньки, какъ она восхищалась положеніемъ невѣсты, уѣзжалъ домой, внутренно смѣясь такому самообольщенію неопытной дѣвушки. Я видѣлъ, что впечатлѣніе отъ совершеннаго съ нею обрученія легло только на поверхность ея души, нисколько не тронувъ глубины ея,—и боялся нарушить это мирное, спокойное невѣдѣніе ожидающей ея участи, самой прозаической; такъ прошло почти около трехъ мѣсяцевъ. Вдругъ дошелъ до меня слухъ о разладѣ вашемъ съ домомъ Аристарховыхъ. Признаюсь, я принялъ это за указаніе Промысла и сентября 19-го явился въ вашъ домъ, чтобы узнать, справедливы ли эти слухи. Разспрашивать мнѣ было не нужно,—стоило только взглянуть на Вареньку, поговорить съ нею совсѣмъ, будто бы, о посторонемъ, чтобъ увидать истину во всей ея наготѣ. Съ этихъ поръ я сталъ бывать у васъ чаще и чаще, узнавать Вареньку ближе и ближе, и дошелъ до того, что не бывать у васъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю—было для меня уже невозможно. Тутъ я узналъ многое; но еще не рѣшился даже самому себѣ отдавать отчета въ моихъ цѣляхъ и видахъ. Дмитрій Гавриловичъ сначала шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ, наконецъ сталъ уже серьезно поговаривать объ этомъ и однажды сказалъ мнѣ—почему я не ищу руки ея? Я отвѣчалъ, указавъ на недостаточное мое состояніе, на мѣсто, занимаемое мною въ академіи, которое, конечно, съ голоду не уморитъ, но зато и сыто не накормитъ. Генералъ обѣщалъ мнѣ помочь въ этомъ и я уже самъ взялся за дѣло серьезно. Вотъ вамъ, Николай Семеновичъ, весь ходъ моихъ дѣйствій: судите, благородно ли я поступалъ, или нѣтъ?

— Я ни слова объ этомъ не говорю. Но вѣдь этому ничему бы не бывать, если бы Аристарховъ былъ здѣсь. Вы сами встрѣчали бы его у насъ каждый день, и тогда...

— Тогда бы, перебилъ я,—мнѣ и не для чего было бы къ вамъ ѣздить, потому что у васъ и разлада никакого бы, можетъ быть, не было...

— Да и теперь нѣтъ его....

— Николай Семеновичъ! вѣдь я не такъ еще слѣпъ, чтобы не видѣть того, что́ можно ощупать руками. Вы сами, положа руку на сердце, скажите мнѣ, все ли у васъ спокойно въ семействѣ? Всѣ ли такъ же думаютъ и чувствуютъ, какъ вы?

— Да что мнѣ до всѣхъ? Мое слово....

— Опять то же; все я, да я, мое, да мое. Скажите что-нибудь другое, а это уже я слышалъ и отвѣчалъ вамъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, ищите себѣ другой дѣвушки — незанятой...

— Покорнѣйше васъ благодарю. Искать я не могу и на комъ либо другомъ жениться покамѣстъ не намѣренъ. Надо мною всю жизнь мою была рука Промысла; и если вы слышите отъ меня такое объясненіе, то я твердо вѣрю, что такъ Богу угодно, и что Варенька должна принадлежать мнѣ.

— Нѣтъ, она принадлежитъ Аристархову.....

— Еще Богъ знаетъ,—сказалъ я, закуривая сигару.

— Я васъ объ одномъ прошу, Викторъ Ипатьевичъ — пожалуйста, чтобы впредь объ этомъ и слова не было.

— Даю вамъ въ томъ честное слово, но до времени не я самъ, такъ, можетъ быть, кто-нибудь другой замолвитъ обо мнѣ слово.

— Я всякому то же скажу, что́ и вамъ.

— Очень вѣрю, но не будемъ впередъ загадывать. Позвольте и мнѣ, Николай Семеновичъ, попросить васъ объ одномъ. Пригласите къ себѣ Вареньку и, не пугая ее строгимъ взглядомъ и неумѣстными нравоученіями, станьте рядомъ съ ея положеніемъ и заставьте ее самое открыть вамъ сердце свое. Тогда вы увидите, у мѣста ли ваше упорство держать данное вами слово, или нѣтъ? Теперь же, кажется, все переговорили, но между нами не все кончено. Надѣюсь, впрочемъ, что это не помѣшаетъ намъ попрежнему быть добрыми пріятелями и вы извините меня, можетъ быть, за лишнюю откровенность...

„Николай Семеновичъ пожалъ мнѣ руку и я откланялся, сохранивъ до конца все мое присутствіе духа. Но, Боже упаси, если бъ кто-нибудь заглянулъ въ глубь моего сердца! Тамъ былъ цѣлый адъ страданій и горько обманутыхъ надеждъ!...

„Я сошелъ внизъ. Марья Ѳедоровна и Варенька взглянули на меня вопросительно. Сѣвъ на стулъ, я сказалъ, сколько могъ, твердо и даже весело:

— Ну, вотъ и кончено!

— Такъ скоро? спросила Варенька въ тревожномъ недоумѣніи.

„Глаза ея горѣли, щеки пылали.

— У насъ было все коротко, зато ясно. И я поздравляю васъ madame Аристарховой.

— Кого нибудь другаго, только не меня, сказала она отрывисто, и лицо ея начинало блѣднѣть и на глазахъ навертывались слезы... Она наклонила голову....

„Мнѣ стало душно; мнѣ стѣснило грудь.

— Прощайте, сказалъ я, вставая и цалуя руку Марьи Осиповны.

— Прощайте, Варвара Николаевна!—И я пожалъ протянутую мнѣ руку.

— Навсегда? спросила она почти съ воплемъ.

— Можетъ быть и навсегда....

„Но тутъ ужъ у меня не стало силъ. Я выбѣжалъ изъ дому, глотая слезы.

— Пошелъ!!—крикнулъ я извощику и, отъѣхавъ отъ дому, вздохнулъ такъ тяжело, что, мнѣ казалось, тѣмъ вздохомъ и душа поворотится на своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Разсѣянная жизнь В. И. Аскоченскаго.

Октября 17-го, среда. [2]

ЗА СТОЛОМЪ [3] я умѣлъ скрыть волновавшія меня думы; никто изъ присутствовавшихъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго измѣненія въ моемъ лицѣ. Въ кабинетѣ вдругъ генералъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ:—Ну, каково-жъ идутъ ваши дѣла?

— Плохо, ваше в—ство, сказалъ *я*.

— Что такое?

„Я пересказалъ ему все, что слышалъ вчера отъ Николая Семеновича, что̀ замѣтилъ я по лицу Вареньки, что̀ замышляю и задумываю я напередъ. Между прочимъ, я просилъ генерала, чтобы онъ повременилъ съ своей стороны говорить за меня что нибудь Балабухѣ. Мнѣ хотѣлось этотъ резервъ приберечь для того и къ тому времени, когда, истощивъ всѣ средства мои, и со всѣхъ сторонъ обезоруживъ моего противника, приготовлю для него coup complet. Генералъ согласился со мною. На томъ мы и покончили.

„Черезъ полъ-часа я уже былъ въ домѣ Лычковыхъ. Мнѣ хотѣлось какимъ бы то ни было образомъ открыть возможность сообщенія съ Варенькою—и я обратился къ Людмилѣ. Безпокойство мое не укрылось ни отъ кого, и я, точно, былъ почти сумасшедшимъ. Не помню,

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 534.

[2]) 1845 г.

[3]) Аскоченскій жилъ въ это время у Бибикова.

что я говорилъ, но говорилъ много. Голова моя горѣла, мнѣ захватывало дыханіе. Людмила послала записку къ Варенькѣ, приглашая ее къ себѣ, и вотъ что отвѣчала она: „Отъ души желала бы сегодня посѣтить васъ, но, къ несчастію, maman дома нѣтъ—на Печерскѣ, papa дома; спросилась бы, да поздно. Попросите Аскоченскаго, чтобы онъ прислалъ мнѣ книги, тѣ, которыя онъ говорилъ, что я влюбилась въ нихъ. Какая скука, грусть! Я не отдамъ ему его нотъ. Скажите, чтобъ прислалъ посланіе. Цалую васъ однѣхъ. Toute à vous Варвара".—Послѣ этой записки мнѣ стало еще грустнѣй. Горячо я говорилъ противъ деспотизма родителей, распоряжающихся дѣтьми, какъ какою нибудь вещью—и воспріимчивая душа Людмилы вызывала на глаза ея слезы.

Октября 18-го, четвергъ.

„Препятствія, со всѣхъ сторонъ препятствія! Это несносно,—нѣтъ, виноватъ, это прекрасно. Больше тревоги, а моя душа такъ боится застоя! Давайте ихъ, этихъ препятствій, побольше! Не много славы побѣдителю, когда все преклоняется передъ нимъ, покорно прося пощады. Давайте бороться,—и посмотримъ, чья возьметъ!

„Съ лекціи я заѣхалъ къ Лычковымъ, чтобъ повидаться съ Людмилой и узнать отъ нея что нибудь о Варенькѣ. Не тутъ-то было; одна каналья—баба не пустила Людмилу ко мнѣ, и я пріѣхалъ ни по-что, а поѣхалъ ни съ чѣмъ. Я заскрежеталъ зубами, выходя изъ дому Лычковыхъ.

„Но мнѣ нельзя было не видѣть Вареньки,—и я увидѣлъ ее. Но лучше бы мнѣ ее не видѣть. Она поблѣднѣла; ея губы, прекрасныя, розовыя губы, ссохлись, какъ у мертвеца. Въ ея глазахъ, полныхъ самой страстной любви, какой-то неестественный огонь. Мнѣ стало жаль ее, до того жаль, что я готовъ былъ заплакать. Крѣпко пожала она мнѣ руку на прощанье—и я уѣхалъ, никакъ не улучивъ свободной минуты, чтобы отдать ей мое письмо. Мнѣ грустно. Вотъ уже нѣсколько ночей, какъ бросилъ меня живительный сонъ; сплю не болѣе трехъ часовъ въ сутки, и то такъ тревожно, такъ безпокойно, что боюсь вовсе разстроить мое здоровье. И это со мною дѣется—съ крѣпкимъ, уже обстрѣленнымъ несчастіями и избитымъ отъ опыта мужчиною: что жъ съ Варенькою—этимъ нѣжнымъ, юнымъ, прекраснымъ созданіемъ! Боже мой! подкрѣпи ее!

„10 часовъ вечера. Опять видѣлъ Вареньку, опять говорилъ съ нею попрежнему,—и еще болѣе увѣрился въ любви ея ко мнѣ. Да, она горячо меня любитъ, любитъ первымъ пыломъ молодости. Насъ не преслѣдовали подозрительные досмотрщики,—мы говорили привольно, открыто, и хорошо намъ было; но думы, думы о будущемъ—вотъ ядъ, отравляющій наши сладкіе разговоры и мечты! Я укрѣплялъ ее упованіемъ на Господа Бога, назначивъ для нея девизомъ:

любовь и твердость—и вооружилъ на борьбу съ угнетающими насъ обстоятельствами. Противъ меня вооружается все поколѣніе Балабухъ; анатомируютъ каждый мой поступокъ, всматриваются въ тощій мой кошелекъ, толкуютъ о положеніи моемъ въ свѣтѣ и аподиктически рѣшаютъ, что я не партія Варенькѣ. Посмотримъ! Богъ мой прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло!!..

„Уфъ! какъ мнѣ тяжело! А вѣдь я пѣлъ тамъ и былъ веселъ! Что за хамелеоновская моя натура! За это люди называютъ меня сумасшедшимъ. Прощаю имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!

„Одинъ изъ дураковъ поколѣнія Балабухъ растревожилъ меня сильно. Этотъ мерзавецъ почти наговорилъ мнѣ грубостей, и я, забросавъ его грязью, самъ опачкался ею. Это я ставлю въ счетъ первостепенныхъ глупостей, сдѣланныхъ мною въ жизни.

„Уфъ! Боже мой! Какъ страшно, убійственно страшно! Когда, закрывъ глаза, идешь этою тропинкою, не озираясь на бездны, зіяющія по обѣ стороны,—тогда все гладко и прекрасно; но когда снимутъ съ тебя повязку, когда укажутъ тебѣ на эту черную, бездонную пропасть, которую зовутъ бѣдностью,—какъ больно сжимается тогда сердце! Какимъ змѣемъ ползетъ отчаяніе въ растревоженную душу! Какъ слабѣютъ нервы духа, убиваемаго такими думами! Нѣтъ, прочь этотъ отвратительный свѣтъ! Дайте назадъ мнѣ повязку! Я надѣну ее—и опять, слѣпо ввѣряясь судьбѣ моей, пойду тою тропинкою, которая у людей зовется жизнью! Прочь это отвратительное письмо, въ огонь его! Какъ ни идти, а все придемъ къ той же могилѣ,—а тамъ—будь воля Господня!..

„Встревоженный всѣми возможно-непріятными думами, я пошелъ къ моему высокому благодѣтелю и изложилъ ему все, что говорила мнѣ сегодня Варенька, прося его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ.

— Мы все это, сказалъ генералъ,—покончимъ на этихъ дняхъ.

— Охъ, трудно будетъ, ваше в—ство, отвѣчалъ я, но, замѣтивъ, что я этимъ сдѣлалъ неловкость, замолчалъ, предоставляя судьбу мою Всевышнему; но, повторяю, я вѣрую „видѣти благая на земли живыхъ“. Если же нѣтъ, то такъ и быть. Пойду снова на битву съ нуждою и людьми; авось какъ нибудь доколочусь до пріюта всѣхъ странниковъ и бойцовъ этого міра,—до тихой могилы.

„Не правда ли, друзья мои?

Октября 19-го, пятница.

„Слава Богу! Давно уже не спалъ я такъ спокойно, какъ эту ночь! Совсѣмъ уже было изъ силъ выбился. Теперь, Богъ дастъ, начну поправляться.

„Не знаю, какъ я очищу себя отъ долговъ, а это крѣпко нужно въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Моя надежда на Дмитрія Гавриловича (Бибикова) и Сипягина; если же они не помогутъ, то

при всѣхъ удачахъ, я все-таки сижу на мели. Впрочемъ, власть Господня! И безъ моихъ хлопотъ все будетъ, какъ быть должно, а будетъ такъ, какъ Богу угодно.

„Нетвердость и несмѣлость Вареньки тоже сильно меня тревожитъ. Полумѣры тутъ не у мѣста. Надобно дѣйствовать рѣшительно и не говорить ни да, ни нѣтъ тамъ, гдѣ прямо надо сказать или да, или нѣтъ. To be, or not to be—вотъ вопросъ, на который требуется отвѣчать тотчасъ, какъ скоро вынимается отвѣтъ изъ закрытой урны нашей судьбы! А то иногда Варенька какъ будто устаетъ плыть противъ этого бурнаго теченія страстей и предательскихъ разсчетовъ. Вчера она мнѣ сказала:

— Какъ вы угадываете мои мысли!

— Что такое?

— Да въ прошломъ отвѣтѣ вы пишете: боюсь, чтобы ты не ослабѣла въ этой борьбѣ. И точно, у меня въ одну пору появилась мысль: изъ чего я хлопочу?

— Прекрасно! сказалъ я горько,—это у васъ любовь,—прекрасно! Какъ тутъ не припомнить того, что̀ сказалъ Пушкинъ:

„Ты любишь больно, тяжело,
А сердце женское—шутя“.

— Аскоченскій! продолжала Варенька,—не вините меня, я сама не знаю, что̀ думать, что̀ говорить. Я такъ была разстроена.

„И мнѣ стало ее жаль. Безбожно было бы требовать отъ нѣжнаго созданія этой желѣзной крѣпости, которая больше и больше закаляется по мѣрѣ усиленія огня угнетающихъ обстоятельствъ. Мужчинѣ падать въ такомъ случаѣ стыдно; но дѣвицѣ, юной, еще неопытной дѣвицѣ — это даже простительно. Но какъ бы то ни было, а это меня безпокоитъ. У насъ одинъ якорь, которымъ держится отвсюду разбиваемый корабль нашихъ надеждъ,—это любовь рѣшительная, какъ смерть, твердая, какъ сталь, неробкая, какъ мысль. Потеряешь этотъ якорь, пропало все—корабль нашъ или уйдетъ въ далекое море треволненій жизни, или разобьется о подводные камни, потопитъ съ собою весь грузъ надеждъ и желаній... Молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ мою Вареньку въ этомъ трудномъ подвигѣ!

„Что предприметъ Дмитрій Гавриловичъ — не знаю; но, судя по рѣшительному его тону, можно догадываться, что онъ готовитъ нашему антагонисту и упорному словодержателю chûte complète.

„Вечеръ. Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, сказалъ, не помню къ чему-то, сегодня послѣ обѣда въ кабинетѣ у генерала А. К. Куманинъ,—не женитесь.

— Нѣтъ, возразилъ Дмитрій Гавриловичъ,—онъ женится, непремѣнно женится. Ему даже нельзя не жениться.

— Какъ нельзя, ваше превосходительство? спросилъ Куманинъ.

— Нельзя и только, иначе онъ скомпрометируетъ дѣвушку умную, лучше которой я не знаю на всемъ Подолѣ.

— Oui, papa, прибавилъ Сипягинъ,—elle est très charmante personne.

— Она даже очень хорошо образована, — гдѣ она получила воспитаніе?

— Въ пансіонѣ Залѣсской.

— Очень милая дѣвушка. И попробуйте-ка не жениться на ней,— тогда я васъ! прибавилъ генералъ, грозя пальцемъ.

— Ваше высокопревосходительство! сказалъ я, — я радъ этимъ угрозамъ: онѣ указываютъ мнѣ счастіе, котораго я, разумѣется, отъ души себѣ желаю, не рискуя даже въ настоящемъ случаѣ быть эгоистомъ.

— Да вы всѣмъ говорите, что она въ васъ влюблена по уши, какъ же вы не эгоистъ?

— Я говорилъ? Помилуйте, ваше в—ство, это была бы съ моей стороны такая глупость, которую никакъ нельзя было бы согласить съ любовью и уваженіемъ, питаемыми мною къ дѣвушкѣ, заслужившей даже ваше вниманіе.

— Да, вы, продолжалъ генералъ,—не иначе должны говорить всѣмъ, какъ то, что вы влюблены въ нее по уши.

— Не говорю, и не буду говорить до времени ни того, ни другаго; потому что въ первомъ случаѣ я скомпрометирую m-lle Балабуху, а во второмъ—самого себя, если про мою или, правильнѣе, про нашу привязанность будутъ знать встрѣчный и поперечный.

— Да, сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину,—онъ женится непремѣнно.

„Я улыбнулся и подумалъ: что за странная охота пришла генералу убѣждать меня въ этомъ? Не на меня слѣдуетъ пасть этимъ всѣмъ убѣжденіямъ, а на кого нибудь другаго, кто сталъ рожномъ на дорогѣ къ моему счастью; туда, туда, благодѣтель мой, обратитесь съ своими сильными словами! А я пойду за моей путеводной звѣздой — и остановлюсь съ нею у алтаря Господня, или, покинувъ ее тамъ одну, противъ воли моей, съ кѣмъ нибудь другимъ, пойду по жизненному морю безъ компаса и безъ ней — звѣзды моей путеводной.

Октября 20-го, суббота.

„Поѣхалъ на почту... Вы думаете, что, можетъ быть, у меня было какое нибудь письмо или что либо въ родѣ этого? Этого не было; мнѣ только хотѣлось взглянуть на домъ, стоящій противъ почты, увидѣть тамъ хоть мелькомъ этотъ прекрасный профиль лица, которое такъ вотъ и вертится у меня вѣчно передъ глазами; мнѣ хотѣлось... да мало ли чего мнѣ хотѣлось? но не тутъ-то было. Въ окнахъ торчали дѣти и кивали мнѣ хорошенькими своими головками; а Вареньки не было. Я завернулся въ шинель и съ досадою поѣхалъ домой.

„Передъ обѣдомъ, генералъ, выходя изъ кабинета и увидѣвъ меня, крикнулъ: „Писаревъ! Когда жъ можно будетъ придти къ тебѣ этому первому кіевскому?"... (послѣдняго слова, извините, написать нельзя, хотя оно и очень выразительно). Писаревъ назначилъ одиннадцатый часъ утра; тѣмъ и кончилось дѣло. Обѣдъ прошелъ обыкновенно, а послѣ обѣда я поскакалъ къ Платону. Удержавъ его отъ панорамическаго туризма, я прочиталъ предъ нимъ всю исторію, весь романъ, такъ горячо завязавшійся и такъ трудно развязывающійся и ожидающій, какъ по всему видно, новаго Александра, чтобы разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Искреннее, братское участіе Платона въ судьбѣ моей, его умная предусмотрительность, его радость о моемъ счастіи, посылаемомъ мнѣ свыше рукою благодѣющаго мнѣ Промысла Божія, разогнало тучу, которая цѣлый день безпрерывно давила меня. Я разговорился, размечтался и сталъ веселъ.

Октября 21-го, воскресенье.

„Въ надеждѣ увидѣть Вареньку въ церкви, я бросился на Подолъ: но Вареньки тамъ не было. Были двѣ ея тетки; онѣ называли меня волокитою, прямо указывая на предметъ моего волокитства, какъ онѣ изволятъ называть любовь мою,—да проститъ Аллахъ ихъ согрѣшенія. И я не таилъ отъ нихъ того, что, точно, пріѣхалъ въ Братскій для Вареньки. Обѣдня кончилась, и я, очертя голову, рискнулъ заѣхать къ Балабухѣ. Къ счастію, Николая Семеновича не было дома, и я могъ узнать многое для меня весьма важное. Мерзавецъ Павликъ распускаетъ обо мнѣ самые неблагопріятные слухи. Онъ вооружаетъ противъ меня всѣхъ кредиторовъ и клянется передъ отцомъ Вареньки, что я по уши въ долгахъ. И вретъ, скотина, самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а это понуждаетъ меня сколько есть силъ развязаться со всѣми моими долгами, что̀ я и не премину сдѣлать.

„Марья Ѳедоровна просила меня не бывать у стариковъ Балабухъ, откровенно увѣряя, что они вооружены противъ меня до послѣдняго ногтя на ногѣ. Мнѣ даже присовѣтовано оставить и собственный домъ ихъ, но это пунктъ весьма спорный, противъ котораго вопіетъ все мое существо и, какъ я вижу, очень хорошо поступаетъ. Варенька, между прочимъ, сказала мнѣ вотъ что:

— Я да я, мое да мое,—понимаете меня, Аскоченскій? На это скажу: я не курица, чтобы меня душить, и я бы не крикнула.

— Варвара Николаевна, повторяю вамъ: упованіе на Бога, твердость, любовь,—вотъ ваши высшіе хранители! А на землѣ—Дмитрій Гавриловичъ, сказалъ я, смотря въ ея прекрасные глаза.

— А что Дмитрій Гавриловичъ? спросила она.

— Дмитрій Гавриловичъ обѣщается устроить все дѣло на сихъ дняхъ!

— О, помоги ему Богъ, сказала она, сложивъ руки и взглянувъ на икону.

„Марья Ѳедоровна дала мнѣ руку на счастье и мы поѣхали—она съ Варенькою на Печерскъ, а я къ Писареву. Остановившись у подъѣзда, я еще разъ протянулъ мою руку къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, какъ бы прося ея благословенія, и вошелъ въ домъ.

„Николай Еварестовичъ былъ въ кабинетѣ съ какимъ-то чиновникомъ. Замѣтивъ въ гостиной Софью Гавриловну (Писареву), я пошелъ къ ней.

— Давно я хотѣла васъ видѣть, сказала она, чтобы поздравить,— вы женитесь?

— Еще покамѣстъ нѣтъ, отвѣчалъ я, — а откуда вы это знаете?

— Мнѣ мужъ говорилъ.

— А Николай Еварестовичъ, вѣроятно, узналъ отъ Дмитрія Гавриловича,—не такъ ли?

— Да, отвѣтила она улыбаясь.

— Ну, такъ мнѣ остается только пожелать, чтобы ваше привѣтствіе, на этотъ разъ, извините, немножко раннее, точно принесло мнѣ счастіе, за которымъ я гонюсь...

„Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, уже не столько значительныхъ, я пошелъ въ кабинетъ Николая Еварестовича. Усадивъ меня въ кресло, онъ прямо спросилъ:

— Хотите ли вы быть совѣтникомъ?

„Я вытаращилъ на него глаза.

— Что въ этой ученой службѣ? Какая тамъ карьера? Вы хотите быть директоромъ или инспекторомъ гимназіи, но вѣдь это пустяки. „Ужъ если дѣлать добро, такъ дѣлать“, сказалъ я генералу, узнавъ о вашемъ желаніи. Вотъ въ январѣ откроется вакансія совѣтника въ гражданской волынской палатѣ. До того времени вы подъ моимъ руководствомъ будете пріучаться къ дѣламъ въ моей канцеляріи. А потомъ, Богъ дастъ, вы пойдете дальше, и при содѣйствіи Дмитрія Гавриловича я скоро надѣюсь поздравить васъ вице-губернаторомъ. Что же вы на это скажете?

„Я, ей-Богу, растерялся и, кажется, ничего не сказалъ. Нѣтъ, виноватъ, говорилъ что-то, но такъ несвязно, такъ безтолково, что даже самому мнѣ вспало подозрѣніе, не рехнулся ли я умомъ-разумомъ. Вѣроятно, замѣтивъ мое замѣшательство, Писаревъ отпустилъ меня, наказавъ хорошенько поблагодарить генерала.

— Пошелъ въ лавру! крикнулъ я извощику. — Рубль на водку! Катай! И лихая пара понеслась стрѣлою, стуча безъ милосердія и прыгая безъ жалости по мостовой. Мнѣ хотѣлось догнать Вареньку— и точно, при въѣздѣ въ крѣпость, я замѣтилъ ея бѣлую шляпку. — Пошелъ, крикнулъ я еще, и готовъ былъ слетѣть съ дрожекъ и летѣть вѣтромъ, нѣтъ, мало,—молніей, чтобы скорѣе стать близъ моей суженой.—Стой!—и я близъ Вареньки.—Ура! Наша взяла! закричалъ

почти я. Варенька смотрѣла на меня съ такимъ нетерпѣливымъ вопросомъ, что я чуть не выболталъ моего, покамѣстъ, секрета.—Въ лавру, Варвара Николаевна! въ лавру—молиться за моего благодѣтеля, отца, покровителя!.. Упованіе на Бога, твердость и любовь! Прощайте! и я поскакалъ въ лавру, оставивъ, конечно, ихъ въ самомъ пріятномъ недоумѣніи.

„Обѣдня уже кончилась и изъ церкви выходили. Зная, что мой безрукій красавецъ [1]) теперь у митрополита, я и самъ пошелъ туда же. Въ залѣ были: Дмитрій Гавриловичъ, генералъ Чеодаевъ, военный губернаторъ Радищевъ, Красовская съ дочерью, m-lle Рѣпнинская и прокуроръ. Я откланялся.

„Ласковое обращеніе Дмитрія Гавриловича со мною лучше всякой рекомендаціи показало незнакомымъ со мною генераламъ, что я близокъ къ моему высокому покровителю. Пришелъ митрополитъ и мы всѣ пошли въ гостиную, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, разумѣется, лаврскій, балыковый, селедочный, съ прескверным виномъ. Митрополитъ былъ въ духѣ и убѣждалъ холостяковъ-генераловъ жениться, вызываясь даже для Чеодаева самъ быть сватомъ. Всѣ, сколько тутъ ни было, удостоились его вниманія, кромѣ меня. По всему видно, что его высокопреосвященству, привыкшему встрѣчать въ нашихъ академическихъ труженикахъ раболѣпное поклоненіе, не такъ-то пріятна была моя смѣлость, съ какою я, напримѣръ, разговаривалъ съ m-lle Красовскою или подходилъ къ столу, уставленному рыбными тарелками. Да мнѣ-то какое дѣло? Я знаю вонъ того красавца, который рядомъ сидитъ съ его высокопреосвященствомъ, имъ я смѣлъ и неробокъ. Отъ него да отъ Бога я и жду всего, а всѣмъ прочимъ—мое искреннѣйшее и глубочайшее почтеніе и низкій поклонъ. Истинно такъ!

„Насилу переждавъ всѣхъ пріѣзжавшихъ къ генералу съ визитами, я вошелъ въ кабинетъ, потерявъ за порогомъ его мою подготовленную, восторженно-благодарственную рѣчь. Да, не до фразъ тамъ, гдѣ впутается душа съ своимъ нѣмымъ словомъ. Станешь, да и молчишь, точно такъ же, какъ стоялъ я нѣсколько минутъ передъ моимъ отцомъ и покровителемъ. Попробовалъ было заговорить, но генералъ перебилъ меня. Я и самъ увидѣлъ, что рѣчь моя глупа и, отбросивъ въ сторону всякое краснорѣчіе, кинулся къ рукѣ генерала. Онъ не хотѣлъ дать мнѣ руки: но не ему, однорукому, справиться со мною.

— Ваше высокопревосходительство! я цѣлую у васъ руку не какъ у начальника, а какъ у отца.

„Генералъ началъ щекотать меня и я оставилъ его.

— Такъ вы согласны? спросилъ онъ.

— Нужно ли мое согласіе тамъ, гдѣ падаетъ счастье съ неба,— счастье, какого я никогда не ожидалъ себѣ?

---

[1]) Извѣстно, что у Д. Г. Бибикова была оторвана рука во время Турецкой войны.

— Хлопочите же теперь тамъ.

— Гдѣ, ваше в—ство?

— Въ академіи.

— О, что касается до этого пункта, то я покоенъ. Вотъ у Балабухи—другое дѣло. Тутъ я ужъ не знаю, за что и какъ приняться.

„Подумавъ немного, генералъ меня спросилъ:

— Имѣетъ ли на Балабуху какое нибудь вліяніе Ходуновъ?

— У Балабухи, отвѣчалъ я,—свой образъ мыслей, котораго онъ держится упорно; впрочемъ, Ходуновъ, какъ человѣкъ всѣми уважаемый и умный, можетъ, если не совсѣмъ убѣдить, то хоть поколебать Балабуху.

— Ну, такъ я завтра скажу объ этомъ Ходунову.

„Я еще разъ поцѣловалъ въ плечо моего добраго покровителя и вышелъ веселый, счастливый, какъ давно не былъ.

„За столомъ не было объ этомъ никакой рѣчи, потому что у насъ обѣдалъ Радищевъ.

„Послѣ обѣда я поѣхалъ къ Ходунову и прямо разсказалъ ему все, приготовивъ его, такимъ образомъ, къ объясненію съ генераломъ, которое, какъ кажется, будетъ имѣть онъ завтра.

„Отъ Ходунова я поѣхалъ на Подолъ. Но Вареньки не было въ церкви. Я проѣхалъ мимо, тщетно стараясь проникнуть сквозь стѣны, закрывшія отъ меня мою радость, Богомъ даруемое мнѣ сокровище, взамѣнъ прежняго, утерянnаго.

„Теперь я сижу дома, пишу и думаю. О чемъ? Да о чемъ же болѣе, какъ не о томъ, что̀ теперь творится со мною? Сейчасъ говорилъ я съ Сергѣемъ и рѣчь моя до того была восторженна, что онъ подумалъ даже, не хватилъ ли я на радостяхъ чары зелена-вина, или не рехнулся ли немножко. Сказать правду, онъ несовсѣмъ ошибся. Я точно пьянъ, но пьянъ счастьемъ, которое пью теперь полною чашею; я точно свихнулся немножко съ ума, но попробуйте-ка удержать толкъ свой въ должной субординаціи, когда вамъ даютъ мѣсто, котораго вы и во снѣ не смѣли сулить себѣ, когда вамъ открываютъ карьеру, даютъ значеніе въ свѣтѣ и еще жену, да какую? Молоденькую, миленькую, умненькую, хорошенькую и—что всего лучше—жену, любящую всѣмъ пыломъ первой любви! Если и тутъ вы будете умны и удержите голову на плечахъ, то (по секрету скажу) у васъ никогда не было ни ума, ни смыслу, ни толку.

„Когда я лягу на одръ смертный, когда забуду все окружающее меня—тогда въ душѣ моей я понесу въ новый, открывающійся предо мною міръ къ моей Софьѣ три святыя имени: Варвары, Димитрія и Сергѣя!..

Октября 23-го, вторникъ.

„Охъ! Боже мой! Такъ ли я думалъ отдавать отчетъ въ нынѣшній вечеръ, когда, послѣ беззаботнаго хохота, съ веселой молодежью

летѣлъ я съ тетрадью моихъ стиховъ подъ мышкою къ переплетчику, заказывая сдѣлать отличную книжку въ подарокъ Бабетѣ. Для нея я шатался на Подолъ — и она встрѣтила меня, горячо встрѣтила и крѣпко пожала мнѣ руку. Я былъ доволенъ—и душа моя стала покойна. Но когда мы пошли наверхъ и я сталъ отдавать Варенькѣ мое посланіе,—она сказала торопливо: „не пишите мнѣ болѣе“!

— Какъ? что такое? Развѣ кто узналъ?

— Ахъ, нѣтъ. Боже сохрани! Но папенька противъ васъ...

„Въ эту минуту вошла наверхъ Марья Ѳедоровна. Варенька замолчала; но я все понялъ. „Итакъ, подумалъ я, все погибло! Варенька устала бороться съ своей судьбой; она падаетъ. Уфъ, да и тяжело мнѣ стало!.. Марья Ѳедоровна заговорила о томъ, что Николай Семеновичъ хочетъ напрямки отказать мнѣ отъ дому, что я долженъ для ея спокойствія оставить ихъ, что ее самое грызутъ родные, — словомъ, что между нами все кончено. „Всѣ, всѣ,—твердила она Варенькѣ—всѣ отдай книги; не нужно ихъ“. Сколько возможно, сколь меня было—я скрывалъ внутреннее мое волненіе. Варенька... но Богъ съ нею!.. Охъ, да и грустно же мнѣ было. „Вотъ, продолжала Марья Ѳедоровна,—мы ждемъ къ себѣ жениха, и уже Николай Семеновичъ ни за что его не выпуститъ“. Варенька иронически улыбнулась; но мнѣ показалась эта улыбка слишкомъ принужденною, слишкомъ нерѣшительною. „Страшенъ бисъ, сказалъ я по-малороссійски, прикрывая шуткою мое горькое отчаяніе,— а все не такій, якъ іого малюютъ“. Варенька еще улыбнулась; но и эта улыбка не порадовала меня. Я прочиталъ въ ней послѣднюю строку моего упованья и—взялся за шляпу. Марья Ѳедоровна предложила мнѣ еще остаться на нѣсколько минутъ, и я сѣлъ на стулъ. Слезы, кровавыя слезы кипѣли въ груди моей—и знаю, что они просились политься изъ глазъ моихъ; но я имъ не позволилъ показаться предъ тѣми, для кого онѣ, можетъ быть, остались бы нецѣнимою вещью. Варенька сѣла подлѣ меня; она глядѣла на меня, и... Богъ съ вами! уѣду отъ васъ! Я снова взялъ шляпу и откланялся. Марья Ѳедоровна провожала меня прощальными благожеланіями, твердя поминутно: „навсегда, навѣки“. Я хохоталъ—но знаете ли, на что походилъ этотъ хохотъ?—На то болѣзненное трепетаніе всѣхъ фибръ и нервовъ, которое бываетъ съ человѣкомъ, когда по страшнымъ, неисцѣлимымъ ранамъ его водятъ толстымъ сукномъ. Легче бы мнѣ было, если бъ на грудь мою капали растопленнымъ свинцомъ!..

„Такъ что жъ такое? Неужели для меня все кончено? Неужели Варенька ужъ не моя, не моя рѣшительно, навсегда, навѣки!.. У! какая страшная, безобразная бездна мрака и отчаянія открывается предъ мысленнымъ моимъ взоромъ! Какъ ноетъ сердце отъ тоски и унынія!..

„Что я думалъ дорогою — передать того не могу теперь; но мнѣ тяжело было, тяжело потому, что слезы закипѣли, остыли, осѣли на сердцѣ моемъ — и задавили его болью ужасною, невыносимою. И я

вошелъ въ одинокія мои комнаты, и еще пустѣе и одиноче показались онѣ мнѣ. Долго я сидѣлъ, погруженный въ крѣпкія, глубокія думы—и долго бы еще мнѣ сидѣть тамъ, если бъ не пришелъ братъ. Я отдалъ ему лишь дневникъ,—и онъ сталъ читать его вслухъ. Мнѣ стало какъ-будто легче, какъ будто грусть моя пошла изъ меня наружу. Я хотѣлъ плакать: но слезы меня и въ этотъ разъ не послушались.

„Вечеромъ я пошелъ къ генералу, разсказалъ ему про мое тяжелое и... не знаю, что̀ онъ предприметъ; но ужъ и въ мою душу проникло отчаяніе.

„Куда теперь мнѣ дѣвать себя! Ѣду въ театръ. Вотъ я и въ театрѣ; на сценѣ драматизируетъ актеръ заученныя чувства, затверженную страсть; но мнѣ не до него, не до піэсы, не до кого на свѣтѣ. Я всѣми думами моими тамъ, гдѣ меня отвергли, оставили, бросили. Вотъ я кочую по ложамъ, злобно острю съ Юрьевыми, злюсь съ Зайцевою Оленькою, хохочу съ Пенхержевскимъ; но сердце мое въ крови и въ прахъ разбито.

„Буду еще молиться; больше мнѣ ничего не остается. Не успѣхъ въ моихъ желаніяхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенія и отраду пошлетъ мнѣ Господь Богъ въ тяжелой скорби моей...

Октября 27-го, суббота.

„Я видѣлъ Вареньку въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, видѣлъ, какъ она молилась — и не знаю уже, что̀ было предметомъ ея молитвы. Можетъ быть, я клевещу на это прекрасное, когда-то преданное мнѣ сердце, но кто знаетъ?.. Мнѣ тяжело, такъ тяжело, какъ рѣдко когда бывало. Мнѣ грудь сдавило.

— Боже мой! сказала мнѣ Варенька, выходя изъ церкви, — папенька вчера ужъ написалъ вамъ записку о томъ, чтобы вы у насъ не бывали.

— Пускай не безпокоится; я избавлю его отъ себя.

— Не перемѣняйте мѣста, — вдругъ сказала она и, прибавивъ шагу, пошла рядомъ съ матерью.

„Что это значитъ? думалъ я, усадивъ Вареньку въ дрожки. Предостереженіе? но мнѣ его не нужно; гдѣ бы я ни былъ, и что ни случилось бы со мною,—я одинъ не боюсь ничего. А можетъ быть... отрадныя мечты!.. Можетъ быть, Варенька опасается, чтобы я, бросивъ академію, не уѣхалъ совсѣмъ отъ Вареньки и не отдалъ ее въ жертву разсчетамъ родительскимъ. О, если бы въ сказанныхъ ею словахъ я нашелъ какъ-нибудь эту мысль! Тогда я обольюсь слезами и ринусь въ битву!

„Я былъ грустенъ и неспокоенъ въ церкви,—Варенька, напротивъ того, весела, и это меня бѣсило. Впрочемъ, тихое, чуть замѣтное

раздумье покрывало и ея блѣдное лицо. Какъ она похудѣла! Марья Ѳедоровна прямо жаловалась на свою болѣзнь. Га,—постойте, то ли еще будетъ? Дорого заплачу я вамъ за страданія, отъ которыхъ ночей не сплю и дня Божьяго не вижу!.. Я теперь сдѣлался самымъ ожесточеннымъ эгоистомъ.

„Serge сказывалъ, что сегодня у генерала былъ Ходуновъ, и прямо сказалъ, что Н. С. Балабуха и слышать не хочетъ о моемъ предложеніи, утверждая, что даже сама Варенька не согласна отдать мнѣ руки своей. Генералъ хочетъ повести дѣло дальше и самъ приняться за убѣжденіе упрямаго отца въ мою пользу. Однако жъ, это ужасно! Вареньку опутали; она дѣйствуетъ нерѣшительно; хорошо, что у меня есть доказательства ея любви ко мнѣ.

„Съ акаѳиста я забѣжалъ къ Скворцову. Кое изъ чего я замѣтилъ, что сами Балабухи разбиваются уже на партіи. Анна Семеновна какъ-будто принимаетъ мою сторону. Одна изъ бывшихъ тамъ дамъ бросила словцо о свадьбѣ Варенькиной. Я улыбнулся, а Анна Семеновна возразила: „да воно вылами писано,—когда-жъ то будетъ; а у меня уже платье шелкови залежалось“!

„Но нѣтъ,—не могу разсѣять тяжелыхъ моихъ думъ. Больно, охъ больно сжалось мое сердце!...

„12 часовъ. Полночь. И не разсѣялъ-таки я думъ моихъ, не согрѣлъ теплотою утѣшенія мое охладѣвшее сердце. За столомъ я особенно былъ грустенъ,—кусокъ не шелъ мнѣ въ ротъ: все не по нраву, не по нутру. Добрый мой Дмитрій Гавриловичъ не могъ этого не замѣтить, и какъ отецъ видимо участвовалъ въ моей грусти, даже самъ какъ-будто былъ невеселъ.

Октября 28-го, вторникъ.

„Ну, вотъ и конченъ мой романъ! Сегодня я вошелъ часовъ въ десять къ генералу и, поздравивъ его съ добрымъ утромъ, остановился, что́ онъ скажетъ.

— Что, батюшка, дѣла наши идутъ плохо.

„Я молчалъ.

— Отецъ ея,—продолжалъ генералъ,—говоритъ, что онъ ни за что не перемѣнитъ своего слова, и что обрученіе, совершенное въ церкви, нельзя уже нарушить. Притомъ онъ еще увѣряетъ, что она сама не согласна выдти за васъ.

— Да, сказалъ я,—все это я слышалъ и знаю; но послѣднее-то только онъ говоритъ.

— Если бъ у васъ было отъ нея какое нибудь письмо—тогда бы я самъ переговорилъ съ Балабухою.

— На что же лучше того, что написала она въ моемъ портфелѣ?

— Да, но это могла быть шалость дѣвочки—не больше.

— Если такъ, ваше в—ство, то предоставимъ это дѣло Богу.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ генералъ,—будемъ терпѣть.

„Я поклонился и вышелъ, жалѣя, что не я одинъ попался впросакъ и что тутъ же перепала доля и генералу. На душѣ моей было удивительно какъ весело!...

„Съ тоски, тяжелой тоски, я поѣхалъ въ Михайловскій, гдѣ въ первый разъ служилъ прибывшій къ намъ викарій Аполлинарій. Я посмотрѣлъ на него—и чрезъ минуту поѣхалъ въ Братскій. Тамъ я выслушалъ концертъ, который на этотъ разъ пропѣтъ былъ пѣвчими академическими безъ должной энергіи, растянуто и вяло. Подлѣ меня стоялъ Александръ Семеновичъ Балабуха. Обращаясь къ нему, я попросилъ, чтобы онъ, при первомъ свиданіи, поблагодарилъ отъ меня Варвару Николаевну за все, что она со мной сдѣлала, и сказалъ бы ей, что, по милости ея, и я, и Бибиковъ—оба теперь въ дуракахъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, сказалъ онъ,—пожалѣйте ее, она сама страдаетъ...

— По крайней мѣрѣ—перервалъ я,—не такъ глупо, какъ мучусь я.

„И вдругъ неожиданно и нечаянно встрѣтился съ Варенькой. Она ѣхала съ Марьей Ѳедоровной на Печерскъ. Обмѣнявшись поклонами, мы поскакали рядомъ. Какъ скоро нѣсколько умолкшій шумъ экипажа позволилъ разслушать рѣчь, Варенька сказала мнѣ: „Здравствуйте, Аскоченскій!“—и это такъ весело, такъ непринужденно, что у меня сердце сжалось.—„Здравствуйте“, отвѣчалъ я грубо, и завернулся въ шинель. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ моихъ.—„Мы будемъ, прибавила Марья Ѳедоровна, гулять нѣсколько на Печерскѣ“.—Мнѣ показалось это такимъ жестокимъ сарказмомъ, что... не знаю, что̀ и сказать. Я велѣлъ кучеру ѣхать рядомъ съ экипажемъ Балабухъ; но Варенька сидѣла, лукаво опустивъ глаза и ни разу на меня не взглянула. Это меня взбѣсило,—я крикнулъ: „пошелъ!“—и умчался, не раскланявшись даже съ ними.

Октября 29-го, понедѣльникъ.

„Я до того ослабѣлъ, что даже не рѣшился ѣхать на сегодняшнюю лекцію. У меня не достало бы духу проговорить какой нибудь часъ. Благодаря Бога, я хоть тѣмъ подкрѣпилъ себя, что проспалъ сегодня почти до девяти часовъ; но слабость моя еще не позволяла мнѣ вполнѣ назвать себя здоровымъ.

„У меня былъ часовъ въ двѣнадцать Александръ Семеновичъ Балабуха. Онъ передалъ мнѣ многое о Варенькѣ. Она безпокоится о моей холодности, съ какою я вчера откланялся ей на дорогѣ. Рѣшеніе труднаго вопроса будетъ съ пріѣздомъ Аристархова: тутъ кому нибудь непремѣнно придется быть отставнымъ,—и если Варенька меня любитъ, то побѣда несомнѣнно на моей сторонѣ. Все родословіе

Балабухъ разбилось на партіи, и нѣкоторые, болѣе благоразумные, стоятъ на томъ, что если ужъ Варенькѣ не быть моею, то не должна она быть и за Аристарховымъ: иначе это значило бы просто бросать ее въ омутъ всякаго рода несчастій. Слѣдовательно, я въ теперешнемъ положеніи—или ангелъ-хранитель Вареньки, или демонъ, отнявшій противъ воли моей ея счастіе и покой. Но Богъ видитъ—цѣною всего моего благополучія я согласенъ искупить безмятежную, счастливую жизнь Вареньки! Впрочемъ, для нѣкоторыхъ объясненій мнѣ, во что бы то ни стало, непремѣнно надобно съ нею повидаться и укрѣпить ее въ борьбѣ, которая, какъ кажется, уже приближается къ послѣднему своему кризису. Несмотря на слабость мою, я послѣ обѣда непремѣнно ѣду къ Лычковымъ.

„Половина двѣнадцатаго ночи. Насилу я доволокъ ноги отъ Лычковыхъ. Слабость такая, что Боже упаси! Три раза проѣхалъ я мимо дома Балабухи и три раза видѣлъ Вареньку. Съ меня довольно было и этого. У Лычковыхъ мы говорили объ ней. Всѣ замѣчаютъ, что Варенька скучна, а Марья Ѳедоровна даже захворала. Заварилъ же я кашу,—кому-то, по русской пословицѣ, придется ее расхлебывать.

Октября 30-го, вторникъ.

„11 часовъ вечера. Я здоровъ, потому что счастливъ, а счастливъ потому, что видѣлъ Вареньку, а въ Варенькѣ все мое здоровье, все мое блаженство, потому что вся у ней моя любовь, и еще потому, что она сама вся любовь!... Но поведу рѣчь мою порядкомъ.

„За столомъ сегодня генералъ, замѣтивъ мою задумчивость, какъ отецъ, какъ благодѣтель, заговорилъ со мной: — „Умный человѣкъ придумываетъ и умныя средства, а не тоскуетъ по пустякамъ“.

„Рѣчь эта, собственно, имѣла характеръ общности: но изъ одного взгляда Дмитрія Гавриловича я могъ догадаться, что она имѣла прямое направленіе ко мнѣ. Разговоръ шелъ о пересадкѣ растеній.

— Неуспѣшны и средства, если растеніе глубоко и широко пустило свои корни.

— Окопать его, замѣтилъ генералъ.

— Можно корень повредить, отвѣчалъ я.

— Ничего, если только растеніе не само упорно держится за землю.

— Это такъ, ваше в—ство, а если какая нибудь сила подъ самымъ корнемъ удерживаетъ его и препятствуетъ пересадкѣ?

— Ну, этого я ужъ не понимаю,—отвѣчалъ генералъ, вѣроятно смекнувъ, что разговоръ готовъ удариться въ конкретизмъ.

„Мы замолчали.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Лычковымъ. Въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ меня посолъ отъ Балабухи. „Чортъ возьми, подумалъ я,

все дѣло пропало! Вареньку теперь не пустятъ!"—„Вы виноваты сами говорила мнѣ Людмила,—зачѣмъ вы не приказали человѣку, чтобы онъ ничего не сказывалъ тамъ о васъ?"—Утѣшеніе—какъ вы сами видите—небольшое! Я усѣлся въ кресла, безпощадно куря папиросы. А сбоку меня разговаривала Саша Лычкова съ своимъ суженымъ—оба счастливые, оба страстные, оба восторженные. Я пылалъ, какъ въ огнѣ. Напрасно наставлялъ я тревожно ухо: дверь хлопала и кто нибудь приходилъ изъ людей, а Вареньки все не было. Подали чай и отпили,—а Вареньки нѣтъ, какъ нѣтъ. Я уже начиналъ бѣситься и желчная досада пробивалась въ эпиграммахъ и колкостяхъ, которыя часъ-отъ-часу становились яростнѣе и злѣе, до того, что я уже хотѣлъ для избѣжанія непріятности схватить шляпу и бѣжать вонъ изъ дому. Вдругъ... слышу въ сосѣдней комнатѣ движеніе. Я вскочилъ, взглянулъ—и увидѣлъ... Вареньку. У меня духъ занялся отъ радости. „Варенька, милая Варенька!" хотѣлось мнѣ крикнуть; но такъ какъ, говорятъ, это неприлично, то я сколько возможно спокойнѣе усѣлся въ кресло; впрочемъ—подлѣ Вареньки. Сначала мы не говорили. Мнѣ хотѣлось насмотрѣться вдоволь на эти прекрасные, умные глаза, свѣтившіеся горячею любовью. Потомъ... потомъ мы заговорили—о чемъ? Ей-ей не помню. Попробуйте уловить шумъ вѣтра, лепетъ листьевъ, колеблемыхъ зефиромъ, блескъ молніи, мгновенно разрывающей небосклонъ отъ востока до запада; попробуйте положить на ноты трели соловья, страстный говоръ горлицы,—или нѣтъ,—попробуйте подслушать рѣчь души, трепетъ сердца,—и если вы это съумѣете сдѣлать, то и я вамъ передамъ „съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкою" все то, что мы говорили съ Варенькою. Мнѣ захватывало дыханіе. Я всталъ. Варенька сѣла за фортепіано—и снова полилась рѣчь наша шумнымъ, но только внутри шумнымъ потокомъ страсти.

— Нѣтъ, говорила Варенька,—пусть меня Аристарховъ любитъ, пусть даже онъ влюбленъ въ меня по уши,—но то же ли это, что у васъ, Аскоченскій? Одного я боюсь и объ одномъ я теперь молюсь: чтобы вы, женившись на мнѣ, не умерли прежде меня. Что я тогда!—Какъ я тосковала прошлое воскресенье,—Боже сохрани! Я думала, что вы ужъ сердиты на меня. Вчера, когда вы проѣхали мимо насъ, и когда поклонились мнѣ по прежнему ласково, я подумала: о, теперь ничего!... Да, я и забыла поблагодарить васъ за вашъ подарокъ. Тысячу, милліонъ разъ перечитывала я ваше первое стихотвореніе, и когда дошла впервые до послѣднихъ словъ: „ихъ сумасшедшій написалъ"—у меня навернулись слезы. Да, есть люди, которые даже не совѣстятся почитать васъ сумашедшимъ—и даже папенька такихъ о васъ мыслей! Какъ мнѣ ихъ жаль!

— Варвара Николаевна! говорилъ я,—пріѣздъ Аристархова долженъ все рѣшить,—и ваша твердость, ваша любовь, есть единственный якорь, на которомъ держатся всѣ наши будущія надежды. Те-

перь ужъ не то, чтобы ни да, ни нѣтъ. Что нибудь одно. Скажите же, что́ на мою долю—да или нѣтъ?

— Да, отвѣчала она рѣшительно.

— А той сторонѣ?

— Нѣтъ.

— Хорошо, держитесь же этого крѣпче. Все падетъ передъ вашею твердостію—и, по пословицѣ—и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. Вообразите, Варенька, на васъ сказали отъ имени папеньки генералу, что будто бы вы прямо отказались отъ меня, не соглашаясь отдать мнѣ себя.

— Боже мой! что они дѣлаютъ?

— Ничего, твердость, любовь и упованіе на Бога — вотъ нашъ девизъ! Но, Варенька! не сгубите меня! Я слишкомъ люблю васъ, чтобы думать теперь о себѣ. И не будь вы моею,—я пропаду, я сдѣлаюсь тѣмъ, чѣмъ никогда и быть не думалъ!

— О, Боже васъ сохрани! говорила она, смотря на меня всей полнотою страсти.

„И грусть моя прошла, и я сталъ веселъ; несмотря на слабость, на стѣсненіе груди моей, я пѣлъ горячо, страстно и, ей-Богу, хорошо! Да и какъ мнѣ было не пѣть хорошо, когда сама душа во мнѣ пѣла? А у ней музыка не въ примѣръ лучше и понятнѣе той, которая заморскими руладами только теребитъ уши. Варенька унимала меня и, задыхаясь отъ восторга любви, смѣялась моей веселости. Я готовъ былъ въ ту нору поцѣловать самаго злѣйшаго врага моего.

„Боюсь, однако жъ, чтобы этотъ счастливый день, который данъ мнѣ за столько дней страданія и тоски, не привелъ мнѣ съ собою чего нибудь горшаго. Кто имѣетъ много—тому есть что потерять; а у меня такое богатство, что ни старинные Крезы, ни теперешніе Ротшильды, не могутъ поравняться имъ со мною. У меня сердце Вареньки—ну, если она возьметъ его у меня?

— Мнѣ говорятъ, замѣтила она къ чему-то,—что вы ревнивы?

— Да, отвѣчалъ я,—точно, ревнивъ; только—какъ это вы понимаете!

— Такъ, какъ должно. Есть ревность глупая, и есть ревность умная. Къ первой вы не способны, — а попробуйте-ка не ревновать меня второю ревностію: тогда я васъ! — смѣясь, грозила она мнѣ своимъ маленькимъ пальчикомъ.'

„Милостивые государи! Если вы не влюблены до сихъ поръ въ мою умную, прекрасную Варету, то вы, просто-на-просто, скоты!

Октября 31-го, среда.

„Однако, нечего сказать, я поднялъ моимъ дѣломъ во всемъ городѣ тяжую суматоху, что всѣ — отъ мала до велика — твердятъ и

толкуютъ о моей женитьбѣ, какъ о дѣлѣ первой важности. Въ этихъ толкахъ, разумѣется, самое страдательное лицо—я. И вкривь и вкось судятъ и рядятъ меня,—одни завидуютъ моей смѣлости и моей борьбѣ со всѣми возможными препятствіями и прямо надѣваютъ на мою голову побѣдный вѣнецъ; другіе упрекаютъ меня за то, что я лишилъ, будто бы, Вареньку богатаго жениха; эти послѣдніе вѣстовщики, съ позволенія доложить, не видятъ далѣе своего носа. Словомъ сказать—весь Кіевъ взволнованъ этою новостью и радъ этому роману, который я такъ ловко затянулъ въ завязкѣ. А затянулъ, нечего сказать; и Богъ знаетъ, выпутаются ли мои антагонисты изъ этихъ сѣтей, которыми я такъ оплелъ ихъ; особенно, если сама Варенька не разорветъ ихъ для всего безчисленнаго поколѣнія Балабухъ. Самъ Николай Семеновичъ съ своимъ твердымъ словомъ, съ своею неумолимостію теперь попался ко мнѣ въ силки, и какъ онъ ни секретничай, но я знаю, что у него больше, чѣмъ у кого другаго, вертится подъ головою подушка. Не такъ-то — я полагаю—весело ему, когда близкіе ему знакомые не кстати иногда распрашиваютъ его самого о свадьбѣ дочерниной, прибавляя къ тому гласные слухи, которые носятся по всему Кіеву. Порядкомъ прищемилъ я его; не схватываться бы ему бороться со мною. Нѣтъ, еще примѣра не было, чтобы разсчетъ и корысть всегда, по характеру своему, медленные и выжидательные—могли остановить попаляющій огонь страсти, который загорается побѣдительно въ двухъ равно настроенныхъ сердцахъ; особенно, если болѣе дюжее, мужское сердце идетъ объ-руку съ разсудкомъ, высылая его, когда нужно, для обозрѣнія непріятельской цѣпи и прорывая ее тамъ, гдѣ меньше всего могли разсчетливые воеводы этого надѣяться. Что бы ни было, но эта катастрофа въ семействѣ Николая Семеновича долго, долго будетъ памятна и будетъ всѣмъ имъ порядочнымъ урокомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣли на подобнаго рода дѣла.

„Ну, прощай, октябрь мѣсяцъ! Чудесно ты начался, славно велъ себя впродолженіе тридцати дней, и недурно кончился. Не разъ впередъ придется прочитать и подумать о тебѣ. Ты задалъ мнѣ вопросъ, отвѣтъ на который ждутъ цѣлые годы остальной моей жизни. Чѣмъ-то и одинъ ли я встрѣчу тебя впереди? Но знаю и увѣренъ, что ты уже не повторишься для меня съ твоими думами, съ твоею необычайною хлопотливостью, съ твоими полуразрушенными планами и несбывшимися, покамѣсть, надеждами, съ твоею сладкою тревогою, и всѣмъ, что вписалось сюда такъ широко, обильно.

Ноября 1-го, четвергъ.

„Восемь часовъ вечера. И я уже дома. Что это значитъ? Очень просто: ѣхать некуда—или, лучше, никуда не хочется ѣхать. Отобѣ-

давъ у Попова, ужасно обрадованнаго пріѣздомъ пузатаго благодѣтеля и кумонька своего, Д. И. Тулинова, я поѣхалъ къ Лычковымъ; но Вареньки тамъ не было. Черезъ часъ я принялъ рѣшимость, рискнулъ войти въ домъ Николая Семеновича и увидѣлъ Вареньку. Она крайне, какъ видно, изумлена была моею отвагою, да и Николай Семеновичъ сталъ въ-тупикъ, когда я смѣло и непринужденно протянулъ ему мою руку. Потолковавъ не помню о чемъ, я не болѣе, какъ черезъ четверть часа поѣхалъ домой, счастливый и довольный тѣмъ, что видѣлъ Вареньу.

„Но это еще не все, чему я такъ обрадовался. Въ послѣднее свиданіе съ Варенькою, я получилъ отъ нея приказаніе достать для нея такую бутылочку духовъ, какими былъ вспрыснутъ мой платокъ. „Хоть украдьте, говорила она, смѣясь, — но непремѣнно достаньте". Достать, такъ достать. Слово Вареньки для меня — законъ, хоть бы для выполненія ея слова мнѣ слѣдовало перевернуть шаръ земной вверхъ ногами. Къ счастію смертныхъ—такой катострофы ужасной не случилось съ шаромъ земнымъ: ибо у Сипягина нашлась точно такая бутылочка требуемыхъ духовъ. Я передалъ ее черезъ Людмилу Варенькѣ—и вотъ что она мнѣ отвѣчала въ запискѣ: „Mercі за краденое; у насъ Анна Семеновна, и я въ восторгѣ теперь и могу быть сегодня. Ѣдете ли вы въ клубъ? Я хочу и не хочу; впрочемъ, подумаю. Вторую часть Лермонтова пришлите. Mercі, mercі, я очень довольна!" — А на адресѣ стояло: А.... Я расцѣловалъ эти простыя, но такъ понятныя сердцу любящему строки—и чего жъ мнѣ больше?

„Хорошо, первое ноября! Ведешь ты себя исправно и начало очень недурное. Если ты, ноябрь, будешь еще умнѣе октября, то я тебя расцѣлую. Умникъ!

Ноября 3-го, суббота.

„Вчера послѣ обѣда генералъ вдругъ повелъ ко мнѣ такую рѣчь:

— Давно вы были тамъ?

— Давно, отвѣчалъ я.

— А ее давно видѣли?

— Недавно.

— Вотъ это такъ, замѣтилъ онъ съ улыбкою.—Что жъ она вамъ говорила?

— Много, ваше в—ство, но главное, что все, насказанное вамъ, есть чистый обманъ. Говорили, что она несогласна за меня выдти— это вздоръ; толковали, что у нихъ обрученіе было полное, и что ее съ женихомъ водили въ церковь, — это опять неправда; на этой помолвкѣ даже и священника не было, и бабка Варвары Николаевны прямо воспротивилась послѣднему, говоря, что еще Богъ знаетъ — какъ и что будетъ.

— Такъ у нихъ...

— Дѣла крѣпко не ладятся, перебилъ я,—и кончится тѣмъ, что и самъ Балабуха останется при своемъ словѣ, и она не будетъ за Аристарховымъ; то есть, по пословицѣ: и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты.

„Генералъ улыбнулся и замолчалъ.

— Странное, продолжалъ я,—стеченіе обстоятельствъ! 11-е ноября—день рожденія Варвары Николаевны и вмѣстѣ съ тѣмъ день моихъ имянинъ.

— Это хорошо, сказалъ генералъ.—Я поѣду ее поздравить.

— Слишкомъ много будетъ для нея чести.

— А что, если поѣду?

— Воля ваша, ваше в—ство!

— Поѣду—и разомъ устрою свадьбу.

„Я, въ свою очередь, улыбнулся и замолчалъ.

Ноября 5-го, понедѣльникъ.

„Пріѣзжаю въ клубъ. Все уже было освѣщено, и въ ожиданіи польскаго молодежь кочевала по обширной залѣ, предварительно высматривая, каждый для себя, сколько нибудь поинтереснѣе даму; а дамы сидѣли чинно въ рядъ, по обыкновенію ничего не дѣлая, точно какъ на выставкѣ. Я подошелъ къ Николаю Семеновичу. Онъ вѣжливо откланялся мнѣ, чего я, признаться, при настоящихъ нашихъ отношеніяхъ, вовсе не чаялъ. Разсѣянно бродилъ я глазами моими по этимъ красивенькимъ, большею частію, личикамъ,—и искалъ... ужъ понятно, кого я искалъ: но ея не было. Спросить Николая Семеновича—это было бы не кстати; отъ другихъ допытываться правды не было никакой возможности. Мнѣ стало грустно,—да такъ грустно, что я готовъ былъ заплакать, если бъ это было не въ клубѣ. Уединясь подальше отъ другихъ, я смотрѣлъ съ досадою на двигавшіяся передо мною пары—и проклиналъ глупую осторожность завистливой моей доли. Меня развлекалъ нѣсколько разговоръ съ молодымъ Барскимъ. Всѣ угадывали причину моей скуки и непонятной имъ тоски,—и близкіе ко мнѣ обѣщали мнѣ счастіе увидѣть въ этомъ клубѣ одно и единственное мое утѣшеніе—несравненную Вареньку.

„Наконецъ, отворились двери, зазвенѣлъ колокольчикъ—и она явилась. Я ожилъ; сердце во мнѣ забило такую тревогу, что... словомъ сказать, я забылъ себя, забылъ все окружающее меня. Но броситься къ Варенькѣ—значило бы показать себя неосторожнымъ юношею, тѣмъ болѣе, что на меня обратились глаза всѣхъ. Варенька была необыкновенно блѣдна, и тяжелая, сердечная грусть положила сухую свою печать на ея прекрасное умное лицо. Платье на Варенькѣ было простое; вся она была одѣта такъ неизысканно, что въ этомъ отношеніи всѣ дѣвицы рѣшительно могли не бояться встрѣтить въ ней

опасную себѣ соперницу; но она страшна для нихъ была своимъ умомъ, своею прекрасною манерою, своею восхитительною улыбкой, самой собою. Не торопясь, спокойно подошелъ я къ Варенькѣ—и откланялся ей, шепнувъ скоро и тихо: „Боже мой! это ужасно! Промучить меня ровно часъ! Эта цѣлая вѣчность!“—Маменька хочетъ сказать вамъ кое-что,—проговорила Варенька быстро и какъ будто разсѣянно. Весь этотъ разговоръ продолжался не болѣе двухъ секундъ, такъ что самые внимательные надсмотрщики не могли этого замѣтить. Какъ будто ничего не бывало между нами, я отошелъ, и Вареньку въ ту жъ минуту окружила аристократическая молодежь. Послѣ контрданса Варенька сѣла на диванъ; я наклонился къ ней. „Поѣзжайте сейчасъ къ маменькѣ, сказала она,—но постарайтесь, чтобъ этого никто не замѣтилъ“. Обогнувъ залу и бросивъ нѣсколько незначительныхъ рѣчей попадавшимся мнѣ знакомымъ, я вышелъ изъ клуба и, сѣвъ въ первую, какую подали мнѣ, коляску,—маршъ прямо къ Балабухѣ!

„Узнавъ, что Марья Ѳедоровна наверху, я пошелъ туда. Она, какъ видно, молилась. Съ жаромъ поцѣловалъ я протянутую мнѣ руку—и мы вошли въ ту комнату, гдѣ бывало такъ широко и привольно раскрывалось сердце мое передъ милою, неоцѣненною Варенькою. Марья Ѳедоровна отъ слабости едва могла говорить. Она начала мнѣ разсказывать о сильномъ неудовольствіи на меня Николая Семеновича, о неоднократномъ покушеніи его рѣшительно отказать мнѣ отъ дому. Все поколѣніе Балабухъ страшно вооружилось противъ Марьи Ѳедоровны. „Они грызутъ меня, говорила она,—они совсѣмъ меня заѣли. Я теперь боюсь всего“.

„Съ любовью истинно материнскою она предостерегала меня отъ непріятностей, какими готовы встрѣтить ненавистнаго всѣмъ Балабухамъ Аскоченскаго. „Я умру,—сказала она, наконецъ,—если еще дальше это продолжится“.—Нѣтъ, Марья Ѳедоровна, говорилъ я,—вы будете жить и будете радоваться счастьемъ вашей Вареньки. Богъ нашъ защитникъ и единственная надежда. Я иду смѣло и рѣшительно—и крѣпка моя вѣра въ Промыслъ, который руководитъ меня во всю мою жизнь.—Мы еще все говорили, но я порывался уѣхать, боясь, чтобы Николай Семеновичъ не засталъ меня какъ нибудь здѣсь. Марья Ѳедоровна удерживала меня: „Дай хоть наглядѣться на тебя“, твердила она, пожимая мнѣ руку. Я глоталъ слезы. Черезъ четверть часа я уже скакалъ въ клубъ, получивъ отъ Марьи Ѳедоровны наказъ непремѣнно разговаривать съ Варенькою. Понятно мнѣ было это материнское дружеское участіе въ чувствахъ, волнующихъ милую жертву глупыхъ, злодѣйски-родственныхъ разсчетовъ,—и я благославлялъ Бога, видимо поборяющаго мнѣ въ этой трудной борьбѣ съ людьми, отчаянно хватающимися за все, чтобъ только убить и уронить меня.

„И вотъ я снова въ клубѣ, снова вижу Вареньку, разговариваю съ нею, и—счастливъ!—читаю въ глазахъ ея глубокую, крѣпкую любовь

ко мнѣ. Она уже не скрываетъ этого—и скоро будетъ готова сказать вслухъ всему свѣту, что она моя. Я садился близъ М. Ѳ. Барской и рѣчь моя лилась восторженнымъ панегирикомъ все ей—все моей Бабетѣ. Слѣпой развѣ не могъ видѣть страстной любви, свѣтившейся въ моихъ глазахъ, ключомъ пробивавшейся въ каждомъ моемъ дѣйствіи. Я былъ счастливъ, да, счастливъ, — я забылъ все окружающее меня и жилъ одною Варенькою; а извѣстно, что жить ею—это одно теперь мое счастіе.

„Клубъ разошелся; я проводилъ Вареньку до коляски. Шалунья крѣпко пожала мнѣ руку, садясь въ экипажъ. Мы остались ужинать. Тосты за здоровье Бабеты, но тосты, по желанію моему, произносимые втихомолку, слѣдовали одинъ за другимъ,—и я отъ души благодарилъ понятливую молодежь.

Ноября 6-го, вторникъ.

„Я разсказалъ генералу о всемъ, что было вчера между мною, Марьею Ѳедоровною и Варенькою. Генералъ улыбался и молчалъ, ободряя благосклоннымъ взоромъ меня въ этой трудной, но уже не новой для меня борьбѣ.

„Восемь часовъ вечера. Совсѣмъ неожиданно я получилъ сейчасъ письмо—и отъ кого же?—отъ Марьи Ѳедоровны. Сто разъ перечитывалъ я эти драгоцѣнныя строки, въ которыхъ такъ ясно высказалась истинная материнская любовь, — и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь выполнить приказа доброй Марьи Ѳедоровны о томъ, чтобы истребить это письмо. Нѣтъ, это невозможно. Что бы ни было со мною, я сохраню его, какъ памятникъ, какъ залогъ любви одной изъ женщинъ, умѣвшей оцѣнить и понять меня предпочтительно передъ тѣмъ, кому по неосторожности сами они бросили было неоцѣненное сокровище свое—милую Вареньку. Мало того, что сберегу я это письмо—впишу его въ мой дневникъ, какъ лучшую страницу.

„М. г., В. И. Пишу къ вамъ слабою и дрожащею рукою. Ахъ, гдѣ то время, когда вы бывали и мы бесѣдовали съ вами и, просто сказать, отъ души, а теперь... Что я говорила съ вами, просто не помню ничего; но вы извините меня, я больна и слаба была; теперь скажу, что вы напомнили мнѣ, или, лучше сказать—говорили про книги: то я вамъ совѣтую не отдѣлывать ихъ; онѣ не будутъ приняты, — въ этомъ я васъ увѣряю. Для чего вамъ и себя въ убытокъ вводить? и пріятно-ль вамъ смотрѣть на нихъ? Это больше будетъ безпокоить васъ, а я бы вамъ совѣтовала своего сочиненія маленькую книжечку отдѣлать. Это бы осталось въ память ей, и это хотя бы зналъ и Николаша, то не сталъ бы сердиться, а за то не ручаюсь; онъ не позволитъ ни за что, ни за что, принять; послушайтесь моего совѣту: возьмите назадъ свои книги, вы меня поблагодарите послѣ. Мнѣ жаль васъ, Викторъ Ипатьевичъ., вы страдаете много и терпите чрезъ насъ.

Одного прошу, чтобы Богъ далъ терпѣніе вамъ. Его святая воля; что ему угодно, то и будетъ.

„Еще прошу васъ, въ случаѣ вы вздумаете навѣстить насъ, ѣхавши съ лекціи, то чтобъ дрожки оставили гдѣ нибудь, а не возлѣ нашего дома.

„Записку мою прошу предать сейчасъ праху и пеплу. Ахъ, писала бы много; но, вѣрьте Богу, не вижу, что̀ пишу. Все идетъ въ головѣ моей вверхъ дномъ. Будьте здоровы. Желаю вамъ...[1]) и ожидаю съ нетерпѣніемъ книгъ отъ васъ. У насъ, слава Богу, всѣ здоровы, кромѣ меня. Остаюсь васъ уважающая Марія Балабуха.

„P. S. Отвѣта чтобы не было на сію записку".

„И не будетъ. Но я сложилъ отвѣтъ въ сердцѣ моемъ, и знаетъ его Богъ, да я.

„Несмотря на строгій приказъ Марьи Ѳедоровны, чтобы истребить ея записку,—я прочиталъ ее генералу. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и, наконецъ, сказалъ: „Что дѣлать? терпите".—Я поклонился ему и вышелъ.

Ноября 7-го, среда.

„Немного такихъ праздниковъ было въ жизни моей, какъ вчерашній. Груди моей было тѣсно отъ полноты восторга. Боже мой! Въ полдень жизни моей, когда уже опытъ начинаетъ бѣлить голову рѣдкою сѣдиною, когда мое сердце отказывалось отъ сладкихъ чувствованій любви и хладнокровно называло ихъ волненіемъ крови,—встрѣтить такое всецѣло преданное мнѣ сердце,—о, вѣрно я у Всевышняго моего Благодѣтеля считаюсь твореніемъ, отмѣченнымъ не за-урядъ съ прочими! Други мои! за одинъ такой день счастья недорого поплатиться цѣлыми годами думъ и заботъ!..

„Вчера я не могъ отдать никакого отчета въ моей радости, въ моихъ мысляхъ, которыя играли не въ умѣ, а въ сердцѣ моемъ всѣми призматическими цвѣтами наслажденія и блаженства; отказываюсь и сегодня отъ полной передачи всего, что волновало вчера меня—несказаннаго счастливца. Попробую набросать хоть слабый очеркъ того, что вчера случилось со мною.

„Рано пріѣхалъ я къ Лычковымъ; даже еще не было освѣщенія въ комнатахъ. На первый разъ я усѣлся съ Семеномъ Никифоровичемъ, и рѣчь наша, прерываемая на всѣхъ возможныхъ пунктахъ длинною зѣвотою, съ трудомъ дотянулась до тѣхъ поръ, пока на помощь ей подоспѣлъ одинъ изъ адъютантовъ корпуснаго командира Чеодаева. Избитый, измученный усиліями поддержать поминутно ослабѣвавшую разговорную перестрѣлку, я съ радостью убрался за фронтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Варенька. Вѣжливый и возможно холодный поклонъ былъ первымъ дѣломъ со стороны обоихъ насъ.

[1]) Далѣе нельзя разобрать. Ѳ. Б.

Я постарался завязать разговоръ съ Николаемъ Семеновичемъ, и, благодаря моей находчивости, завлекъ неподатливаго папу Варенькина въ откровенную словоохотливость. Скоро усѣлись за преферансъ, грянула музыка и пары закружились,—и я уже былъ близъ Вареньки. Вотъ тутъ ужъ позвольте мнѣ духъ перевести; мысли роятся и тѣснятъ одна другую, забѣгая впередъ.

„Нѣтъ, не передать мнѣ всего, что чувствовала вчера душа моя, не уловить мнѣ этихъ чудныхъ рѣчей, которыя лили блаженство въ мое отверстое сердце. И смѣшна даже попытка сдѣлать это. Такая любовь, какъ наша—есть безконечность, а безконечное, въ чемъ бы оно ни являлось, неуловимо въ условныхъ границахъ слова. Ходилъ я вотъ теперь долго и думалъ много: но только одна мысль, свѣтлая, чудная, упоительная мысль остается во всемъ существѣ моемъ: я счастливъ, потому что любимъ широко, глубоко, безконечно!..

„Бросаю перо мое. Не до него тутъ!..

„12 часовъ. Съ полчаса будетъ, какъ я воротился отъ генерала. Милостиво и отечески выслушалъ онъ разсказъ мой о томъ, что́ дѣлается теперь у меня съ Варенькою; и потомъ я рѣшился напомнить ему о мѣстѣ.

— Мнѣ теперь, ваше в—ство, сказалъ я,—нельзя уже служить въ академіи. Одна надежда на васъ,—не оставьте меня.

— Да я жъ вамъ сказалъ уже, возразилъ генералъ,—что у васъ будетъ мѣсто. Къ январю прежній совѣтникъ подаетъ въ отставку; я представлю васъ на мѣсто его—и вы будете утверждены.

— Если бы я имѣлъ ужь опредѣленное мѣсто, то сталъ бы присматриваться къ дѣламъ и заниматься; а то до сихъ поръ я еще ни за что не брался.

— Такъ вы доселѣ еще не были въ канцеляріи Писарева?

— Нѣтъ; я ожидалъ отъ Николая Еварестовича приказанія явиться: но, не получая его, не смѣлъ безпокоить тѣмъ его превосходительство.

— Ну, такъ сходите къ нему отъ меня.

„Я сталъ откланиваться. Генералъ остановилъ меня и заставилъ читать повѣсть изъ „Маяка“: Иванъ Мазепа. Во время чтенія, генералъ, смѣясь, замѣтилъ:—Смотрите, чтобы и васъ также не повела за носъ Варвара Николаевна. Вѣдь вы тоже будете хоть не генеральный, за то губернскій судья.

— Нѣтъ, ваше в—ство, ни я не похожъ на Кочубея, ни она на Любовь Ѳедоровну,—отвѣчалъ я, смѣясь.

„Я, однако же, усталъ крѣпко: со мною чуть было не случилось даже обморока; генералъ это замѣтилъ, но мнѣ не хотѣлось прекратить чтенія изъ уваженія глупому капризу моей избалованной головы.

Ноября 9-го, пятница.

„Утромъ я ходилъ къ Писареву. „Вотъ, сказалъ онъ одному начальнику отдѣленія секретной канцеляріи,—рекомендую вамъ: человѣкъ онъ умный, пріятный, и вдобавокъ — поэтъ, но ничего не смыслитъ".—Такъ какъ эта рекомендація лично относилась ко мнѣ, то я, чтобъ оправдать ее, поклонился, точь въ точь, какъ кланялся Столбиковъ губернатору. Писаревъ поручилъ мнѣ сдѣлать экстрактъ изъ учрежденій губернскаго правленія, что я немедленно и исполнилъ.

„Вечеръ я провелъ у Платона; но что-то плохо былъ разговорчивъ. Богъ знаетъ—мнѣ все что-то какъ будто грустно. Отчего бы это,—право не знаю.

Ноября 11-го, воскресенье.

„Сегодня день моего ангела, сегодня день рожденія Вареньки—но такъ ли слѣдовало бы начать и провести этотъ день?

„Мнѣ принесли книги, нарочно для этого дня приготовленныя моей Варенькѣ. Я любовался ими, воображая, какъ обрадуется, какъ ей угожу я этимъ; но...

„Мимо все!.. Я только думалъ быть огорченнымъ, а меня обидѣли, да, жестоко обидѣли. Мнѣ грудь стѣснило. Когда одинъ изъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что Варенька не посмѣла отозваться на вопросъ отца, увидавшаго привезенныя мною книги,—когда я услышалъ о такомъ малодушіи той, кому я, не раздумывая, отдалъ все, что есть лучшаго у меня,—кровь моя взволновалась, я заговорилъ громко, больно, горячо:

„Друзья мои, я сегодня имянинникъ!.."—Кто въ силахъ былъ понять эти слова, тотъ могъ знать, что сердце мое все было облито кровью. Но это все только огорченіе—вотъ приспѣла и обида. Книги мои возвращаются ко мнѣ съ грубою запискою отъ Николая Семеновича. Меня даже, хоть бы изъ вѣжливости, не поздравилъ онъ со днемъ ангела. Этого я не ждалъ отъ него, зная его умъ и умѣнье жить въ свѣтѣ. Но, послѣ этого—нѣтъ уже мира между нами! Я пойду на-проломъ, я разорю, разрушу все — и чортъ возьми! — или самъ паду подъ развалинами, или пылью засыплю очи, забросаю камнями всѣхъ, кто захочетъ вырвать у меня мою...

„Мою?.. Но моя ли, полно, она? Она испугалась сказать отцу, что эти книги я ей далъ; она позволила лежать имъ въ корридорѣ и забавлять ими дѣтей; она не больна моимъ огорченіемъ, моей тяжелой обидой, она... нѣтъ, такъ не дѣлаютъ люди съ сердцемъ, всецѣло отданнымъ. Варенька! неужели я ошибаюсь въ тебѣ? О, Боже меня сохрани! И тебя помилуй Богъ. Въ моей душѣ адъ любви и рай ненависти,—пойми хорошенько эти слова.—Мнѣ дурно; голова кружится, грудь ломитъ смертельно; не вижу строкъ.

Ноября 12-го, понедѣльникъ.

„Охъ, какъ мнѣ надоѣла академія со своими допотопными лекціями, съ своимъ... ну, просто, со всѣмъ, что есть въ академіи, даже со мною самимъ! Пора, пора ее оставить. Впрочемъ, не ожидалъ я, чтобъ и въ это захолустье, и въ эту terram incognitam, проникли слухи о моихъ, такъ неудачно устраиваемыхъ, дѣлахъ въ семействѣ Балабухъ. Боже мой! Все, что имѣетъ языкъ въ Кіевѣ,—все это говоритъ и расцѣниваетъ меня. Ужасно и обидно стать такъ неудачно притчею и побасенкою!

„Дома меня ожидалъ мой добрый Сабинъ. Онъ вчера былъ у Лычковыхъ, гдѣ я уже не могу теперь бывать; видѣлъ Вареньку, которую заслоняютъ отъ меня и загораживаютъ всѣми баррикадами глупой осторожности и обидныхъ предубѣжденій. Новости, принесенныя мнѣ моимъ пріятелемъ, были пріятны и непріятны. Лычковъ, напримѣръ, принимаетъ съ неудовольствіемъ свиданія наши съ Варенькою у себя въ домѣ. Онъ даже имѣлъ неосторожность высказать это передъ однимъ дуракомъ—Нарциссомъ, влюбленнымъ въ себя по уши и тѣмъ доказывающимъ распрекрасный свой вкусъ. Людмила жестоко охладѣла въ участіи къ положенію Вареньки. Невольно при этомъ подумаешь, какъ вѣрна та моя аксіома, что дѣвушка, бракующая жениховъ, непремѣнно со временемъ будетъ завистливо смотрѣть на совѣтъ и любовь другихъ паръ, равно настроенныхъ по уму и сердцу, и даже, при случаѣ, постарается нагадить имъ. Таково ужъ сердце человѣческое. Однако жъ, это ужасно! Гдѣ жъ теперь я увижу Вареньку? Гдѣ передамъ ей мои думы? Гдѣ укрѣплю ее словомъ любви и утѣшенія на разгорѣвшуюся борьбу съ ожесточеннымъ разсчетомъ и капризомъ? Это ужасно!

„Сабинъ сказалъ еще мнѣ, что когда завелъ онъ рѣчь съ Варенькою обо мнѣ, когда она увидѣла въ словахъ его непритворное участіе и дружескую привязанность къ любимому ею Виктору, то сердце ея понеслось прямо съ откровенною рѣчью къ молодому человѣку, не холоднымъ разсудкомъ принимающему тяжкія страданія дѣвушки. Варенька разсказала, что вчера за присланныя мною ей книги она была даже грубо оскорблена своимъ отцомъ, который выгналъ ее вонъ. Она винила меня за то, что я рѣшился подумать, будто бы она ослабѣла ко мнѣ въ любви. „Нѣтъ,—говорила она Сабину,—скажите ему, если я не буду его, то не пойду и за Аристархова“. Она просила меня подумать о себѣ и постараться очистить себя отъ долговъ, какъ повода къ нареканіямъ со стороны расчетливыхъ купчиковъ и такихъ мерзавцевъ, какъ Павликъ. „Я дала бы Богъ знаетъ что̀, чтобы увидѣться съ нимъ до клуба“, говорила Варенька, и Боже мой! она плакала. Но отольются же кому нибудь эти слезы!“

Ноября 13-го, вторникъ.

„Сейчасъ я воротился съ Подола. Я ѣздилъ на почту съ письмомъ къ Аристархову; я видѣлъ Вареньку — и мнѣ стало легче; но думы, думы неотходно при мнѣ и суевѣрное предчувствіе гнететъ мою страдалицу-душу.

„Вписываю сюда посланное мною письмо къ Аристархову. Оно, я знаю, подниметъ тамъ страшную кутерьму.

„М. г., Н. И.! Не имѣя чести лично знать васъ, я, однако же, по странному стеченію обстоятельствъ, поставленъ въ самыя близкія сношенія съ вами. Вы, конечно, не угадаете, кто это пишетъ: это тотъ, кто споритъ съ вами заочно за лучшее въ мірѣ созданіе — за милую и умную Вареньку,—это Аскоченскій. Станемъ теперь другъ передъ другомъ и будемъ говорить дѣло. Напередъ прошу помнить, что мы оба не ребята и что церемониться въ такомъ важномъ дѣлѣ, особенно намъ, не пристало. Читайте жъ.

„Еще далеко прежде васъ я знаю Вареньку, сблизился съ нею, говорилъ часто и полюбилъ, но тихо и спокойно. Всѣми силами моей опытной души отгонялъ я отъ себя искусительную мысль о томъ, что Варенька должна быть моею. Замѣчая въ глазахъ ея, въ рѣчахъ и во всѣхъ движеніяхъ загорающуюся привязанность ко мнѣ, я не хотѣлъ объявленіемъ моей любви нарушать ея спокойствіе. На ту пору прошли слухи, что вы сватаетесь за нее; сама Варенька однажды сказала мнѣ о томъ, какъ будто вызывая меня на объясненіе, но я смолчалъ и хладнокровно поздравилъ ее съ женихомъ. Наконецъ, пріѣхали вы, явились въ домѣ Балабухи, и неумѣстное, несвоевременное обрученіе ваше совершилось. Варенька стала невѣстою уже помолвленною; но въ Кіевѣ всѣ осуждали васъ за такую огласку этого важнаго дѣла. Я вовсе почти пересталъ бывать у Балабухъ. Тяжела была для меня эта разлука съ милою, умною и образованною дѣвушкою; но она была необходима. Я не хотѣлъ разрушать того, что общимъ совѣтомъ состоялось у васъ съ семействомъ Балабухъ. Я видѣлъ, что сердце Вареньки тутъ вовсе не участвовало, что она сама становилась жертвою разсчета родныхъ, которые находили въ васъ только выгодную, богатую партію, и всѣми силами внушали Варенькѣ держаться за васъ, какъ за средство породниться, во что бы то ни стало, съ богатымъ домомъ Аристарховыхъ. Глупыя и даже обидныя для васъ убѣжденія, но они таковы дѣйствительно. Пусть всѣ эти Балабухи скажутъ, положа руку на сердце, что это неправда, и я тогда соглашусь назвать себя виноватымъ. Варенька сама стала угадывать роль, какую она играетъ въ этой грязной комедіи родительскихъ разсчетовъ; завязавъ глаза, она стремилась въ омутъ, утѣшая себя только тѣмъ, что это неизбѣжно, успокоивая себя добротою вашего сердца и... извините, больше ничѣмъ. Богатство ваше, сколько

я знаю, ее не льстило; а житье въ Рыльскѣ убивало всѣ лучшія надежды и желанія ея образованнаго сердца и свѣтлаго, пріученнаго къ свѣтскимъ удовольствіямъ, ума. Но она, говорю, покорялась своей участи и шла съ завязанными глазами.

„Все это время я не бывалъ у Балабухъ, а если и бывалъ, то очень рѣдко, и то на короткое время. Наконецъ, сентября 19-го, нечаянно узналъ я, что ваша свадьба откладывается надолго, что по этому случаю въ семействѣ Балабухъ возникли несогласія и неудовольствія и что, наконецъ, сама Варенька, ужаснувшись своего положенія, рада была избавиться отъ замужества, рѣшеннаго мимо ея ума и сердца, по однимъ только корыстнымъ разсчетамъ родственниковъ. Въ этотъ день я пріѣхалъ къ нимъ. Мнѣ не нужно было распрашивать объ отношеніяхъ Марьи Ѳедоровны и Вареньки къ вашему дому: нѣсколько незначительныхъ словъ—и я все понялъ. Съ этой минуты я началъ чаще посѣщать Балабухъ, по-прежнему сдѣлался откровеннымъ съ Варенькою, и тутъ-то она объяснила мнѣ все, что дѣлается теперь между ею и вами. Частыя мои посѣщенія не могли укрыться отъ добраго и великаго благодѣтеля моего, г-на военнаго генералъ-губернатора, Дмитрія Гавриловича Бибикова. Въ лучшихъ обществахъ заговорили о томъ, что я женюсь на Варенькѣ, и однажды за столомъ генералъ прямо спросилъ меня, почему я не ищу руки ея. Я объяснилъ ему, и генералъ прямо изъявилъ мнѣ согласіе содѣйствовать мнѣ въ томъ и даже упрочить мое состояніе. Между тѣмъ, Варенька привязалась ко мнѣ всею своею прекрасною душою, всѣмъ сердцемъ, въ которомъ васъ, извините, Никаноръ Ивановичъ, никогда и не было. „Спаси меня, — твердила она,—я гибну; дѣлайте, что хотите, только спасите меня; я не могу, я никогда не буду Аристарховою“.—Видите ли, Никаноръ Ивановичъ, каковы эти слова! И неужели вы согласитесь быть палачомъ дѣвушки, сколько мнѣ извѣстно, любимой и уважаемой вами? Неужели противъ воли ея, въ угоду корыстнымъ родственникамъ Вареньки, связать ее съ собою и тѣмъ отравить и ея жизнь, и свою собственную? Неужели вы не боитесь сдѣлать Вареньку клятвопреступницею, когда она передъ престоломъ Божіимъ, стоя сбоку васъ, устами скажетъ: да, а на сердцѣ положитъ: нѣтъ, когда будетъ смотрѣть на васъ, а думать о другомъ? Будьте благоразумны и подумайте, что̀ ожидаетъ ее въ вашемъ семействѣ, для котораго любовь Вареньки ко мнѣ уже не тайна? Припомните, для кого вы готовите цѣлый адъ, какъ не для себя самого, если въ самомъ дѣлѣ привязанность ваша къ Варенькѣ не есть минутная прихоть разгоряченнаго воображенія! Нѣтъ, Никаноръ Ивановичъ, если вы питаете хоть какую нибудь расположенность къ Варенькѣ, вы не повлечете ее насильно туда, куда всячески хотятъ столкнуть ее ея родные, которые любятъ васъ за то только, что успѣли подсмотрѣть у васъ туго набитый деньгами кошелекъ.

„Но читайте дальше. Несмотря на вашу помолвку, я явился къ Николаю Семеновичу съ рѣшительнымъ объясненіемъ насчетъ Вареньки. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ отказался измѣнить для меня данное вамъ слово, и, конечно, думалъ, что тѣмъ между нами дѣло и кончилось; но онъ ошибся,—оно только что началось, и я лишь вышелъ на открытую борьбу на-чистоту. „Нѣтъ,—сказала Варенька, когда я, послѣ разговора моего съ Николаемъ Семеновичемъ, поздравилъ ее вашею невѣстою, — нѣтъ, не бывать этому; скорѣе я умру, чѣмъ буду за Аристарховымъ", и, Никоноръ Ивановичъ, если бы вы видѣли эти слезы, это трепетаніе посинѣвшихъ губъ,—клянусь вамъ, вы въ ту жъ минуту отказались бы отъ руки Варенькиной, несмотря на всѣ обѣщанія и данныя вамъ слова.

„Мое объясненіе съ Николаемъ Семеновичемъ разрушило между нами прежнюю довѣрчивость. Я пересталъ бывать у нихъ. Все поколѣніе Балабухъ вооружилось на Вареньку, на меня, на бѣдную Марью Ѳедоровну, и вы теперь не угадали бы прежней Варвары Николаевны, цвѣтущей, живой, веселой, — она блѣдна, скучна и поминутно плачетъ, оскорбляемая родственниками, огорчаемая отцомъ роднымъ, страдая за меня и только отъ васъ ожидая пощады и участія въ любви къ человѣку, избранному ея сердцемъ. А Марья Ѳедоровна отъ такихъ огорченій даже слегла въ постель. „Они думаютъ,—говорила она мнѣ однажды,—что я простудилась; Боже мой! да я не тѣмъ больна. Я умру, если это не перемѣнится". А обо мнѣ и говорить нечего; я одинъ страдаю и мучусь за всѣхъ ихъ, а болѣе всего за Вареньку.

„Вотъ вамъ положеніе дѣла, гдѣ оба мы теперь дѣйствующими лицами и гдѣ одинъ изъ насъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому. Разсудите же, кто долженъ это сдѣлать. Вы богаты; за васъ стоитъ слово Николая Семеновича; вы, пожалуй, любите Вареньку,—ну, и только. Я не имѣю такого богатства, какъ вы; но я богатъ покровительствомъ и милостями высокаго благодѣтеля моего, Димитрія Гавриловича, я богатъ моею головою и рукою; при моемъ положеніи въ свѣтъ, я могу доставить Варенькѣ все, что захочетъ такая, какъ она, умная и образованная по-свѣтски дѣвушка. За меня стоитъ голосъ всего Кіева—всего лучшаго общества, въ которомъ я и самъ принятъ, и могу ввести Вареньку, но, главное, я люблю, страстно люблю Вареньку; и главнѣе всего—Варенька любитъ меня всѣмъ существомъ своимъ, всею юною душою, любитъ такъ, какъ нельзя быть больше любимымъ. Судите же теперь—кто изъ насъ долженъ уступить? У меня все, потому что у меня сердце Вареньки; у васъ—ничего, кромѣ упорнаго слова ея родителя. Подумайте же теперь, что̀ вы, женясь на Варенькѣ, получаете? Вѣдь только ходячій остовъ; сердце ея у меня, души ея я не отдамъ, умъ ея—для васъ не годится. Никаноръ Ивановичъ, не будьте упорны въ вашихъ исканіяхъ, которыя могутъ погубить дѣвушку! Не думайте, чтобы ваше богат-

ство могло со временемъ успокоить ее; нѣтъ, Варенька такъ умна и образована, что съумѣетъ оцѣнить эти блестящія побрякушки и бездѣлки, которыхъ только и ищетъ у васъ все поколѣніе Балабухъ. Посмѣйтесь сами надъ этими людьми, которые цѣнятъ на вѣсъ золота лучшія движенія души; покажите имъ, что вы умѣете понимать чистую привязанность любящаго сердца, хоть бы это сердце обращено было и не къ вамъ,—и васъ Богъ благословитъ, и люди одобрятъ, и Варенька вѣкъ свой не забудетъ васъ, и я—доселѣ незнакомый вамъ—стану вашимъ лучшимъ другомъ.

„Надѣюсь, что вы постараетесь оцѣнить мою откровенность и не захотите выдать этого письма Балабухамъ,—иначе вы убьете Марью Ѳедоровну и Вареньку. Скройте даже мое письмо отъ ближайшихъ къ вамъ родныхъ, которые имѣютъ сообщеніе съ жителями Кіева. Знайте только вы, да я; словомъ, ведите это дѣло такъ, какъ будто между нами ничего не было; иначе, повторяю, вы вгоните въ гробъ или Марью Ѳедоровну, или Вареньку. Не думайте, чтобы я въ этомъ случаѣ боялся за себя. Всѣ эти Балабухи—родные Варенькины—не достанутъ меня укусить даже за пятку, и я, просто, смѣялся бы надъ ихъ сплетнями и толками, если бы тутъ не страдала честь и имя обожаемой мною Вареньки. Несмотря на огорченія, причиняемыя мнѣ Николаемъ Семеновичемъ, я люблю и уважаю его умъ и стѣсненное положеніе, въ какое онъ теперь поставленъ моимъ исканіемъ. У васъ въ рукахъ средство распутать все это. Благородно, скромно и осторожно придумайте вы способъ успокоить Вареньку,—и, оставивъ Николая Семеновича при его честномъ словѣ, возьмите свое намѣреніе назадъ—и все пойдетъ благополучно. Я ужъ уступаю вамъ контрабандные поцалуи, полученные вами отъ Вареньки при той смѣшной и неумѣстной помолвкѣ; только, Бога-ради, не упоминайте объ нихъ передъ Варенькою: она крѣпко разсердится,—это я хорошо знаю. Ищите себѣ другой дѣвушки, которая бы васъ любила хоть на полстолька противъ того, какъ меня любитъ Варенька,—и я поздравлю васъ тогда счастливцемъ, и сами ваши родители скажутъ мнѣ со временемъ спасибо за то, что я помѣшалъ вамъ ввести въ ихъ семью дѣвушку, ни въ какомъ отношеніи неспособную жить по ихъ нраву и обычаю.

„Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, Никаноръ Ивановичь, какъ скоро вы пріѣдете въ Кіевъ, тотчасъ же потрудитесь пожаловать ко мнѣ съ Колею Барскимъ. Мы еще переговоримъ съ вами о томъ, о чемъ нельзя было передать на бумагѣ. Я очень былъ бы радъ, если бы вы извѣстили меня письмомъ о полученіи моего длиннаго вамъ посланія“ и проч...

Ноября 14-го, среда.

„Четыре раза я проѣхалъ сегодня мимо дома, гдѣ живетъ она, моя радость; но ни одного раза я не видѣлъ ее, моей Вареньки.

Это злодѣйскій разсчетъ моихъ недоброжелателей; но не будетъ по ихъ: я рѣшился—и все переверну вверхъ дномъ!!

„Генерала пріѣзжали пригласить въ собраніе директоры купеческаго клуба. Генералъ изъявилъ согласіе и за столомъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Впрочемъ—вы, замѣтилъ онъ, обратясь ко мнѣ,—должны молить Бога, чтобы я сдѣлался нездоровъ къ тому времени, иначе я отобью у васъ кой-кого.

— Всѣ эти остаточные дни, отвѣчалъ я,—напротивъ, стану усердно молиться о вашемъ здоровьѣ.

— Смотрите, смотрите, сказалъ онъ, улыбаясь.

„По слухамъ кіевскимъ, Аристарховъ уже получилъ чистую отставку и я уже прослылъ дѣйствительнымъ женихомъ Вареньки; дай Богъ, чтобы хоть на этотъ разъ гласъ народа былъ гласомъ Божіимъ.

„Въ разговорѣ съ Лычковымъ, бывшимъ тутъ же, я бросилъ, между прочимъ, слово о томъ, что самъ генералъ пріѣзжалъ поздравлять Вареньку со днемъ рожденья. Знаю, что это не совсѣмъ было по сердцу завистливому старику, но мнѣ этимъ хотѣлось показать, что, несмотря на отдаваемое многими его дочерямъ превосходство передъ Варенькою, онѣ никогда не удостоятся, конечно, такой чести отъ добраго моего благодѣтеля и покровителя. Все прочее обстояло прозаически-благополучно.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

IV.

Ноября 17-го, суббота.

Я ЗАѢЗЖАЛЪ къ родственнику Лычковыхъ, Чернову, и съ однимъ изъ нихъ вотъ какой имѣлъ разговоръ:

— Скажите мнѣ, Викторъ Ипатьевичъ, спрашивалъ онъ меня, лукаво улыбаясь,—правда ли, какъ говорятъ, что у Балабухъ свадьба-то разстраивается?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Да ужъ что́ вы тамъ ни говорите, а Аристарховъ непремѣнно женится на Варенькѣ.

— А вотъ же не женится, сказалъ я, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Такъ кто жъ на ней женится?

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 80.

Въ послѣдующихъ извлеченіяхъ изъ „Дневника В. И. Аскоченскаго“ мы, во избѣжаніе растянутости въ передачѣ драматической исторіи его сватовства, дѣлаемъ значительныя сокращенія, сохраняя изъ записей В. И. только тѣ, которыя непосредственно относятся къ этой живой и любопытной автобіографической характеристикѣ Аскоченскаго. Къ сожалѣнію, печатаніе ея частями неизбѣжно нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія, какое получилось бы при чтеніи исторіи сватовства сполна. Иная подробность, взятая въ отдѣльности, можетъ на первый взглядъ показаться излишней, тогда какъ въ общемъ итогѣ она имѣетъ и существенное значеніе, и свой интересъ.

Ѳ. Б.

— Кто бы то ни было, только не Аристарховъ.

— Всѣ и вездѣ говорятъ, что Варенька хочетъ выдти за васъ,— только это врядъ ли будетъ.

— Можетъ статься,—не спорю; только все же она не будетъ за Аристарховымъ. Онъ самъ откажется, и Николай Семеновичъ, оставшись при своемъ честномъ словѣ, поневолѣ убавитъ нѣсколько золотниковъ своего упорства; а тамъ и мы посмотримъ, какъ и что надо будетъ дѣлать.

„12 часовъ ночи. Какъ бы это отослать мнѣ думы, такъ самовластно нарушающія мое спокойствіе? Вотъ я и дѣломъ занимаюсь, и даже поэтизировалъ, а все эти безотвязныя сомнѣнія. Прислушиваюсь къ стуку и грому экипажей, несущихъ изъ клуба веселую молодежь и усталую, проигравшуюся въ вистъ и преферансъ, старость, и думаю, не унесется ли какъ нибудь и одна хоть моя дума за этимъ шумнымъ экипажемъ,—и что жъ? все нѣтъ. О чемъ же эти думы? Ахъ, братцы мои! Завтра я увижу Вареньку, завтра мой праздникъ,— что-то будетъ для меня на немъ? Встрѣчу ли я Вареньку такъ же твердою въ любви, какъ была тому назадъ безконечныя двѣ недѣли? Не сбили ли ее съ настоящаго пути? Крѣпко ли она держится за данный мною ей якорь любви? Боже мой! У ней такъ слабы руки! Кто мнѣ отвѣтитъ на эти тревожные вопросы? Она сама, конечно. Но до этого еще остается цѣлыхъ двадцать часовъ: это, право, кажется, длиннѣе вѣчности. Да ужъ доживу ли я? А впрочемъ... нужно ли и доживать? Можетъ быть, лучше бы заранѣе помолить Бога, чтобы онъ не довелъ меня до той минуты, когда Варенька, уставши отъ трудной борьбы, сама мнѣ скажетъ послѣднее: оставь меня. Уфъ! кровь моя волнуется... но... нѣтъ, я не оставлю ея, пускай она меня броситъ, но я... я... нѣтъ, я не оставлю ея!“

Ноября 19-го, понедѣльникъ.

„Цѣлый день вчерашній я провелъ въ работѣ. Мнѣ хотѣлось чѣмъ нибудь укоротить часы, которые на этотъ разъ тянулись точно волы съ навьюченными возами. Я поперемѣнно то грустилъ, то радовался, то пѣлъ, то снова садился за работу. Часы лежали передо мною—и я сердитъ былъ на нихъ. Никакое развлеченіе не шло мнѣ на умъ. Казалось, что я тѣмъ отнялъ бы нѣсколько грановъ отъ ожидавшаго меня счастія. Наконецъ, слава Бога, сѣли за столъ. Генералъ былъ важно молчаливъ; я вычитывалъ на прекрасномъ и высокомъ челѣ его какую-то неопредѣленную думу. Ужъ не занимало ли его настоящее свиданіе съ Варенькою? Что мудренаго? Онъ такъ ее хвалитъ и любитъ, онъ такъ милостивъ и внимателенъ ко мнѣ. Я почти не касался ни до одного блюда: мнѣ было не до французской кухни, когда въ жизни моей заварилась такая русско-сердечная каша.

„Насилу могъ я дождаться вечера. Смерклось. Добрый мой Сабинъ готовился уже ѣхать въ клубъ, и имѣя отъ меня порученіе предварительно поговорить кое о чемъ весьма необходимомъ въ настоящемъ случаѣ съ Варенькою. Самъ же я разсчиталъ, что ѣхать мнѣ въ клубъ заранѣе не приходится. На меня сейчасъ же обратили бы вниманіе всѣ, кто былъ въ клубѣ, и я не только не успѣлъ бы переговорить съ Варенькою, но даже неумѣстнымъ моимъ появленіемъ могъ испортить все дѣло. Николай Семеновичъ слѣдилъ бы за мною и еще болѣе вооружался бы обидною для меня мнимою невнимательностію; Марья Ѳедоровна, стѣсненная своимъ положеніемъ между двухъ огней, выбилась бы изъ силъ и убѣжала бы отъ одного изъ этихъ огней, которымъ на этотъ разъ ужъ непремѣнно былъ бы я. Сама Варенька должна бы была держать себя въ отдаленіи отъ меня, а это бы прежде всего измучило ее, а нотомъ отняло бы у ней часть того жару, который такъ необходимъ былъ при ожидаемомъ появленіи генерала. По всѣмъ таковымъ соображеніямъ, я рѣшилъ ѣхать въ клубъ вмѣстѣ съ отцомъ и командиромъ моимъ.

„И славно я сдѣлалъ, дай Богъ мнѣ здоровья. Встрѣченные въ клубѣ директорами, мы вошли разомъ въ залу. Грянулъ польскій, и генералъ, откланиваясь по сторонамъ, подошелъ прямо къ Лычковой, Надеждѣ Васильевнѣ, которая на этотъ разъ, къ несчастію, была хозяйкою клуба. Варенька сама подошла ко мнѣ и, взявъ за руку, пошла польскій; за нами потянулась цѣлая кавалькада мундировъ, фраковъ и разноцвѣтныхъ платьевъ. Немного, но все въ нѣсколькихъ словахъ успѣлъ я передать Варенькѣ. Генералъ подхватилъ ее изъ рукъ моихъ и я... я остался любоваться ненаглядной моей звѣздочкой. Пышно, но съ тонкимъ вкусомъ одѣтая, счастливая своею рѣшительностію, слыша со стороны тихій говоръ, какъ дань, должную дань изумленія ея дивной красотѣ, Варенька была очаровательна! Я пожиралъ ее глазами и далъ клятву въ душѣ моей во что̀ бы то ни стало достать себѣ это безцѣнное сокровище, которое хотятъ такъ безжалостно втоптать въ рыльскую грязь. Долго отецъ и благодѣтель мой разговаривалъ съ Варенькою; я не слышалъ о чемъ у нихъ шла рѣчь, но мнѣ довольно было раза взглянуть въ глаза моей милой бабочки, чтобы узнать всю сущность ихъ тайнаго разговора. Я не слышалъ ногъ отъ радости, видя Вареньку такъ счастливою отеческимъ вниманіемъ генерала. Я готовъ былъ зацѣловать до крови святую руку благодѣтеля моего за то вниманіе, которымъ онъ дарилъ избранницу мою.

„Заиграли контрдансъ. Лучшая, аристократическая молодежь закружилась около Вареньки; но она уже танцовала съ однимъ, какъ она сама выразилась, постояннымъ человѣкомъ, въ которомъ мы оба нашли себѣ нечаянно усерднѣйшаго агента. Странное дѣло! Всѣ, у кого есть хоть капля здраваго смысла, принимаютъ нашу сторону, только корысть и злоба стоятъ противъ насъ! Я усѣлся съ Марьею

Ѳедоровною, и—вообразите себѣ, что̀ я услышалъ отъ нея на мой вопросъ о томъ, благодарила ли она генерала за поздравленіе его Вареньки въ день ея рожденія.

— Николая Семеновича, отвѣчала она, — увѣрили, что это все ваша выдумка. „Онъ на все способенъ“, говорилъ самъ Николай Семеновичъ, прибавила Марья Ѳедоровна.

— Боже мой! сказалъ я,—этого еще не доставало! Такъ думать обо мнѣ! Грустно, право, грустно! И можно ли повѣрить, чтобы я осмѣлился когда нибудь играть именемъ генерала? Это такъ грубо, что я и отвѣчать на это не съумѣю вамъ, Марья Ѳедоровна. Это ужасно! По крайней мѣрѣ, повѣрьте мнѣ хоть теперь и подите поблагодарить добраго генерала за такое его вниманіе къ Варенькѣ!

„Какъ скоро кончился контрдансъ, Марья Ѳедоровна, подхвативъ Вареньку, подошла къ генералу и... что они тамъ говорили—не знаю. По крайней мѣрѣ, Бабета мнѣ послѣ сказывала, что Дмитрій Гавриловичъ осыпалъ ее благожеланіями и привѣтствіями. Но мнѣ стало грустно. За что, думалъ я, такъ злобно вооружаются на меня эти люди? Что я имъ сдѣлалъ? И чѣмъ это должно кончить?..

„Марья Ѳедоровна продолжала восклицать. Мнѣ это наскучило.

— Да ужъ скорѣй бы пріѣзжалъ этотъ несносный Аристарховъ, сказалъ я, перебивая рѣчь Марьи Ѳедоровны.

— Пусть онъ тамъ пропадетъ! отвѣчала она со всей ненавистію, какую только можно ожидать отъ такой женщины, какъ Марья Ѳедоровна.

„Я захохоталъ.

— Такъ-то вы честите будущаго вашего зятя?

— Чтобъ его чортъ взялъ! продолжала она въ томъ же тонѣ.

„Весело жъ, подумалъ я, этому обрученному жениху ѣхать на пированье. Нарѣченная маменька къ чорту посылаетъ, невѣста бѣгаетъ, какъ отъ чумы, провозглашенный тесть держитъ передъ носомъ его, какъ шестъ, длинное свое слово, а жаждущіе новобранцы-родные засматриваютъ съ умиленіемъ въ туго набитый карманъ; нечего говорить, довольно весело!..

„Однако жъ и мнѣ что-то не радостно. Сабинъ говорилъ мнѣ, что я даже черезчуръ много разговаривалъ съ Варенькою; но вотъ вамъ крестъ святой, если я помню хоть что нибудь изъ моихъ разсказовъ Бабетѣ. Богъ знаетъ, гдѣ была душа моя; кажется, что далеко,—она была въ глубинѣ самой себя и искала тамъ крѣпости и смѣлости противъ скоро имѣющей разразиться тучи страшной, громоносной. Я глядѣлъ на Вареньку только вотъ этими глазами, что̀ во лбу, а тѣ, что̀ подъ сердцемъ, потускнѣли отъ тяжкихъ думъ.

Ноября 21-го, среда.

„Не думалъ, не ожидалъ я себѣ такого счастія. Отдѣлавшись, сколько могъ скорѣе, отъ работы, я одѣлся и поѣхалъ въ Братскій. Обѣдня

шла уже къ концу и я попалъ на проповѣдь, которую, къ крайнему огорченію оратора, разумѣется—не слушалъ, считая это грѣхомъ непростительнымъ, но, чтобъ окинуть взоромъ передніе ряды богомолокъ, я выползъ изъ алтаря; порядочнаго, по обревизованіи моемъ, оказалось немножко побольше нуля и поменьше единицы. Я хотѣлъ было уже тащиться домой и сказать самому себѣ: что, братъ? ѣздилъ не по что, теперь проваливай ни съ чѣмъ. Вдругъ Костя Скворцовъ, наклонясь мнѣ къ уху, шепчетъ: „Варвара Николаевна говорила, чтобы вы послѣ обѣдни заѣхали къ нимъ“. Глаза мои заискрились, сердце запрыгало, и на первый разъ я не собрался сказать даже порядочной глупости. „А развѣ Николая Семеновича, спросилъ я потомъ, не будетъ дома?“—Не знаю, отвѣчалъ мнѣ мой вѣстникъ, ни мало, вѣроятно, не подозрѣвая, что я таки собрался сказать глупость. Послѣ этого мнѣ ужъ ничего не оставалось дѣлать, какъ взять шубу и летѣть маршъ-маршъ *туда* (NB. Когда будете печатать мой „Дневникъ“, то, пожалуйста, это „туда“ прикажите наборщику поставить курсивомъ).

„Нечего грѣха таить: подъѣзжая къ заколдованному теперь для меня дому, я чувствовалъ маленькую робость; какъ-то, думалъ я, встрѣтитъ меня Николай Семеновичъ, если я его застану?—Но была не была—иду. И вотъ я наверху. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Я привѣтствовалъ его—и онъ, бросивъ сначала на меня сердитый взглядъ, какъ будто опомнился и подалъ мнѣ руку.—Не со мной тебѣ возиться, думалъ я,—мы эту пѣсню знаемъ. Она начинается обыкновенно stoccato furioso; но мы ее перемѣнимъ въ allegro dolce, или, по крайней мѣрѣ, въ allegro grave. Марья Ѳедоровна не могла скрыть тревожнаго ожиданія слѣдствій первой моей встрѣчи съ Николаемъ Семеновичемъ. Замѣтивъ, что буря прошла и что я свободно и весело вхожу въ залу, Марья Ѳедоровна и сама пріободрилась, а Варенька... душа моя Варенька... ну, тутъ ужъ извинитэ, если я въ передачѣ моихъ впечатлѣній немножко собьюсь съ панталыку. Дѣло-то, господа, больно хватаетъ за ретивое, а это ретивое—только пусти его, тотчасъ выбьется изъ ранжиру и перепутаетъ все, что наставитъ рядкомъ и по системѣ холодный разсудокъ. Варенька, смѣясь тихимъ, но сердечнымъ смѣхомъ счастливицы, выпытывала у меня о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ на генерала послѣдній купеческій балъ. Отвѣчать мнѣ на это было не трудно, но трудно было удержаться, чтобы не глядѣть на Вареньку тою страстію, которая кипятила во мнѣ всю кровь и прорывалась насквозь въ каждомъ моемъ движеніи. Я сидѣлъ подлѣ Марьи Ѳедоровны. Она хотѣла что-то передать мнѣ: но, бѣдная, боялась—и кого жъ боялась? своихъ дѣтей. Къ намъ входилъ и Николай Семеновичъ. Я завлекалъ его въ разговоръ—и дѣло шло хорошо. Такъ я провелъ около часу и давно уже не былъ такъ веселъ и счастливъ. Марья Ѳедоровна обѣщала писать ко мнѣ завтра. Съ жаромъ поцѣловалъ я ея руку и... да что толковать дальше? Я уѣхалъ.

Ноября 22-го, четвергъ.

„Я получилъ письмо отъ доброй Марьи Ѳедоровны. Вотъ что она пишетъ:

„Добрѣйшій Викторъ Ипатьевичъ! Такъ много есть у меня коечего передать, что я, наконецъ, теряюсь и не знаю—съ чего начать. Я хотѣла отъ всей души угодить генералу [1]),—но что жъ? Нынѣ взглянула—они (яблоки) никуда не годятся. Вы сравните, не похожи ли они (яблоки) на тѣ, что (вы) купили у Чернова, (то) ради Бога, оставьте ихъ у себя и кушайте на здоровье и угостите Яниковскаго. Только прошу—оставьте это въ секретѣ; скажите, что вы купили сами.

„Еще убѣдительная моя просьба. Вы ждите случая, вы можете замѣтить, когда расположенъ будетъ генералъ, то откройте ему мою просьбу и поцалуйте даже ему руку, если только онъ позволитъ. Попросите его, чтобы онъ,—можетъ быть, въ послѣдній разъ,—посѣтилъ насъ въ день имянинъ моей страждущей дочери. Ахъ, она убита горемъ, котораго не могу ни вамъ и никому открыть; только прошу на вечеръ, на чай—то-есть въ семь или восемъ часовъ вечера, а по утру пусть пришлетъ поздравить. Я хочу, чтобы видѣли бабушки всѣ собственными глазами, и если бы онъ былъ такъ добръ, показалъ бы имъ или сказалъ бы—для чего или для кого онъ готовитъ мою Вареньку. Ахъ, Викторъ Ипатьевичъ,—слезы заливаютъ строки сіи, и я не вижу, что̀ пишу. Когда это было со мной, чтобы я боялась дѣтей моихъ родныхъ, говорить съ ними! Я скоро буду бояться тѣни своей. Всѣ меня преслѣдуютъ, всѣ меня обижаютъ на каждомъ шагу. Ахъ, Викторъ Ипатьевичъ, что̀ я переношу черезъ васъ—одному Богу извѣстно! Я, наконецъ, теряю терпѣніе. Хочу кого нибудь просить, чтобы передать генералу,—но только такъ, чтобы не я была виною,—что̀ намъ дѣлаетъ Павелъ Семеновичъ и его возлюбленная маменька, то я вамъ не могу описать. Онъ насъ мучитъ вами на каждомъ шагу и такія слова говоритъ, что я выхожу изъ терпѣнія. Павелъ Семеновичъ все хочетъ, чтобъ его позвалъ генералъ къ себѣ, и онъ хочетъ ему открыть всѣ ваши гнусныя и даже скверныя продѣлки. О, я бы очень желала, чтобы онъ не въ нашемъ домѣ это сказалъ—а такъ, гдѣ бы передать, (передала бы) генералу. Посмотрѣли бы мы тогда на него, что̀ бы онъ сталъ подобное говорить намъ. Я ему говорила: Павелъ Семеновичъ! Ради Бога—потише. Вы (вамъ) съ этими словами, въ случаѣ (онъ) попроситъ, худо будетъ дѣло.—Я не боюсь никого.—Нѣтъ, надо бояться Бога. Обижать такъ человѣка—за что? За то, что онъ преданъ намъ всей душою?.. Ахъ, оставлю. Нѣтъ, не могу больше писать... Нынче мы отозваны къ

[1]) Я просилъ для генерала у Марьи Ѳедоровны яблокъ хорошихъ. Онъ ихъ чрезвычайно любитъ.

Скворцову на чай; но я васъ прошу—въ случаѣ и васъ Михаилъ просилъ (онъ нынче имянинникъ)—то, ради Бога, не ѣздите туда; тамъ будетъ Николаша, и матушка, и даже Павелъ, и все ихъ семейство. Для спокойствія моего вы не должны быть (тамъ), поберегите меня; мнѣ жизнь нужна еще,—хотя я и стараюсь не принимать это къ сердцу: но что жъ? Я не покойна духомъ, не могу сносить обиды ихъ. Ахъ, родные мои! Что вы мнѣ желаете? Чего вы отъ меня требуете. Ихъ бѣситъ то, что я заступаюсь за васъ. Они говорятъ, что я сама неравнодушна къ вамъ... Какіе они совѣты даютъ мнѣ, то нѣтъ силъ выразиться. Еще что? Бабка Балабухина сама везетъ въ Рыльскъ Вареньку, а вы (говоритъ) оставайтесь съ Аскоченскимъ. Онъ вамъ очень милъ. Ну, право, иногда и смѣхъ и грѣхъ! Я передала имъ слова генерала, что онъ говорилъ—въ Рыльскѣ Варенькѣ не бывать, что онъ беретъ ее съ собой. Это ихъ взбѣсило до высшей степени. „Онъ не имѣетъ нрава (говорили они) располагать семейными дѣлами; ему дано управлять губерніями, а не семейными дѣлами. Не будетъ такъ, а будетъ такъ, какъ поблагословили“... Ждутъ—не дождутся Никанора Ивановича. Варенька говоритъ, что генералъ сказалъ ей, что надо посмотрѣть его, стоитъ ли онъ еще васъ и можетъ ли цѣнить васъ. Они всѣ кричатъ: „можетъ, можетъ!— Это ангелъ, а то—бѣсъ!“... Ахъ, что у насъ происходитъ, то нѣтъ словъ выразить всего! Прошу васъ убѣдительно предать сіе посланіе праху и пеплу. Я трепещу—въ случаѣ узнаетъ Николаша, котораго люблю больше жизни своей; изъ любви къ нему пожертвовала дочерью своею. Но это еще все впереди; дай Богъ только перенесть мнѣ. Еще прошу, чтобы никто не видалъ посланія. Это будетъ послѣднее мое изъясненіе къ вамъ. Кланяется вамъ Варенька. Въ воскресенье будемъ на поздней въ Братствѣ. Спѣшу, чтобы кто не помѣшалъ“.

„Уфъ, Боже мой! Какъ мнѣ тяжело! Какъ больно душѣ моей отъ этихъ страданій моихъ ближнихъ, которые когда нибудь рискуютъ участвовать въ судьбѣ. Я—точно дубъ, поваленный и обросшій травою; поднимаютъ дубъ—и вырывается съ корнемъ мирно пріютившаяся къ нему трава. Тяжело! Но мужайся, Викторъ, потерпи, и да крѣпится сердце твое, уповая на Господа. Аще ополчится на тя полкъ, не убоится сердце твое; аще возстанетъ на тя брань, на него, на него одного возверзи силу твою,—и изыдетъ онъ, яко свѣтъ, правду твою и судьбу твою, яко пополудни!..

Ноября 30-го, пятница.

„Я скоро сдѣлаюсь отчаяннымъ суевѣромъ. Тревожно проглядывая въ мое будущее, я робко берусь за все, въ чемъ думаю находить какія либо указанія ожидающей меня участи. Кто не извинитъ въ этомъ случаѣ неизбѣжныхъ припадковъ маленькаго суевѣрія?

„Вчера обезпокоенъ я былъ однимъ сномъ, нынче—другимъ. Представилось мнѣ, что я какъ-то взгромоздился на дерево огромной высоты и непремѣнно долженъ улечься на одной изъ его вѣтвей, толстыхъ, дюжихъ, крѣпкихъ. Подо мною бездна, отъ которой голова кружится; покатость вѣтви, на которой я лежу, пугаетъ меня больше всего, но еще достаетъ въ рукахъ моихъ крѣпости удержаться на этой воздушной колыбели.

„Смотрите жъ теперь,—не есть ли это чудно-аллегорическое сказаніе о настоящемъ моемъ положеніи въ свѣтѣ? И посудите, какъ типически-прекрасно и философски-вѣрно разлагаетъ многодумная душа мои тяжелыя мысли на составные, такъ сказать, ихъ элементы!

„Съ нѣкотораго времени я начинаю чувствовать гдѣ-то глубокое въ душѣ моей томительное и еще неясное для меня безпокойство. Что оно? Къ чему оно? Откуда гроза—вотъ вопросы, на которые отвѣчать не дано заранѣе взволнованной душѣ моей. Но уже веселость моя оставляетъ меня и даже между людьми я иногда худо скрываю мою грусть, мои пророчественно-томительныя думы.

„Нечаянно, вовсе нечаянно, увидалъ я нынче Вареньку: она взглянула на меня—и мнѣ, повѣрите ли?—мнѣ, закаленному въ полымѣ страстей, уже отжившему первую пору молодости,—мнѣ стало отраднѣе, легче; но это былъ солнечный лучъ, торопливо проглянувшій сквозь тучи, со всѣхъ сторонъ облегающія горизонтъ моей будущности. Промелькнула Варенька—и серце мое снова заныло, и еще больнѣй заныло, еще безотраднѣе представилась мнѣ мысль уступить этакую радость, такое подаваемое мнѣ небомъ сокровище. Напрасно мой добрый Сабинъ говорилъ мнѣ восторженную рѣчь объ ожидающемъ меня счастіи житья съ Варенькою; смѣясь принужденнымъ смѣхомъ, я не вѣрилъ пророчественному говору молодости, не знающей неодолимыхъ препятствій и живущей однимъ сердцемъ. Эхъ, Варенька, Варенька! Зачѣмъ ты отняла у меня фаталистическую довѣрчивость во все, что будетъ со мною? Зачѣмъ ты велѣла мнѣ снова познакомиться съ тѣмъ болѣзненно-сладкимъ припадкомъ, отъ котораго стынетъ умъ, кипитъ кровь и такъ горячо бьется охладѣлое уже сердце?... Эхъ, Варенька, Варенька!....

„Генералъ, которому теперь попалась навстрѣчу она, полу-сéрьезно, полу-шутя повелъ за столомъ рѣчь о Бабетѣ: „Жаль, говорилъ онъ, что она живетъ такъ далеко, а то бы я непремѣнно отбилъ ее у васъ.

— Вѣрно, ваше в—ство, отвѣчалъ я,—это для васъ такъ легко.

— Не такъ, чтобы легко, возразилъ онъ, — даже врядъ ли это возможно.....

„И онъ смотрѣлъ на меня своими большими, прекрасными глазами, въ которыхъ такъ много отеческой любви ко мнѣ..... Я понялъ этотъ многознаменательный, продолжительный его взглядъ. И долго еще потомъ шла рѣчь, но она была уже оффиціальна и касалась только родственниковъ Вареньки.

„Наступалъ вечеръ. Куда мнѣ дѣваться? Есть много мѣстъ, гдѣ я могу убить время, но убью ли тамъ я тоску мою? Куда жъ мнѣ дѣвать этотъ вечеръ? Пойду къ Платону — и вотъ я уже у него. Но вяло и прерывисто шла обычная рѣчь наша. Я начиналъ останавливаться на продолженіи и не зналъ, чѣмъ кончить; но.....

„Съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ генералѣ какъ будто какую-то принужденность въ участіи къ судьбѣ моей и милой Вареньки. У него есть особенныя думы.... Боже мой! Что, если я моею неосторожностію самъ повредилъ моему дѣлу! А мудренаго ничего нѣтъ. Мой разсудокъ вовсе отказался служить мнѣ, и сердце, оставшись полновластнымъ хозяиномъ, можетъ напроказить много, чего ужъ и не поправишь. О, сохрани Боже!.... 4-е декабря должно рѣшить много вопросовъ.

Декабря 2-го, воскресенье.

„Опять генералъ былъ какъ-то серьезенъ. Только къ концу стола онъ нѣсколько разговорился. Вопросъ, сдѣланный имъ мнѣ о томъ, получилъ ли я письмо изъ Рыльска, заставилъ меня покраснѣть, тѣмъ болѣе, что въ эту пору устремились на меня любопытствующія очки вице-губернатора... Впрочемъ, все обстояло благополучно.

Декабря 3-го, понедѣльникъ.

„Если бы вчерашній день, пріѣхавши изъ клуба, я взялся за перо, чтобъ вписать въ мой „Дневникъ“ все, что со мной тамъ было, что мнѣ говорили, что̀ я чувствовалъ, то, ручаюсь вамъ,—я остановился бы на первомъ словѣ и задумался бы надъ нимъ до самаго разсвѣта. Таково-то мнѣ было отрадно, таково-то хорошо.

„Не буду разсказывать, какъ я вошелъ въ этотъ клубъ, какъ встрѣтился и откланялся Варенькѣ, какъ получилъ отъ Марьи Ѳедоровны холодный привѣтъ,—все это далеко меньше имѣетъ интересъ противъ того, что дальше было. Когда начали танцевать контрдансъ, я усѣлся близъ Марьи Ѳедоровны. На вопросъ мой о здоровьѣ, она заговорила прерывистыми ахами и вздохами, безпрестанно твердя, что она будетъ здорова, потому что скоро дѣло кончится. Какъ утѣшительно было мнѣ слушать — пойметъ всякій, кто сталъ бы на моемъ мѣстѣ. Однако-жъ, что̀ мнѣ оставалось дѣлать? Я старался выпытать отъ Марьи Ѳедоровны о томъ, какой ходъ въ настоящую пору имѣетъ дѣло и что пишетъ Аристарховъ Николаю Семеновичу. Всѣми силами удерживаясь отъ откровенности, она, однако-жъ, дала мнѣ понять, что Аристарховъ никакъ не думаетъ отказываться отъ своихъ исканій и съ большимъ упорствомъ спѣшитъ привести дѣло къ концу, что онъ проситъ, умоляетъ объ этомъ Николая Семеновича, который вооружился противъ меня непримиримою ненавистью

и даже, по словамъ ея, не можетъ произнести моего имени безъ брани, колкихъ насмѣшекъ и ругательствъ. Слушая все это, я сидѣлъ повѣсивъ голову; грудь моя страшно сжималась; я пытался говорить, но голосъ мой хрипѣлъ, дрожалъ, руки тряслись, голова пылала. Худо понимая состояніе человѣка, такъ безбожно и немилосердо терзаемаго, Марья Ѳедоровна не давала мнѣ ни одного луча свѣтлой надежды и даже (Богъ ей судья!) обнаруживала рѣшительное намѣреніе дѣйствовать противъ моихъ плановъ, заодно съ своимъ мужемъ. Мнѣ, наконецъ, не стало терпѣнія слушать мою мучительницу; я всталъ и подошелъ къ Варенькѣ.

— Что съ вами, спросила она, глядя на меня съ изумленіемъ и, вѣрно, разгадывая мучительно-адское состояніе моей души.

— Ничего, отвѣчалъ я, — все прекрасно и благополучно; меня истерзала твоя меменька и я весь теперь въ крови. Благополучно, говорю, потому что бо̀льшихъ терзаній и мученій для меня быть уже не можетъ.

— Ахъ, Аскоченскій, да одни ли вы мучитесь!

— Боже мой! да за что же?

(Пишу эти строки и плачу).

— Что̀ говорила вамъ маменька.

— Все—и ничего утѣшительнаго.

— Ахъ, какъ папенька вооруженъ теперь противъ васъ! Онъ слышать о васъ не можетъ.

— Варвара Николаевна! еще остается въ душѣ моей теплый лучъ надежды; погаснетъ онъ—и тогда все погибло. Надежда на васъ—на тебя, другъ мой!

— Что-жъ мнѣ дѣлать?

— Стоять, стоять до конца, а тамъ хоть и упасть, но не побѣжденною, а подавленною насиліемъ.

— Папенька ни за что не отстанетъ отъ Аристархова.

— Пусть такъ; но все же заранѣе мы не сложимъ рукъ... А тамъ, если ужъ все разрушится межъ нами, если у меня оторвутъ мою Вареньку, — я найду, что̀ дѣлать. О, Варенька! я понимаю теперь, какъ люди прострѣливаютъ себѣ голову, — признаюсь тебѣ, я боюсь иногда въ минуты отчаянной тоски браться за бритву, боюсь, чтобъ она нечаянно не скользнула по моему горлу. — И мнѣ захватывало дыханіе, слезы кипѣли въ груди,—я дрожалъ.

„Варенька испугалась.—Аскоченскій, сказала она,—побойтесь Бога.

— Да, я боюсь его, — и только этотъ страхъ удерживаетъ мысль мою отъ искусительнаго, страшнаго посягательства на мою жизнь. Не бойтесь, однако-жъ, за меня, я не застрѣлюсь и не зарѣжусь. Силы у меня еще есть, чтобы перенести все, что готовитъ мнѣ судьба; но, Варенька, развѣ это легче самоубійства, когда я, забывъ себя самого, брошу все, и взвихрюсь Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, когда я погублю все, что̀ далъ мнѣ Создатель мой? А это вѣдь такъ и будетъ.

— Такъ вы бросите меня? спросила она и глаза ея были полны слезъ.

— Бросаютъ то, что въ рукахъ держатъ, а васъ у меня не будетъ,—такъ я брошу ужъ самого себя.

— Что жъ тогда будетъ со мною? О, не оставляйте меня. Я несчастна. Съ кѣмъ же я тогда помѣняюсь словами? Кому передамъ мои мысли? Вѣдь я одна, кругомъ одна. Теперь я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что хоть и черезъ двѣ недѣли, а я все увижу васъ, наговорюсь съ вами и... и...

„Она не кончила; глубокое внутреннее волненіе выжимало у ней слезы; но, обращаемыя назадъ, онѣ—это я самъ видѣлъ—онѣ задушали ее.

— Нѣтъ, Варенька, нѣтъ, мой ангелъ,—сказалъ,—не брошу я тебя, пока это позволено мнѣ будетъ.

— А послѣ-то что будетъ?

— Охъ, не знаю, не знаю. Все кружится въ головѣ моей.

— Вы не знаете, а я знаю. Черезъ два года меня не будетъ на свѣтѣ.

„Я взглянулъ на нее и мнѣ страшно показалось это пророческое ясновидѣніе.

— Варвары! сказалъ я,—что они съ тобою дѣлаютъ?

— Хотятъ замужъ выдать, отвѣчала она съ горькой ироніей.

„О, какъ глубоко болѣзненны эти немногія слова!

— Да, продолжала она,—имъ думается, что сбыли съ рукъ—и дѣло кончено. А того и не воображаютъ, какъ мнѣ жить будетъ. Гдѣ этому Аристархову любить меня такъ, какъ вы любите меня? И смогу ли я сама любить его такъ...—Она не кончила, но на что это? Конецъ я знаю.

„Марья Ѳедоровна, которая впродолженіе этого нашего разговора сидѣла словно на раскаленной жаровнѣ, отозвала Вареньку и, вѣрно, прочитала ей родительское наставленіе, потому что лицо Вареньки сдѣлалось серьезнѣй и перестало уже пылать страстью.

„Пошли еще контрдансъ; какъ скоро выпадало время, я опять начиналъ нескончаемую рѣчь мою съ Варенькою.

— Помните ли, говорила она,—какъ тревожились вы въ послѣдній разъ, бывши у насъ? Если вы безпокоились, то что же должна была чувствовать я? У меня въ сердцѣ холодѣло, какъ скоро кто стукалъ дверьми.

— Это правда, Варвара Николаевна, я точно жестоко тревожусь, когда бываю у васъ,—но не за себя, другъ мой, а за васъ, за тебя одну. Я молю Бога, чтобъ мнѣ какъ нибудь помѣшаться, тогда я не чувствовалъ бы ничего и даже въ смутномъ снѣ не представлялись бы мнѣ тѣ муки, какія я теперь испытываю, и какія, можетъ быть, совсѣмъ меня погубятъ.

— Что жъ бы вы тогда были?

— По крайней мѣрѣ—не дуракъ, а только сумасшедшій, не дуракъ, какимъ считаютъ меня теперь злые люди, не дуракъ, какимъ и я назову себя, когда Варенька станетъ подъ вѣнецъ съ другимъ, настоящимъ дуракомъ.

„Варенька задумалась.

— Нѣтъ, сказала она, какъ бы отвѣчая самой себѣ,—я никогда не забуду Димитрія Гавриловича! Какъ я боялась тогда его, когда въ первый разъ была у него на балѣ, когда онъ подходилъ ко мнѣ съ своими ласковыми, привѣтственными словами. Мое сердце предчувствовало, что съ этой поры зародится мое несчастіе.

„Задумался и я въ свою очередь.

— Я хотѣла вамъ, заговорила Варенька,—что-то много сказать, но теперь не помню. Это всегда бываетъ со мною. Сижу одна и раздумываю: то надо сказать, другое, третье; а увижусь съ вами—и забуду. Что это значитъ?

„И она взглянула на меня, и отвѣтъ на вопросъ этотъ ясно свѣтился въ ея понятной улыбкѣ и въ горящихъ любовью глазахъ.

„Нынѣ поутру, только что я сѣлъ за мой „Дневникъ", ко мнѣ принесли записку отъ Сабина. Вотъ что тамъ написано: „Вчера, въ клубѣ, я не успѣлъ передать тебѣ разговора моего съ Марьей Ѳедоровной. Дѣло плохо и очень плохо! Она мнѣ сказала и побожилась, что третьяго дни получили письмо отъ Аристархова. Николай Семеновичъ плакалъ отъ восторга, безпрестанно повторяя: „вотъ безцѣнный зять мой! Онъ мое сокровище!" Онъ пишетъ, что къ праздникамъ будетъ, и чтобы все было готово; онъ имѣетъ пріѣхать нечаянно и на другой же день, обвѣнчавшись, сейчасъ въ Рыльскъ. И какъ я могъ догадываться, то все это хотятъ сдѣлать скоро, тихо и внезапно. Неужели въ Рыльскѣ сыскался столь злобный и умный человѣкъ, который посовѣтовалъ Аристархову оставить письмо твое совершенно безъ вниманія и какъ бы онъ не получалъ его? Это ужасная, это адская мысль!"

„Да,—повторю и я,—это злодѣйски-умная, это адски-разсчетливая мысль! Но одного я не понимаю тутъ: какъ этотъ дуракъ Аристарховъ рискуетъ на женитьбу съ дѣвицею, сердце которой, какъ онъ знаетъ, рѣшительно не принадлежитъ ему? Скотъ, вѣроятно, разсуждаетъ по своему, считая это пустякомъ и утѣшая себя тою старинною пословицею, которая годится только для быковъ и для нашихъ прабабушекъ, заливавшихся слезами предъ возлюбленнымъ своимъ на какомъ нибудь дѣвичникѣ и прямо въ глаза называвшихъ даннаго имъ какою нибудь сударыней-матушкой и государемъ-батюшкою суженаго варваромъ, злодѣемъ и чуть не мерзавцемъ. Пословица эта: поживется, стерпится и слюбится,—только годилась для нихъ; но приложима ли она къ Варенькѣ! Боже мой! Боже мой! Зачѣмъ это цѣпи супружества куются непремѣнно изъ золота?

„Я не знаю, пишетъ еще Сабинъ, что думаетъ Варенька, а Марья

Ѳедоровна уже перешла на сторону мужа. Но не унывай, безцѣнный другъ, не теряй духа, смѣло въ атаку, пока время! Я знаю, что у тебя достанетъ ума и твердости души; а мнѣ какъ будто что-то говоритъ, что Варенька будетъ твоя!

„Дай Богъ, мой добрый Сабинъ, чтобы предчувствіе молодаго твоего сердца хоть на этотъ разъ не было лживо. Но милый мой! Я не надѣюсь уже на свой умъ; у меня нѣтъ ужъ его. Онъ заснулъ въ страшной летаргіи; не вѣрь твердости моей души: не тверда она, когда изъ глазъ моихъ уже побѣжали слезы. Отъ камня росы не бываетъ.

„Вчера Варенька безпокоилась о томъ, чтобы генералъ не сказалъ чего нибудь Николаю Семеновичу. „Это, сказала она, взбѣситъ его еще больше и онъ тогда на все рѣшится". Я увѣрялъ, что опасаться какой нибудь неосторожности со стороны генерала нѣтъ никакой причины, и что несвоевременно онъ не выскажетъ самъ участія своего въ нашемъ дѣлѣ. Вышло напротивъ. Сегодня всѣ купцы, подъ предводительствомъ своего головы, являлись къ генералу по одному дѣлу. Между разговоромъ Дмитрій Гавриловичъ повелъ вотъ какую рѣчь, обращая ее прямо къ Николаю Семеновичу:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что всѣ вы воспитываете дѣтей своихъ лучшимъ образомъ. Вотъ хоть бы ваши дочери; онѣ прекраснымъ воспитаніемъ дѣлаютъ вамъ честь, и не похвалить васъ за это нельзя. Но какъ же послѣ этого понять то, что вы дѣвушку, прекрасно воспитанную, умную, хорошенькую, отдаете въ руки человѣку, который не съумѣетъ ни понять, ни оцѣнить ее? Какъ можно отцу дѣлать несчастіе своей дочери?

— Далъ же я ему нагоняй, прибавилъ генералъ, передавая мнѣ за обѣдомъ тѣ слова свои.

— Ну, ваше в—ство, сказалъ я,—теперь ужъ мнѣ, кажется, и встрѣчаться съ нимъ опасно.

„Генералъ усмѣхнулся и рѣчь была кончена. Что мнѣ теперь дѣлать?

„Николай Семеновичъ взбѣшенъ—это вѣрно. Какова должна быть теперь у нихъ домашняя сцена! Просто—люли! Не желая, однако жъ, обнаружить предъ генераломъ моего безпокойства, я сколько могъ старался казаться веселымъ...

„Но не то было со мной, когда я остался одинъ въ моемъ кабинетѣ. Мой Сабинъ почти испугался моей глубокой скорби. Я плакалъ передъ нимъ, не думая скрывать моихъ слезъ. Напрасно онъ утѣшалъ меня. Я—стальная, закаленная душа—я плакалъ, чувствуя, что въ головѣ моей мѣшаются понятія.

— Да, мой другъ, говорилъ я Сабину,—если я, испытанный несчастіями, плачу, то что жъ было бы съ тобою, съ такимъ молодымъ, мягкимъ сердцемъ. Сабинъ! ты молодецъ, а у меня ужъ сѣдина въ головѣ. Твои десять лѣтъ впереди дѣлаютъ только мужемъ, а меня

они близятъ къ старости. Сабинъ! Вѣдь это послѣдняя дань любви! Нѣтъ, прощай, Кіевъ! Нѣтъ моей Софьи, нѣтъ и Вареньки. Одна умерла, другая умираетъ для меня. Я уйду отсюда; мнѣ душно въ этой темницѣ, погубившей столько моихъ радостей!

„И я плакалъ.

„Теперь я покойнѣе; но у меня нѣтъ свѣтлой мысли, на которой я могъ бы остановиться, нѣтъ даже утѣшительнаго упованія на Господа Бога; душа моя въ прахъ разбита.

„12 часовъ ночи. Клятва, твердость и просьба. Я долженъ взять съ Вареньки клятву, что она рѣшится на послѣднія мѣры, какія я предложу ей,—говорю, долженъ: ибо это есть одно изъ средствъ не погубить себя. Должна и она дать мнѣ клятву; иначе не стóитъ тѣхъ страданій, какія я переношу для нея и за нее; должна, потому что это уничтожитъ всѣ прочія клятвы, какія бы ни принудили ее давать когда бы то и гдѣ бы то ни было;—должна, если она дѣйствительно любитъ меня. Я потребую отъ нея послѣдней твердости. Пусть она прямо скажетъ отцу своему, что Аристархову она не можетъ сказать: да, когда сердце ея отдано мнѣ; пусть, наконецъ, рѣшится высказать отцу своему, что она не боится вслухъ всего міра передъ престоломъ Бога сказать жениху своему: нѣтъ и рискнетъ на потерю всего, лишь бы пріобрѣсть меня, если я точно любимъ ею. Грозны будутъ слова раздраженнаго отца; но такъ и быть—встрѣтитъ ихъ и перенесть твердою душею. Варенька, наконецъ, должна просить отца своего перемѣнить гнѣвъ на милость; пасть передъ нимъ на колѣни и плакать слезами любви и отчаянія...

„Боже мой! Какихъ жертвъ я долженъ требовать отъ любимаго мною созданія? Но нѣтъ больше оружія противъ злобы людской. И что жъ? Развѣ мои муки не стóятъ такой жертвы? Развѣ я самъ мало приношу на алтарь любви моей? О, нѣтъ! Съ настойчивостью судьбы я вытребую отъ Вареньки все, что сказано мною; и если она уступитъ, не согласится со мною,—тогда, о, тогда... Варенька, берегись меня! Мщеніе мое будетъ страшно!

Декабря 4-го, вторникъ.

„День ангела Вареньки. Не знаю отчего, но на душѣ моей послѣ вчерашней бури было такъ тихо, такъ спокойно, что я не могъ себѣ надивиться. Въ полдень я съ Serge'мъ поѣхалъ на Подолъ, къ имянинницѣ дорогóй. Холодный, но вѣжливый пріемъ со стороны Николая Семеновича нисколько не изумилъ меня. Варенька... да что объ ней говорить! Немного я посидѣлъ близъ нея, но успѣлъ много вычитать въ прекрасныхъ ея глазахъ, понятливо устремленныхъ на меня. Визитъ нашъ, впрочемъ, былъ не длиненъ; мы откланялись, удостоившись приглашенія только отъ Марьи Ѳедоровны.

„За столомъ генералъ обращался ко мнѣ съ разными вопросами о Варенькѣ. Изъ всѣхъ, однако жъ, рѣчей его замѣтно, что онъ жалѣетъ о томъ, что связался съ такими людьми, которые вовсе не умѣютъ или не хотятъ цѣнить его вниманіе.

„Я рискую ѣхать туда. Знаю, что меня встрѣтитъ неудовольство, сплетни, да заплечное злословіе,—да чортъ ихъ всѣхъ побери! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Хоть бы для того, чтобъ оразнообразить конецъ настоящаго дня—я поѣду, непремѣнно поѣду, а тамъ... будь, что будетъ.

Декабря 5-го, среда.

„Было такъ, какъ я и не думалъ, что будетъ. Еще до сихъ поръ голова кружится и сердце не на мѣстѣ.

„Не безъ волненія и тревоги входилъ я въ домъ, гдѣ собралось все поколѣніе, враждебное моему счастію. Появленіе татарскаго баскака, въ старину, надѣюсь, было менѣе непріятно прадѣдамъ нашимъ, какъ появленіе мое среди всѣхъ этихъ бабушекъ и тетушекъ, которыя видятъ во мнѣ самаго лихаго татарина. Откланявшись всѣмъ, я усѣлся на первый разъ близъ Марьи Ѳедоровны. Потупивъ глаза, повѣсивъ голову, она молчала и на всѣ мои вопросы отвѣчала односложными да или нѣтъ. Мнѣ надобно было избавить всѣхъ ихъ отъ себя—и я спустился внизъ къ карточнымъ столамъ, изъявивъ Николаю Семеновичу желаніе свое играть въ преферансъ. Онъ, замѣтно, обрадовался моему предложенію и самъ хлопоталъ составить мнѣ партію, добродушно не подозрѣвая, что это со стороны моей маленькій отводъ. Я, однако-же, усѣлся за зеленый столъ, пренаивно ставя на свой пай безконечные ремизы. Варенька черезъ Сабина посылала мнѣ сверху разныя разности. Мнѣ ужъ наступала пора найти себѣ маленькую смѣну. Попался какой-то добрый армейскій казначей. Я усадилъ его за себя, принимая проигрышъ въ свой карманъ—и маршъ наверхъ. За нами слѣдили рысьи глаза досмотрщиковъ; но на этотъ разъ Варенька прямо сказала мнѣ, что она не боится ихъ,—и рѣчь наша лилась журчащимъ потокомъ. Я старался внушить Варенькѣ ту твердость, какая нужна въ горячемъ нашемъ дѣлѣ и которая должна перевернуть всѣ затѣи нашихъ разсчетливыхъ противниковъ.

— Что жъ, Варенька? говорилъ я, — наконецъ остаешься ли ты твердою, крѣпкою, рѣшительною?

— Не знаю, отвѣчала она.

— А коль скоро такъ, то между нами все кончено!—и я уходилъ отъ нея.

— Постойте, постойте, торопливо сказала она, схвативъ меня за руку.

— Варенька! помни, что теперь все зависитъ отъ твоей рѣши-

тельности и что вся моя надежда единственно въ тебѣ, — иначе ты и не опомнишься, какъ тебя обвѣнчаютъ и увезутъ въ Рыльскъ.

— О, этого быть не можетъ.

— Отчего?

— Приданое никакъ не будетъ готово къ тому времени.

— Да Аристарховъ, чтобъ только окончить дѣло, возьметъ тебя и безъ приданаго, за которымъ явится уже послѣ.

— Кто? Аристарховъ? Съ чего это вы взяли?

— Хорошъ же молодецъ, думалъ я. — Стало быть, сказалъ я,— прибавь къ этому упорную свою волю—и дѣла пойдутъ по нашему. Иначе помни, что ты останешься клятвопреступницею.

— Но какъ же мнѣ быть? Вѣдь я при томъ обрученіи дала ему честное слово.

— Прекрасно! Но, скажи откровенно, участвовало ли въ этомъ твое сердце?

— Но все же я измѣняю своему слову?

— А что лучше: перемѣнить ли слово, наобумъ и необдуманно сказанное, или идти наперекоръ сердцу, которое ты сама отдала мнѣ? Подумай, вѣдь слово ты можешь взять назадъ, а сердца не возьмешь,—оно останется у меня. Что-жъ подаришь жениху своему и еще гдѣ же? передъ престоломъ Божіимъ! и въ какомъ случаѣ ты истинно дѣлаешься клятвопреступницею? Скажи мнѣ еще, на что смотритъ Богъ — на пустыя ли слова, или на то, что̀ глубоко лежитъ въ сердцѣ? И что больше оскорбляетъ его—измѣна ли слову, или измѣна сердцу, то ли, когда ты, ставъ передъ престоломъ его съ навязаннымъ тебѣ женихомъ, украдешь у него сердце, или то, когда станешь съ тѣмъ, кому ты, не давая своего слова, отдала лучшее и тверже всякаго слова—свою душу!

„Варенька задумалась. Я читалъ въ глазахъ ея сильное бореніе, принимавшее характеръ рѣшительности.

— Но, сказала она,—что̀, если папенька, взбѣшенный моимъ упорствомъ, произнесетъ мнѣ проклятіе?

— Ничего, отвѣчалъ я,—во-первыхъ, этого быть не можетъ. Николай Семеновичъ уменъ и любитъ тебя, хотя теперь и увлеченъ корыстными разсчетами и хотя его крѣпко осѣтили родные; во-вторыхъ, клятва родительская тогда только сильна и страшна, когда она идетъ отъ ума, вѣрно передавшаго сердцу святое убѣжденіе въ томъ, что сынъ или дочь дѣйствуютъ противъ правилъ чести и долга. Но представь, если бы отецъ вмѣстѣ съ сыномъ или дочерью хотѣлъ кого нибудь обворовать и, замѣтивъ упорство и нехотѣніе въ сынѣ своемъ или дочери — произнесъ на нихъ проклятіе, имѣло ли бы оно тутъ силу? А вѣдь тебя хотятъ заставить у самой себя украсть все, что есть драгоцѣннаго въ жизни, хотятъ сдѣлать преступницею противъ того, кому даже обрекли тебя, противъ нарѣченнаго тобою жениха, хотятъ обмануть его, давая ему жену безъ

сердца и любви. Развѣ это не хуже еще воровства? Украсть кошелекъ — низко, а красть счастіе нашей жизни — богопротивно. И клятва такого хищника-отца обращается на голову самого клянущаго. Поняла ты меня?

— Теперь поняла, говорила Варенька, устремивъ на меня пылающіе умомъ и чувствомъ свои прекрасные глаза. — Но какъ все это меня безпокоило!

— Вѣрно,—и я все это прежде тебя обдумалъ.

— Еще вотъ что. Что, если папенька отъѣжетъ мнѣ въ приданомъ?

— Ничего, мы поклонимся ему и пойдемъ себѣ жить-поживать, добра наживать. На прошломъ клубѣ маменька, любуясь тобою, сказала мнѣ: „каковъ виноградъ-то у ней на головѣ“. А я отвѣчалъ:—хорошъ, но на комъ либо другомъ я замѣтилъ бы его, а на Варенькѣ— нѣтъ. Пусть будетъ одѣта она такъ, какъ одѣвается ваша Сашка,— для меня она и тогда такая же милая Варенька.

— Перестанемъ, сказала она, на насъ уже слишкомъ смотрятъ— и она отошла къ фортепіану. Я сошелъ внизъ къ моему преферансу.

„Спустя нѣсколько времени, явилась ко мнѣ депутація отъ всѣхъ дамъ съ просьбою пѣть. Получивъ немного передъ тѣмъ опасливое замѣчаніе Вареньки, чтобъ не садиться къ фортепіану, я потребовалъ ея разрѣшенія и, получивъ его, запѣлъ подъ прекрасный аккомпаниментъ самой Вареньки. Чѣмъ больше я пѣлъ, тѣмъ больше восхищенные слушатели мои приставали ко мнѣ съ просьбами еще и еще пѣть. Грудь моя дрожала отъ усталости, но взглядъ Вареньки— и снова уже раздаются страстные напѣвы мои. Наконецъ, по общей просьбѣ, я запѣлъ: „Что-жъ ты замолкъ и сидишь одинокій“; когда я дошелъ до той исповѣди глубоко огорченнаго насильственною разлукою юноши, въ которой онъ припоминаетъ счастливыя минуты, проведенныя съ тѣмъ созданіемъ, въ которомъ вмѣстилось все его небо, Варенька, стоявшая склонивъ голову на крошечную ручку,— заплакала. Ея слеза упала на лежавшую передъ ней тетрадь нотъ; она оторвала клочекъ, омоченный слезами, и въ ту жъ пору отдала его Сабину.

— Викторъ, Викторъ, твердилъ глубоко тронутый молодой другъ мой,—о комъ эти слезы? Вѣдь о тебѣ, злодѣй! О, какъ ты счастливъ!

Наступала пора ужина. Поднялись хлопоты и подъ шумокъ не разъ — право, нечаянно — рука Вареньки попадалась въ мою руку и крѣпкое пожатіе волновало всю мою душу. Я сталъ тамъ почти своимъ, потчивалъ гостей, разносилъ, кому находилъ нужнымъ, бокалъ съ виномъ, словомъ, хозяйничалъ напропалую, ревнуя въ усердіи прекрасной молодой хозяйкѣ — Варенькѣ. Николай Семеновичъ довольно радушно самъ потчивалъ меня виномъ и, поневолѣ, долженъ былъ хладнокровно смотрѣть на меня, хотя это и бѣсило стариковъ его.

„Начались тосты. Первый предложенъ былъ за Вареньку—и громкое ура было единодушнымъ привѣтомъ прекрасной имянинницѣ. Смекнувъ, что сейчасъ же будутъ пить здоровье нарѣченнаго ея жениха, я сказалъ объ этомъ Варенькѣ. Черезъ минуту ея уже не было въ столовой; она убѣжала въ спальню. Я остался слушать и замѣчать, что будетъ.

„Николай Семеновичъ, наполнивъ бокалы шампанскимъ, сказалъ: „Здоровье будущаго моего зятя, Никанора Ивановича Аристархова!“ Поднятые кверху бокалы опустились и нескромный говоръ зашумѣлъ по всей столовой. Я замѣтилъ на многихъ лицахъ язвительныя улыбки; но шампанское попрежнему оставалось въ бокалахъ нетронутымъ. Николай Семеновичъ еще разъ прокричалъ тостъ и приложился къ бокалу. Примѣру его послѣдовали только старики и то съ явнымъ смущеніемъ. Черезъ минуту я вошелъ въ кругъ веселыхъ гостей—и многіе изъ нихъ прямо и гласно стали пить мое здоровье. Киселевскій подхватилъ меня и Вареньку въ тѣсномъ кружкѣ—стали пить за молодыхъ, указывая на обоихъ насъ. По сторонамъ шептались, а индѣ и хохотали надъ бѣднымъ суженымъ, которому такъ плохо удался въ настоящую пору громогласный тостъ.

„За третьимъ тостомъ—во славу стариковъ, я налилъ себѣ бокалъ и, привѣтствуя сѣдыхъ моихъ враговъ, хлопнулъ его до дна, пожелавъ имъ отъ души побольше ума и поменьше злобы. Надѣюсь и твердо увѣренъ, что и они тоже отъ души пожелали мнѣ подавиться этимъ бокаломъ. Къ сожалѣнію ихъ, этого не случилось и ужинъ кончился благополучно.

„Всѣ пошли наверхъ. Я сѣлъ близъ Лизаветы Алексѣевны Киселевской, которая, какъ крестная мать, и къ тому же умная, прекрасная и образованная женщина, приняла самое горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ. Они у себя дома составятъ сегодня консиліумъ и рѣшатъ, какъ пособить намъ. Вразуми ихъ Богъ! Я тутъ много высказалъ моей доброй и милой Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

„Въ залѣ танцевали и было шумно-весело. Поздно уже разъѣхались мы домой. Николай Семеновичъ ласково пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за посѣщеніе и мы разстались.

„Со вчерашняго вечера я еще никакъ не поправлюсь. Голова сильно болитъ, ужъ конечно, отъ усердныхъ тостовъ. Впрочемъ, надѣюсь, до свадьбы заживетъ.

„Послѣ обѣда я все разсказалъ генералу. Онъ съ участіемъ слушалъ меня, улыбаясь по временамъ продѣлкамъ моимъ. Нечаянно подошелъ онъ къ термометру, висѣвшему за окномъ: „ѣдутъ!“ сказалъ генералъ. Я взглянулъ въ окно и въ ту жъ минуту, безъ поклона и безъ раздумья, побѣжалъ вонъ изъ кабинета. Цѣпляясь за скобки и скользя по лощеному паркету, я летѣлъ опрометью. Шинель на плечахъ,—и я уже на моемъ извощикѣ качу, самъ не знаю куда. Счастье мнѣ на этотъ разъ благопріятствовало. Близъ магазина

Финке я увидѣлъ Вареньку. Минута,—и я уже сталъ за нею на запяткахъ, любуясь, разговаривая съ нею. Мы заѣзжали въ магазинъ, гдѣ Ольга Семеновна выбрала для себя шляпку. Пока она толковала съ модисткою, я слушалъ разсказъ Вареньки о томъ, что́ говорили ей вчера Кисилевскіе. И, сказать правду, рѣчи ихъ благоразумны, предостереженія правильны; но я надѣюсь на Бога и на Дмитрія Гавриловича—и не боюсь пропасть.

„Я проводилъ Вареньку до Рождественской церкви и разстался.

Декабря 7-го, пятница.

„Въ третьемъ часу воротился я вчера отъ Лычковыхъ. Само собою разумѣется, что продержать меня до такой поздней поры могло что нибудь особенное. Я скажу на это: да, особенное, потому что тамъ была Варенька, потому что все почти время я съ нею сидѣлъ и говорилъ много и долго. Передать все, что сказано было нами, я и браться не хочу: это невозможно. Варенька была счастлива моею любовью; но я... не былъ доволенъ ея нерѣшительностью. Робко и съ сомнѣніемъ идетъ она противъ враждебной намъ партіи — и потому ничего утѣшительнаго не представляетъ въ ожидающемъ обоихъ насъ переломѣ широко развитаго дѣла. Я никакъ не могъ добиться отъ нея рѣшительнаго да. Склонивъ голову, она думала, думала и думала. Жаль мнѣ ея было; но все-таки я не находилъ ее такъ твердою, какъ бы мнѣ того хотѣлось. Теперь уже все противъ нее вооружилось; это послѣдній ударъ, гдѣ враждебная намъ партія сосредоточиваетъ всѣ свои силы, чтобы сокрушить насъ въ конецъ. Марья Ѳедоровна играетъ двуличную роль и тѣмъ отнимаетъ у меня возможность принять противъ нея опредѣленную позицію. Сабинъ, котораго каждое слово ея приводитъ въ отчаяніе, сказываетъ мнѣ ея мысли, прямо вредящія ходу нашего дѣла: но схожусь я съ нею—и Марья Ѳедоровна начинаетъ другую рѣчь, передавая мнѣ все, что дѣлается у нихъ въ домѣ, и какъ бы давая тѣмъ мнѣ въ руки оружіе, которымъ бы я могъ дѣйствовать противъ ожесточеннаго насилія. Однажды, послѣ длиннаго разговора моего съ Варенькою, Марья Ѳедоровна отозвала ее отъ меня и, вѣроятно, прочитала ей сильное нравоученіе. Варенька послѣ этого сказала мнѣ: „кажется, надо будетъ сказать: да“. Но все это только кажется; рѣшительнаго я ничего отъ ней не слышу. Это даже несносно.

„Впрочемъ, любовь ко мнѣ Вареньки выше всего, что можно представить въ этомъ случаѣ. Но что мнѣ въ томъ, если Варенька не будетъ моею? Хорошъ напитокъ; но чѣмъ лучше онъ, тѣмъ томительнѣе мука жаждущаго. Къ концу вечера Варенька дала мнѣ съ руки своей перстень. Это кажется, скажу и я, немножко похоже на рѣшительное да.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Декабря 9-го, воскресенье.

ЗА ГЛУПОЮ перепискою чего — совѣщусь даже сказать, — я совсѣмъ было упустилъ случай видѣться съ Варенькою. Не знаю ужъ по какому вдохновенію я рѣшился повернуть въ Братскій. Вхожу и... у, да какой же я оселъ! Варенька была въ церкви, а я сидѣлъ дома чортъ знаетъ зачѣмъ. Я готовъ былъ посадить себя подъ строжайшій арестъ за такое упущеніе по службѣ, — но сжалился, тѣмъ болѣе, что сама Варенька взяла мою сторону. „Что вы мнѣ скажете новаго?— говорила она, выходя со мною изъ церкви, и въ этомъ, повидимому, обыкновенномъ вопросѣ было такъ много смысла, что я не могъ вдругъ отвѣчать на него. Новаго-то собственно ничего нѣтъ; но у насъ теперь старое одѣвается въ новую кожу, и сдернуть ее съ этого нарумяненнаго и позолоченнаго истукана — вотъ въ чемъ мои хлопоты, моя забота. Удадутся ли они — одинъ Богъ знаетъ; но безъ помощи самой Вареньки — я очень хорошо знаю — не бывать ничему.

„Однако жъ, я заходилъ въ домъ Балабухъ. Горячее, крѣпкое пожатіе руки—вотъ все, чѣмъ подарила меня Варенька. Говорить намъ было нельзя. Марья Ѳедоровна стала въ рѣшительной противъ насъ позиціи. Замѣтивъ, что мой визитъ походитъ на старинный визитъ незванаго татарина, я откланялся, холодно поцѣловавъ принужденно протянутую мнѣ руку Марьи Ѳедоровны. Съ корридора я могъ видѣть грустный взоръ, которымъ провожала меня Варенька.

---

[1] Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VIII, стр. 270.

„Сабинъ потащилъ меня къ Лычковымъ. Съ перваго разу по двусмысленнымъ улыбкамъ и переглядываніямъ я замѣтилъ, что тутъ что-то не просто, и что Лычковы имѣютъ какую-то особенную новость, важную и интересную для меня. Наконецъ, дѣло объяснилось и изъ ожидаемой мною новости вышла порядочная старость.

— Слышали вы, говорила Александрина, — Аристарховъ сюда ѣдетъ?

— Слышалъ, отвѣчалъ я покойно.

— А знаете, что онъ торопится поскорѣе сыграть свадьбу?

— Знаю и это.

— А это знаете, что Николай Семеновичъ откладываетъ свадьбу до пасхи?

— Вотъ этого ужъ не знаю,—сказалъ я, а между тѣмъ думалъ: дай Богъ, намъ нужно время, и если я выиграю его, то вся армія Балабухъ и Аристарховыхъ непремѣнно будетъ разбита. Чортъ возьми! Какъ вѣрны прозорливыя предсказанія моего Платона! Я самъ письмомъ моимъ поставилъ на карту самую драгоцѣнную вещь въ настоящемъ порядкѣ дѣла—время, время. Если эта карта будетъ убита, то банкъ съ-оника сорванъ!..

— Что жъ вы сегодня не въ траурѣ?—спросила меня потихоньку Людмила.

— Это зачѣмъ?

— Какъ же? А Варенька-то? Вѣдь она ужъ не ваша.

— Еще увидимъ. Она для меня еще не умерла; съ ней только кризисъ, переломъ, — а по живому, хоть и умирающему, траура не надѣваютъ. Притомъ, Людмила Семеновна, горе мое глубоко, тоска на днѣ души — и я, какъ юноша, не пущусь въ ахи и охи... Не жалѣйте обо мнѣ, жалѣйте о Варенькѣ; ее вѣдь живую кладутъ въ могилу.

„И я показалъ горькую долю, какая ожидаетъ Вареньку, если она останется такою же, какою мы всѣ ее теперь знаемъ, и какою знаю въ особенности я.

Декабря 12-го, среда.

„Проводилъ я, наконецъ, моего добраго благодѣтеля, ненаглядnаго Дмитрія Гавриловича, и Сержъ мой тоже оставилъ меня—и я теперь круглый сирота. Если бъ и если бъ—то я бы самъ непремѣнно уѣхалъ въ Питеръ,—но какъ оставить тутъ горячо закипѣвшее дѣло? Знаю, что и присутствіе мое не въ силахъ дать благопріятнѣйшаго оборота моимъ обстоятельствамъ,—а все какъ-то покойнѣе, когда до конца сраженія останешься на полѣ. Что-то будетъ, что-то будетъ?

Декабря 13-го, четвергъ.

„Друзья мои! Я сейчасъ изъ театра; я хохоталъ тамъ; но только одному Богу извѣстно, что̀ дѣлалось въ душѣ моей. Да, теперь, кажется, ужъ все кончено. Аристарховъ пріѣхалъ, Варенька уступила, и я—осмѣянъ, я въ дуракахъ. О, если не презрѣнная любовь, то жестоко задѣтое самолюбіе должно взбѣсить меня до послѣдней степени! Впрочемъ, чего жъ тутъ удивляться? И съ чего я взялъ, чтобъ дѣвушка, предъ глазами которой вертятъ алмазную игрушку, не зазѣвалась и не потянулась за нею? Откуда я взялъ вѣру въ постоянство юной любви? Экой я оселъ!

— Что жъ? вы видѣли Аристархова,—спрашивалъ я Чернова, съ трудомъ скрывая жестокое волненіе въ себѣ.

— Видѣлъ,—прилизанный, примазанный, раздушеный.

— А Варвару Николаевну?

— И ее видѣлъ.

— Что жъ она?

— Ничего. Я не могъ не подивиться тому, ка̀къ она ведетъ себя,—точно какъ будто прежде ничего между нею и вами не было. Надобно ужъ рѣшительно отказаться отъ своей воли въ угоду родителямъ, чтобъ идти противъ собственныхъ чувствъ, противъ...

— Не договаривайте, Григорій Семеновичъ...

— Это правда, говорилъ онъ смѣясь,—всего этого надо было ожидать.

„И смѣхъ его сосалъ мое сердце. А онъ безбожно продолжалъ терзать и мучить меня.

„Братцы мои! Мнѣ духъ стѣснило,—охъ, тошно мнѣ! Что будетъ со мною? Жду, страшно нетерпѣливо жду свиданія съ Варенькою—послѣдняго свиданія!

Декабря 15-го, суббота.

„Да, друзья мои,—вотъ такъ-то! Плохо нашему брату съ сѣдиной въ головѣ приниматься опять за старую пѣсню, которую такъ мастерски поетъ лелѣемая небомъ молодость. Поневолѣ приходитъ мнѣ теперь въ голову то, что̀ когда-то я написалъ Варварѣ Николаевнѣ,—слышите ли, я уже зову ее не Варенькою, а Варварою Николаевною. Да, такъ надо,—Вареньки теперь уже нѣтъ, осталась Варвара Николаевна, которая сама спѣшитъ прибавить къ своему титулу бумажную фамилію Аристарховой. Посмѣйтесь, говорилъ я ей нѣкогда...

. . . . . .

Посмѣйтесь, онъ того вѣдь сто̀итъ!
Его напрасно безпокоитъ,
Напрасно такъ волнуетъ кровь
Не кстати пылкая любовь...

„Вотъ и напророчилъ я себѣ. Точно, она мнѣ посмѣялась такъ, какъ смѣется налачъ надъ своей жертвой, какъ, вѣроятно, смѣялся сатана, когда видѣлъ праотцевъ нашихъ, выгоняемыхъ изъ рая. Мало этого,—она продала меня, какъ Іуда, за золото; продала то, чего не купитъ она уже за всѣ блага ея міра. Богъ ей судья! Не произнесутъ уста мои и заслуженнаго ею проклятія за то, что она разбила въ прахъ всѣ лучшія желанія моей души. Какъ Везувій, я скрою лаву страсти подъ ледяною корою мнимой холодности,—и не покажу людямъ моего окровавленнаго сердца....

„Промежутка между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ у меня не было. Вчера поѣхалъ я часовъ въ шесть къ Лычковымъ, а сегодня воротился отъ нихъ часу въ четвертомъ утра. До преферанса я, сказать правду, игралъ преглупую роль мокрой курицы. Это двусмысленное сожалѣніе дѣвицъ, этотъ пытливый дозоръ мужчинъ, которые какъ будто хотѣли взглянуть въ глубь души моей, наконецъ—неудачно принимаемая мною маска веселости,—все это пытало и мучило меня. Противъ воли моей я былъ молчаливъ и грустенъ; отъ сильнаго внутренняго волненія я даже потерялъ голосъ и съ трудомъ могъ говорить.

— Она не стоитъ того, сказала Людмила, какъ бы продолжая рѣчь или отвѣчая на мои жалобы. У меня навернулись слезы. Я отошелъ прочь. Черезъ минуту ко мнѣ подошла Людмила.

— Скажите-жъ мнѣ что нибудь, Людмила Семеновна, кромѣ того, что вы сказали.

— Что-жъ вамъ сказать? Женихъ привезъ Варенькѣ богатую брилліантовую брошку,—она любуется этимъ подаркомъ — и очень весела, весела такъ, что я не могла надивиться ей. Марьи Ѳедоровны я не понимаю. Какъ она можетъ смотрѣть въ глаза Аристархову послѣ того, что говорила объ немъ? Теперь ужъ и нахвалиться не можетъ своимъ зятькомъ. Странно! Но страннѣй всего сожалѣніе о васъ Вареньки: „какъ онъ жалокъ!“—сказала она.

„Я вздрогнулъ.

— Людмила Семеновна! Я вамъ не вѣрю. Она не должна была, не могла сказать такъ. Я знаю ее: она можетъ быть легкомысленна, нетверда, но не безстыдна. Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Она сказала: какъ мнѣ жаль его.

— Это все равно.

— Нѣтъ, не все равно; за ту жалость, которую вы навязали Варварѣ Николаевнѣ, я съумѣлъ бы отомстить ей зло, ужасно. Я навѣкъ отравилъ бы всю ея жизнь; а за сожалѣніе, угадываемое въ ней мною, я много, много-что улыбнусь.

— Однако, мнѣ все-таки странно кажется теперешнее ея поведеніе.

— Что-жъ дѣлать,—она женщина.

„Меня усадили въ преферансъ,—и я игралъ, какъ школьникъ, ко-

торый не умѣетъ отличить туза отъ короля. Не до игры мнѣ было. Въ душѣ у меня былъ другой преферансъ, въ которомъ я съигралъ чуть ли не девять безъ пяти.

„Сегодня, проснувшись съ отяжелѣвшей головой, я унесся думами моими все туда же, все къ ней, которая такъ властительно долго управляла душею моей и потомъ такъ предательски бросила ее, какъ никуда негодную вещь,—и слезы полились на подушку. Да, друзья мои! Простите этимъ слезамъ. Вѣдь онѣ—послѣдняя дань тому чувству, которое волнуетъ, или, можетъ быть, будетъ волновать васъ только въ первый разъ,—я уже отжилъ эту пору, и не могу быть хладнокровнымъ, когда слышу, что судьба начинаетъ пѣть вѣчную память лучшимъ желаніямъ моей души и костлявою рукою останавливаетъ сладкое біеніе сердца, всегда горѣвшаго любовью. Простите, говорю, и даже пожелайте, чтобъ я еще какъ-нибудь заплакалъ такъ.

„Трудно мнѣ было вставать; но еще хотѣлось мнѣ взглянуть на нее, убѣдиться самому въ томъ, что она уже не моя, что и сердце ея не мнѣ уже принадлежитъ,—и я явился въ церковь Заступницы всѣхъ скорбящихъ, но не съ теплою молитвою, а съ грѣшнымъ на этотъ разъ желаніемъ жестоко растерзаннаго сердца. Ея тамъ не было. Я поскакалъ въ Братскій, но и тамъ не увидалъ ея; пролетѣлъ мимо дома нѣсколько разъ, но только одинъ круглый столъ видѣнъ былъ въ окно, тотъ столъ, за которымъ, бывало, сидѣла она вмѣстѣ со мною веселая, страстная, понятно говорившая мнѣ чуднымъ своимъ взоромъ. Я заѣхалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ и, заливъ тоску пѣнистымъ портеромъ, сталъ глупъ и пошлъ до кружения головы.

„Теперь сижу дома и никуда не хочется мнѣ ѣхать. Не хочется потому, что было бы смѣшно показывать мое глупо-задумчивое лицо, а, съ другой стороны, и мнѣ было бы досадно слышать колкія сожалѣнія о томъ, что уже невозвратно потеряно для меня. Но все еще желалъ бы я увидѣть Вареньку, и ей-ей не для того, чтобы наглядѣться на нее, а чтобы сказать ей нѣсколько словъ, которыя, можетъ быть, не такъ будутъ холодны и спокойны, какъ этотъ дневной отчетъ мой.

Декабря 18-го, вторникъ.

„Вечеромъ, не зная куда дѣвать себя, я пошелъ въ театръ. Чудная, превосходнѣйшая игра Сомника на время развлекла меня. Послѣ спектакля я воротился домой. Мой камердинеръ подалъ мнѣ записку мою, которую я посылалъ туда, къ Балабухамъ, съ требованіемъ моего „Музыкальнаго Альбома“. „Варвара Николаевна—говорилъ мнѣ человѣкъ мой—приказала кланяться вамъ десять разъ“. Не обращая вниманія на слова его, я развернулъ записку и увидѣлъ знакомую мнѣ руку Марьи Ѳедоровны и Вареньки.

„Вотъ что писала первая изъ нихъ: „В. И. „Звѣздочку“ Варенька отдастъ, а книги мы не дадимъ; одно утѣшеніе мнѣ, когда она играетъ изъ нея. Она вамъ возвратитъ послѣ ее. Благодарю васъ, что писали вы въ Петербургъ. Будьте здоровы. Желаю вамъ всего лучшаго въ мірѣ. Остаюсь М. Б.“.

„А вотъ приписка Варвары Николаевны: „Отчего вы думаете, что ваши ноты мнѣ теперь не нужны? Я вамъ отдамъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Вотъ „Звѣздочка“ мнѣ не нужна“.

„Такое варварское хладнокровіе той, для которой я жертвовалъ всѣмъ, что было у меня драгоцѣннаго, взволновало мою душу. Я схватилъ перо и вотъ что написалъ въ отвѣтъ имъ:

„Напрасно благодарите меня за то, что я писалъ въ Петербургъ о вашей жалкой радости. Она у меня убила всю энергію моей души, всю такъ прекрасно свѣтившуюся мнѣ будущность, всѣ лучшія надежды моихъ дней. Да, вы вообразить не можете, что̀ эта радость ваша отняла у меня. Богъ судья Варварѣ Николаевнѣ! Я говорю: Богъ судья,—а съ этимъ судьею шутить нельзя. Онъ разберетъ праваго и виноватаго — и страшно отомститъ послѣднему. Знайте, я не призываю на виновницу гнѣва Божія: но придетъ пора — и помните мое слово—придетъ непремѣнно, когда у кого нибудь въ груди подъ брилліантовою брошкою закипятъ жгучія слезы. Не знаю отчего, но я это вижу, вижу, какъ будто это теперь предо мною. Молюсь теперь предъ отмстителемъ моимъ, чтобы онъ отвратилъ судъ свой отъ той, которая за золото продала то, что ужъ никогда не купитъ. Понимаете меня, Варвара Николаевна? Не говорите жъ послѣ этого, какъ вы сказали недавно: „бѣдненькій! какъ мнѣ жаль его!“ Не меня, а васъ мнѣ жаль. У, да и страшно жъ ваше будущее! Постарайтесь поскорѣе убить въ себѣ все, что было въ васъ человѣческаго! Постарайтесь заранѣе сдѣлаться рыльскою купчихой, а не то — вы погибли! Повторяю, не жалѣйте меня, ваше состраданіе послѣ того, что вы дѣлали со мной, хуже остраго ножа. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; вы не жалѣете, а злобно смѣетесь надо мною.

„А генералу, вы думаете, пріятна будетъ моя вѣсть? Что и говорить. Вѣдь вы, Варвара Николаевна, въ глаза ему насмѣялись, и чрезъ васъ я лишился той благосклонности, которую я наравнѣ цѣнилъ съ вашею любовью ко мнѣ. Помните ли, что онъ мнѣ сказалъ о васъ, если вы не устоите? Что—не подписать ли мнѣ ужъ приговоръ его? Какъ думаете? Что говоритъ вамъ ваша совѣсть?

„Идите къ алтарю Божію, но идите, какъ клятвопреступница, какъ... не хочу договорить. Отвѣчайте же потомъ ваше: да; можетъ быть, Богъ не услышитъ, а то какъ разъ обличитъ онъ васъ въ обманѣ. Засыпьте брилліантами то чувство, которое вы питали ко мнѣ. У Аристархова ихъ будетъ пропасть. Но по временамъ я не перестану являться къ вамъ ужасающимъ призракомъ. Съ этой поры я становлюсь неумолимою вашею совѣстью!

„Не радуйтесь и вы, Марья Ѳедоровна. Смотрите впередъ и бойтесь, чтобы Богъ не наказалъ васъ не въ васъ самихъ, а въ вашихъ дѣтяхъ. Благожеланій вашихъ я не принимаю. Нейдутъ они въ разбитую вами мою душу. Да судитъ и васъ Богъ! Да судитъ Богъ и Николая Семеновича! Я мстить вамъ не хочу, хоть и могу, да могу такъ, что вы и представить того не можете. За меня есть другой мститель, посильнѣе, повсемогущѣе меня. Онъ тамъ—откуда къ намъ сходитъ истинная, а не корыстная любовь, забавляющаяся игрушками.

„Въ запискѣ вашей я не понимаю двухъ вещей. Что за утѣшеніе вамъ, Марья Ѳедоровна, когда Варвара Николаевна играетъ вамъ изъ моей книги? Меня, что-ль, припоминаете? Спасибо вамъ! Не нужно! Забудьте, что я когда-то бывалъ у васъ и дѣлился съ вами моими думами, моимъ сердцемъ — забудьте все. Вы говорите, что Варвара Николаевна возвратитъ мнѣ книгу послѣ; нѣтъ, я не приму ее отъ Варвары Аристарховой, — тогда я, не касаясь самъ до ней моими руками, прикажу моему человѣку бросить книгу въ огонь. Теперь же она придетъ ко мнѣ отъ Варвары Николаевны, которая до конца моей жизни останется въ сердцѣ моемъ Варенькою, даже и тогда, когда станетъ Варенька рыльскою купчихою, знаменитою Аристарховой.

„Вы, Варвара Николаевна, тоже спрашиваете меня, отчего я думаю, что мои ноты вамъ теперь не нужны. Оттого, чтобы вы, продавъ мою душу за золото, не продали и книги моей Варварѣ Аристарховой; оттого, что я ужъ не буду пѣть подъ вашъ нѣкогда любимый мною аккомпанементъ; оттого, что вашъ прилизаный и примазаный Никаноръ не найдетъ въ этой книгѣ приличныхъ ему пѣсенъ; наконецъ, оттого, что я разрываю все, что привязывало меня къ вамъ. Не прикажете ли возвратить вамъ разныя бездѣлки, которыя я цѣнилъ, какъ драгоцѣнность? Не велите ли отдать вотъ этотъ букетъ, который поставленъ мною когда-то у иконы Заступницы моей, какъ поручительницы взаимной нашей любви. Все отдать,—вы подарите ихъ своему избранному; можетъ, онъ лучше моего оцѣнитъ ихъ. Впрочемъ, не давайте ему этихъ бездѣлокъ. Онѣ не слишкомъ цѣнны; а для такихъ людей, какъ рыльскіе обожатели, нужны вещи этакъ-съ дорогія, галантерейныя, рублевъ во сто серебряныхъ. Повторяю, все отдать; не отдать только того, что дано мнѣ вами вмѣсто рѣшительнаго „да“. Понимае те меня? Съ этимъ... я стану передъ вами всегда, какъ вѣчный вашъ укоръ, какъ неумолимая ваша совѣсть.

„Вы обѣщали отдать мнѣ книгу въ сентябрѣ мѣсяцѣ, — не изъ Рыльска ли пришлете? Нѣтъ, ужъ лучше сожгите ее тогда; повторяю вамъ, отъ Аристарховой я не приму горсти земли, чтобы посыпать закативіеся въ темномъ гробѣ мои глаза. Слышите ли?

„Звѣздочка“ мнѣ не нужна—говорите вы. Да, точно, она вамъ не нужна. Она такая простая, а вы теперь полюбили брилліантовыя. Жаль только, что первая, хотя и простая, горитъ на небѣ, а брил-

ліантовая зарыта въ глинѣ, да въ грязи. Да, точно, „Звѣздочка“ не нужна вамъ, мнѣ она нужнѣй; да на что жъ вы ее отняли у меня? О, да судитъ васъ Богъ!..

„Варвара Николаевна! Вы знаете мой твердый характеръ, мою стальную душу, — посмотрите жъ, она плачетъ. Пусть же каждый брилліантъ, свѣтящійся на груди вашей, припоминаетъ вамъ во всю жизнь вашу тѣ слезы, которыя (стыжусь сказать) пролилъ я въ эту недѣлю.

„Просите меня, чтобъ я не писалъ о васъ больше генералу. Онъ любилъ васъ, какъ отецъ, онъ отличалъ васъ передъ всѣми, онъ цаловалъ вашу руку, онъ самоотверженно привѣтствовалъ васъ однихъ изъ всего вашего сословія съ днемъ рожденія и съ днемъ вашего ангела—и все это для кого онъ сдѣлалъ? Неужели для рыльской купчихи, неужели даже для фамиліи Балабухъ? О, нѣтъ;—все это для Вареньки, для дѣвочки хорошенькой и умненькой—которую онъ такъ отечески хотѣлъ помѣстить въ томъ кругу, къ которому нашелъ онъ ее способною по ея образованію,—все это для другаго человѣка, который имѣлъ счастіе заслужить высокое вниманіе генерала. Послѣ этого, неужели вы думаете, что мои вѣсти будутъ пріятны ему? Нѣтъ, если я и пишу ему о васъ, то для того только, чтобъ показать, какъ вы насмѣялись надъ его милостями и вниманіемъ. Онъ предчувствовалъ это и отъѣзжая уже ни полъ-слова не сказалъ мнѣ о васъ. Судите послѣ этого, какъ долженъ онъ теперь стыдиться тѣхъ своихъ ласкъ, которыя онъ расточалъ передъ г-жею Аристарховою, и для которой теперь ласки какого нибудь уѣзднаго городничаго будутъ высокою милостію! Поздравляю васъ, почтеннѣйшая madame Аристархова! Презавидная ваша доля! Куча брилліантовъ, ѣсть и пить вы будете много, по аршинамъ отмѣриваемая любовь дражайшаго супруга, вниманіе городничаго и проч. и проч.,—чудо, какъ хорошо!.. Поздравляю васъ!

„Поздравьте и меня. Я замѣтилъ, что генералъ сильно жалѣетъ о своемъ вмѣшательствѣ въ наше дѣло; я отказываюсь отъ должности въ академіи, уѣду, куда глаза глядятъ,—и безъ мѣста, а можетъ быть и безъ чистаго куска хлѣба, буду вспоминать вашу любовь, такъ меня осчастливившую. Поздравьте меня!

„Но довольно съ васъ. Теперь радуйтесь, веселитесь, вѣдь, право, есть отъ чего?“

„Жестоко, но справедливо!...

Декабря 19-го, среда.

„Воротившись домой, я нашелъ у себя отвѣтъ на посланное мною туда письмо. Варенька написала только адресъ, а Марья Ѳедоровна отвѣчала мнѣ вотъ что:

„Викторъ Ипатьевичъ. Что я вчера благодарила васъ, то въ торопяхъ я не помню, о какой радости благодарила васъ и что вы от-

писали въ Петербургъ. При первомъ свиданіи вы поясните мнѣ все, а до того я ничего не понимаю. Я бы писала вамъ много, но нѣтъ словъ для объясненія. Скажу вамъ только, что насчетъ Вареньки у насъ все кончено. Вѣрно такъ Богу угодно, чтобы она улетѣла далеко отъ меня. Остаюсь васъ почитающая Марія Балабуха.

„P. S. Викторъ Ипатьевичъ. Не лишайте меня послѣдней памяти о васъ. Прошу, пусть побудетъ книга ваша у насъ. Я вамъ сама ее доставлю, чѣмъ много одолжите. За мыло благодаритъ васъ отъ души Варенька".

„А Варенька между тѣмъ не потрудилась написать мнѣ и строки... Ужъ чуть ли я въ самомъ дѣлѣ не былъ глупцомъ, когда думалъ найти въ ней что нибудь похожее на мою любовь. Варенька, какъ сказываетъ мой человѣкъ, сама требовала отъ матери своей, чтобъ отдать мнѣ мою нотную книгу. Ай, молодецъ! Я почти увѣренъ, что она успѣшно пользуется моими совѣтами и уже начинаетъ заглушать въ себѣ всякое благородное чувство. Vivat рыльское купечество! Ты взяло надо мною верхъ!..

Декабря 20-го, четвергъ.

„Хоть бы одинъ день въ жизни моей, когда бы я могъ уснуть спокойно, не ожидая къ себѣ на завтра безотвязныхъ кредиторовъ! Это нестерпимо! Только лишь проглянетъ солнышко, только лишь успѣешь перекрестить лобъ, какъ уже начнутъ взадъ и впередъ шнырять эти шмели, жадно высасывая у меня кровь по каплѣ. Право, въ иную пору жизни своей бываешь не радъ. Сергѣй мой, который мотаетъ десятки тысячъ, не вздумаетъ пособить мнѣ самымъ пустякомъ,—разумѣется, для него. Вотъ уже почти полтора года, какъ я питаюсь только надеждою, которая—особенно въ этомъ случаѣ—самая непитательная пища.

— Я сталъ совершенно Vagans Hebreus, или—говоря по-французски—Juif errant. Не знаю, что̀ и дѣлать съ собою. Нигдѣ мѣста не найду. По два, по три раза въ день ѣзжу на Подолъ,—и что жъ? проѣзжая мимо... нарочно отвернусь. Сегодня я увидалъ въ окно Марью Ѳедоровну; она грозила мнѣ что-то, но холодный поклонъ мой былъ ей на это отвѣтомъ.

„У меня обѣдалъ сегодня одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ, П. М. Кузеневъ, пріѣзжавшій ко мнѣ по порученію Варвары Николаевны. Она просила его взять у меня назадъ „Звѣздочку".—Нѣтъ, говорилъ я,—не отдамъ я ей моей „Звѣздочки", хоть бы она сама стала тутъ,—не отдамъ;—и написанный мною когда-то романсъ разлетѣлся въ клочки. Молодой человѣкъ умѣлъ понять мое глубокое огорченіе и выпросилъ у меня для ней два клочка изорванной бумаги. Я отдалъ ему: пусть покажетъ ей.

Декабря 23-го, воскресенье.

„Съ нетерпѣніемъ ждалъ я одного изъ моихъ знакомыхъ, который вчера видѣлся съ нею. Вотъ и пришелъ онъ: но мало того, что безъ утѣшительныхъ вѣстей,—онъ принесъ съ собою смѣхъ и то же кощунство. Мнѣ стало больно. Варенька боится встрѣчаться со мною: видно—у кого изъ насъ больше нечиста совѣсть. Она меня предупреждаетъ, чтобъ я въ клубѣ не сходился съ ея избраннымъ. За кого она тутъ боится? Если за меня, то очень напрасно. Я съумѣю не уронить себя передъ какимъ нибудь рыльскимъ мужикомъ; а ужъ бѣгать отъ него, право, не стану. Посмотримъ, кто изъ насъ больше сконфузится—онъ ли, горделиво теперь протягивающій руку къ тому, что когда-то неотъемлемо принадлежало мнѣ, или я, испытавшій безстыдную измѣну той, которая гласно называлась моею,—посмотримъ.

Декабря 26-го, среда.

„Нуте-съ, вотъ я и изъ клуба. Теперь еще рано, а я ужъ пріѣхалъ изъ клуба; что мнѣ тамъ дѣлать! Играть роль страждущей невинности или поросенка въ мѣшкѣ—это не по моему характеру,—а больше мнѣ тамъ нечего было дѣлать! вотъ я и пріѣхалъ домой, и буду сидѣть дома, и ужъ не поѣду теперь глазѣть попусту на любимыя мною окна.

„О, да какъ же я былъ золъ! Пока еще не пріѣзжала она, пока еще душа моя ныла ожиданіемъ, я давалъ волю мрачнымъ моимъ думамъ; но она явилась—и къ чорту раздумье! Кто это выступаетъ за нею мѣрнымъ, гусинымъ шагомъ? А,—это Аристарховъ. Посмотримъ поближе! Тьфу, чортъ возьми! Хорошъ! Настоящій лавочный сидѣлецъ. Ну, разгуляйся жъ моя злоба! Раскипись, желчь! Терзай дьявольски эту, эту... которая продала меня такъ дешево!

„Я стою за стуломъ будущей madame Аристарховой.

„Она предлагаетъ мнѣ яблоко.

— Благодаримъ-съ за угощеніе; много довольны-съ,—говорю я и не принимаю яблока.

— Посмотрите, продолжаю я, какъ хорошо идетъ это кольцо къ бѣлой перчаткѣ.

— Покажите, говоритъ она.

„Я показываю.

— Отдайте мнѣ его.

— Нѣтъ-съ; оно для меня слишкомъ дорого, — дороже вашей брилліантовой брошки. Конечно, въ галантерейномъ отношеніи брилліанты цѣннѣе, но для меня они ничто противъ этой трехрублевой бездѣлки.

— Правду ли вы говорите?

— Я не бралъ у васъ уроковъ обманывать.

„Она вспыхнула. На глазахъ ея появились слезы.

— Довольны ли вы сегодняшнимъ вечеромъ? спросила она нѣсколько времени спустя меня.

— Больше, чѣмъ прежними другими.

— Отчего же такъ?

— Оттого, что вижу васъ въ счастливой парѣ.

— Аскоченскій! — сказалъ мнѣ графъ Мелинъ, — ты ужасно дерзокъ.

— Не хочешь ли стрѣляться со мною.

— Пожалуй.

— И, полно, братецъ, стоитъ ли рисковать благосостояніемъ лба изъ-за такихъ пустяковъ.

„Еще кончился контрдансъ. Она сѣла. Какъ тѣнь ея — я снова очутился за ея стуломъ.

— Не правда ли, Варвара Николаевна, я очень веселъ?

— Не знаю, васъ трудно понять; я держусь въ этомъ случаѣ того, что вы сказали о себѣ:

„Я не легко читаемая книга".

— Кстати. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы ту книгу, изъ которой взяли этотъ стишокъ, сожгли.

— Вамъ развѣ хочется этого?

— Отъ всей души.

— Будетъ по вашему.

— Прекрасно! Меньше воспоминаній—легче сердцу.

„Мы ходимъ по залу.

— Вы со мной танцуете, — говоритъ она, обращаясь къ графу Мелину.

— Виноватъ, но я долженъ отказаться, надѣясь, что въ слѣдующее собраніе я буду имѣть это счастіе, отвѣчаетъ онъ.

— Да вѣдь вы ѣдете скоро.

— Тѣмъ лучше,—подхватилъ я,—кстати и вы ѣдете.

— О, я еще не скоро.

— Помилуйте, да вы ужъ и теперь далеко отъѣхали, по крайней мѣрѣ, станціи на двѣ. Поглядите-ка кругомъ. Предметы все новые, виды другіе—и все, что прежде такъ рисовалось кругомъ васъ, осталось позади.

— Такъ вы хотите, чтобъ я истребила ту книгу,—заговорила она, стараясь перемѣнить тяжелый для нея разговоръ.

— Хочу, очень хочу.

— Но все-таки, зачѣмъ же?

— Затѣмъ, чтобъ она послѣ не попалась въ нечистыя руки.

„И ее умчали отъ меня въ шумномъ вальсѣ.

„Черезъ нѣсколько времени графъ Мелинъ подошолъ ко мнѣ и сказалъ: „она велѣла передать тебѣ стихъ изъ Гамлета:

„Онъ смѣется надо мною,—
Что жъ мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?“

„Я подошелъ къ ней:

— Вамъ хочется слышать отъ меня отвѣтъ на вашъ Гамлетовскій вопросъ? Извольте.

„Что вамъ дѣлать? Какъ вамъ быть?
Жениха свово любить,
Полюбовно вмѣстѣ жить,
И судьбу благодарить—
И всѣмъ людямъ говорить:
Моего вы знали друга?
Онъ былъ рыльскій молодецъ,
Въ круглой шляпѣ толстый парень
Первой гильдіи купецъ!“

„Но я уже увидѣлъ, что моя злость выступаетъ изъ границъ. Кровь клокотала въ груди моей, высоко воздымавшейся. Я худо владѣлъ собою. Ѣхать—сказалъ я себѣ,—и меня ужъ нѣтъ тамъ.

„И прекрасно! теперь я домосѣдъ.

„Боже мой, Боже мой! Какъ близко было ко мнѣ мое счастіе! И гдѣ оно теперь?..

Декабря 27-го, четвергъ.

„За все, что дѣлалъ и говорилъ я вчера, меня мучитъ раскаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, за что я такъ терзалъ дѣвушку, которую задавили насиліемъ? Мнѣ стыдно, право, стыдно. Развѣ мало мнѣ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя въ иную пору купилъ бы цѣною цѣлыхъ грустныхъ дней? Эхъ, Боже мой! не терзать насмѣшками, а благодарить бы мнѣ ее слѣдовало — за то, что она

„...пустой презрѣвъ толпой
Досужихъ сплетниковъ, на мой закатъ печальный
Явилась хоть взглянуть—и съ любящей душой
Меня привѣтствовать съ улыбкою прощальной“.

„Нѣтъ, какъ угодно, а еще много, много у меня глупаго, юношескаго! Теперь бы я готовъ стать на колѣни передъ милою Варенькою и умолять ее забыть всѣ дерзости, на которыя я былъ такъ нескупъ вчерашній день.

„Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ!
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ“.

Развязка столь романическаго сватовства должна была, разумѣется, оставить надолго глубокій слѣдъ въ душѣ Аскоченскаго. Желчное настроеніе, гнетъ раскаянія за свои увлеченія и желаніе скрыть свои огорченія отъ назойливаго участія досужихъ людей,—все это проглядываетъ теперь въ каждой строкѣ дневника. Изрѣдка только самолюбіе его подъискиваетъ въ свою пользу успокоительныя объясненія.

„Но вотъ, однако жъ, встрѣча, такъ встрѣча“—пишетъ Аскоченскій 23-го января (1846 г.)—совсѣмъ неожиданная. Марья Ѳедоровна и Варвара Николаевна... холодно и вѣжливо откланялся я имъ; Марья Ѳедоровна отвѣтила мнѣ, по обычаю, низкимъ и двусмысленно ласковымъ поклономъ, а дочка ея потупила внизъ глаза и промелькнула мимо меня такъ, какъ будто бы я ей вовсе былъ незнакомъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, не такъ. Можетъ быть, въ сердцѣ ея глубоко залегла грусть о счастіи, которое оба мы когда-то сулили себѣ такъ безразсчетно, такъ обольстительно; можетъ быть, Гамлетовскій вопросъ о жизни измучилъ ея душу, широко раскрывшуюся для всего прекраснаго и изящнаго; можетъ быть, ей — этой милой Бабетѣ—больно взглянуть въ блистающую свѣтомъ даль минувшаго, гдѣ стою я самъ неотразимымъ упрекомъ ея совѣсти и грустнымъ памятникомъ лучшихъ дней, святыхъ желаній, упоительно блаженныхъ надеждъ; можетъ быть, для ея понятливой души больно сравненіе настоящаго и ожидающаго ее быта съ тѣмъ, который мы сами когда-то создавали себѣ, мечтая одни или на балконѣ, при тускломъ свѣтѣ выкатывающейся изъ-за облаковъ луны, или въ углу залы, чуть-чуть озаренномъ сомнительнымъ свѣтомъ двухъ нагорѣвшихъ свѣчей. Все это можетъ быть—и кто послѣ этого не отворотится, прикованный, какъ Прометей, къ скалѣ страданія отъ чудной долины радостей, недоступныхъ уже страдальцу. Легче не видать, легче совсѣмъ ослѣпнуть, чѣмъ вѣчно мучиться, сидя въ мрачной темницѣ и тоскуя по солнцу, рѣющему въ прекрасномъ, голубомъ эѳирѣ... Но оставимъ. Я замечтался. Это, друзья мои, аккордъ финальный, уже замирающій; это послѣднія ноты requiem'а, которыя я пою моему прекрасному минувшему“.

Настоящее же, дѣйствительно, обѣщало мало отраднаго...

V.

Служба въ Житомірѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Житоміръ. — Матеріальное положеніе Аскоченскаго. — Бѣгство отъ кредиторовъ.—Прозелитизмъ въ литературномъ мірѣ.—Вторичная женитьба. — Раскаяніе въ прежнихъ увлеченіяхъ. — Міръ подъячества, окружавшій Аскоченскаго. — Вице-губернаторъ — покровитель доноса и ябеды. — Подъячій оригиналъ.—Характеристика П. И. Карпенка.—Отзывы о сослуживцахъ Аскоченскаго: о Квистѣ, князѣ И. И. Васильчиковѣ, Львовѣ, Ключаревѣ, Карпиловичѣ, Шванебахѣ, Малаховскомъ, Саноцкомъ, Посниковѣ, Волковѣ, Яшинѣ, Новицкомъ, Качурѣ, Чернявскомъ, Лукьяновѣ, Опоцкомъ, Барановскомъ и Шаржинскомъ.—„Подъячіе разбойники".—Непріятности по службѣ.—Тогдашніе выборы въ общественныя должности. — Грабовскій. — Изолированность Аскоченскаго отъ общества. — Озлобленіе противъ него. — На прощаніе съ Житоміромъ.

Однимъ изъ послѣдствій сватовства за В. Н. Балабуху была необходимость перемѣнить родъ службы. Надежды на счастливый финалъ его романа, какъ мы видѣли, не покидавшія Аскоченскаго, заставили его согласиться на предложеніе Д. Г. Бибикова бросить ученую карьеру и искать болѣе обезпеченнаго положенія. Отступать было нельзя даже послѣ неудачной развязки. Бибиковъ зачислилъ его въ свою секретную канцелярію и Аскоченскому, въ ожиданіи новаго назначенія, пришлось испытывать непріятность неопредѣленнаго положенія.

„Я теперь (23-го января 1846 г.)—какъ бы вамъ сказать? чиновникъ, служащій вездѣ и нигдѣ. Сейчасъ вы видѣли меня за профессорскимъ столикомъ, и весьма основательно заключили, что я, точно, профессоръ. Но вотъ я въ канцеляріи, толкую о дѣлахъ судейскихъ, на меня смотрятъ вотъ эти молодые, образованные юристы, какъ на товарища своего, и вы не знаете, что обо мнѣ подумать, вы обращаетесь ко мнѣ съ вопросительнымъ видомъ и я отвѣчаю вамъ улыбкою, изъ которой ни вы, ни я, ничего не поймемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я теперь такое? По всему городу разнеслось, что я уже совѣтникъ житомірскаго губернскаго правленія, всѣ поздравляютъ меня, жмутъ отъ души руку, желая про себя сломить мнѣ шею, а между тѣмъ я самъ долженъ отклонять отъ себя эти поздравленія по весьма простой причинѣ,—слишкомъ они ранни. И мнѣ приходитъ тутъ на умъ предостерегательная пословица: „рано ты птичка запѣла, какъ бы тебя кошка не съѣла". И опять-таки остается нерѣшеннымъ вопросъ: кто жъ я такое?"

Недѣлю спустя, Аскоченскій отмѣчаетъ въ дневникѣ:

„Говорятъ, по первому дню въ мѣсяцѣ можно заключить, какъ проведешь цѣлый мѣсяцъ. Посылка въ этомъ случаѣ вѣрна, по крайней мѣрѣ, для меня. Я встрѣтилъ первый день января за стаканомъ портеру и за бокалами шампанскаго — и вотъ впродолженіе почти всего мѣсяца хрусталь часто вертѣлся въ рукахъ моихъ, опорожняе-

мый отъ влаги и шипучей, какъ юность, и скромной, какъ купеческій женихъ передъ невѣстою. Теперь, если позволено дѣлать отъ частнаго заключенія къ общему, думать надобно, что такъ же проведу я и цѣлый годъ. Но это, напередъ вамъ скажу, невѣрно. Я не захочу означать каждый день, даже каждую недѣлю опорожненными бутылками, потому что это была бы самая глупая отмѣтка. Между прочимъ, замѣтилъ я, что этотъ мѣсяцъ былъ крѣпко для меня скученъ; никогда еще унынiе не овладѣвало мною такъ сильно, какъ въ нѣкоторые дни прошедшаго мѣсяца: и боюсь пророчествовать, чтобы начало не пошло потомъ на продолженiе и не довело меня до конца"...

Къ непріятностямъ неопредѣленнаго положенія Аскоченскаго присоединилось въ это время еще крайнее безденежье. О немъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ, занесеннымъ въ дневникъ 6-го февраля:

„Не удивляйтесь, господа, такому скачку въ моемъ дневникѣ [1]). Вы поймете его, если узнаете, что съ самаго понедѣльника (4-го) совсѣмъ не былъ, даже не ночевалъ дома. Не удивляйтесь и тому, если я не обстоятельно разскажу вамъ, гдѣ и почему, тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ ночевалъ я. Никто бы, клянусь вамъ, не выгналъ меня изъ дому, если бы не эти кредиторы, съ утра до ночи осаждающiе всѣ мои двери и пытающiе меня рѣшительно по-инквизиторски. Рекомендую, милостивые государи, если кто хочетъ совсѣмъ лишиться спокойствiя, потерять сонъ и аппетитъ, тотъ пусть постарается задолжать такъ, какъ задолжалъ я — и вдобавокъ, пусть увидитъ впереди самые ничтожныя надежды отдѣлаться отъ этихъ ужасно нестерпимыхъ визитовъ моихъ нежданыхъ посѣтителей. Боже мой, хоть бы одинъ мѣсяцъ, одинъ день, вздохнуть мнѣ безъ этихъ дьявольскихъ долговъ! Вотъ, слышите ли? У дверей моихъ уже стучится одинъ кредиторъ. Я притихъ и боюсь даже скрыпомъ пера дать знать, что я тутъ, дома. Прошу покорно предаваться въ такомъ случаѣ liberalibus litteris, когда голова поминутно вертится то къ окну, то къ двери, когда ухо на сторожѣ—и безпокойство убиваетъ всякій экстазъ души!.. Не зная, куда дѣваться, я пустился на удалую шататься, и эти дни, глупо проведенные мною, вычеркнуты изъ короткаго списка порядочныхъ дней моей жизни. Не хочу и вспоминать объ нихъ. Боже мой! что еще впереди будетъ со мной!"...

Кредиторы рѣшительно атаковали Аскоченскаго, а между тѣмъ жалованье въ это время онъ не получалъ ни изъ академiи, ни изъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Если что и давало ему нѣкоторую, впрочемъ, весьма скудную поддержку, такъ это его литературныя произведенiя. Къ тому времени относится появленiе въ свѣтъ стихотвореній и „Исторіи русской литературы". Но тогда уже, бу-

---

[1]) Пропущены два предшествующіе дня, т. е. 4-е и 5-е февраля.

дучи еще неофитомъ въ литературѣ, сознавалъ онъ ясно, какія трудности ожидаютъ каждаго прозелита на этомъ тернистомъ пути.

„Господа прозелиты въ мірѣ литературномъ!“ пишетъ онъ подъ 10 мъ іюля. „Когда придетъ вамъ охота явиться печатно, возьмите на себя иго терпѣнія, будьте кротки и смиренны сердцемъ—и тогда только вы обрящете покой думамъ вашимъ. Знаю, но опыту знаю, что иго это не благо и бремя это не легко есть, ибо вамъ придется столкнуться со всѣмъ, что имѣетъ унизительнаго раздражительный эгоизмъ человѣка. Начать съ того, что на васъ будутъ уже всѣ смотрѣть, какъ на писателя, на сочинителя. Съ этимъ словомъ большая часть рода человѣческаго соединяетъ понятіе о такомъ опасномъ существѣ, которое вреднѣе для общества сулемы, который выброситъ грязь, скрываемую въ душѣ этимъ грязнымъ обществомъ, который поэтому есть врагъ порядка, который ни къ чему не годенъ—и плохой чиновникъ, и вольтерьянецъ по правиламъ. Но вы не обращаете вниманія на эти жалкіе предразсудки; вы печатаете себѣ и книга ваша вышла въ свѣтъ. Хорошо, если состояніе ваше позволяетъ вамъ бросить сотни двѣ серебряныхъ рублей на-авось, вы хладнокровно будете смотрѣть на пирамиду, составленную изъ печатныхъ экземпляровъ вашего творенія, вы, пожалуй, безъ значительнаго ущерба для себя, раздарите ваше сочиненіе своимъ знакомымъ въ знакъ, дескать, глубокой расположенности. Но худо, очень худо, если на изданіи своемъ вы основали какіе нибудь меркантильные разсчеты и если къ тому жъ имя ваше недавно явилось печатнымъ. Не пособитъ этому горю и то, что ваше сочиненіе полно всякаго рода совершенствъ. Это даже тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ больнѣе слышать близорукія сужденія литературныхъ Катоновъ, съ которыми вы даже и спорить не можете „по прикосновенности къ разбираемому и осуждаемому дѣлу“. И знаете ли что,—легче, во сто разъ легче, перенести горделиво безтолковый приговоръ, произносимый вашему сочиненію, какъ никуда негодному, и вамъ самимъ, какъ человѣку, который взялся не за свое дѣло. Тутъ, по крайней мѣрѣ, можно утѣшиться, молча и не отвѣчая ни слова на безтолковую брань. Но горе, если ваше сочиненіе попадется въ руки недоученому ученику и если онъ въ порывѣ многознайства начнетъ теребить вашу книгу своими мучительными сужденіями и взглядами. Во-первыхъ, вы видите, что онъ не понялъ васъ, даже не хочетъ понять и сердитъ на васъ потому только, что ваши мысли не сходятся съ его мыслями; во-вторыхъ, онъ хвалитъ у васъ то, что по законному порядку идетъ заурядъ и чинно, и хулитъ напропалую тѣ мѣста, которыя долго не давали вамъ заснуть спокойно и которыя вышли на бумагу съ вашею плотію и кровію. Знаете, на что походитъ эта пытка? На то, если бы передъ вашими глазами уродовали ваше дитя и доказывали въ то же время, что этакъ будетъ гораздо лучше. Попробуйте сохранить въ такую пору стоическое хладнокровіе! Трудно, а неизбѣжно, ибо иначе вашъ кри-

тикъ, серьезно разсуждающій о вашей книгѣ, засмѣетъ васъ, если вы горячо вступитесь за то. Только въ случаѣ крайней нужды защищайтесь, и то съ готовностью уступить при крикахъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ судіи такого рода. Разумѣется, на каждомъ шагу васъ ожидаютъ грубости. Терпите, непремѣнно терпите, ибо на то вы и призваны. Какъ вы смѣли, въ самомъ дѣлѣ, возвышать свой голосъ и занимать публику, когда вотъ, напримѣръ, его превосходительство, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ орденомъ на шеѣ, молчитъ, и если позволяетъ себѣ говорить, то развѣ только о томъ, что вчера оно изволило сыграть семь безъ прикупки, имѣя на рукахъ всего самъ-четвертъ туза козырей съ маленькими, или когда вотъ его высокоблагородіе, служившее на флотѣ и знающее Камчатку, какъ свой кошелекъ, позволяетъ себѣ только такъ, между друзьями, поразмазать диковинныя вещи, въ родѣ не любо—не слушай, а лгать не мѣшай, или когда вотъ они, честь имѣющіе быть ординарнымъ профессоромъ при университетѣ и самимъ небомъ призванные дѣятели учености не печатаютъ себя, отдѣлываясь въ министерскихъ отчетахъ вѣчною обдѣлкою никогда небывалыхъ на бумагѣ и глупо импровизируемыхъ лекцій. Какъ это можно! Да кто вы такой? Да какъ вы?.. Да что вы, изъ призванныхъ что ли? Подъ судъ васъ, подъ неумолимый литературный судъ!.. И вотъ вслѣдствіе этого является въ какомъ нибудь журналѣ или газетѣ статья, въ которой не пропущена ни одна опечатка, гдѣ вы разбранены по-извощицки, гдѣ вы просто-на-просто названы безтолочемъ, съ пересыпкою другихъ такого же рода вѣжливыхъ выраженій... Но вы уныли, прозелитъ литературный! Богъ съ вами! Трудитесь, работайте, если у васъ есть силы, пишите и печатайте, помня русскую пословицу: собака брешетъ, а баринъ ѣдетъ. Та же толпа, которая теперь, съ голосу вашего критика, бранитъ васъ и смѣется вамъ въ глаза, будетъ аплодировать вамъ безъ устали, какъ скоро вы, не сморгнувъ, встрѣтите первый бѣшеный натискъ ея, возбужденный опіумомъ желчной критики журналиста. Слушайте не эту пустую, безмозглую толпу, а людей образованныхъ, истинно ученыхъ. Если, впрочемъ, ужъ и они сказали, что вы не умѣете владѣть литературнымъ перомъ, тогда бросьте его и беритесь за рапорты и отношенія. Если же ваше твореніе успѣло заслужить одобреніе двухъ-трехъ крѣпкихъ головъ, то ступайте съ Богомъ своею дорогою!“...

Аскоченскому, однако, не удалось скоро попасть на эту дорогу. Теперь ему предстояла совсѣмъ не соотвѣтствующая ни его характеру, ни его умственному кругозору и нравственному уровню карьера чиновника, на которую волей-неволей толкнула его судьба. Но прежде чѣмъ покинуть Кіевъ, Аскоченскій успѣлъ въ весьма короткое время отыскать себѣ невѣсту. Этотъ эпизодъ вторичнаго сватовства увѣнчался успѣхомъ, словно для того, чтобы въ результатѣ доставить Аскоченскому новое испытаніе и приблизить начало безповоротнаго пере-

лома въ его жизни. Прочитывая дневникъ 1846 г., случайно попадаешь подъ 9-мъ августа на замѣтку, какихъ не мало встрѣчается и подъ другими числами, замѣтку, ничего особеннаго не предвѣщающую. Замѣтка гласитъ:

„Еще одно знакомство, и очень пріятное. У Панферова есть старшая дочка, которая поетъ премило. Не съ большимъ, но мелодическимъ голосомъ, она манерою своею припоминаетъ мнѣ Лидію, и вечеръ, проведенный мною въ этомъ семействѣ, есть лучшій изъ вечеровъ, которые попадаются въ моемъ дневникѣ".

И только. Черезъ десять дней, именно подъ 20-мъ августа, находимъ уже слѣдующее заявленіе по поводу этого знакомства:

„Это у меня новое знакомство, случайно сведенное мною у здѣшняго почтмейстера. Впрочемъ, я такъ точно писалъ объ этомъ подъ 9-мъ числомъ, слѣдовательно и толковать много нечего. Но не подумайте, чтобъ я, по привычкѣ моей, и тутъ влюбился. Нѣтъ, Надина не изъ такихъ дѣвицъ, которыя способны шевелить самое влюбчивое сердце. Она не казиста собою, и строгая критика много найдетъ недостатковъ въ ея ненарочитомъ лицѣ; но при всемъ томъ, я не безъ удовольствія просиживаю съ нею по нѣскольку часовъ. Ея восхитительная, мастерская игра, ея милое пѣніе, а главное—какая-то умная манера,—все это невольно приковываетъ къ себѣ человѣка такой категоріи, какъ я. До смерти люблю, когда душа находитъ сочувствующую себѣ душу! Какъ-то довольнѣе становишься самъ собою, и чувствуется лучше, и разсуждается умнѣе".

А на другой день Аскоченскій пишетъ:

„Странная у меня натура! Вѣдь, нечего грѣха таить, скоро стукнетъ мнѣ полторы четверти вѣка, и въ головѣ подозрительно проглядываетъ волосъ сѣдой, и кровь какъ-то холоднѣе бѣжитъ въ моихъ жилахъ, а все порывается сердце на любовь. Что же это такое? Неужели не придетъ для меня пора сказать: полно?—Что, братъ, скажете вы, плутовски наклонясь къ моему лицу,—или Надина-то того?... Нѣтъ, господа, не то, чтобы... а такъ какъ-то... но, ей-Богу, она чудесная дѣвушка, даромъ что не красавица. Попробуйте-ка, но моему, просидѣть съ нею, да попѣть, да поговорить, такъ вы и забудете про все, чего обыкновенно ищетъ въ дѣвицѣ влюбчивая молодость. Если бы этой дѣвушѣ да покрѣпче здоровье! А то былинка былинкою. А ужъ мнѣ эти эфирныя созданія дались знать. Но знаете ли что? Лучше годъ счастья, чѣмъ десятки лѣтъ скуки съ какою нибудь намазанною куклою, умѣющею только пироги печь, да сплетничать! Что-то Богъ дастъ, а я жалѣю, что нѣтъ теперь въ городѣ моего отца и командира—Дмитрія Гавриловича. Съ нимъ бы я пораскинулъ умомъ-разумомъ".

Но, послѣ такихъ предательски-успокоительныхъ размышленій, не представлялось уже надобности въ чьихъ бы то ни было совѣтахъ. Подъ 8-мъ сентября находимъ слѣдующую замѣтку:

„Были-таки въ моихъ дневникахъ пропуски, но такого важнаго еще не бывало. Въ эти немногіе дни [1]) столько передѣлалось, что будь это въ пору кипѣнія юношеской крови, читатели мои имѣли бы несчастіе просидѣть, по крайней мѣрѣ, битыхъ часа два за моимъ дневникомъ. Однако жъ слушайте и поучайтесь, господа! Да, поучайтесь. Неисповѣдимы судьбы Промысла Божія!

„Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту,
Долго носила земля сироту,
Долго я въ сердцѣ носилъ пустоту...

„Наполнилась-было эта пустота однимъ созданіемъ, мною самимъ возведеннымъ въ драгоцѣнный перлъ, но его вырвали у меня, обмазали грязью, и само-то созданіе успокоилось, видя себя въ теплотѣ грязной и не отражая безпокоившихъ его жгучихъ лучей солнца. Я простился съ этимъ созданіемъ, кощунственно осмѣявъ свои собственныя чувства и желанія.

„И снова сталъ я сирота!
И снова въ сердцѣ пустота!

„Но дивны и неисповѣдимы судьбы Божіи! Невидимо посланъ мнѣ ангелъ, съ которымъ теперь объ руку пойду я по тернистому пути моей жизни. Поздравьте меня, други и недруги мои: Наденька моя, моя навсегда, до моей или до ея гробовой доски. 4-го числа, замѣтьте этотъ день, я благословленъ; да, благословленъ. О, Боже мой! Удержи волны твоего несказаннаго ко мнѣ милосердія! Такъ много счастья, такъ много любви!...“

8-го сентября Аскоченскій уѣхалъ въ Житоміръ и съ этого числа вплоть по 6-е декабря нѣтъ ни слова въ дневникѣ; но изъ дальнѣйшихъ замѣтокъ видно, что свадьба его состоялась 10-го ноября, а 23-го молодые выѣхали изъ Кіева. Подъ 6-мъ декабря читаемъ:

„Опять начинаются сказанія мои и снова предстаетъ предо мною семейная жизнь съ ея неизбѣжными хлопотами, съ ея думами, съ ея радостью и горемъ и, наконецъ, съ тѣмъ счастьемъ, отъ котораго я было отказался и которое я нашелъ въ моей чудной, несравненной Нѣжинькѣ“.

Соображая то, что теперь съ нимъ сбылось, съ тѣмъ, что было недалѣе какъ за годъ тому назадъ, Аскоченскій готовъ уже вѣрить, что все свершается къ лучшему. Онъ радъ теперь за неудачный исходъ своего сватовства за В. Н. Балабухой, онъ старается увѣрить себя, что ничего добраго не сулила бы жизнь съ нею.

„Я“—пишетъ онъ 9-го декабря—„обращаюсь къ самому себѣ съ вопросомъ: могла ли меня любить такъ же, какъ любитъ Нѣжинька, она, которую я святотатственно называлъ моимъ вдохновительнымъ

[1]) Съ 26-го августа по 8-е сентября.

геніемъ? Успокоилась ли бы на ней вѣчно алкающая любви душа моя? Нашелъ ли бы я счастье съ тою, которая только силою моей, а не своей воли отрывалась на нѣсколько минутъ отъ блестящихъ бездѣлокъ суетливой моды? Нѣтъ, нѣтъ и милліонъ разъ нѣтъ! Любовь Бабеты была вспышка сердца, мной самимъ возбужденнаго къ этому высокому чувству. Это не была потребность духа, исподоволь и произвольно, разумно сознавшая ничѣмъ ненаполняемую пустоту буденной жизни; это не была привязанность, родившаяся тихо и таинственно, а это походило на крѣпость, сдавшуюся отъ сильной блокады крѣпкаго и могучаго непріятеля. Бабета могла бы любить меня до тѣхъ поръ, пока я самъ не переставалъ бы раздувать насильно въ ней пламень любви; привыкнувъ къ прихотямъ моды, она скоро осуетилась бы, и моя душа отвергла бы ее, а за этимъ началась бы жизнь—каторга...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

НѢТЪ, друзья мои, еще разъ повторяю вамъ: я не могъ бы долго любить Бабету. Я стоялъ слишкомъ выше ея, и стало быть имѣлъ бы мало къ ней уваженія; создавъ самъ для себя кумиръ, я легко могъ и разбить его—и разбилъ бы въ дребезги, наскучивъ убирать его по праздничному и прикрывая пятна, вросшія въ него отъ природы и воспитанія. Не для сравненія и не для параллели скажу о моей Нѣжинькѣ, а для того только, чтобъ показать, на чемъ можетъ держаться до гроба любовь моя къ ней: на томъ высокомъ, безпредѣльномъ, благоговѣйномъ уваженіи, которое она часъ-отъ-часу болѣе и болѣе внушаетъ мнѣ своими неувядаемыми отъ времени совершенствами"...

Несмотря на привлекательность семейной жизни, она все-таки не въ состояніи была уравновѣсить всѣ непріятности, какія Аскоченскому на первыхъ же порахъ пришлось испытывать въ новой обстановкѣ.

„Это ужасъ!" пишетъ онъ подъ 12-мъ декабря. „Сидѣть въ присутствіи до половины пятаго. Терпѣнья человѣческаго не станетъ. И добро бы дѣломъ занимались, а то пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее и очень довольны, какъ будто рѣшили такую вещь, отъ которой зависитъ благосостояніе края. Тошно смотрѣть на эту пустоту чувствъ и мыслей и вѣрить не хочется, чтобъ всѣ эти люди въ шитыхъ золотомъ мундирахъ имѣли что нибудь въ себѣ истинно человѣческое. Это—ходячія статьи свода законовъ, статьи сухія, безсмысленныя, безусловно исполнительныя".

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VIII, стр. 502.

Или вотъ еще замѣтки о томъ же предметѣ:

„Что это за міръ, что это за люди, между которыхъ бросила меня судьба моя! Всѣ они твердятъ о благородствѣ, противорѣча изъ всѣхъ силъ дѣлами рѣчамъ своимъ; всѣ кричатъ о законахъ, забывая законъ нравственный и вопль совѣсти, вопіющей въ пустынѣ. Правительство видитъ это и уже гонитъ это безграмотное подъячество, сильное только формою закона“ (20-е января 1847 г.).

„Не весело, тяжело съ этимъ окружающимъ меня людомъ. Гляжу около себя—и не вижу образа человѣческаго. Все это интриганы, жалкое подобіе того существа, которое, какъ говоритъ апостолъ, „малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ“. Невольно приходитъ въ голову Шиллерова грустная дума, и я повторяю про себя іереміаду истиннаго поэта, понимавшаго высокое назначеніе человѣка и оплакивавшаго его ничтожность.

„Странны настоящія мои отношенія къ товарищамъ моимъ по службѣ. Я не ихъ десятка, ни по мыслямъ, ни по направленію моей дѣятельности. Это—народъ, который готовъ торговать и честью, и совѣстью своею, если бъ то и другое у нихъ было. Являясь въ присутствіе, я гоню отъ себя всякую восторженную рѣчь, все, въ чемъ проглядываетъ истинное, благородное чувство. Я молчу и слушаю только самыя низкія, подъяческія сплетни“...

Аскоченскій самъ сдѣлался вскорѣ жертвою этихъ сплетенъ.

„Интриги поминутно растутъ, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. Сегодня (12-го апрѣля) я узналъ, что и вице-губернаторъ присоединился къ оппозиціонной противъ меня партіи. Вотъ странный человѣкъ! Объ немъ рѣшительно можно сказать поговорку малороссовъ: „сбывся съ пантелыку“. Сначала дѣятельный, трудолюбивый, находчивый—онъ съ тѣхъ поръ, какъ поссорился съ губернаторомъ, исключительно сталъ заниматься сплетнями и дошелъ, наконецъ, до того, что началъ писать доносы и ябеды. Онъ теперь въ томъ положеніи, въ какомъ бываетъ помѣшанный, который воображаетъ, что всѣ противъ него имѣютъ злые умыслы, и потому Гайворонскій въ каждомъ ничего не значащемъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ, сказанномъ вовсе не на счетъ его, открываетъ какую либо интригу противъ себя. Запутавшись въ сплетняхъ, онъ теперь протежируетъ людей, заклейменныхъ или общимъ недовѣріемъ, или отъявленныхъ негодяевъ. Стоитъ только сдѣлаться доносчикомъ и ябедникомъ, чтобъ стать въ близкихъ сношеніяхъ съ Гайворонскимъ. Хитрый по натурѣ, какъ малороссъ, онъ думаетъ все и всѣхъ употреблять средствомъ для достиженія ему одному извѣстныхъ цѣлей, и есть люди, которые отъ души вѣрятъ въ его благонамѣренность и откровенность, между тѣмъ какъ то и другое существуетъ у него на словахъ однихъ. Трудно было мнѣ подладить подъ такой двусмысленный характеръ, но я подладилъ и по силѣ моей подлаживаю доселѣ. Но хитрецъ, однако жъ, проникъ, что я въ этомъ случаѣ дѣйствую немножко макіавелевски,

и я увѣренъ, что Гайворонскій при первой минутѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность повредить мнѣ безъ ущерба для себя, сдѣлаетъ это съ полнымъ убѣжденіемъ въ благородствѣ своего поступка.

„Нельзя позавидовать теперешней его жизни. Подозрительный, недовѣрчивый, онъ очертилъ около себя какой-то магическій кругъ, въ который допускаетъ только такихъ людей, которые или почему нибудь ему нужны, или сплетничаютъ на-пропалую. Въ обществѣ съ нимъ нѣтъ болѣе рѣчей, какъ только о поступкахъ враждебнаго ему Каменскаго, нѣтъ разсужденій, кромѣ самыхъ сплетническихъ и подъяческихъ. Еще по улицамъ бродятъ праздныя толпы, еще не умолкъ шумъ и говоръ отъ суетливаго народа, а у Гайворонскаго уже закрыты ставни и по временамъ втихомолку пробирается къ нему кто либо съ закрытымъ лицомъ, оглядывающійся подозрительно по сторонамъ. При свѣтѣ тусклаго фонаря тамъ въ кабинетѣ разсуждаютъ о мелкихъ сплетняхъ и куютъ ковы противъ ненавистныхъ ему или только заподозрѣнныхъ Гайворонскимъ людей. Ужасная жизнь! Прошу покорно подумать, каково теперь служить съ такимъ человѣкомъ! Судорожно сотрясается рука, протягиваемая къ нему при свиданіи, и искреннее чувство боязливо прячется въ глубь души, предугадывая хитрость и мертвящую холодность ожесточеннаго малоросса. Нѣтъ, опасно съ такимъ человѣкомъ—и одна моя молитва: спаси меня, Господи, отъ такого чудака!“

А вотъ другой житомірскій сановникъ, еще болѣе типичный. Это—ближайшій товарищъ Аскоченскаго, второй совѣтникъ губернскаго правленія, П. И. Карпенко:

„У меня теперь что ни день, то новость. Столкновеніе съ такимъ отребьемъ человѣчества, какимъ я окруженъ теперь, порождаетъ цѣлую бездну фактовъ, драгоцѣнныхъ для этнографа-наблюдателя. Вотъ, хоть бы сегодня (т. е. 24-го іюня). Напередъ надо сказать, что я взялъ на себя изданіе неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“. Состоя начальникомъ газетнаго стола, я сдѣлалъ кое-какія распоряженія, которыя, не знаю почему, показались непріятными исправляющему должность вице-губернатора Карпенкѣ, привиллегированному ослу, крещенному въ чернилахъ. Слово за слово, и мы дошли до маленькой горячности.

— Послушайте, Павелъ Ивановичъ, сказалъ я,—намъ стыдно, что въ этомъ краѣ, богатомъ историческими воспоминаніями, до сихъ поръ не было человѣка, который бы умѣлъ взяться за дѣло и передать во всеобщее свѣдѣніе то, на что мы съ вами глядимъ равнодушными глазами.

— А дэжь винъ теперь узявся, проговорилъ мой антагонистъ, поднявъ густыя свои брови.

— Ну, да хоть бы я, если ужъ на то пошло.

— Було и до васъ много у насъ умныхъ людей.

— Слоза нѣтъ, да что жъ они дѣлали? Гдѣ факты, доказывающіе

присутствіе вашихъ умныхъ людей? Мнѣ сказывалъ Чернявскій, что Булгаринъ, у котораго получаются всѣ губернскія вѣдомости, съ удивленіемъ говорилъ прокурору: „Неужто на Волыни нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы съумѣлъ сдѣлать занимательнымъ для всѣхъ неоффиціальный отдѣлъ „Вѣдомостей“? Надѣюсь, что теперь ни Булгаринъ, ни кто другой этого не скажутъ.

— И прежде то жъ було.

— Что и говорить. Недавно Русское Географическое Общество требовало отъ насъ свѣдѣній, что было напечатано у насъ относящагося къ статистикѣ, исторіи и географіи. Что жъ? Кинулись въ „Вѣдомости“, перекопали ихъ кучи—и оказалось, что ни одной строки не было напечатано. Были, правда, статьи, но краденыя: то изъ „Русскихъ“, то изъ „Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, а своего ни слова. Хороша же Волынь! Хорошо губернское правленіе!

— Да кто тамъ буде читать ваши „Вѣдомости“?

— Всѣ, кому дороги отечественныя воспоминанія, кто знакомъ сколько нибудь съ просвѣщеніемъ, всѣ, кто интересуется не однимъ производствомъ въ чины и для кого назначеніе того или другаго въ такую-то должность немного дороже выѣденнаго яйца.

„Замолчалъ мой противникъ, но зато заговорили другіе. И—Боже мой!—что это за рѣчи, что это за понятія! Тошно, потому что гадко! Тутъ пришлось и мнѣ замолчать“.

Аскоченскій не на шутку разладилъ съ этимъ изъ своихъ сослуживцевъ.

„Діаметральная противоположность въ понятіяхъ, въ самомъ происхожденіи и воспитаніи, наконецъ, въ значеніи свѣтскомъ,—все это рано или поздно должно было высказаться просто, ясно и убѣдительно. Пора уже выставить этого оригинала на всенародныя очи“.

Характеристика его, сдѣланная въ дневникѣ, дѣйствительно, заслуживаетъ общаго вниманія. Это рѣдкій теперь экземпляръ подъячаго, а нѣкогда подобный типъ имѣлъ широкое распространеніе.

„Павелъ Ивановичъ Карпенко, какъ звучитъ изъ самой фамиліи его, родился въ Полтавской губерніи. Въ формулярномъ спискѣ его значится, что онъ происходитъ изъ дворянъ, что не подвержено, разумѣется, никакому сомнѣнію, потому что нельзя же отвергнуть, чтобы батюшка его въ оно блаженное время не могъ дослужиться до перваго чина—коллежскаго регистратора, дававшаго когда-то ничтожнымъ созданіямъ права потомственнаго дворянства. Павелъ Ивановичъ далеко за грамотою не погнался; благоразумный его батюшка по собственному опыту узналъ, что всѣ эти... какъ ихъ... науки только сбиваютъ съ толку и рѣшительно отвлекаютъ отъ службы, заставляя парня убивать золотое время чортъ знаетъ надъ чѣмъ. И вотъ Павлуша, выучившись читать псалтырь и познакомившись съ гражданскою грамотою чрезъ чтеніе назидательныхъ правилъ, помѣщаемыхъ, бывало, въ старинныхъ азбукахъ—„буди благочестивъ, уповай на Бога“ и пр.,

замѣтивъ при семъ удобномъ случаѣ нѣсколько сентенцій, весьма полезныхъ для предстоящаго домашняго обихода, какъ, напримѣръ, „уважай старшихъ себя“; „съ сильнымъ не борись“; „съ богатымъ не тягайся“ и т. д., поступилъ куда-то въ подъяческое болото въ качествѣ писца безъ награды и жалованья, а единственно изъ желанія пріобрѣсти имя и значеніе, или, какъ говорится, пошелъ служить изъ чести. Павлуша, надо сказать, имѣлъ порядочный почеркъ; правописаніемъ не отличался,—оно у него было чисто народное и онъ, ставши уже Павломъ Ивановичемъ и потомъ—легко сказать—надворнымъ совѣтникомъ, все-таки не могъ привыкнуть къ настоящей орѳографіи, считая ее ни къ чему не нужнымъ и даже очень опаснымъ нововведеніемъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Надо много было испачкать бумаги, много потратить чернилъ, перенести кучу толчковъ и начальническихъ замѣчаній, которыя встарину, говорятъ-таки—нечего грѣха таить—были крупненьки и подъ-часъ довольно осязательны; надо было всю эту гадость и мерзость канцелярскую обратить въ плоть и кровь свою, чтобъ потомъ пріобрѣсть право самому давать другимъ щелчки и начальническія замѣчанія. Дорога трудная, страдальческая и развѣ только далекая цѣль впереди, цѣль, увѣшанная красными и зелеными ленточками столоначальничества, ассигнацій и возможности распекать другихъ, бывъ меньше и рѣже распекаемымъ другими,—развѣ только такая цѣль можетъ ободрять и укрѣплять силы ежеминутно готоваго упасть подъ бременемъ такой истинно полезной отечеству службы. Но вотъ тутъ-то, я вамъ скажу, и выработываются-то характеры, вотъ тутъ-то и видна твердость, дающая побѣждающему сѣсть на престолѣ, или хоть на стулѣ повытчика, вотъ здѣсь-то и школа этихъ мучениковъ подъячества, которые потомъ съ гордостью и съ худо скрытымъ негодованіемъ на настоящій порядокъ вещей говорятъ въ иную пору: „да что ваши университеты? да что ваши науки? Тутъ, батюшка, опытность; безъ опытности ничего не сдѣлаешь. Я вотъ, дескать, статскій совѣтникъ, а шелъ до этого чина съ копіиста“. Много, очень много подобныхъ и весьма поучительныхъ вещей говорятъ такіе опытные люди; переслушать, запомнить и потомъ приложить къ своей дѣятельности слѣдовало бы всякому образованному человѣку и желающему пользы своему отечеству. Но неблагоразумны и неблагодарны нынѣшніе люди; они забрали въ голову, что можно будто бы въ пять лѣтъ съ небольшимъ изучить очень хорошо ту юридическую путаницу, которою такъ окружали себя старинные soi-disant правовѣды, держа въ своихъ рукахъ аріаднину нить въ этомъ лабиринтѣ хитросплетеній человѣческихъ; они—эти нынѣшніе люди и особливо „младое поколѣніе“, самое опаснѣйшее изъ всѣхъ поколѣній на земномъ шарѣ, смѣло говорятъ, что чины не важны и что, какъ говорилъ старикъ Державинъ:

„Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,—
Онъ только хлопаетъ ушами".

„Да, повторяю, неблагодарны и легкомыслены нынѣшніе люди, которые даже не считаютъ необходимостью ѣхать на Кавказъ за чиномъ коллежскаго ассесора и которые очень равнодушно читаютъ статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ" о производствахъ. Не таковъ былъ мой герой Павлуша. Ужъ то-ли, что онъ не видѣлъ ничего въ себѣ похожаго на такой волтеріанизмъ въ поступкахъ и мысляхъ (что, впрочемъ, дѣлаетъ ему особенную честь); то-ли, что воспитаніе-то его было хорошо и фундаментально и, главное, сообразно съ избранною имъ цѣлью; то-ли, наконецъ, что онъ обширнымъ умомъ своимъ понялъ требованія какого-то духа времени, о которомъ и онъ слышалъ вскользь что-то; но только онъ сталъ твердою ногою на томъ пути, на который бросила его проказница-судьба. Узка была тропинка, по которой началъ пробираться въ жизни Павлуша. Сидя за канцелярскимъ столомъ, онъ очинивалъ перья для столоначальника (теперь Павелъ Ивановичъ увѣряетъ, что онъ не умѣетъ и никогда не умѣлъ починить пера, и вретъ, ей Богу, вретъ пребезсовѣстно, даже съ потерею чести. Онъ говоритъ это такъ потому, чтобъ забыть прежнее унизительное свое состояніе въ качествѣ очинивателя чужихъ перьевъ). Павлуша... нѣтъ ужъ пора перестать называть его Павлушею: онъ уже съ полнымъ правомъ можетъ носить титутъ Павла Ивановича, потому что и сторожъ, когда Павелъ Ивановичъ, приходя въ канцелярію, вѣшалъ на гвоздикѣ шинель свою между многимъ другимъ канцелярскимъ тряпьемъ, всегда приговаривалъ: „повѣсьте вотъ тутъ, Павелъ Ивановичъ; а то всякій чортъ придетъ, высморкается, да и обтираетъ пальцы-съ о шинели. Вотъ что". Павелъ Ивановичъ, потрепавъ дружески по плечу сторожа и даже спросивъ его безъ всякой, впрочемъ, нужды: „а который часъ?" отправлялся въ камеру, осматривая по лѣстницѣ, не тащится ли на сапогахъ какая-нибудь дрянь и, вошедши куда слѣдуетъ, усаживался на стулѣ, у котораго, за неимѣніемъ спинки, торчали одни рожки, свидѣтельствовавшіе, что тутъ, дѣйствительно, была нѣкогда даже вырѣзная спинка. Онъ вынималъ носовой платокъ, осматривалъ его со вниманіемъ и, выбравъ такія въ немъ мѣстечки, гдѣ бы не было опасности просунуть носъ и схватить его вовсе безъ надобности и довольно въ неприличномъ положеніи, сморкаясь громко, и потомъ, уложивъ платокъ на столъ подъ лѣвый локоть, приспособлялся къ письму и начиналъ выводить каракули, по временамъ любуясь самъ ихъ красивостью, для чего обыкновенно Павелъ Ивановичъ поднималъ бумагу и, держа ее передъ собою, легонько повертывалъ головой, обнаруживая въ то же время на лицѣ своемъ такое удовольствіе, какъ будто бы щекотала у него за ухомъ кошка хвостомъ.

„Но, виноватъ, я заговорился, а это не хорошо, во-первыхъ, потому не хорошо, что занялся совершенными пустяками, выпустивъ изъ виду предметы, болѣе вызывающіе на размышленіе; во-вторыхъ, потому не хорошо, что не замѣтилъ, какъ встали всѣ вотъ эти господа съ небритыми подбородками и всклоченными головами, когда Павелъ Ивановичъ входилъ въ камеру. А это ясно и мнѣ, и вамъ должно было бы дать знать, что вѣрно Павелъ Ивановичъ самъ сталъ теперь значительное лицо и что не даромъ на лицѣ его есть теперь что-то такое, внушающее уваженіе. Да-съ, такъ оно вѣдь и есть. Павелъ Ивановичъ состоитъ ужь теперь въ какой-то должности, въ исправленіи каковой, по аттестаціи, находящейся въ формулярѣ, оказался „способнымъ и достойнымъ“. Съ Павломъ Ивановичемъ теперь не вотъ-то такъ прямо поведешь рѣчь; сторожъ уже торопится самъ снимать съ него шинель, приговаривая съ подобающимъ подобострастіемъ: „пожалуйте, ваше благородіе“. Канцелярскіе чувствуютъ невольно какое-то присутствіе вышней силы, замкнутой въ Павлѣ Ивановичѣ, и поднимаютъ свои головы вмѣстѣ съ носами, когда Павелъ Ивановичъ кому-нибудь изъ нихъ начнетъ дѣлать этакое или въ родѣ такого замѣчаніе: „ты, какъ тебе! Эй-бо! шо це вы тамъ пышете?“ Или: „кто тутъ зъ васъ цыбули наився?“ Причемъ виноватый плотнѣе закрывалъ губы и сдерживалъ на время дыханіе, думая самъ про себя: „пронюхалъ-таки, чортъ его побери, а и всего-то съѣлъ одну цыбульку, чтобъ не такъ пахло наливкою“. Павелъ Ивановичъ не любилъ неопрятности и строго взыскивалъ, если какъ-нибудь молодой, вольнодумный канцеляристъ утаскивалъ изъ камеры или бросалъ на столѣ испачканный листъ бумаги, на которомъ бывало написано: „проба пера и чернилъ“, или: „его высокородію такому-то“, или даже такія слова, отъ которыхъ, бывало, всегда Павелъ Ивановичъ улыбнется и скажетъ: „ото шелопаи, бестіи наши канцелярскіе!“ Павелъ Ивановичъ особенно не любилъ никогда умничанья и весьма справедливо считалъ всякіе резоны отъ подчиненнаго не подлежащими. Всему этому онъ находилъ причину въ настоящемъ образѣ воспитанія, которое чортъ знаетъ къ чему ведетъ; всѣ только и дѣлаютъ что разсуждаютъ, а ни у одного изъ этихъ ученыхъ нѣтъ хорошаго почерка — самой лучшей аттестаціи исправнаго и на все годнаго чиновника. И такъ, нашъ Павлуша сталъ уже Павломъ Ивановичемъ, уже, изволите видѣть, съ именемъ и значеніемъ, получилъ производство въ чинъ коллежскаго регистратора, сѣлъ на мѣсто столоначальника, зашибъ, что называется, копѣйку (что было нетрудно въ тѣ блаженныя времена, о которыхъ отъ всего сердца вздыхаютъ нынѣшніе сторожилы) и сталъ носить голубую бисерную цѣпочку при большихъ, въ родѣ порядочной луковицы, часахъ на плисовомъ жилетѣ зимою и на пестромъ пикеневомъ—лѣтомъ. Все шло, какъ видите, очень хорошо. Павла Ивановича желанія вполнѣ удовлетворялись и часто, въ минуты

канцелярскаго бездѣйствія, онъ, лежа съ трубкою на кровати, начиналъ чувствовать всю невыгоду одинокой жизни. Конечно, онъ позволялъ иногда себѣ нѣкоторыя невинныя развлеченія и съ улыбкою самодовольства вспоминалъ кое о какихъ похожденіяхъ съ существами, которыя по натурѣ принадлежатъ къ женскому полу, а по безстыдству не уступятъ старинному Денисовскому гусару. Но это все было не то, все это не удовлетворяло... „какъ бишь воно... матери чого бисъ... отъ тому шо называють ученые“... Тутъ Павелъ Ивановичъ обыкновенно задумывался на минутку и начиналъ потомъ сильнѣе и съ особеннымъ выраженіемъ курить трубку, не замѣчая, что она давно уже трещитъ или, какъ онъ самъ выражается, „скворыть“. Можете вообразить, какъ такого рода размышленія, волнующія душу, а за неимѣніемъ таковой, кровь, могутъ вдругъ, въ одну минуту, перевернуть весь порядокъ вещей и опять — какого роду въ силахъ произвести рѣшимость въ человѣкѣ, уже стоящемъ въ нѣкоторомъ отношеніи твердою ногою на службѣ и, сверхъ того, носящемъ на указательномъ пальцѣ большой вызолоченный перстень съ драгоцѣннымъ сердоликовымъ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ вензель самого господина и о которомъ даже жидъ, отличнѣйшій знатокъ всякихъ галантерейныхъ драгоцѣнностей, сказалъ, покачивая головою: „прекрасный, очень прекрасный, крѣпкій камусекъ“.

„Все это вѣдь я говорю къ тому, чтобъ... ну, вотъ ей-Богу... не могу, знаете, такъ и хочется еще потолковать о всякомъ вздорѣ, а главнаго-то, существеннаго, что называется, такъ и боишься трогать. Въ самомъ дѣлѣ, все это длинное и даже краснорѣчивое описаніе Павла Ивановича и его достоинствъ ведено мною къ тому, чтобы вы нисколько не удивились, когда я скажу вамъ, что Павелъ Ивановичъ рано, очень рано предпринялъ возложить на себя узы брака. Богу тако изволившу, Павелъ Ивановичъ нашелъ себѣ подругу жизни между... да на что вамъ знать родословную супруги моего героя? Кто были ея родители, чѣмъ они жили, какъ, когда и какимъ образомъ родилась у нихъ дочь, какъ они воспитывали ее, — все это обстоятельства совершенно постороннія, на которыя даже самъ Павелъ Ивановичъ не обращалъ на тотъ разъ большого вниманія, зная очень хорошо, что все это мечта, пустяки, поэзія, которую выдумали пустыя головы, сочинители. Говорили, что Марья Андреевна—супругу Павла Ивановича зовутъ Марья Андреевна—жила у какого-то барина въ компаньонкахъ или ключницахъ—такъ, что-то въ родѣ этого; но я тому совершенно не вѣрю, потому что это неправдоподобно и, во-первыхъ, потому неправдоподобно, что Марья Андреевна очень хорошо умѣетъ держать себя, и съ какой стороны вы ни взглянете на нее, увидите, что она во всѣхъ отношеніяхъ порядочная дама. Заговорите съ ней, напримѣръ, хоть о любви. Она и о любви будетъ разсуждать очень хорошо и такимъ мягкимъ и сладкимъ голосомъ, что вы по неволѣ зажмуритесь отъ удовольствія внутренняго. Пове-

дите рѣчь о хозяйствѣ—она и здѣсь сообщитъ вамъ весьма полезныя свѣдѣнія и основательно докажетъ, что соленіе разныхъ огурцовъ совсѣмъ не разсчетъ хозяйскій и что послѣдніе осенніе огурцы долѣе и крѣпче держатся въ разсолѣ. Спросите о здоровьѣ губернаторши, она и объ этомъ дастъ вамъ подробныя извѣстія, не преминувъ весьма кстати прибавить, что Елизавета Валентиновна безпрестанно все спрашиваетъ о мигрени Марьи Андреевны, отъ каковой боли она, Марья Андреевна, ужасть страдаетъ. А знаніе людей, а знаніе свѣта! Господи! Вѣдь родятся же на свѣтъ такія женщины или дамы!.. Къ музыкѣ Марья Андреевна всегда чувствовала большую охоту; но сама не играетъ по причинѣ слабонервности, да и притомъ давно ужъ играла, и потому большую часть забыла. Но ужъ танцовать Марья Андреевна иногда не прочь; это для нея, какъ сама она чувствуетъ, чрезвычайно полезно,—размягчаетъ поясницу и полируетъ кровь.

„Но Богъ съ вами, Марья Андреевна! За вами я забылъ и супруга вашего, почтеннѣйшаго Павла Ивановича. А знаете ли, что я вамъ скажу: его и узнать нельзя. Посмотрите, какъ онъ потолстѣлъ, какая сіяетъ въ лицѣ его важность; просто, хамелеонъ! Оно, впрочемъ, и не мудрено. Теперь Павелъ Ивановичъ не что нибудь тамъ такое, не столоначальникъ какой нибудь, а исправникъ, лицо въ нѣкоторомъ смыслѣ правительственное и играющее-таки немаловажную—чортъ его не взялъ—роль въ семъ коловратномъ мірѣ.

„Я замѣчалъ, что у натуры точно такъ же, какъ и у судьбы, есть свои любимцы. Но только оба эти патрона — натура и судьба — никогда или очень рѣдко бываютъ въ ладу между собою. Положимъ, что натура рѣшится крѣпко напроказить надъ чьей либо физіономіею, изуродуетъ ее такъ, что совѣстно людямъ показать, и если взглянешь ненарокомъ на такую насмѣшку натуры, то отойдешь, да покивавши головой, подумаешь: „эка штука! ну-ну!“ Зато судьба ужъ непремѣнно приметъ такое чучело подъ свое всемогущее покровительство. Глядишь только на эту ворону на шестѣ, да только удивляешься. Не подумайте, однако жъ, чтобы я это говорилъ въ обиду Павла Ивановича,—ничего не бывало: Павелъ Ивановичъ—Богъ его знаетъ, какъ сдѣлался любимцемъ и натуры, и судьбы. Первая прибрала его очень и даже очень недурно. Она дала ему толстое и даже весьма толстое брюхо, застегнула его небольшою пуговицею, которую всевластно приказала называть носомъ, прибрала его голову русыми волосами, немножко похожими на взбитую солому; прорѣзала глаза въ надлежащемъ мѣстѣ, немножко въ этомъ случаѣ скомпрометировавъ свою фабрикацію тѣмъ, что ужъ слишкомъ узеньки прорѣзы, а, впрочемъ, ничего, живетъ и такъ. Органъ у Павла Ивановича не такъ чтобы громогласенъ, но и не тихъ, а таковъ, какъ слѣдуетъ человѣку, назначенному играть немаловажную роль на сценѣ сего міра. Къ тому жъ и поступь Павла Ивановича прилична; Павелъ Ивановичъ любитъ ходить ровно и мѣрнымъ шагомъ, въ которомъ отзы-

вается что-то журавлиное, если бы, разумѣется, для полноты сравненія, ноги его были немного подлиннѣе, а не походили на коротенькія колонны, обращенныя внизъ капителями. Зато ужъ судьба рѣшительно превознесла Павла Ивановича всѣми зависящими отъ нея благами. Одно ужъ то возьмите, что Павелъ Ивановичъ сдѣланъ былъ все тою же судьбою исправникомъ, — кажись, и пустяки, а подите-ка! Да я вамъ скажу, если бы Эаку или Радаманту предложили бы уступить свое мѣсто по ту сторону Стикса капитанъ-исправнику, и даже просто исправнику, то, увѣряю васъ, они отказались бы разомъ отъ всѣхъ доходовъ, бывшихъ, настоящихъ и грядущихъ. Оно, впрочемъ, и естественно. Эти господа-судьи дирали только съ мертвыхъ, а исправники—и съ живаго, и съ мертваго, и все это во имя закона. А относительно значенія, то между подсудимыми и говорить нечего, какая разница".

Такой злой и подробной характеристики изъ всѣхъ сослуживцевъ удостоился одинъ Карпенко. О другихъ Аскоченскій дѣлаетъ болѣе краткіе отзывы. Приведемъ ихъ для того, чтобы дать понятіе о средѣ, въ какой онъ пробовалъ свои силы на бюрократическомъ поприщѣ. Наиболѣе симпатичный отзывъ сдѣланъ о Квистѣ подъ 4-мъ февраля 1848 г.

„Это созданіе, ростомъ немножко больше Тома Пуса, подписывается у насъ исправляющимъ должность волынскаго губернскаго прокурора. Рѣдко попадаются люди, которые бы такъ ладно пришлись по мѣсту, какое назначаетъ смертнымъ правительство, оффиціально называемое мудрымъ. Полное, энциклопедическое образованіе, полученное Квистомъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, прекрасный характеръ, хорошій тактъ, молодыя, цвѣтущія лѣта дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей злополучнаго Житоміра. И я безъ грѣха горжусь тѣмъ, что могу включить Квиста въ число близкихъ ко мнѣ и самыхъ лучшихъ моихъ пріятелей въ семъ коловратномъ Житомірѣ. Правда, и мой Квистъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, но я нахожу, что онѣ точно такъ же необходимы ему, какъ его собственные штаны, которыхъ ужъ вѣрно никто не натянетъ на свои ноги и на все прочее, несмотря на всѣ свои усилія. Если вы встрѣтите Квиста гдѣ нибудь на вечерѣ, то легко можете подумать, что онъ того же утра поставилъ себѣ на затылокъ мушку, и такое заключеніе будетъ съ вашей стороны очень натурально, потому что Квистъ иначе не поворачивается, какъ всѣмъ туловищемъ. Но это только одна и есть въ немъ особенность; во всемъ прочемъ онъ можетъ быть всегда образцомъ для нынѣшней молодежи. И я, честью клянусь, не могу ничего сказать больше о Квистѣ, несмотря на раздражительную мою замѣчательность, такъ часто вызывающую меня на сарказмы и ѣдкія nota-bene. Оскаръ, мой милый Оскаръ! Ты не прочитаешь этихъ строкъ. Но я никогда не забуду тебя и въ лучшихъ воспоминаніяхъ моихъ о Житомірѣ ты всегда займешь одинъ изъ первыхъ уголковъ".

Далѣе, подъ 20-мъ апрѣля 1849 г., находимъ отзывы о слѣдующихъ лицахъ:

Князь Васильчиковъ.

„Князь Иларіонъ Иларіоновичъ—благороднѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ; но тѣмъ не менѣе онъ не на своемъ мѣстѣ. Здѣсь онъ точно слонъ на воеводствѣ. Если онъ и могъ бы быть губернаторомъ, то развѣ въ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній. Тутъ ему не обнять своимъ медленнымъ умомъ всю многообразную, бурную текучесть мутныхъ водъ одного даже губернскаго правленія, не касаясь другихъ присутственныхъ мѣстъ; тутъ ему не замѣтить сѣтей, которыя ловко и постоянно раскидываютъ кругомъ его аттестованные плуты и мошенники; тутъ онъ болѣе сдѣлаетъ вреда, чѣмъ пользы—и благородная душа его сама ужаснется впослѣдствіи великости зла, въ которомъ непосредственно она не была виновата. Жаль, онъ не понялъ меня, и не понялъ потому, что меня оттолкнули отъ него интриги и непріятныя обстоятельства, въ какія я запутался по милости моихъ проклятыхъ кредиторовъ. При всемъ томъ я не скрою правды: князь въ частномъ обращеніи уменъ, добръ, радушенъ и мило-привѣтливъ. Это аристократъ въ полномъ смыслѣ.

Львовъ.

„Въ „Панорамѣ“ [1]) есть маленькій эскизъ этого человѣка, встрѣчающагося тамъ подъ именемъ Сергѣя Ильича Мямли. Какъ вице-губернаторъ, Димитрій Сергѣевичъ рѣшительно ни къ чорту не годится. Лѣнивый, тупой, разслабленный, онъ можетъ жить только чужимъ умомъ и ходить на помочахъ. Отнимите у него Зарембу—секретаря, Львовъ не найдетъ мѣста въ журналѣ, гдѣ подписаться слѣдуетъ. Законы писаны не при немъ и не по его головѣ. Но Димитрій Сергѣевичъ образованъ, прекрасно говоритъ по-французски и по-нѣмецки, знакомъ съ русской литературой, хорошо читаетъ Тасса, танцуетъ хоть и прескверно, но танцуетъ, отлично стрѣляетъ и страстный охотникъ. Онъ камеръ-юнкеръ, но отнюдь не вице-губернаторъ.

Ключаревъ.

„Предсѣдатель казенной палаты, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, умный, дѣловой и грубый. Получивъ воспитаніе въ с.-петербургской духовной академіи и будучи сначала профессоромъ семинаріи—онъ остался почти такимъ же бурсакомъ, какъ былъ. Правда,

---

[1]) Рѣчь идетъ о пародіи его—„Подъячіе разбойники“, о которой см. ниже.

положеніе въ свѣтѣ, извѣстность такому человѣку, какъ Воронцовъ (NB женившій его на...), свычка съ нѣкоторыми необходимыми пріемами порядочнаго общества—сгладили нѣкоторыя угловатости нравственной физіономіи Алексѣя Кирилловича; но и только. Онъ остался вѣренъ тѣмъ началамъ, какія вложены въ него сѣрымъ схоластицизмомъ и бурсацкой субординаціей, а гордость и неприступность со стороны младшихъ его довершила всю нетерпимость и дурное reputtée, какими онъ пользуется между сослуживцами своими, которые, однако жъ, боятся его, какъ огня. Крѣпко онъ держитъ въ рукахъ своихъ палату—и слово его считается тамъ закономъ для членовъ. Неотрицаемый умъ и несомнѣнная опытность внушаютъ въ подчиненныхъ уваженіе къ нему, и рѣшительныя мѣры держатъ въ страхѣ всю канцелярскую челядь. Надо, однако жъ, отдать справедливость, что Алексѣй Кирилловичъ препріятный человѣкъ въ обществѣ и рѣчь его, всегда плавная и острая, слушается съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ послѣднее время службы моей въ Житомірѣ я жестоко разсорился съ этимъ человѣкомъ и нажилъ въ немъ себѣ заклятаго врага. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ поступкахъ Ключарева по отношенію ко мнѣ вовсе нельзя было видѣть обыкновеннаго его ума; онъ горячился, бранилъ меня какъ школьникъ, и разъ ошибочно увлекшись предубѣжденіемъ, никакъ не хотѣлъ отстать отъ него по самолюбію. А всему была причиною ода моя: „О ты, которой не умѣю приличное названье дать“. Ключаревъ разсердился за Иду Врангель, на которую, нечего грѣха таить, и была она написана; а эта Ида, видите ли, живетъ въ качествѣ компаньонки при его женѣ. Истинная чудо-юдо.

Шванебахъ.

„Антонъ Антоновичъ, предсѣдатель палаты имущества, нѣмецъ умный, но не благоразумный, хитрый, но не дальновидный, вспыльчивый до безразсудства и потому много теряющій черезъ это. Онъ тоже присталъ къ моимъ противникамъ и долго безумствовалъ, нарочно ѣздивъ по домамъ и внушая всѣмъ отказать мнѣ въ пріемѣ. Очень хорошо понимая эту вспышку Шванебаха, я хладнокровно ожидалъ минуты, когда онъ опомнится, что, дѣйствительно, и случилось. Подъ конецъ онъ сталъ ко мнѣ попрежнему внимателенъ и хорошъ. Службу онъ несетъ исправно, но она у него не цѣль, а средство... Передъ моимъ отъѣздомъ закипѣло въ палатѣ прескверное дѣло, по доносу одного изъ плутовъ, обиженнаго въ дѣлежѣ; чѣмъ-то оно кончится, не знаю. Въ „Панорамѣ“ я упомянулъ объ немъ подъ именемъ Адама Христофоровича Буря въ каретѣ.

Малаховскій.

„Предсѣдатель гражданской палаты, прозванный въ Житомірѣ дѣдушкою,—старикъ почтенный, умный, и пунктуально-аккуратный въ службѣ. Быстрое теченіе нынѣшняго дѣлопроизводства запутываетъ его голову; медленно, но твердо и озираясь идетъ онъ по лабиринту дѣлъ, которыми всегда такъ богата гражданская палата. Чуждый самолюбія, онъ всегда готовъ согласиться, если покажутъ и докажутъ допущенную имъ ошибку. Въ обществѣ его никогда не видно.

Карпиловичъ.

„Порфирій Ивановичъ, предсѣдатель уголовной палаты, лицо въ высшей степени типичное. Онъ мелькнулъ въ моей „Панорамѣ“ Аристархомъ Ипатьевичемъ Копеичкою,—я говорю—мелькнулъ, потому что этотъ типъ сберегся у меня для второй части моей поэмы. Карпиловичъ воспитывался въ семинаріи—это было давно, очень давно—но все семинарское вросло навсегда въ характеръ моего типа. Онъ никогда не читаетъ ничего, кромѣ „Христіанскаго Чтенія“, считая все остальное бредомъ и вздоромъ; пренаивно разсказываетъ вычитанную имъ легенду у Евсевія; проводитъ удивительную параллель между нынѣшними временами и эпохою Златоуста, ходитъ всякій праздникъ въ церковь, гдѣ почти вслухъ поетъ и разговариваетъ со всей любезностію старичка-простачка, поясняетъ тексты священнаго писанія и восхищается тѣмъ, чѣмъ давно ужъ пересталъ восхищаться родъ человѣческій. Дѣтей своихъ онъ воспитываетъ самъ; но, Боже! что это за воспитаніе! Какая-то дикость, неумѣнье сказать слово кстати, неумѣнье поклониться и сѣсть, увѣсистость и угловатость всѣхъ движеній, какая-то дьячковская застѣнчивость, безтолковое бренчанье на препоганѣйшихъ клавикордахъ, на которыхъ чуть ли не игралъ самъ Тубалъ—вотъ результаты воспитанія, даваемаго Карпиловичемъ своимъ дочерямъ. Къ счастью, сыновей у него нѣтъ. И замѣтьте, что всему этому, даже музыкѣ, учитъ самъ папенька. Ужасъ! При всемъ, однако жъ, христіанскомъ смиреніи своемъ Порфирій Ивановичъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, завистливъ и злопамятенъ. Я выпыталъ искренно всю тайную лабораторію души его—и съ глубоко-скрытымъ отвращеніемъ отвернулась отъ него душа моя, и тогда-то я увидѣлъ, что Кукольникъ сказалъ правду: „блаженъ, кому Провидѣніе подарило радужную призму, чрезъ которую онъ можетъ смотрѣть на окружающіе предметы: не отымайте отъ глазъ этого веселаго стеклышка, иначе надо бѣжать отъ людей, строить вавилонскую башню и поселиться на за-облачномъ ея темени“. Да, хорошо кому подарило, а кому нѣтъ—тутъ что? Болью въѣдается въ душу этотъ гнилой туманъ, эти вонючія испаренія, поднимающіяся изъ глубины су-

щества человѣческаго, тихаго и спокойнаго на поверхности, но на днѣ хранящаго гадовъ, ихъ же нѣсть числа, животныхъ малыхъ съ великими. Несчастливъ тотъ человѣкъ, кто зритъ, какъ ясновидящій, тайныя сплетенія думъ и мыслей человѣка, выходящихъ наружу въ парадномъ уборѣ добродѣтели и добродушія!... Прочитайте мою Апологію; она не нарядное гримасничанье, а вопль души безпокойной, мучимой недугомъ. Карпиловичъ успѣлъ себѣ сдѣлать репутацію чуть не святаго человѣка. Мнѣ не было нужды разувѣрять въ этомъ кого нибудь, да и не кстати. Понятливые, такіе, напримѣръ, какъ Квистъ, Польманъ, Ивковъ, Марковичъ и друг. и безъ меня понимали, а для непонятливыхъ мой голосъ былъ бы вопіющимъ въ пустынѣ, и я часто бывалъ у Карпиловича, игралъ тамъ въ преферансъ и уходилъ домой, сердясь на себя за такую двуличность. Въ обществѣ Карпиловичъ являлся точно такимъ, какимъ я очертилъ его въ моей „Панорамѣ“. На службѣ это былъ, по пословицѣ, „ни Богу свѣча, ни чорту кочерга“. Безсильный, чтобъ удержать свое мнѣніе, хлопотливый, гдѣ надо быть стойкимъ, говорливый, гдѣ нужно лишь одно слово, пріученный къ одной лишь формальности безо всякаго основательнаго пониманія дѣла, онъ ворочалъ шиворотъ-на-выворотъ и пасовалъ передъ горластымъ и устойчивымъ, хоть бы въ неправдѣ. Не вѣрилъ никогда, не вѣрю и теперь въ безкорыстіе его, ибо оно никогда не могло подвергаться искушенію. Просители, зная слабость предсѣдателя, вовсе не думали обращаться къ нему съ своими просьбами и съ предложеніемъ осязаемыхъ услугъ, а въ такомъ случаѣ, разумѣется, поневолѣ будешь безсребренникомъ. Грѣхъ даже сказать, чтобы Карпиловичъ былъ и уменъ; онъ только добрый человѣкъ, въ полномъ значеніи этого слова, и къ нему именно идутъ слова Крылова:

„Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью,—
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю“.

Саноцкій.

„Совѣстливый судья. Этотъ человѣкъ былъ мало извѣстенъ въ чиновничьемъ кругу. Онъ оффиціально являлся въ высокоторжественные дни—и только. Впрочемъ, мнѣ говорили, что Саноцкій по твердости и независимости своего характера стоитъ уваженія и пользуется имъ.

Посниковъ.

„Петръ Яковлевичъ, полковникъ и гарнизонный командиръ. Онъ очень хорошій хлѣбосолъ и къ Посникову всегда собирается молодежь пообѣдать и поволочиться за его кокетливою супругою, въ ко-

торой я никогда не видѣлъ ничего замѣчательнаго, исключая классически-скверной прически, да частенько невыглаженнаго грязнаго платья. Супругъ ея, если хотите, добрый человѣкъ, но мягкій и безхарактерный. Какъ онъ управляетъ своей гарнизонной командою, я не могу сказать,—должно быть, хорошо, потому что жалобъ и претензій къ нему ни отъ кого никуда не поступило. Посниковъ немножко очерченъ въ моей „Панорамѣ“; онъ подъ именемъ Петра Филимоновича Сальника, а жена его подъ титуломъ Амаліи Эдуардовны. Его высокоблагородіе тоже принадлежалъ къ числу недоброжелателей моихъ, но былъ главою только партіи умѣренныхъ.

Волковъ.

„Иванъ Петровичъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты. Это Ермилъ Тихонычъ Ерихонскій, который такъ часто встрѣчается въ моей „Панорамѣ“ рядомъ съ своею супругою. Объ немъ тутъ остается только прибавить, что по службѣ его считайте человѣкомъ себѣ на умѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ имѣетъ самостоятельный характеръ и, искусно лавируя, не всегда увлекается общимъ потокомъ мнѣній. Въ обращеніи съ дамами онъ позволяетъ себѣ самыя площадныя вольности; играя въ карты, онъ нисколько не стѣсняется въ своихъ лакейскихъ выходкахъ, и хоть бы тутъ сидѣли двѣ дюжины дамъ, онъ преспокойно скажетъ, бросая на столъ червонную даму: „вались за мя, посмотрю, кая ты плодовница“. Онъ пользуется репутаціей „милаго человѣка“.

Яшинъ.

„Василій Гавриловичъ, бывшій товарищъ предсѣдателя уголовной палаты. Читайте „Панораму“—въ Акимѣ Корниловичѣ Квашинѣ вы увидите во весь ростъ этого человѣка. Схоже этого портрета нарисовать нельзя.

Новицкій.

„Викентій Степановичъ, непремѣнный членъ приказа общественнаго призрѣнія, тоже явившійся въ моей „Панорамѣ“ Никитою Ивановичемъ Дынею. Когда-то онъ былъ исправникомъ, и въ это время, по случаю проѣзда черезъ Волынь государя императора, получилъ высочайшее прозваніе дурака, каковъ онъ и есть дѣйствительно, кромѣ службы, однако жъ, гдѣ онъ очень хорошо чуетъ носомъ своимъ, гдѣ плохо лежитъ. Репутація его и жены его въ тамошнемъ обществѣ весьма двусмысленна: ихъ всюду бранятъ и вездѣ принимаютъ.

Новицкій тоже принадлежалъ къ врагамъ моимъ и громко иногда возвышалъ свой голосъ противъ меня; но никто его не слушалъ, а я просто презиралъ его.

Кагура.

„Губернскій казначей, добрый старикъ и смышленый чиновникъ; во всемъ прочемъ онъ есть безличное мѣстоименіе.

Чернявскій.

„Андрей Андреевичъ, бывшій прокуроръ. Скиццы, набросанные мной въ „Панорамѣ“ о прокурорѣ, живьемъ сняты съ Чернявскаго. Въ Житомірѣ онъ пріобрѣлъ себѣ имя взяточника, а я зналъ его, какъ умнаго и добраго малаго, страшнаго крикуна и такого человѣка, котораго трудно кому нибудь повести за носъ.

Лукьяновъ.

„Яковъ Константиновичъ, совѣтникъ губернскаго правленія. Я старался схватить черты его въ Недотрогѣ, нарисованномъ мною въ „Панорамѣ“; но портретъ вышелъ не похожъ. Лукьяновъ очень умный человѣкъ, отличнѣйшій дѣлецъ, владѣющій удивительной оборотливостью и никогда не спускавшійся до степени низкаго подлеца. Онъ ни за что не склонитъ головы своей передъ кѣмъ бы то ни было; онъ чуждъ всякаго сплетничества и глубоко отъ всѣхъ скрываетъ тайные помыслы души своей. Въ короткое время Лукьяновъ службою своей сдѣлалъ себѣ порядочное состояніе, мастерски всегда пользуясь случаями прибрать къ рукамъ своимъ хлѣбное дѣльце: словомъ, человѣкъ не такъ, какъ я грѣшный, понялъ, что̀ надобно дѣлать, служа отечеству. Общество, къ которому причислилъ себя Лукьяновъ, по̀шло и грязно; это міръ подъячихъ, картежниковъ, взяточниковъ и мерзавцевъ. Въ послѣднее время, женившись на житомірской артисткѣ Хмеліовской, онъ сдѣлался совершеннымъ сиднемъ. Съ Лукьяновымъ я никогда не былъ въ враждебныхъ отношеніяхъ; я прощалъ иногда горячія его выходки, уважая его умъ, но никогда опять и не назывался его пріятелемъ. Мы прятались другъ отъ друга, не позволяя читать взаимно внутреннюю лабораторію нашихъ мыслей. Лукьяновъ на всякомъ мѣстѣ будетъ отличнѣйшимъ дѣльцомъ и изъ крѣпкаго камня съумѣетъ пробить для себя живительную влагу, падающую въ карманъ то серебрянымъ, то золотымъ дождемъ.

Опоцкій.

„Ламбертъ Васильевичъ, тоже совѣтникъ. Насилу я могъ написать имя, отечество и фамилію этого человѣка,—такъ велико мое отвращеніе къ нему; низкій предъ высшими себя, гордый предъ низшими, вкрадчивый до подлости,—онъ олицетворилъ въ себѣ поляка нынѣшнихъ временъ. Набивъ, какъ говорится, руку и наметавшись по дѣламъ, онъ считается дѣльцомъ; но это типъ тѣхъ дѣльцовъ, которыхъ такъ зло преслѣдовалъ когда-то Булгаринъ, и которые, бывъ прежде полными распорядителями и указателями законовъ, смотря по личной своей надобности, стали потомъ въ другую позу и пробили себѣ другой хлѣбный путь происками и мнимой добросовѣстностью. Этотъ человѣкъ не былъ никогда моимъ открытымъ врагомъ; въ обществѣ онъ являлся ко мнѣ болѣе теплымъ, чѣмъ холоднымъ; но мнѣ тошнило отъ него, судорожно сжималась пожимаемая имъ рука моя. Моя молитва: „Спаситель мой! Еще одно моленье“—вылилась отъ души, по милости Опоцкаго, гдѣ онъ списанъ у меня во весь ростъ. Не дай Богъ встрѣтиться мнѣ гдѣ нибудь съ этимъ человѣкомъ!

Варановскій.

„Гонoратъ Ксаверьевичъ, ассесоръ губернскаго правленія—полякъ. Въ этомъ словѣ сказано все; всегдашнее двоедушіе—вотъ отличительная черта его характера. Онъ продалъ меня за мою глупо-искреннюю довѣрчивость къ нему. Какъ дѣлецъ, онъ понимаетъ дѣло, но только по-своему. Не хочется что-то и говорить объ немъ.

Шаржинскій.

„Семенъ Даниловичъ, почтмейстеръ, человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ,—умный, образованный, удивительный наблюдатель и безподобный юмористъ и разскащикъ. Онъ живетъ прекрасно, потому что независимъ ни отъ кого; всѣ питаютъ къ нему уваженіе, всѣ любятъ его, всѣ, однако жъ, боятся попасть подъ острый, какъ бритва, язычекъ его. Такихъ людей, какъ Шаржинскій, со свѣчей поискать не въ Житомірѣ только, а кое-гдѣ и подальше. Въ pendant къ нему надо поставить и Трахимовскаго, бывшаго директора гимназіи. Никогда не забыть мнѣ тѣхъ вечеровъ, которые я проводилъ въ кругу ихъ, тѣхъ умныхъ разсужденій, какія привелось мнѣ слышать отъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ людей, тѣхъ споровъ одушевленныхъ, отъ которыхъ освѣщался умъ и крѣпла голова.

„Далѣе за этими звѣздами идетъ млечный путь, въ которомъ трудно уловить что нибудь отдѣльное для наблюденія. Всѣ эти свѣтящіяся

точки только потому свѣтятся, что стоятъ вмѣстѣ и рядомъ; отставить одну отъ другой,—онѣ потемнѣютъ и пропадутъ. Не стану касаться ихъ".

Легко представить себѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя Аскоченскій въ подобной средѣ. Черезъ полтора года службы въ Житомірѣ онъ писалъ объ этомъ слѣдующее:

„Вотъ уже полтора года, какъ я борюсь съ этою службою, не сродною мнѣ ни по характеру моему, ни по понятіямъ, ни по привычному образу моей жизни. Не мудрость здѣсь проповѣдуютъ; не хитры плетеницы затѣй подъяческихъ, но многообразность и безчисленность ихъ убьетъ хоть какую энергію души. Я усталъ и часто одинъ на одинъ твержу слова Пушкина:

„Мнѣ душно здѣсь; я жить хочу".

„Да, жить—потому что развѣ это жизнь, когда она проявляется только въ низшихъ своихъ потребностяхъ? Развѣ это жизнь, когда мысль и чувство считаются контрабандою? Развѣ это люди, когда достоинство ихъ взвѣшивается тяжестью ихъ кармана и умѣніемъ удить рыбу въ водѣ, которую они сами же мутятъ для своихъ выгодъ? Боже мой! Когда уймется во мнѣ это несчастное стремленіе къ чему-то высшему, что уже давно осмѣяно міромъ и его привычками? Когда утолится эта ничѣмъ ненасытимая жажда мысли и чувства?"

Это писано 11-го февраля 1848 года. На другой день въ дневникѣ значится:

„Какая скука, Господи, какая скука! Поневолѣ примешься за писаніе стиховъ, когда не знаешь, къ чему лучшему приложить безпокойныя руки. Самъ не вѣдаю, для чего вздумалось мнѣ написать сегодня пародію на піесу Пушкина: „Братья разбойники". Завтра впишу ее сюда (т. е. въ дневникъ), потому что ей нельзя дать мѣста въ собраніи моихъ риѳмованныхъ издѣлій. Чего добраго, пожалуй, ее примутъ за пасквиль и обидятся; да что тамъ обидятся. Пріищутъ еще статейку въ „Уложеніи"—и вертись тогда. Нѣтъ, въ дневникѣ моей пародіи будетъ покойнѣе и безопаснѣе".

Пародія эта носитъ названіе „Подъячіе разбойники". Здѣсь выставлены многіе изъ вышепоименованныхъ сослуживцевъ Аскоченскаго. Видно, ему больно насолили, если не проходило дня, въ который не поднималась бы желчь противъ нихъ.

„Не радуетъ меня, съ какой стороны ни взгляни, не радуетъ меня настоящая служба, прибавляетъ Аскоченскій, вписавъ пародію въ дневникъ. Съ перваго шагу я уже встрѣтилъ непріятности, которыя ростутъ, словно тѣсто на опарѣ киснетъ. Начну съ самаго перваго распоряженія насчетъ порученія мнѣ въ управленіе перваго отдѣленія. Я, изволите видѣть, назначенъ былъ на мѣсто совѣтника Филипова, бывшаго начальникомъ втораго отдѣленія. Когда мѣсто это

было вакантнымъ и я не являлся въ Житоміръ, старая ракалья Карпенко, по званію старшаго совѣтника, управлялъ первымъ отдѣленіемъ. Но, присмотрѣвшись хорошо къ дѣламъ губернскаго правленія и наскучивъ собирать алтыны съ просителей, обращавшихся къ нему, онъ счелъ выгоднѣйшимъ для себя занять предназначенное мнѣ мѣсто. Губернатору было внушено, что управлять вторымъ отдѣленіемъ трудно, что по новости я не съумѣю взяться за это, а что Павелъ Ивановичъ имѣетъ всѣ нужныя къ тому качества. Его превосходительство, убѣжденное такими резонами, согласилось, и я сѣлъ на стулъ, какой мнѣ подали. Что-жъ дѣлать?

„Само собою разумѣется, что назначеніе меня въ должность совѣтника губернскаго правленія никому здѣсь не могло быть пріятно. Воображаю, какъ толковали эти господа о самовластіи Бибикова, который ставитъ на мѣста такой важности людей какихъ-то ученыхъ, даже не дворянскаго, а духовнаго происхожденія, не занимавшихся вовсе подъяческою службою; какъ они острили и хохотали, разумѣется, въ рукавъ, потому что здѣсь вслухъ засмѣяться нельзя. Съ какой жадностью читали мой формулярный списокъ, отыскивая въ немъ степень моей чиновной знатности. Словомъ, еще не живя въ Житомірѣ, я уже нажилъ враговъ, которые только выжидали случая повредить мнѣ поосновательнѣе, почувствительнѣе. Но робко поднималась на меня рука ихъ; увѣренность, не знаю, впрочемъ, на чемъ основанная, что Бибиковъ и Писаревъ покровительствуютъ мнѣ, удерживала ихъ отъ наступательныхъ на меня движеній. Каменскій, тоже частью раздѣлявшій это убѣжденіе, лисилъ со мною и казался внимательнымъ. Цѣлый годъ я оставался почти покоенъ; бывали маленькія непріятности, да гдѣ жъ безъ нихъ? Наконецъ, не стало моей Нѣжиньки, а съ ней какъ будто унеслось и все мое спокойствіе [1]). Вдовецъ потерялъ уже сто процентовъ уваженія у людей, которые такъ были внимательны къ нему, когда онъ являлся къ нимъ съ дивною своею подругою, или когда пріѣзжали сами въ домъ мой и уѣзжали, очарованные прекраснымъ, благороднымъ, умнымъ пріемомъ моей несравненной Нѣжиньки. Аскоченскій во мнѣніи общества сталъ исключительно судейскимъ дѣльцомъ—и только. Теперь уже одинъ вопросъ прилагается къ нему: какъ ведетъ онъ службу? Тяжко!

„Наступила пора выборовъ въ разныя общественныя должности. По принятому издавна порядку, они производились въ правленіи, и прежніе совѣтники, говорятъ, имѣли отъ этого сытный кусокъ хлѣба. Разумѣется, совѣсти, чести и присягѣ доставалась тутъ ужасная ломка. Но такъ какъ ужъ было рѣшено, что все это предразсудки, выдуманные нынѣшнимъ безпокойнымъ поколѣніемъ, то, дѣйстви-

---

[1]) Вторая жена Аскоченскаго скончалась 28-го августа 1847 г. Съ этого дня какое-то отчаяніе сквозитъ въ каждой строкѣ записей, лишь только Аскоченскій начинаетъ раздумывать о своемъ одинокомъ и безутѣшномъ положеніи.

тельно, эта пора доставляла совѣтнику перваго отдѣленія богатую жатву. Немножко протянуть дѣло, воротить для какой нибудь поправки баллотированный списокъ, погрозить неутвержденіемъ тому, кто имѣетъ всѣ условія, дающія полное право на должность, утаить нужныя справки, наконецъ даже (ей-Богу, это было!) подскоблить, смотря по надобности, количество балловъ—вотъ обыкновенныя продѣлки, которыми молодцы выжимали у претендентовъ послѣдній рубль. Грабовскій, управляющій канцеляріею губернатора, зналъ все это очень хорошо. Онъ успѣлъ внушить начальнику губерніи, что правленіе незаконно присвояетъ себѣ власть производить эти выборы, что, на основаніи, молъ, такой-то статьи не оно, а ваше превосходительство утверждаетъ эти выборы, и что, слѣдовательно, всѣмъ этимъ должна завѣдывать собственная канцелярія вашего превосходительства. Губернаторъ, знающій законы точно такъ же, какъ я вторую часть ариѳметики, совершенно согласился съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Ивановичемъ и повелѣлъ для перваго опыта выборы на градскаго житомірскаго голову произвести у себя въ канцеляріи. Грабовскій торжествовалъ, а надо мной трунили и подсмѣивались, говоря, что я далъ вырвать кусокъ жирный у себя изъ-подъ носу. Не помню, зачѣмъ-то случилось мнѣ быть вечеромъ у начальника губерніи. Зашла рѣчь о выборахъ. Я сталъ доказывать, что переносъ ихъ въ канцелярію дѣлается незаконно, потому что выборы иначе и производить нельзя, какъ только коллегіальнымъ порядкомъ, а въ канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никакого присутствія, что право утвержденія во всякомъ случаѣ остается за губернаторомъ, ибо губернское правленіе только проектируетъ, представляя проекты свои усмотрѣнію его превосходительства. Я говорилъ, правда, рѣзко, но—ей-Богу—справедливо. Генералъ, по обыкновенію, горячо отвѣчалъ мнѣ и даже чуть не наговорилъ мнѣ грубостей. Замѣтивъ, что дѣло принимается больно горячо, я немного отступилъ, выжидая случая снова начать мои нападенія. Дня эдакъ черезъ два губернаторъ, противъ всякаго чаянія, приглашаетъ меня къ себѣ и приказываетъ опять попрежнему производить всѣ выборы въ губернскомъ правленіи. Это рѣшеніе окончательно вооружило противъ меня Грабовскаго и было началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ непріятностей по службѣ. Строго и неутомимо смотрѣли за мной лазутчики, не попадусь ли я, какъ взяточникъ, но, встрѣтивъ съ этой стороны хорошее укрѣпленіе и отчаявшись сдѣлать какую нибудь брешь, повели нападеніе съ другой. Они начали внушать губернатору, что дѣла у меня замедляются, что я лѣнивъ, недѣятеленъ, невнимателенъ, и нашъ воевода, не обращая вниманія на кучи бумагъ и дѣлъ, окружающихъ меня по этимъ проклятымъ выборамъ, сталъ сначала исподволь, а потомъ уже прямо всякій день дѣлать мнѣ строгіе выговоры, да замѣчанія. Малѣйшее промедленіе, совершенно отъ меня независящее, доводило его до горячихъ выходокъ и я съ стѣсненнымъ сердцемъ

долженъ былъ выслушивать обидные для меня намеки и глупыя угрозы. Чортъ знаетъ, за что и изъ-за чего человѣкъ такъ много хлопочетъ, неся глупую службу! Ей-ей, квакеры лучше всѣхъ понимаютъ жизнь, презирая всѣ оффиціальныя ея требованія!"

Ожесточенный подъяческими подвохами своихъ сослуживцевъ, Аскоченскій старался изолироваться, искалъ уединенія.

„Я началъ писать что-то большое; право слово, самъ еще не знаю, что такое... Что будетъ—увидимъ; но я радъ, что хоть это будетъ отвлекать меня отъ бѣготни по знакомымъ домамъ и засадитъ въ кабинетъ. Право, пора сосредоточиться въ себѣ, а то долго ли размѣнять свою душу на мелочную, никуда негодную монету. Начата вторая глава моего разсказа. Я сильно и горько плакалъ, пиша ее."

Въ это время Аскоченскій переживалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда грусть наполняла его сердце ядомъ и желчью, когда каждое слово, имъ произносимое, дышало раздражительностью. Не щадилъ онъ тогда и „созданій", манившихъ когда-то его взоры и волновавшихъ кипучую кровь. Онъ бросалъ во всѣхъ ядовитыми эпиграммами и терзающими насмѣшками.

„Я перессорился со всѣмъ городомъ включительно"—пишетъ онъ 11-го іюня,—поднявъ нечаянно моими стихотвореніями вонючія подонки этого протухлаго общества, и теперь большую часть сижу сиднемъ дома".

Понятно, съ какою радостью Аскоченскій разстался съ Житоміромъ. 8-го марта 1849 г. онъ уже былъ въ Каменецъ-Подольскѣ, въ новой должности предсѣдателя совѣстнаго суда. Вотъ что онъ писалъ на прощаніе съ Житоміромъ:

„Я простился съ Житоміромъ, со всѣми непріятностями, испытанными тамъ мною, чтобы встрѣтить, можетъ быть, новыя.

„Но будь воля Божія!

„Я простился съ Житоміромъ. Въ послѣднее время онъ звѣрски ожесточился противъ меня; не было оскорбленія, котораго бы не придумали мнѣ завистники мои, названные мои товарищи. Все, что только можно встрѣтить непріятнаго по службѣ, все поднято было на меня, чтобы столкнуть, если можно, съ лица земли. Оговаривали меня предъ начальствомъ, выдавали меня за безтолоча, кричали во весь голосъ за безпокойный мой характеръ. Замѣчали каждый шагъ мой и дошли, наконецъ, до того, что 17-го декабря внесли въ журналъ неприсутствованіе мое въ правленіи, какъ противозаконное нарушеніе служебнаго порядка.

„Я простился съ Житоміромъ, но не расквитался съ нимъ. Мои обстоятельства до того запутались тамъ въ финансовомъ отношеніи, что съ величайшимъ трудомъ я успѣлъ выбраться изъ ненавистнаго мнѣ города. Если бы не благородные и добрые мои друзья, Квистъ и Ивковъ, то долго бы мнѣ еще не видать Каменца. Въ послѣдніе

дни я отъ безполезныхъ хлопотъ даже слегъ было въ постель, и не было руки, которая протянулась на помощь мнѣ. Вотъ тутъ-то я повѣрилъ на опытѣ справедливость словъ покойнаго Мерзлякова: „всѣ друзья, всѣ пріятели до чернаго лишь дня“. Впрочемъ, я и не богатъ былъ ими. Зато все, что составляло мое хозяйство, все серебро мое, всѣ драгоцѣнныя вещи, остались въ Житомірѣ или распроданными за безцѣнокъ, или заложенными подъ страхомъ пропажи. Странное дѣло! съ какой бы стороны ни взглянулъ я на мою жизнь, вездѣ и всегда въ итогѣ мнимыхъ плюсовъ выходитъ у меня минусъ.

„Я простился съ Житоміромъ; но неужели не было тамъ ни одного семейства, съ которымъ бы жаль мнѣ было разстаться? Постойте, дайте подумать... Такъ, ни одного. Есть какъ будто одно,—это семейство доктора Битнера; но я не любилъ самого Битнера, безтолковаго, вздорнаго и во всѣхъ отношеніяхъ безпокойнаго человѣка, съ глуподобрымъ сердцемъ, съ безсвязною рѣчью и съ неумолкаемыми толками чортъ знаетъ о чемъ. Было еще два-три семейства, но не льнула къ нимъ душа моя, ибо видѣла всю пустоту внутренняго содержанія этихъ господъ и госпожъ, ибо не находила мѣста, куда бы сложить умную мысль и животрепещущее чувство. Нѣтъ, не о комъ мнѣ было пожалѣть, прощаясь съ Житоміромъ. Останутся только неизгладимыми въ памяти моей Квистъ, Ивковъ, Богуславскій и... только.

„Я простился съ Житоміромъ; но горько плакалъ я, прощаясь не съ нимъ, а съ драгоцѣннымъ прахомъ, зарытымъ въ сырой его землѣ, весь обливался я слезами, разставаясь съ тѣми мѣстами, къ которымъ прикованы святыя мои воспоминанія счастливо проведенной жизни съ другомъ моимъ, моей Нѣжинькой. Въ послѣдній, можетъ быть, разъ я обливалъ слезами деревянный помостъ той каплицы, гдѣ почіетъ она, моя несравненная подруга, и грустныя думы ходили въ головѣ моей, и спрашивалъ я, обращая вокругъ взоры мои: „кто жъ теперь придетъ къ моей Нѣжинькѣ?“ Суровое безмолвіе могилы и полуразрушенныхъ временемъ памятниковъ было отвѣтомъ на мой безотрадный вопросъ. Снова залившись слезами, я уѣхалъ съ кладбища и вотъ одно, что мнѣ жаль было оставить въ Житомірѣ.

„Я простился съ Житоміромъ; но никогда, никогда я не забуду его, какъ не забываетъ исторія имени Герострата, постоянно обрекая его вѣчному забвенію. Эта полупосѣдѣлая голова одна въ состояніи напомнить мнѣ о Житомірѣ. Но не забудетъ и онъ меня. Изъ рода въ родъ передадутъ имя Аскоченскаго, какъ опаснаго гонителя подлостей и пошлостей людскихъ, составляющихъ существенную стихію этого города и вообще всей Волыни. Празднуютъ теперь прежде робѣвшіе пера моего жалкіе представители духа этого края; но не долго. И отсюда достанетъ ихъ мое длинное перо, и отсюда скажу я имъ слово, отъ котораго зачешется у нихъ за ухомъ.

„И вотъ я теперь въ Каменцѣ. Но мало еще у меня впечатлѣній, хоть отъ думъ голова ломится. Я видѣлъ городъ и подивился смѣлой

и гордо-неправильной его архитектурѣ, я видѣлъ сильныхъ этой земли и ни чуть не подивился невѣжеству и какой-то глупой надменности нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень хорошо зная, что это въ порядкѣ вещей, что это такъ должно быть. Появленіе мое въ ряду этихъ людей, во всю ширину своего существа занятыхъ собою и своей служебной важностью, не могло быть пріятно. Я прозелитъ, и иду подъ управленіемъ десницы Божіей, а эти ханааны, какъ муравьи, давно копались и строили зданіе своего теперешняго благополучія, тогда какъ у меня оно выросло точно такъ же скоро, какъ смоковница пророка Іоны. Люди вездѣ и всегда люди и утопическихъ мечтаній я не приложу ни къ какому сорту людей, и сердиться на нихъ не буду, лишь бы только не подставляли мнѣ ноги сзади".

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1]).

VI.

Служба въ Каменецъ-Подольскѣ.

Матеріальное положеніе Аскоченскаго. — Мрачное настроеніе. — Негодованіе на цензора Елагина и на цензуру вообще. — Обвиненіе Аскоченскаго въ пасквилянтствѣ.—Чиновническіе факторы.—Взяточничество.—Безкорыстіе Аскоченскаго. — Отзывъ о Готовцевѣ. — Разрывъ съ нимъ. — Исторія столкновенія Аскоченскаго съ Готовцевымъ. — Характеристика губернатора В. Е. Анненкова и его жены. — Гоненіе на Аскоченскаго за его безкорыстіе и писательство.—„Шемякинъ судъ“ надъ нимъ.—Стараніе выгородить Д. Г. Бибикова.—О юридическомъ образованіи въ Россіи и училищѣ правовѣдѣнія въ частности.—Полная характеристика Готовцева. — Критическій взглядъ на предательство Іудино. — Милость къ падшимъ.

КАКЪ предполагалъ Аскоченскій, такъ и вышло. Положеніе его въ Каменецъ-Подольскѣ еще болѣе ухудшилось противъ прежняго. Дневникъ за 1849 годъ открывается подъ 15-мъ мая слѣдующей замѣткою:

„Въ первый разъ начинается мой дневникъ такимъ жалкимъ сказаніемъ, какъ теперь. Стыдно, право, сказать, а грѣхъ потаить: я—предсѣдатель, важничавшій нынѣ въ церкви золотымъ шитьемъ, вплоть облегавшимъ воротникъ моего мундира, и бѣлыми брюками, удивительно какъ эффектно выдававшимися между этими—фи! черными, какъ сажа, штанами, я—стоявшій напереди всѣхъ—увы, не имѣлъ, гдѣ и на какія деньги пообѣдать... Презанимательная, я вамъ скажу, исторія! Въ такой мизерабельной крайности пустился я съ

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ XI, стр. 30.

визитами къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, но напрасно растягивалъ я урочное для визитовъ время: мои знакомые усердно пожимали мнѣ руку, даже обѣ руки, и весьма вѣжливо провожали меня до самаго порога, нисколько не догадываясь о существеннѣйшей цѣли моихъ визитовъ. И я, накрывая голову шляпой, скакалъ легко и очень граціозно по ступенькамъ высокихъ лѣстницъ и выходилъ на улицу, играя беззаботно моей камышевой тростью. Какъ на бѣду, на встрѣчу мнѣ шли все свѣтлыя лица съ такими масляно-красными губами, а одинъ разбойникъ прохожій, на зло мнѣ будто, ковырялъ во рту соломенкой. „Ахъ, мошенникъ, думалъ я, еще трунитъ надо мной. Да какъ онъ смѣетъ. Вѣдь я... того-съ... хоть и лыкомъ шитъ, а все же предсѣдатель—да-съ!“ И въ порывѣ весьма справедливаго гнѣва я чуть было не привязался къ ковырявшему въ зубахъ...

„Я поплелся домой съ рѣшительнымъ намѣреніемъ хорошенько подумать о суетѣ сего міра; но... какъ невѣрны всѣ наши, даже самыя душеспасительныя предположенія!

„Толкъ въ двери,—моего Николая нѣтъ дома и комнаты заперты. Спрашиваю, гдѣ онъ; мнѣ отвѣчаютъ, что пошелъ обѣдать. „Счастливецъ, подумалъ я, онъ обѣдаетъ, а я“... Чувство глубочайшаго смиренія сковало мои уста и высокія философскія размышленія заняли меня около полутора часа, проведенныхъ мною въ невольной прогулкѣ около моей собственной квартиры. Я былъ на самой маковкѣ христіанскаго совершенства, и ни разу не выбранилъ моего человѣка за такое несвоевременное обжорство, когда баринъ его постничаетъ рѣшительно. Тутъ, между прочимъ, я узналъ на опытѣ, что постъ есть источникъ первосортныхъ добродѣтелей. Наконецъ, человѣкъ мой воротился, и я опять-таки не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія, раздѣлся, легъ на диванъ и закурилъ сигару, потчуя духовною пищею почтеннѣйшаго моего архея. Не правду ли я сказалъ, что презанимательная исторія?“

На другой день Аскоченскій записалъ:

„Сегодня секретарь мой сдѣлалъ мнѣ удивительный сюрпризъ. Я сидѣлъ въ раздумьѣ и чертилъ что-то по открытой книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Мнѣ было грустно, ожесточительно грустно. Вдругъ входитъ мой секретарь.

— Что вамъ угодно? спросилъ я, помнится, не такъ-то ласково.

— Я принесъ жалованье.

— Что такое? сказалъ я, вытаращивъ на него глаза.

— Жалованье принесъ.

— Откуда?

— Изъ казначейства.

— Кому?

— Вамъ-съ.

— Мнѣ? Жалованье? Какое?

— Положенное-съ.

— Ну-те, ну-те, это любопытно. Сколько-жъ его тамъ, этого жалованья?

— А вотъ извольте-съ получить 50 р. 43 к.

— За сколько-жъ это?

— За треть.

„Я расхохотался. Секретарь взялъ отъ меня записку въ полученіи и ушелъ. Я задумался, и только стыдъ удержалъ меня отъ слезъ. Что мнѣ дѣлать съ этимъ нищенскимъ подаяніемъ? Куда мнѣ его употребить? Неужто на себя? Боже меня сохрани! У меня есть сынъ; онъ скоро имянинникъ, надо послать ему подарокъ, а кромѣ того маменька отъ имени кормилицы написала мнѣ такое дерзкое письмо съ требованіемъ уплаты, что мнѣ поневолѣ слѣдуетъ отдать съ себя послѣднюю рубашку. Рѣшено: прощай мое предсѣдательское жалованье за треть! И я снова расхохотался“...

17-го мая, понедѣльникъ.

„Все до послѣдней копѣйки отправилъ я моему Костѣ и опять пошла у меня жизнь—колоть, да кочки. При всемъ томъ я веселъ, какъ будто получилъ неожиданную тысячу“...

Къ безденежью Аскоченскаго присоединилось и въ Каменецъ-Подольскѣ, какъ было въ Житомірѣ, озлобленіе противъ него.

„Эхъ,—пишетъ онъ подъ 25-мъ мая—когда бъ мое горемычное состояніе было сколько нибудь и чѣмъ нибудь обезпечено, взялъ бы шапку, махнулъ рукой, да прости прощай служба-матушка. Самъ не понимаю, или ужъ я въ самомъ дѣлѣ такъ нехорошъ, что не могу ужиться съ людьми, или ужь родъ-то человѣческій любитъ черезчуръ сплетни, да безурядную любовь; но тяжело, право, тяжело мнѣ. Не дружелюбно глядятъ на меня всѣ здѣшніе, и бѣжалъ бы я отъ нихъ въ глубь родимаго моего сѣвера. Авось хоть тамъ бы отвелъ я душу мою чистымъ, святымъ, русскимъ радушіемъ“.

Въ это время Аскоченскій хлопоталъ о напечатаніи своей „Панорамы“, о которой упоминалось раньше; но, кажется, неудачно, ибо подъ 7-мъ іюня читаемъ:

„Сегодня я получилъ изъ Кіева мою „Панораму“. Боже мой! Неужто правительство можетъ сажать цензорами такихъ людей, какъ Елагинъ? Это—круглый дуракъ. Я представить себѣ не могъ никогда, чтобъ такіе ослы засѣдали въ томъ истинно священномъ мѣстѣ, которое, по характеру своему, должно быть указателемъ законовъ правды, чести и долга. Мой цензоръ не только не понимаетъ литературы, не только не смыслитъ толку въ словесныхъ произведеніяхъ, но даже не знаетъ первыхъ правилъ устава цензурнаго. Эта скотина осмѣлилась исправлять и переиначивать мое сочиненіе, и я хохоталъ отъ души, бѣсясь въ то же время самымъ чистосердечнымъ

образомъ надъ безсмысленными замѣтками моего рецензента. Постой же, голубчикъ! Ужъ или ты, или я, — но будемъ помнить другъ друга!"

Въ связи съ этой замѣткой нельзя не со поставить записанную подъ 13-мъ іюня:

„Боже мой! Да неужли-жъ и это жизнь? Неужто и это люди? Вотъ вопросы, которые теперь занимаютъ меня и на которые никакъ не могу найти отвѣта. Счастливъ тотъ, кто, не проникая въ глубь сцены, на которой суетится или плѣснѣетъ человѣчество, довольствуется одной декораціей и обстановкой и не знаетъ болѣзненнаго смѣха, отъ котораго ноетъ и болитъ понятливая душа. Други мои! Жестоко мститъ натура тому, кто самовластно дерзаетъ поднять ея Изидино покрывало... Я пасквилей не пишу, а поставь только имя, тотчасъ закричатъ: „га! пасквилянтъ, пасквилянтъ"! Да ужъ диво бы кто, а то сама православная наша цензура вопіетъ мнѣ то жъ самое въ уши. Впрочемъ, съ этою голубушкою я поквитаюсь по-русски. Сегодня я приготовилъ знатную закусочку за мою „Панораму". Пускай-ко раскуситъ"...

Аскоченскій, дѣйствительно, является обличителемъ, пасквилянтомъ въ глазахъ провинціальныхъ дѣльцовъ и разнаго рода дѣятелей-сѣятелей. Да иначе и быть не могло. Онъ видѣлъ вокругъ себя на каждомъ шагу продажность, плутовство, приказныя увертки, видѣлъ весь жалкій образъ поведенія, какимъ заявляли себя окружавшіе его дѣятели, и сознавалъ свое безсиліе въ борьбѣ противъ грубыхъ понятій, господствовавшихъ въ провинціальномъ обществѣ того времени. Только и оставалось, значитъ, что быть наблюдателемъ нравовъ; но сохранять хладнокровіе было не въ натурѣ Аскоченскаго. Отсюда, разумѣется, и эта потребность излить свое негодованіе хоть на страницахъ дневника.

Подъ 14-мъ іюня Аскоченскій пишетъ:

„Хотите ли вы, господа, знать, какъ можно потерять или вовсе не имѣть значенія на свѣтѣ?—Не имѣть достоинствъ, скажете. Пустое! Будьте умны, какъ Ньютонъ и Декартъ, добры, какъ Сократъ, безкорыстны, какъ Цинциннатъ, благонамѣренны, какъ Аристидъ,—все это ровно ничего не принесетъ вамъ, если вы не будете имѣть денегъ. Не правда ли, что это старая, истасканная аксіома? Вы, конечно, знаете ее; знаю и я, да какъ еще знаю!...

„Весь городъ теперь толкуетъ о слѣдствіи, наряженномъ надъ нѣкоторыми чиновниками, у которыхъ, знаете, рыльце въ пушку и которые стоятъ такъ высоко, что всякое пятнышко на сапогахъ ихъ видно. Я говорю о предсѣдателѣ здѣшней казенной палаты—Матюнинѣ, и совѣтникѣ той же палаты—Данильченковѣ. Уже схватили, говорятъ, факторовъ ихъ—да нозвольте, вы, можетъ быть, не знаете, что такое чиновническій факторъ. Эти звѣри водятся лишь на Волыни да въ Подоліи; въ другихъ мѣстахъ они или очень рѣдки,

или вовсе не имѣются. Чиновническій факторъ бываетъ обыкновенно изъ жидовъ, обыкновенно пройдоха, обыкновенно въ высшей степени подлецъ и обыкновенно ничего у себя не имѣющій, что называется— ни кола, ни двора. Обязанности, принимаемыя имъ на себя, съ согласія умнаго чиновника, начиная отъ секретаря до предсѣдателя, состоятъ въ слѣдующемъ. Чиновникъ первоначально открываетъ ему, что тогда-то идетъ въ очередь къ слушанію такое-то дѣло, прикосновенные къ оному такіе-то и такіе-то, оборотъ оно можетъ принять такой и такой,—разумѣется, смотря по обстоятельствамъ. Съ этими предварительными свѣдѣніями факторъ отправляется искать краснаго звѣря. Если онъ тутъ, на-лицо, то онъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры, рекомендуясь знакомымъ особѣ, отъ которой зависитъ рѣшеніе дѣла, если же тутъ въ городѣ нѣтъ ни одной изъ тяжущихся сторонъ, то факторъ, взвѣсивъ предварительно выгоды съ той и другой стороны, обращается къ одной какой либо изъ нихъ, а чаще къ обѣимъ, и черезъ своихъ же жидовъ и разныхъ повѣренныхъ даетъ знать сторонамъ, что дѣло начнется скоро, и что не худо, дескать, явиться самимъ для присмотра за ходомъ онаго. По явкѣ кого слѣдуетъ въ городъ, представляется господину тому же факторъ и начинается торговля, разумѣется, съ-вѣдома предсѣдателя, совѣтника или секретаря. Условившись въ цѣнѣ, факторъ беретъ половину и относитъ ее главному мошеннику, срывая въ это время съ него подачку и удѣливъ для себя изъ той половины малую толику, въ полной увѣренности, что его высокородіе, „господинъ презесъ“ не станетъ допытываться изъ гонору у просителя, сколько дано имъ на его долю; а если и спроситъ, то бѣда не велика, — воронъ ворону глазъ не выклюетъ, и много-много, если его высокородіе дастъ въ рожу своему фактору. Какъ скоро завяжется и пойдетъ въ ходъ дѣло, факторъ обязанъ наблюдать, не явилась ли противная сторона и не хлопочетъ ли она около кого либо другаго изъ членовъ присутственнаго мѣста. Если при этомъ окажется, что выгоднѣе поворотить дѣло въ противную сторону, то факторъ подъ величайшимъ секретомъ условливается съ противной стороной и, открывая частичку дѣловаго секрета, принимаетъ отъ просителя бо́льшую прежней подачку, которую тоже относитъ къ патрону, заслуживая этимъ отъ его высокородія названіе молодца и рюмку водки изъ собственныхъ рукъ господина презеса. Тутъ обыкновенно начинаются взаимныя изліянія, съ одной стороны, готовности къ услугамъ и совершенной преданности и усердія, а съ другой — одобрительныхъ обѣщаній и наградъ. Всѣ извилины, по которымъ тянется и волочится начатое дѣло, становятся извѣстными покровительствуемой сторонѣ черезъ того же фактора, за что онъ всякій разъ получаетъ отъ просителя подачку, уже ни копѣйкой не дѣлясь съ своимъ чиновнымъ патрономъ. Это называется у факторовъ „служить“ при такомъ-то. Рѣдко бываетъ, чтобы факторъ, прослужившій такимъ образомъ у

совѣтника или предсѣдателя, не наживалъ въ самое короткое время независимаго состоянія и не становился впослѣдствіи купцомъ. Царь православный! Знаешь ли ты все это? Проникаетъ ли твой орлиный взоръ въ эту помойную яму мерзостей и гадостей твоихъ вѣрноподданныхъ слугъ, которыхъ ты отличаешь крестами, чинами и почетными мѣстами?... Никто тебѣ не скажетъ этого, ибо сотрутъ того съ лица земли, кто осмѣлился бы обнаружить чиновныхъ подлецовъ, ибо представятъ тебѣ его, какъ человѣка дерзкаго, безпокойнаго, и ты самъ, обманутый подлецами, подпишешь приговоръ, осуждающій твоего вѣрнаго слугу на изгнаніе и нищету. Тяжки твои скорби поставленнаго выше всѣхъ; грустно безотвѣтенъ отчетъ твой предъ Всевышнимъ Судіею, ибо ты не Богъ, чтобы знать все, а долженъ знать, ибо Русь зоветъ тебя земнымъ богомъ.

„Я знаю все это, ибо видѣлъ и наблюдалъ. И ко мнѣ дерзнулъ явиться такой подлецъ факторъ съ предложеніемъ услугъ своихъ; но быстро исчезла за воротами моей квартиры мотавшаяся въ рукахъ его шапка и долго, я думаю, краснѣла русская оплеуха на жидовской его харѣ.

„Но что жъ! Не назовутъ меня за это умнымъ дѣльцы-подъячіе. Тысячу разъ приходилось мнѣ слышать, какъ отъявленнаго подлеца и взяточника называли умнымъ, какъ бы въ упрекъ и насмѣшку мнѣ, и долженъ, наконецъ, признаться, что я точно глупъ, вѣря въ награду честности. Два съ половиною года былъ я совѣтникомъ волынскаго—понимаете ли?—волынскаго губернскаго правленія и не нажилъ себѣ ровно ничего, кромѣ долговъ, тогда какъ товарищи мои сдѣлали себѣ въ это время состояніе и заслужили имя дѣловыхъ людей. Вотъ уже почти четыре мѣсяца, какъ я занимаю мѣсто предсѣдателя; но пусть прочитаютъ мой дневникъ, пусть заглянутъ въ мой кошелекъ,—тогда увидятъ, что я несравненно бѣднѣе послѣдняго магистратскаго столоначальника. Я удивительно награжденъ: 600 рублей ассигнаціями жалованья за бѣлые съ лампасами штаны, да дерзости отъ кредиторовъ, которыхъ я не могу не имѣть при такой значительной наградѣ за честность. Глупъ я, господа, не правда ли? Но пусть будетъ, что будетъ! Не замараю руки моей, помня, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“.

Чѣмъ дольше оставался Аскоченскій на службѣ, тѣмъ больше и ближе онъ имѣлъ возможность наблюдать плутовство своихъ сотоварищей.

„Чего-то я не начитался, не насмотрѣлся, не наслушался; какихъ подлостей и гадостей не приходится быть мнѣ безмолвнымъ свидѣтелемъ! Тоскливо озираю я суетящееся вокругъ меня отребье человѣчества, и жалѣю о гибнущихъ моихъ вѣрованіяхъ въ чистоту побужденій и дѣйствій человѣческихъ. Грустно!“

Это писалъ Аскоченскій 20-го сентября, а черезъ полгода читаемъ опять подъ 29-мъ марта 1850 г.:

„Истинно скажу, съ какой бы радостью бросилъ я теперь всѣ эти дрязги гражданской службы и снова пошелъ бы той дорогой, которую пробилъ я себѣ моимъ образованіемъ. Но Богъ вѣдаетъ, какъ трудно мнѣ вырваться изъ этого омута. Мнѣ даютъ совѣты ѣхать въ Кіевъ; да какъ я поѣду, други мои, когда не знаю, будетъ ли у меня на завтра насущный кусокъ хлѣба?“

Крайняя нужда, между прочимъ, заставила Аскоченскаго поселиться вмѣстѣ съ бывшимъ тогда въ Каменецъ-Подольскѣ прокуроромъ Готовцевымъ. Но ему и въ пріязни этого сослуживца пришлось жестоко разочароваться. Вотъ какъ отзывается о немъ Аскоченскій, проживъ съ нимъ восемь мѣсяцевъ:

„Умный, образованный, онъ въ высшей степени нестерпимъ по своему самолюбію и эгоизму. Презрѣніе ко всему, стараніе уронить всякаго, кто равенъ ему или кто осмѣлится подумать стать выше его, покровительство ничтожнымъ тварямъ, позволяющимъ истощать надъ собою досужее остроуміе, безпощадное злословіе, злая насмѣшка надъ всѣмъ священнымъ, гордое неряшество, страшное самохвальство, дикія эксцентрическія правила, — вотъ неполное очертаніе этого человѣка. Онъ честенъ, справедливъ, но я не повѣрю ему ни чести моей, ни друга моего, ни жены моей, — все продастъ, не вильнетъ только совѣстью своею за деньги. Страшная, отвращающая сердце душа этого человѣка, съ которымъ судьба привела меня раздѣлять кусокъ хлѣба и, къ великому моему горю, я при настоящихъ обстоятельствахъ не имѣю возможности отстать отъ этого моего компаньона,— увы! онъ меня кормитъ... Какъ тяжко и больно мнѣ это! Къ несчастью, я слишкомъ сблизился съ нимъ, слишкомъ много и широко открылъ ему мою любосообщительную душу. И вотъ онъ, пользуясь этимъ, тиранитъ ее съ варварскою жестокостью. Объ одномъ всякій разъ я молю его: чтобы онъ не касался святынь моихъ, моихъ убѣжденій и вѣрованій; нѣтъ, онъ и тутъ не оставляетъ меня въ покоѣ. И я все терплю, и долженъ терпѣть, ибо Готовцевъ меня кормитъ“...

Мало-по-малу отношенія между Аскоченскимъ и Готовцевымъ становятся натянутыми, пока не завершаются рѣшительнымъ разрывомъ. Характерная исторія этой ссоры, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ для Аскоченскаго потерю службы, разсказана въ дневникѣ подробно. Начинается она издалека. Прослѣдимъ ее по записямъ самого Аскоченскаго въ хронологическомъ порядкѣ.

„Надобно знать“, пишетъ Аскоченскій 20-го августа (1850 года), „что съ давняго времени мой пріятель Готовцевъ началъ усердно ухаживать за Маріе Данильченковой. Ну, началъ и началъ, — мнѣ вовсе нѣтъ никакого дѣла; но вотъ тутъ-то и подслужился мнѣ мой нетерпѣливый, язвящій характеръ. Умышленное пренебреженіе общимъ мнѣніемъ, дерзкое и назойливое обращеніе увлеченной дѣвушки съ своею матерью, безотчетное довѣріе къ безстыднѣйшему и безнравственнѣйшему изъ ловеласовъ, презрѣніе всего, чѣмъ слѣдовало

бы дорожить всякой порядочной дѣвицѣ,—все это не могло вызывать меня на мадригалы и комплименты. Но я молчалъ, изрѣдка позволяя себѣ пускать пѣтушка или заостренную эпиграмму въ глупую дѣвчонку. Между тѣмъ, толки и пересуды толпою разгуливали по городу, и многіе кивали головами и улыбались двусмысленно, видя, какъ молодецъ, ничто же срамляяся и, противъ всѣхъ губернскихъ обычаевъ, ходитъ подъ руку съ молодицею, поставляя себя выше всѣхъ предразсудковъ. Толстая и соразмѣрно глупая маменька часто дѣлала за это сцены своей одурѣвшей дочкѣ, безтолковый папенька поплевывалъ да почесывалъ вылинявшій свой хохолъ, будучи готовымъ всякій разъ играть роль безглазаго и глухаго евнуха при своей дочкѣ, когда ей вздумается по условію, заранѣе приготовленному съ своимъ... или нѣтъ, не такъ... съ идоломъ своего сердца. Все это я, говорю, видѣлъ и молчалъ. Наконецъ, вотъ въ этотъ четвергъ Магіе окончательно свихнула съ ума, рѣшившись идти гулять въ садъ Витте ночью одна, въ сопровожденіи своего возлюбленнаго и бѣднаго Розенбаума. На другой же день расторопная маменька прочитала своей взбалмошной дочкѣ предику съ приличными въ такихъ случаяхъ слезами. Дочка отвѣчала ей дерзостями и сказала, что „плюетъ на всѣхъ и на все“. Утромъ же въ тотъ же день я получилъ извѣстіе объ этомъ ночномъ вояжѣ; не вѣря своимъ ушамъ, я искусно вывѣдалъ все, узнавъ отъ самого Розенбаума и Готовцева подтвержденіе этой невѣроятной глупости ихъ и невообразимаго безстыдства испорченной дѣвчонки. Такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь, то по городу пошла гулять эта изумительная новость, и молодцы, понавшіе въ-просакъ, рѣшили обще съ родителями Магіе выпутаться изъ этой бѣды, принявъ въ компаньонки своего вояжа мадамъ Китицыну. Сообразивъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ Готовцева и Розенбаума съ позднѣйшими объясненіями, я совершенно убѣдился въ безстыдствѣ всей этой честной компаніи и сегодня послѣ обѣдни отправился къ Данильченковымъ полюбоваться домашнею драмою. Тамъ засталъ я дѣйствующихъ лицъ: Розенбаума, Магіе и матушку ея. Занавѣсъ поднялся; началась драма.

„Прологомъ послужила болѣзнь моя. Я объяснилъ ее простудою.

— Не отъ гулянья ли въ саду? злобно подхватила Магіе.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ я спокойно, — я не люблю гулять по ночамъ.

— А я такъ люблю.

— Это дѣлаетъ вамъ честь.

— По крайней мѣрѣ, сказала Магіе со слезами,—такъ говорятъ сплетники.

— Не надобно подавать имъ повода говорить такъ.

— А зачѣмъ же вы повторяете?

— Хорошее можно повторять, не то забудется, а этакой исторіи въ Каменцѣ, я полагаю, не случалось.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Розенбаумъ,—тѣ дурно дѣлаютъ, кто сплетничаетъ, а тѣ еще хуже, которые передаютъ сплетню.

— А тѣ еще дурнѣе, которые, не зная хоть напримѣръ моихъ отношеній къ здѣшнему семейству, рискуютъ дѣлать подобныя замѣчанія. Вы недавно здѣсь знакомы, а я ужъ два года слишкомъ; а старый другъ лучше новыхъ двухъ круглымъ счетомъ.

„Розенбаумъ вспыхнулъ и покраснѣлъ.

— Неужто вы могли повѣрить такой сплетнѣ? сказала почти плача Marie.

— Я только о томъ и прошу, чтобы вы меня разувѣрили.

„И мадамъ Данильченкова принялась за эту работу; но она говорила такъ смѣшно, такъ глупо и такъ нелогично, что мнѣ стало стыдно за нее.

— Да пусть ихъ говорятъ, что̀ хотятъ, подхватила Marie,—я не обращаю никакого вниманія.

— Знаю, Марья Осиповна, вы даже подъ часъ плюете на всѣхъ.

„И еще что-то много было говорено. Я былъ жестоко и хладнокровно язвителенъ. Отказавшись отъ приглашенія къ обѣду, я сталъ откланиваться.

— Чѣмъ же вы теперь займетесь? съ злой улыбкой спросила меня Marie.

— Сличеніемъ того, что я теперь слышалъ, съ собранными мной свѣдѣніями и справками.

— А потомъ?

— А потомъ, если прикажете, я сообщу вамъ результатъ моихъ соображеній.

— Нѣтъ, оставьте при себѣ.

— Я ожидалъ отъ васъ этого приказанія,—вы угадали, что результатъ не будетъ для васъ благопріятенъ.

„Я вышелъ, оставивъ бранить и перецѣнивать меня и вкривь и вкось, и вдоль и поперегъ. То-то было имъ, голубчикамъ, работы.

„Между тѣмъ, Готовцевъ, пойманный съ поличнымъ, выходилъ изъ себя, сидя дома. Онъ бранилъ меня всячески, называя меня не иначе, какъ ноповичемъ. Бѣдненькій, ничего не нашелъ другаго, чѣмъ бы меня допечь. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же принялся писать „Мою родословную“, которую, при сей вѣрной оказіи, и посвятилъ его милости. Не знаю, какое дѣйствіе произвело мое стихотвореніе на этого скота, но я показалъ ему, что не стыжусь моего происхожденія, ибо оно свято и благородно столько же, сколько и родовое дворянство.

21-го августа, понедѣльникъ.

„Данильченковы что-то кружатся около меня; то и дѣло присылаютъ узнать о моемъ здоровьѣ и съ предложеніемъ разныхъ услугъ,

отъ которыхъ я охотно и предусмотрительно отказываюсь. Что это доказываетъ? Не то ли, что они боятся обнаженной правды? Жаль Маріе, увлеченной безстыднымъ и безнравственнымъ ловеласомъ.

23-го августа, среда.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Данильченковыхъ семейство раздѣлилось на партіи въ отношеніи меня: Маріе чуть не кусается; старà еще сохраняетъ видъ нѣкоторой благорасположенности; старый по привычкѣ остается въ нейтралитетѣ и оправдываетъ самымъ дѣломъ то, что онъ изъ колпаковъ колпакъ. Готовцевъ желалъ бы зарѣзать меня, но это бы пустяки,—жаль, что по его дудкѣ пляшетъ и Розенбаумъ.

25-го августа, пятница.

„Готовцевъ ловко разсчитываетъ свое мщеніе; всѣми зависящими отъ него средствами онъ старается устранить отъ меня моихъ знакомыхъ, которые соглашаются плясать подъ его дудку. Въ этомъ отношеніи Каменецъ для меня хуже Житоміра,—и тамъ была пора, когда объявлено было на меня поголовное возстаніе, но, по крайней мѣрѣ, все-таки оставались у меня добрые пріятели, и имена Квиста, Ивкова никогда не останутся для меня забытыми. А здѣсь и ядущіе со мной хлѣбъ воздвигаютъ на мя свои запинанія. Отшатнулся отъ меня и гордый Розенбаумъ, и ничтожный Круглинскій, и подлый Китицынъ. Ясно, что я не въ большой потерѣ; но все же скучно“.

Въ такомъ напряженномъ состояніи протянулась размолвка съ Готовцевымъ цѣлый мѣсяцъ. Серьезный оборотъ приняла она по слѣдующему поводу:

„За обѣдомъ, 18-го октября, случилось со мной непріятное происшествіе. Сидѣвшій подлѣ меня предводитель Лѣсневичъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „dla czego pan prokuror taki milczący?“ Полушутя, я отвѣтилъ на это: „zakochany“. Не зная моихъ отношеній къ Готовцеву, Лѣсневичъ брякъ прямо ему тотъ же вопросъ. Надо замѣтить, что прокуроръ сидѣлъ какъ разъ сзади меня, на поворотѣ стола, образовавшаго въ этомъ мѣстѣ уголъ. „A czyż ja będę krzyczeć?“ отвѣчалъ Готовцевъ.—„Pan mòwi“, продолжалъ Лѣсневичъ, указывая на меня, „że jesteś zakochany. Powiedz panu, że ja dlatego nie krzyczę iż jestem rozumniejszy od niego“.

Лѣсневичъ, сконфуженный, уткнулъ носъ въ тарелку. Я слышалъ все это и замѣтилъ смятѣніе предводителя. Но чтобы яснѣе увидѣть, къ кому были отнесены прокуроромъ эти дерзкія слова, я обратился къ Лѣсневичу и сказалъ ему: „Pan nie wie o naszych stosunkach z panem prokurorem, już cztery miesiące, jak my nic nie mowimy“.

Лѣсневичъ разсыпался въ извиненіяхъ, говоря, что онъ вовсе не хотѣлъ быть виной настоящей непріятности. Этого было для меня довольно. „Ну, такъ я же покажу ему, кто изъ насъ разумнѣйшій“, сказалъ я, задрожавъ отъ гнѣва. „Iak to pan mogł krzyczeć?—спросилъ онъ простодушно.—„У меня, отвѣчалъ я, и на затылкѣ и на лбу по уху“. Въ бѣшенствѣ я уже не могъ дотрогиваться до подаваемыхъ блюдъ и поминутно пилъ воду.

— Александра Семеновна! сказалъ я довольно громко, обратившись къ Данильченковой, сидѣвшей на той сторонѣ стола, сбоку противъ меня:—скажите, пожалуйста, кричалъ ли я за обѣдомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, вытаращивъ изумленные глаза.

— Хорошо-съ, покорно васъ благодарю.

— Анна Павловна! кричалъ ли я за столомъ?

Скосырева, къ которой была обращена эта моя рѣчь, сослалась на Лѣсневича, какъ ближайшаго моего сосѣда, и когда Лѣсневичъ отвѣтилъ отрицательно, то она прибавила: „если ближайшій сосѣдъ ничего не слышалъ, то я и подавно“.

— Ваше превосходительство! обратился я къ губернатору, сидѣвшему vis-à-vis со мной,—скажите, кричалъ ли я за столомъ?

— Да что это такое? спросилъ генералъ въ недоумѣніи.

— Изволите видѣть, я хочу произнести приговоръ, такъ для этого собираю всѣ нужныя къ дѣлу справки.

— Приговоръ? сказалъ онъ,—да пропуститъ ли прокуроръ?

— Не знаю, пропуститъ ли онъ, но я ему не пропущу. Такъ скажите жъ, ваше превосходительство, кричалъ ли я?

— Помилуйте, кто жъ это можетъ сказать?

— Покорнѣйше благодарю. Теперь все собрано, обдумаю приговоръ.

„И я сѣлъ, углубившись въ себя; руки мои дрожали, голова кружилась. Кончился обѣдъ; Готовцевъ вслѣдъ за дамами убрался въ гостиную. Я сѣлъ поджидать его въ залѣ, окруживъ себя на всякій случай поляками,—Билинскимъ, депутатомъ, помѣщикомъ Залынскимъ и докторомъ Бржезинскимъ. Я тутъ разсчитывалъ на ихъ болтливость. Глядь, мимо меня идетъ Готовцевъ. „Милостивый государь,—сказалъ я, коснувшись его руки,—что вы разумнѣйшій ode mnie—это еще требуетъ доказательствъ, а что вы скотъ и невѣжа — это аксіома, признанная всѣмъ Каменцомъ“. Готовцевъ не выдержалъ до конца всей этой тирадки и, махнувъ рукой, быстро отошелъ отъ меня. Опѣшенные свидѣтели вытаращили другъ на друга глаза. Я всталъ и вышелъ въ гостиную. Мгновенно все зашевелилось. Пошли толки и объясненія. Не ожидая конца ихъ, я уѣхалъ домой, взявъ карету барона Корфа. Преглупая и прегадкая исторія! Чѣмъ-то она разыграется?

9-го октября, понедѣльникъ.

„А вотъ чѣмъ. Часовъ въ десять утра является ко мнѣ одинъ изъ пріятелей Готовцева, помѣщикъ Голынскій, проживающій въ городѣ чортъ знаетъ зачѣмъ. Всѣ эти господа поляки въ самыхъ короткихъ связяхъ съ почтеннѣйшимъ прокуроромъ, потому что они не видали въ немъ такого завзятаго русака, какъ я и другіе, подобные мнѣ, потому что для нихъ Готовцевъ—не москаль, а европейчикъ, ибо онъ на все смотритъ глазами западнаго вольнодумства, и только службою удерживаемъ бываетъ отъ тѣхъ безумныхъ выходокъ, которыя щедро и громко расточаютъ въ присутствіи его эти безумцы-полячишки, боясь, однако жъ, такихъ господъ, которымъ эти рѣчи не по нраву. Хорошо я помню, какъ однажды самъ Готовцевъ разсказывалъ мнѣ, что передъ началомъ венгерскаго возмущенія и въ самомъ разгарѣ его, когда пустоголовая шляхта, обольщенная успѣхами Бема и Дембинскаго, подняла высоко носъ, ближайшіе изъ пріятелей Готовцева обрекали многихъ изъ насъ висѣлицѣ и избавили его за то, что онъ rozumnie sądzi o takich rzeczach“. Помню еще и отвѣтъ мой на это одному изъ полячишекъ: „искренно желаю вамъ такой забавы, но знайте, ни одинъ русскій не только не попроситъ, но даже не захочетъ пользоваться вашей пощадой. Я дубиной простой уложу двухъ молодцовъ и ваше чахлое „vivat“ заглушу громкимъ „ура!“ Но все это нейдетъ къ дѣлу моему.

„Ну-съ, такъ утромъ является ко мнѣ Голынскій. Замѣтьте, я никогда прежде сего не видалъ у себя этого человѣка: онъ пришелъ ко мнѣ въ сюртукѣ и въ сѣрыхъ полосатыхъ штанахъ—слѣдовательно, вовсе не для визита. Послѣ обычайныхъ привѣтствій, Голынскій заговорилъ о вчерашнемъ происшествіи. Я повторилъ снова, какъ оно было. Изо всего, что говорилъ при этомъ случаѣ Голынскій, я могу только припомнить не разъ повторенное имъ замѣчаніе: „jaki pan ostry!“ Съ своей стороны, раскрывъ передъ этимъ господиномъ часть непріятностей, полученныхъ мною отъ Готовцева, я сказалъ Голынскому:

— Panie moy! Proszę zapomnieć że ja mam taki dewiz: ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду—не спущу.

— Ale czem że to wszystko skończyć? спросилъ онъ.

— A mnii co do tego? Tam już skończył i teraz nie mam żadnej ani do kogo.

— A pan prokuror?

— Niech ôn sobie myśli, jak chce!

„Въ такомъ неопредѣленномъ тонѣ наша бесѣда длилась около четверти часа; наскучивъ ею, я переходилъ къ трактаціи о погодѣ, объ Андреѣ Грабанкѣ и о другихъ предметахъ. Голынскій, наконецъ, поднявшись съ кресла и пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— No, niech że pan zaspokoi jiç prszez dwa dni.

— Co takiego? спросилъ я, вытаращивъ глаза.

— Niech, ja powiadam, pan pomyśli, jak by to poważnie skończyć!

— A ja już powiedziałem i teraz i pzzez dwa miesiące powiem panu, że juz wszystko skończyłem i w przyjaźni z panem Gotowcowym nie będę.

Голынскій вышелъ.

— Какого онъ тутъ чорта путалъ? и за какимъ дьяволомъ притащилась ко мнѣ эта польская рожа? такъ говорилъ я въ кабинетѣ брату Константину.—Мямлилъ, мямлилъ—и только.

— Да кто его присылалъ что-ль, или самъ онъ пришелъ по себѣ?

— Право, не знаю.

„Пока мы такимъ образомъ раздумывали съ братомъ, явился опять тотъ же Голынскій. Я встрѣтилъ его вопросительнымъ взглядомъ.

— No, panie prezesie! Oto ja przyszedłem od pana prokurora i on mnie powiedział, żeby pan przysłał swego sekundanta.

— No, dobrze! Но скажите жъ отъ меня, monsieur Голынскій, прокурору, что я не мальчишка; у меня голова почти сѣдая; у меня сынъ есть, да притомъ мы сидимъ съ нимъ не на такихъ мѣстахъ, чтобы могли ребячиться, а потому знайте, что я стрѣляться съ нимъ не стану; а впрочемъ, насъ разберутъ. Прощайте.

„Голынскій поблѣднѣлъ.

— Ależ proszę pana prezesa, сказалъ онъ, цѣлуя меня по-польски въ плечо, — na mnie się nie gniewać, bo ja... coź ja?.. jestem tylko pośrednikiem między panami, ja tylko...

— Дziękuję panu, отвѣчалъ я,—ale proszę wiedzieć, że ja pana o to nie prosiłem.

— Tak jest, ale zawsze proszę na mnie cię nie gniewać.

„Повторяя эту просьбу, Голынскій вышелъ отъ меня. Въ ту жъ минуту я отправился къ губернатору. Его превосходительство былъ на ту пору въ залѣ и отдавалъ какой-то приказъ квартальному.

— Мое почтеніе, любезнѣйшій, сказалъ онъ мнѣ, подавая руку.

„Между тѣмъ квартальный вышелъ.

— Что скажете?

— Я пришелъ просить ваше превосходительство въ секунданты, сказалъ я шуточно.

„Владиміръ Егоровичъ захохоталъ.

— Мимо всякихъ шутокъ, ваше пр — во, сказалъ я серьезно, — доношу вамъ, что г. прокуроръ Готовцевъ сейчасъ присылалъ мнѣ вызовъ на дуэль, отъ которой, само собою разумѣется, я отказался. Теперь я явился просить ваше превосходительство немедленно донести объ этомъ г. генералъ-губернатору.

„Анненковъ слушалъ меня, выпучивъ глаза и насторожив уши.

— Помилуйте, сказалъ онъ наконецъ,—что вы это говорите?

— Говорю то, что было.

— Да изъ-за чего же?

„Я повторилъ ему вчерашнее происшествіе.

— То-то я замѣтилъ, что вы стали безпокойны, сказалъ губернаторъ.—Помните, я еще спросилъ васъ, что съ вами? А вы отвѣчали мнѣ: „не могу жъ я, ваше превосходительство, сидѣть спокойно, когда меня кольнетъ подъ бока". Тогда я этого не понялъ; мнѣ показалось, что вы не разсердились ли ужъ на меня.

— На васъ? за что?

— За то, что я сказалъ вамъ: а вы не пойдете танцовать?

— Такъ за что жъ тутъ сердиться?

— Да оно такъ; но вы какъ-то отрывисто отвѣтили мнѣ: „я устарѣлъ уже для плясокъ".

— И, ваше превосходительство! Да въ васъ столько доброты, что вы не въ состояніи не только меня, но и кого нибудь другаго съ умысломъ обидѣть.

— Да какъ же я не слышалъ словъ Готовцева?

— И немудрено; вы сидѣли vis-à-vis меня, а Готовцевъ—у меня за спиной.

— Да не сказали ли вы чего другаго?

— Кромѣ слова „влюбленъ" — ни полъ-іоты, и то шепотомъ, нагнувшись къ Лѣсневичу.

— Ну, такъ что же тутъ могло взбѣсить Готовцева?

— А вы замѣтили, кто сидѣлъ противъ него? Магіе Данильченкова—предметъ его страсти и безстыднаго ловеласничества, да еще сестрица ея, madame Бѣленкова. Лѣсневичъ поступилъ точно неосторожно, намекнувъ Готовцеву отъ лица моего о его влюбленномъ положеніи: ибо послѣ 17-го августа, послѣ похожденій ихъ въ Виттовомъ саду, всякій намекъ объ этомъ—съ моей ли, или съ другой чьей стороны—не могъ быть пріятенъ Готовцеву.

— Такъ зачѣмъ же вы сдѣлали его?

— Затѣмъ, чтобы сказать что нибудь. Развѣ я думалъ, что Лѣсневичъ съ-бухты-барахты болтнетъ мое слово Готовцеву?

— Ахъ, какъ онъ неосторожень!

— Правда, но винить тутъ много Лѣсневича не за что. Мало ли чего не говорится въ шутку? Порядочные люди никогда не забудутся до дерзости. Но такъ или иначе, ваше превосходительство, конечно, не преминете донести объ этомъ выше. Тамъ ужъ разберутъ, кто болѣе виноватъ.

— Да что жъ тутъ хорошаго?

— Разумѣется, ничего.

— Послушайте, нельзя ли кончить это миромъ? Худой миръ лучше доброй брани.

— Знаю, ваше превосходительство, но изъ этого ничего не будетъ. Дѣло наше зашло слишкомъ далеко, и хотя бы мы, согласно вашему желанію, и помирились, все-таки оно не останется въ тайнѣ;

припомните, ваше превосходительство, что оно въ рукахъ поляковъ, и что мы съ Готовцевымъ не частныя лица, умиреніе которыхъ можетъ быть безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

— И, полноте, какія тамъ послѣдствія? Помиритесь, да и только.

— Наврядъ ли. А зажмете ли вы ротъ полякамъ и секунданту Готовцева, которому я лично сдѣлалъ отказъ? А спрячете ли вы это дѣло отъ жандармскаго полковника, который непремѣнно обязанъ будетъ, по первому дошедшему до него слуху, донести объ этомъ по командѣ? А запретите ли вы послать тайный доносъ генералъ-губернатору? Наконецъ: я, ваше превосходительство, я ни за что не соглашусь оставить этого дѣла такъ просто. Что за примѣръ для нашихъ подчиненныхъ?

„Анненковъ растерялся.

— Такъ что жъ это? Вѣдь вотъ, значитъ, я долженъ обоихъ васъ арестовать.

— Меня? за что? Что я не принялъ вызова?

— Ну, такъ Готовцева.

— Да гдѣ жъ на это законъ? Вы обязаны имѣть за нами строгое наблюденіе, и такъ какъ ваше превосходительство не можете разбирать насъ, то, само собою разумѣется, должны донести высшему начальству.

— Позвольте, Викторъ Ипатьевичъ, дайте мнѣ срокъ, я поговорю съ Готовцевымъ.

— Извольте.

„Черезъ часъ присылаетъ за мной губернаторъ. Съ первыхъ же словъ его я увидѣлъ, что Готовцевъ сбилъ съ толку генерала.

„Владиміръ Егоровичъ уже принялъ его сторону и началъ мнѣ доказывать, что я слишкомъ погорячился, принимая на свой счетъ слова, сказанныя Готовцевымъ; что и слова-то эти не таковы, какъ я ихъ изложилъ, ибо Готовцевъ сказалъ лишь вотъ что: niech ten grzyche, kto rozumnieyszy ode mnie, — что Готовцевъ не присылалъ мнѣ вызова, а только требовалъ переговоровъ. Опровергнуть все это для меня не стоило ни малѣйшаго труда. Анненковъ опять всталъ втупикъ. Наконецъ, онъ приступилъ ко мнѣ съ просьбами кончить это миромъ и отправиться къ Готовцеву съ извиненіемъ. Я отказывался, говоря, что развѣ мертваго перетащатъ меня черезъ порогъ его квартиры, а живой я не пойду.

— Но, Викторъ Ипатьевичъ, знаете ли, что̀ вы себѣ этимъ готовите?

— Знаю,—непріятность.

— Да какую непріятность? Вѣдь вы потеряете службу.

— Только бы на этомъ и кончилось! У меня, Владиміръ Егоровичъ, другая на душѣ непріятность: я огорчу этимъ великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича. Вотъ это такъ непріятность!

— Но вѣдь вы пятаго класса...

— А что жъ такое? Потеряю службу,—къ вамъ же пойду дѣтей учить. Голова-то у меня хоть и сѣда, а все тутъ же, на плечахъ, и ей-Богу, не безъ толку.

— Ну, вотъ еще! Учитель... что жъ это?

— Ваше пр—во! оставимте это. Будь что будетъ! Я рѣшился, и еще разъ прошу васъ, не медлите донесеніемъ. Это нужно для васъ самихъ. Вѣрьте мнѣ, что я васъ люблю и почитаю, и крѣпко жалѣю, что именно въ ваше управленіе случилась такая непріятность; отдалите ее, сколько возможно, отъ себя; пишите къ генералъ-губернатору! Что вамъ до Готовцева и Аскоченскаго? не они, такъ другіе будутъ.

— Нѣтъ, я хочу обоихъ васъ сохранить для службы, сказалъ съ искреннимъ чувствомъ Владиміръ Егоровичъ.

— Но какъ же вы это сдѣлаете?

— Слушайте, Викторъ Ипатьевичъ, для меня, согласитесь для меня на мое предложеніе.

— Извольте, я слушаю.

— Завтра я призову васъ и Готовцева къ себѣ и скажу такъ: „господа! до моего свѣдѣнія дошло, что между вами произошли недоразумѣнія, а потому прошу васъ не доводить себя до дальнѣйшихъ непріятностей“. Тутъ я обращусь къ вамъ и скажу: „согласны ли вы кончить это дѣло миролюбиво?“ Вы отвѣтите: согласенъ,—поклонитесь и пойдете.

„Я не могъ не улыбнуться въ душѣ такому идиллически-простому образу примиренія, и сказалъ такъ:

— Но къ чему жъ это поведетъ?

— Да ужъ предоставьте мнѣ дѣйствовать! Я постараюсь все уладить

— Хорошо, но помните, ваше превосходительство, что если вы въ вашей рѣчи употребите хоть одно слово въ какую либо сторону, то вы дадите тѣмъ поводъ говорить той сторонѣ въ защиту себя. Я даю вамъ слово молчать, но зато, если вы наклоните вашу рѣчь въ пользу Готовцева, я безмолвно поклонюсь и выйду.

— Будьте покойны, сказалъ губернаторъ, крѣпко пожимая мнѣ руку и провожая меня.

„Въ прихожей догнала меня несравненная Софья Савишна.

— Викторъ Ипатьевичъ! сказала она,—не зайдете ли на минуту ко мнѣ?

„Страхъ какъ непріятно мнѣ было приглашеніе этой глупой бабы: но, дѣлать нечего, надо было изъявить удовольствіе, и мы подъ руку вошли съ нею въ гостиную.

„Усадивъ меня рядомъ съ собою на роскошной софѣ, Софья Савишна спросила меня о вчерашнемъ происшествіи. Я повторилъ его кратко. Выслушавъ меня, глупая сплетница изволила воскликнуть:

— Помилуйте, Викторъ Ипатьевичъ, да тутъ нельзя обойтись безъ крови!

— И я такъ думаю; но дѣло въ томъ, что Владиміръ Егоровичъ не хочетъ быть моимъ секундантомъ.

— Ахъ, Боже мой! что вы говорите? Какъ же можно, чтобы губернаторъ былъ секундантомъ?

— А какъ же можно, чтобы совѣстный судья становился на барьеръ съ прокуроромъ?

— Ну, да все-таки, какъ же вы обойдетесь безъ крови?

„Въ эту самую минуту вошелъ губернаторъ.

— Какой тамъ крови? сказалъ онъ простодушно.

— Да, вотъ... мы тутъ, Владиміръ, говорили... отвѣчала Савишна, смѣшавшись.

— Эхъ, матушка, знала бы ты свои юбки да платья!

„Я всталъ и началъ откланиваться.

— Посидите, Викторъ Ипатьевичъ, говорила Савишна.

— Нѣтъ, ужъ извините, отвѣчалъ я.

— Да куда жъ вы такъ спѣшите?

— Я такъ полонъ сильныхъ ощущеній, что боюсь заразить ими и другихъ, сказалъ я, улыбаясь, и вышелъ.

По такому разговору моему съ Савишной [1]), я уже не могъ ожи-

---

[1]) Не разъ въ дневникѣ попадаются наброски характеристики В. Е. Анненкова и его жены. Рельефнѣе другихъ обрисовываютъ личности обоихъ слѣдующія замѣтки Аскоченскаго, записанныя подъ 24-мъ марта 1850 года:

„Владиміръ Егоровичъ Анненковъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которые не хватаютъ съ неба звѣздъ; но что онъ добръ по натурѣ и благонамѣренный человѣкъ—это никто у него не отниметъ. Всегда ласковый, привѣтливый и внимательный, онъ невольно располагаетъ всякаго на откровенность и готовность по мѣрѣ силъ и возможности услужить ему. Желательно, чтобъ окружающіе его служащіе люди поболѣе имѣли самоотверженія, безпристрастія и добросовѣстности. Грѣхъ и стыдно тому да будетъ, кто захочетъ провести этого добраго человѣка, не имѣющаго никакой претензіи на юридическую опытность. Владиміръ Егоровичъ охотно слушаетъ всякій добрый совѣтъ: черта похвальная въ его характерѣ, но тѣмъ не менѣе и опасная. Не легко разобрать благонамѣренность и жадное ябедничество, всегда являющееся подъ маской справедливости.

„У Владиміра Егоровича супруга зовется Софьей Савишной. Это—не женщина, а чортъ знаетъ что такое. Въ лѣтахъ она уже достаточно пожилыхъ, но далеко еще не думаетъ разстаться съ претензіями на красоту и молодость. Кто-то замѣтилъ, что всякая женщина непремѣнно старается выставить себя всегда той стороной, которая у нея особенно хороша: у кого пригожія руки, та держитъ ихъ на виду, у кого ножка миніатюрная—ужъ непремѣнно мелькнетъ предъ глазами узенькій башмачекъ; такъ бываетъ и со всѣмъ прочимъ. У Софьи Савишны, по увѣренію знатоковъ, къ которымъ, однакожь, я не имѣю чести принадлежать, хороши руки, волоса и нога, за то ужъ Софья Савишна всѣми зависящими отъ нея средствами старается показать этотъ товаръ лицомъ: она вертитъ и укладываетъ прямо передъ вашимъ носомъ пухлую руку, она заведетъ, непремѣнно заведетъ съ вами рѣчь о волосахъ своихъ, жалуясь, напримѣръ, на то, что они лѣзутъ у ней на бѣду; она подниметъ до самаго нельзя юбки, чтобы выставить ногу, одѣтую въ уродливый, ея собственнаго сочиненія, башмакъ. Отвратительно! Терпѣть я не могу и молодой кокетки, но старая производитъ во мнѣ тошноту. Да ужъ чортъ съ ней, пусть бы кокетничала съ людьми порядочными, а то всякая дрянь служитъ предметомъ ея гадкихъ выходокъ. Гадко, не хочу говорить объ этой барынѣ“.

дать ничего хорошаго для себя. Зная, какое вліяніе имѣетъ она на колпаковатаго мужа своего и сообразивъ связи ея съ Розенбаумомъ и Готовцевымъ, я ужъ напередъ увѣренъ былъ, что все дѣло направлено будетъ къ оправданію дуэлиста-прокурора. Такъ и случилось. Вечеромъ у Анненкова собрался консиліумъ подъ предсѣдательствомъ Савишны, гдѣ участвовали вышесказанные молодцы. Чѣмъ они порѣшили—покажетъ завтрашій день. Между тѣмъ, я уже переписалъ донесеніе Бибикову, изложивъ въ ономъ только событія этихъ двухъ дней. Итакъ, продолженіе обѣщано.

10-е октября, вторникъ.

„Въ 12 часовъ утра пришелъ я къ губернатору. На этотъ разъ его превосходительство не удостоило меня пожатія руки.—Вотъ оно! подумалъ я: теперь ужъ мы знаемъ, съ какой ноты пѣсенка начнется.

— Нуте-съ, почтеннѣйшій, сказалъ Анненковъ, не прося уже меня садиться,—дѣла этого нельзя кончить иначе какъ такъ: извольте пойти къ Готовцеву и извиниться передъ нимъ и передъ Голынскимъ, такъ какъ онъ слышалъ то, что вы сказали прокурору.

— Но позвольте узнать, ваше превосходительство, сказалъ я спокойно и тихо,—въ какихъ словахъ мнѣ принести извиненіе?

— Ну—въ какихъ, въ какихъ? Такъ и скажите: Дмитрій Валерьяновичъ, или какъ тамъ вы его зовете... monsieur Готовцевъ, извините, молъ, я не помню, что тогда, молъ говорилъ вамъ.

— Послушайте, ваше превосходительство, что жъ я такое: мальчишка, или сумасшедшій, или пьянъ тогда былъ? Что я не мальчишка—такъ вотъ вамъ доказательство—моя сѣдая голова; что я не сумасшедшій, такъ это видно изъ того, что не соглашаюсь на такого рода извиненіе; что я тогда не былъ пьянъ, такъ вы свидѣтель тому.

— Да вѣдь Готовцевъ совсѣмъ не то говорилъ, что вы ему навязываете?

— А что же?

— Онъ сказалъ только, пусть тотъ... какъ тамъ... кричитъ, что ли, кто умнѣе меня.

— Онъ лжетъ! сказалъ я твердо.

— Ну, вотъ! лжетъ! Вотъ вы и теперь обижаете Готовцева.

— Вотъ что! отвѣчалъ я.—Такъ поэтому ваше превосходительство прямо изволите становиться на его сторону?

— Ну, да хоть бы и такъ сказалъ онъ, — продолжалъ губернаторъ,—какъ вы говорите, что жъ тутъ такого? Это значитъ только, что и вы умны, а онъ умнѣй васъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, сказалъ я, невольно засмѣявшись.

— То-есть, позвольте,—это я не говорю, а это онъ говоритъ.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, кто жъ согласится съ подобнаго рода объясненіями?

— Однако жъ, поставьте себя на мѣстѣ Готовцева, продолжалъ губернаторъ, примѣтно сконфуженный и истолкованіемъ своимъ, и неловкимъ оборотомъ рѣчи,—что если бы я, напримѣръ, съ ума сошелъ и наговорилъ бы вамъ въ обществѣ дерзостей, что бы вы со мной сдѣлали?

— Ваше превосходительство изволили сказать, что „если бы съ ума сошелъ“ — а для сумасшедшихъ есть желтый домъ. Притомъ сумасшедшій можетъ не только разругать, но и поколотить меня — и ужъ, конечно, я не позову его ни въ судъ, ни на дуэль.

„Анненковъ совершенно растерялся.

— Какъ себѣ вы тамъ хотите, сказалъ онъ наконецъ,—а Готовцеву нельзя было поступить иначе.

— То-есть, какъ это? спросилъ я. Такъ неужели вы находите, что онъ правильно вызвалъ меня на дуэль?

— Да, правильно.

— А, сказалъ я, поклонившись.—Ну, такъ извольте жъ теперь, ваше превосходительство, писать къ генералъ-губернатору, что угодно. Мнѣ только это и нужно было.

— Ну, да какъ же вы хотите?..

— Имѣю честь кланяться вашему превосходительству.

— По крайней мѣрѣ—сказалъ губернаторъ—вы хоть теперь не дѣлайте непріятностей Готовцеву.

— Что такое? сказалъ я, выпрямившись.

— Готовцевъ говоритъ, продолжалъ Анненковъ,—что онъ опасается теперь встрѣтиться съ вами,—пожалуй, чего добраго, вы дадите ему оплеуху.

— Ваше превосходительство, — сказалъ я, глубоко огорченный,— это ужъ обидно! Развѣ я подалъ поводъ къ такимъ замѣчаніямъ? И за кого же вы меня принимаете—за уличнаго буяна?

— Да вѣдь вотъ же вы поссорились.

— Да, поссорились,—но вѣдь есть же мѣра всему. Я терпѣлъ и молчалъ, когда онъ за глаза честилъ меня, давая мнѣ исключительно названіе поповича.

— Что жъ такое? Вамъ же больше чести, что вы, не родившись княземъ, занимаете такія мѣста.

— Покорнѣйше васъ благодарю: но все же я не понимаю, съ какой стати вы дѣлаете мнѣ такое замѣчаніе.

— Да Готовцевъ просилъ меня объ этомъ.

— Мнѣ кажется, что вамъ бы слѣдовало отвѣчать смѣхомъ на такую просьбу, а ужъ никакъ не дѣлать мнѣ такихъ оскорбительныхъ предложеній. Впрочемъ, извольте, я дамъ вамъ росписку въ томъ.

— На что же? Довольно и одного слова.

„Я пожалъ плечами, поклонился и вышелъ. Я и забылъ сказать, что сегодня рано утромъ Савишна прислала мнѣ назадъ „Мертвыя души“, данныя мной для прочтенія ей только въ субботу. Ясно, что она прислала мнѣ книгу, не читавши ее. По этой прелюдіи легко можно было догадаться о нынѣшнемъ финалѣ.

„Часа въ четыре пополудни явился ко мнѣ правитель канцеляріи Бечка. Перекинувшись нѣсколькими словами, мы прямо перешли къ дѣлу. Бечка ахнулъ, узнавъ, что ужъ я послалъ отъ себя донесеніе. Онъ пришелъ попытаться помирить насъ, собственно изъ-за того, чтобы не ввести въ бѣду губернатора, который, по его словамъ, плететъ Богъ знаетъ что.

„Отдавая ему приказаніе писать донесеніе, его превосходительство изволилъ замѣтить, чтобы Бечка не забылъ помѣстить тамъ, якобы Аскоченскій приглашалъ его, Владиміра Егоровича Анненкова, въ секунданты, что Готовцевъ говорилъ совсѣмъ не то, что вообразилось Аскоченскому, и что вызовъ имъ былъ сдѣланъ ужъ вслѣдствіе отказа Аскоченскаго извиниться передъ Готовцевымъ. Бечка просилъ меня сказать по крайней мѣрѣ, что я написалъ въ своемъ донесеніи.

„Сколько могъ себѣ припомнить, я сообщилъ ему содержаніе письма моего къ Дмитрію Гавриловичу. Когда я дошелъ до третьяго дня и заговорилъ объ Анненковѣ, Бечка, всегда хладнокровный и скрытный, вскочилъ съ канапе и, ударивъ обѣими руками себя въ голову, сказалъ громко: „вы зарѣзали Анненкова“! Послѣ этого онъ, какъ будто одумавшись, сѣлъ спокойно и началъ говорить мнѣ, что губернаторъ поручилъ уже ему писать донесеніе, но приказалъ напередъ представить ему черновое, что̀, какъ замѣчаетъ Бечка, никогда прежде не бывало, ибо его превосходительство всегда безъ всякихъ поправокъ и разсужденій подписывалъ подаваемыя ему бѣловыя бумаги. „Если, прибавилъ Бечка, онъ дѣлаетъ это для того, чтобы подвергнуть меня цензурѣ Готовцева, то я немедля нисколько откажусь писать донесеніе. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ“.

— Да, пусть дѣлаютъ, что хотятъ, и я убѣжденъ, что чѣмъ болѣе Анненковъ будетъ наклонять дѣло къ оправданію Готовцева, тѣмъ болѣе онъ повредитъ и Готовцеву, и себѣ. Странный человѣкъ! Для него же самого я упрашивалъ его держаться въ этомъ дѣлѣ нейтралитета; нѣтъ, самъ лѣзетъ въ петлю.

— И чѣмъ это кончится? продолжалъ въ раздумьи Бечка. Ужъ и такъ Владиміръ Егоровичъ надѣлалъ пропасть промаховъ...

— Которымъ, прибавилъ я,—много помогаетъ его несравненная половина.

— Ахъ, эта... вскрикнулъ Бечка, стиснулъ зубы и тихонько ударилъ кулакомъ по столу.—Между нами говоря, Викторъ Ипатьевичъ, Анненкову не долго быть здѣсь губернаторомъ. Въ одинъ мѣсяцъ

два вызова на дуэль,—это показываетъ крайнюю слабость правящаго губерніей.

„Бечка сидѣлъ, опустивъ голову.

— Но нѣтъ, сказалъ онъ потомъ рѣшительно,—я не допущу его до такой глупости! Прощайте, Викторъ Ипатьевичъ! Дай Богъ, чтобъ хоть для васъ-то кончилось это дѣло благополучно.

„Я разстался, поблагодаривъ умнаго дѣльца за участіе ко мнѣ. Что дѣлалось потомъ у губернатора—я не знаю...

11-го октября, среда.

„Итакъ, дѣло завязалось не на шутку. Я страшно рискую; и не потеря службы страшитъ меня, не преданіе суду, а недоброе мнѣніе незабвеннаго и великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича. Боже мой! Вотъ уже другой разъ я подвергаю его непріятности вырывать меня изъ враждебной толпы, которую бѣситъ только то, что я, безъ спроса ея, сталъ выше многихъ и многихъ цѣлою головою. И что̀ я имъ сдѣлалъ — этимъ скрытнымъ моимъ недругамъ? Съ самаго пріѣзда моего въ Каменецъ-Подольскъ репутація моя уже была убита. Матюнинъ, безстыдный Матюнинъ, забывъ благодѣянія Бибикова, который поставилъ его на такомъ важномъ и покойномъ посту, успѣлъ очернить меня здѣсь предъ всѣми, выставивъ меня какимъ-то пройдохой, временщикомъ, жалкой креатурой Бибикова и набитымъ дуракомъ. И всѣ чуждались меня, до тѣхъ поръ, пока не присмотрѣлись ближе, всѣ, начиная отъ умнаго и благороднаго Пфелера до глупаго Крушинскаго. Мѣсяца черезъ полтора подгулявшій Пфелеръ выболтнулъ передо мной: „да помилуйте, говорилъ онъ съ привычной горячностью,—я не понимаю, чего вамъ не достаетъ, чтобы быть весьма порядочнымъ человѣкомъ. И что̀ вы сдѣлали Матюнину, что онъ васъ такъ чернитъ? Честь Бибикову, что онъ выводитъ такихъ людей, какъ вы, на значительныя мѣста!“ Я слушалъ все это, молча, и горько было на душѣ моей. Потомъ кинулась всѣмъ въ глаза безчиновность моя. Много толковали объ этомъ бюрократы каменецкіе; многіе говорили contra меня, но только два или три человѣчка—и то навряд ли — pro меня. Самъ Сотниковъ, съ язвительнымъ, ему только одному свойственнымъ сожалѣніемъ, затрогивалъ меня за эту чувствительную струну; я самъ слышалъ, какъ однажды предсѣдатель Абаза доказывалъ директору Росковшенку, что я не могу получить чина даже титулярнаго совѣтника, а что, несмотря на мои ученыя права, начну мое производство съ коллежскаго регистратора. Я говорю, самъ слышалъ это, и молчалъ, потому что надо было молчать мнѣ, безчиновному, передъ статскимъ высокородіемъ. Но вотъ мнѣ дали титулярнаго, потомъ вслѣдъ же затѣмъ коллежскаго ассесора; всѣ замолкли, одно только губернское

правленіе хотѣло было мнѣ тутъ подгадить, но я отстоялъ мои права и уничтожилъ рѣшеніе неправеднаго суда. Кажись бы, можно ужъ оставить меня въ покоѣ. Нѣтъ, заговорили, что я потому извѣстенъ безкорыстіемъ, что не представлялось искусительныхъ къ тому случаевъ. Мои защитники представляли на видъ мою прежнюю совѣтническую службу, мое крайнее безденежье, какъ доказательство нестяжательности: все напрасно —недруги мои оставались при своемъ. Какъ бы въ упрекъ имъ, судьба послала мнѣ кратковременное управленіе гражданскою палатою. Ужъ тутъ ли не быть искусительнымъ случаямъ? Не одинъ разъ являлись ко мнѣ просители съ толстыми докладными записками; не одинъ разъ предлагали они мнѣ осязательныя услуги,—я вѣжливо отклонялъ все это отъ себя. Завязалось дѣло Голицына; четыре тысячи предлагали мнѣ за одну мою подпись; я отказался,—и все закричало, зашумѣло о моемъ безкорыстіи, о моей добросовѣстности. Черезъ недѣлю эти же самые крикуны назвали меня дуракомъ, говоря, что я потому не беру, что не умѣю дѣлъ вести, какъ должно, что я все это дѣлаю изъ одного хвастовства. И друзья мои! вѣдь всѣ эти толки я почти самъ слышалъ! Возводилъ я вечеромъ слезящія очи мои къ иконѣ Спасителя; взглядывалъ я на портретъ обожаемаго мной Дмитрія Гавриловича, — и снова шелъ, твердый и крѣпкій, на трудную борьбу съ судьбою и людьми. Никогда, нигдѣ и ни предъ кѣмъ не хвастался я протекціей Бибикова, ибо хорошо помню послѣднее ко мнѣ его слово — не ждать ни милости, ни пощады, если забуду мой долгъ и службу. Но недругамъ моимъ какая надобность была до того? Они насмѣшливо проповѣдывали и говорили мнѣ въ глаза, что я напрасно горжусь протекціей Бибикова, убѣждали меня, что это самая непрочная вещь, что мнѣ надобно искать для себя попрочнѣе мѣста, и подальше отъ моего благодѣтеля, потому что онъ, по извѣстному, дескать, капризу своему, можетъ сдѣлать меня несчастнымъ. Напрасно толковалъ я этимъ господамъ о моихъ отношеніяхъ къ Бибикову, напрасно раскрывалъ я передъ ними случаи изъ моей жизни, гдѣ обнаруживалось безпристрастное его правосудіе, напрасно доказывалъ имъ, что Бибиковъ поразитъ меня скорѣе и безпощаднѣе, если я не оправдаю его довѣренности, чѣмъ кого либо другаго,—они толковали свое: знаемъ, молъ, насъ не проведешь. И, скрѣпивъ сердце, я уходилъ отъ этихъ добрыхъ и внимательныхъ господъ. Но они не отставали отъ меня. —А что жъ ваше жалованіе? говорили они мнѣ съ дьявольски обиднымъ участіемъ.—Зачѣмъ вы не пишете къ Бибикову, вѣдь онъ протежируетъ? Безъ жалованья жить нельзя; вѣдь вы человѣкъ несостоятельный? Мы даже не понимаемъ, какъ и чѣмъ вы до сихъ поръ живете.—„Ваша правда, господа“, отвѣчаю я обыкновенно такимъ господамъ, „но вѣдь въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; я увѣренъ, что стоитъ мнѣ намекнуть вамъ о моей нуждѣ—и вы не задумаетесь одолжить меня сотней рублей“.—Помилуйте, съ большимъ удоволь-

ствіемъ, говорили одни, уходя проворно отъ меня.—Извините, отвѣчали другіе:—но если бъ вы знали, какъ я самъ, вашъ покорнѣйшій слуга, нуждаюсь; не повѣрите, то туда, то сюда, — вездѣ нужны деньги. Сегодня посылаю Николашѣ двѣсти рублей; черезъ мѣсяцъ везу Оленьку въ пансіонъ. Ужасъ, какіе расходы!—И вотъ добрые мои друзья бѣгаютъ меня, чтобы я не схватилъ ихъ за шиворотъ и не посягнулъ на ихъ кошелекъ. Да ужъ Богъ бы съ ними за такое опасеніе; хоть бы не сплетничали-то, а то...

— Вообразите, Петръ Пафнутьевичъ, говоритъ одинъ изъ такихъ моихъ друзей,—вчера Аскоченскій просилъ у меня денегъ взаймы. Не смѣшно ли?

— Ахъ, да помилуйте, онъ и ко мнѣ вчера присылалъ записку съ просьбой о десяти рубляхъ. Какая гадость—десять рублей! и представьте же, этакихъ людей сажаютъ на такія мѣста! Просто, срамъ! А что-жъ, Амфилохій Карповичъ, какъ вы вчера отбоярились у вице-губернатора?

— Проигрался, чортъ возьми! 25 рублей съ копѣйками какъ не бывало въ кошелькѣ!

„И расходятся знакомцы, дружно оклеветавъ Аскоченскаго, который и во снѣ не думалъ посягать на ихъ денежное благоденствіе, который согласится лучше имѣть дѣло съ жидами — лютѣйшими ростовщиками, чѣмъ съ этими благородными людьми. А между тѣмъ репутація ваша въ конецъ истерзана и все въ васъ возбуждаетъ или обидное сожалѣніе, или оскорбительную насмѣшку, отъ которой захолонетъ кровь на сердцѣ. А терпишь, ибо нельзя не терпѣть. Ты бѣденъ, заброшенъ, про тебя забыли и никому до тебя дѣла нѣтъ, потому что не сядешь ты за зеленый столикъ и, проигравшись въ пухъ, не раскроешь гордо бумажника твоего, туго набитаго ассигнаціями, изъ кучи которыхъ съ умышленною медленностью выбираетъ иной мелкую депозитку. И никто не пойдетъ къ тебѣ, потому что нѣтъ надобности, чтобы и ты куда нибудь ходилъ. Все это испыталъ я, все это испытываю я и теперь, и Богъ вѣсть, кончится ли когда либо такое тяжкое мое испытаніе! Но знаетъ про него „Богъ да я, еще подушка лишь моя“. Ни дома, ни внѣ дома, не увидитъ никто меня ни задумчивымъ, ни убитымъ; никого не порадую я моимъ горемъ и бѣдой. Нѣтъ, друзья, знаю я ваше состраданіе!!...

„Но вы думаете, что тутъ и конецъ всѣмъ моимъ пыткамъ? Нѣтъ, погодите! Болтливая молва донесла и до Камéнца вѣсть обо мнѣ, какъ о писателѣ. А вы не знаете, да и не дай вамъ Богъ знать, какой это титулъ въ губерніи. На васъ смотрятъ, какъ на насмѣшника, готоваго изъ-за остраго словца не пожалѣть ни матери, ни отца; вы отъявленный врагъ и нарушитель семейнаго спокойствія; вы злой критиканъ, который затѣмъ только и ходитъ по домамъ, чтобъ подмѣчать за другими и писать про нихъ то прозу, то стихи.

Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ казалось въ иную пору перо, поднимаемое съ самымъ невиннымъ и безукоризненнымъ намѣреніемъ написать простое письмо. Клянусь вамъ, что мнѣ приходилось слышать отъ умныхъ и уважаемыхъ мною людей предостерегательные совѣты не писать ничего подобнаго, чѣмъ я, по ихъ словамъ, вооружилъ противъ себя весь Житоміръ. Никто и слышать не хотѣлъ моихъ увѣреній, никто не принималъ на себя труда прочитать мной написанное, и настойчиво твердили одно: „да знаемъ васъ, батюшка. Вы всѣ, писатели, на одинъ ладъ!“ А барыни,—что̀ мнѣ отъ барынь доставалось и достается! И смѣхъ, и горе! И ходишь ты далеко отъ всѣхъ, какъ зачумленный, и боятся развернуться при тебѣ, и сплетня, пущенная другимъ досужимъ языкомъ, обращается къ тебѣ, и клянутъ тебя люди, сами не зная за что...

„Вотъ она, моя жизнь, и здѣсь, и тамъ, и вездѣ!

„Все терплю я и буду терпѣть, и Богомъ свидѣтельствую, не паду подлымъ ползуномъ передъ недругами моими!

12-го октября, четвергъ.

„Та же исторія. Шумно разошлось происшествіе дуэльное по городу. Всѣ судятъ вкривь и вкось. У однихъ я одинъ виноватъ; другіе рады тому, что Готовцевъ провалился. Разумѣется, ни то, ни другое меня не радуетъ.

13-го октября, пятница.

„Всѣ какъ будто боятся и бѣгаютъ меня. Нетерпѣливое ожиданіе развязки затѣянной нами драмы возрасло у всѣхъ до послѣдняго градуса. Господа правовѣды подняли носы выше магистратской каланчи; за ними тянется и Крушинскій. Поневолѣ прихлопнешь этакихъ господъ заостренной эпиграммой:

Ванюшка! хамская ты рожа!
Тебѣ, мошенникъ, говорятъ,
Что-жъ ты?—„Не слышу-съ“.—Отъ чего же?
„Да съ бариномъ у васъ не ладъ“.

15-го октября, воскресенье.

„Видѣлъ я сегодня Готовцева. Бѣдненькій! Какъ онъ перемѣнился, похудѣлъ. Вѣрю, что не утѣшительно для него ожиданіе развязки. Какъ ни верти, а вызовъ-то сдѣлалъ и поплатиться за это долженъ. Не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ теперь. Замѣчательно, что и предметъ его обожанія, своенравная и безстыдная Магіе, тоже поху-

дѣла. Немудрено: ее ожидаетъ скорая разлука съ своимъ возлюбленнымъ. Вотъ еще будетъ комедія! Я напередъ угадываю, какую роль приметъ на себя глупая маменька Marie. Почтеннѣйшій Осипъ Михайловичъ semper будетъ idem: родился колпакомъ, такъ и быть ему колпакомъ до смерти. Послѣ обѣдни я заходилъ къ жандармскому подполковнику Скворцову. При моемъ разсказѣ объ участіи, принимаемомъ Анненковымъ въ дѣлѣ нашемъ, Скворцовъ ахалъ отъ удивленія и откровенно созналъ, что онъ и прежде зналъ его превосходительство за человѣка, который не хватаетъ звѣздъ съ неба, а теперь видитъ въ немъ круглаго дурака. Скворцовъ, впрочемъ, сказывалъ, что онъ еще не доносилъ о происшествіи; но я что-то плохо этому вѣрю. Не таковъ онъ самъ по себѣ, и не таковы его отношенія къ Готовцеву, чтобы онъ умолчалъ объ этомъ дѣлѣ и считалъ себя тутъ только хладнокровнымъ зрителемъ. Между тѣмъ онъ очень умно напалъ на мысль открыть подстрекателя дуэли и узнать — самъ ли Голынскій приходилъ утромъ къ Готовцеву, или по приглашенію его? Признаюсь, мнѣ очень бы хотѣлось спровадить этого молодца въ кіевскую крѣпость".

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, до какого бѣшенаго озлобленія доведенъ былъ Аскоченскій, въ сущности, ничтожной и ребяческою ссорою, которую городская сплетня раздула до размѣровъ серьезнаго происшествія, поставившаго на ноги всю губернскую знать. Развязку не трудно было предвидѣть: недоброжелатели Аскоченскаго нашли въ этой исторіи удобный предлогъ къ тому, чтобы отдѣлаться отъ язвительнаго свидѣтеля ихъ плутней. Не хотѣлъ предугадать свою неудачу только самъ Аскоченскій, питавшій неизмѣнную увѣренность въ правдивый судъ своего покровителя, генералъ-губернатора Бибикова. Дѣйствительность показала иное. Но, въ ожиданіи вершительнаго приговора себѣ, Аскоченскій старается вникнуть въ условія, среди которыхъ формируются личности, подобныя Готовцеву. Понятно, его сужденія не могутъ считаться безпристрастными въ данномъ случаѣ, ибо они вызваны чисто личными побужденіями. Тѣмъ не менѣе они не лишены интереса, какъ все, что ни выходило изъ-подъ даровитаго пера Виктора Ипатьевича.

Вотъ что онъ писалъ о помянутомъ предметѣ подъ 18-мъ октября:

„Между великими усовершенствованіями всѣхъ частей государственнаго управленія, ознаменовавшими блистательное царствованіе Николая I-го, по сущей правдѣ можетъ быть поставлено упрощеніе нашего судопроизводства. Незабвенный Сперанскій распуталъ эту страшную путаницу, въ которую попадались, какъ мухи, несчастные просители, имѣвшіе дѣло въ мѣстахъ присутственныхъ; онъ далъ правильную систему безчисленнымъ законамъ, изложилъ ихъ въ возможной полнотѣ и ясности и отнялъ у старинныхъ законовѣдовъ-подъячихъ ту мощь и силу, передъ которою дрожалъ всякій, незна-

комый съ нашими законами. Теперь послѣдній легко найдетъ и прочтетъ нужное ему въ сводѣ законовъ и не позволитъ вести себя за носъ, какъ барана за рога. Вѣчная и славная память незабвенному Сперанскому!.. Онъ съ бо̀льшимъ противъ всѣхъ правомъ могъ себѣ сказать: „exegi monumentum aere peraennius regalique situ piramidi altius!“

„Но этого мало было. Надо было образовать и людей, способныхъ къ новому порядку судопроизводства, людей, непричастныхъ къ прежнимъ формамъ подъячества, людей, которые съ перваго урока поняли, что́ такое долгъ, присяга, честь и совѣсть, и дѣйствовали потомъ по указанію этихъ святыхъ руководителей. Для этой цѣли открыты, распространены и усовершены въ университетахъ каѳедры юриспруденціи; выписаны изъ-за-границы молодые профессоры, образованы вновь свои доморощенные, и дѣло, казалось бы, могло почесться конченнымъ. Но въ самой-то вещи оно и не начиналось. Университетское образованіе, по своему многообразію и разнородности предметовъ, по нестрогому разграниченію факультетовъ, вмѣсто ожидаемой пользы давало лишь обманчивый лоскъ молодымъ людямъ, и выпускные юристы столь же плохо знали юристику, сколько и словесность и математику. Принялись за старое разграниченіе факультетовъ—дѣло, новидимому, пошло немного лучше: но это лишь новидимому; студенты, изучивъ наизустъ законы, совершенно не были знакомы съ практикою дѣлопроизводства, и статьи свода законовъ болтались въ головѣ ихъ, точно горохъ въ кожанномъ мѣшкѣ. Профессора, сами изучившіе лишь одну теорію юридическую, не умѣли передать своимъ слушателямъ надлежащихъ понятій о томъ, какъ составляются записки, журналы, рапорты, отношенія, сообщенія, и отъ того-то напрактиковавшіеся на службѣ дѣльцы, съ грѣхомъ пополамъ изучившіе русскую грамоту, посмѣивались въ-тихомолку надъ неловкостью законовѣдовъ и прозвали ихъ учеными дураками. Правительство чуяло это и рѣшилось образовать спеціальное училище правовѣдѣнія. Зять царскій взялся быть опекуномъ и воспріемникомъ школьника—и дѣло пошло пышно, блистательно. Въ это училище положено принимать дѣтей никакъ не ниже статскихъ совѣтниковъ, преподавать имъ все, обращая, впрочемъ, исключительное вниманіе на отечественные законы; лучшіе профессора призваны для образованія этого юношества; самъ зять царскій неусыпно наблюдалъ надъ усердіемъ преподавателей и успѣхами питомцевъ. Сдѣланъ былъ первый выпускъ; молодые люди, еще незнакомые съ бритвою, получили значительныя мѣста, стали судить и рядить. Оставшіеся въ училищѣ съ гордостью начали смотрѣть на себя и сулить себѣ блистательную будущность. Ихъ осыпали привиллегіями; для нихъ завели монополію; правовѣду стала открытою дорога всюду. Они ликовали. Болѣе, чѣмъ университетскіе юристы, ознакомленные съ дѣловою практикою, правовѣды несравненно смѣлѣе, и прытче, и ловче при-

нимались за работу и въ кипѣніи юношескихъ силъ неслись напропалую, не боясь себѣ шею сломить. Но ужъ видно такова судьба всѣхъ человѣческихъ начинаній: въ этихъ господахъ велеученыхъ мы увидѣли не русскихъ юристовъ, а какихъ-то иностранцевъ, многоразсуждающихъ о формахъ дѣлопроизводства и очень мало приносящихъ пользы самому дѣлу; въ занятіяхъ ихъ видимо выигрывали законы, или внѣшняя сторона законовъ, но сильно проигрывали тѣ, кои прибѣгали подъ защиту законовъ. Правовѣды явились школьниками на службѣ. Не развернувъ своихъ способностей долгимъ и настойчивымъ изученіемъ всего, что входило въ ихъ программу, схватывали налету бросаемое имъ толпами наставниковъ, большею частью иностранцевъ, не получивъ даже основательныхъ свѣдѣній въ русскомъ языкѣ, и по молодости своей плохо знакомые съ здравою логикой,—они начали дѣйствовать опрометчиво, писать бумаги, заставлявшія изъ-подъ руки хохотать ихъ секретарей, забрасывать законами, не параллелизируя ихъ съ дѣломъ, и путать уже по правиламъ науки. Высокая протекція царскаго зятя, важныя мѣста и должности, имъ поручаемыя, раннее, слишкомъ поспѣшное вліяніе на судьбу тысячъ, близкія отношенія съ первыми лицами въ губерніи, усилили въ нихъ высокое мнѣніе о себѣ. Они сдѣлались ребячески горды и педантически неприступны. Хвастаясь своимъ безкорыстіемъ, они считали себя вправѣ смотрѣть на каждаго просителя, какъ на ихъ покорнѣйшаго слугу, презирать своихъ сотрудниковъ, не получившихъ такого же, какъ они, образованія, считать подчиненныхъ своихъ—подножіемъ ногъ своихъ и дѣлать все, что только вымышляла ихъ закружившаяся, юношеская голова. Но больнѣй всего стало видѣть въ этихъ молодыхъ людяхъ рѣшительное отчужденіе отъ всего, что составляетъ душу русскаго человѣка. Религія для нихъ казалась только условіемъ къ общественному спокойствію; дѣдовскія повѣрья они стали рубить съ плеча; все святое обратилось въ посмѣяніе, и народъ православный увидѣлъ въ нихъ не своихъ родныхъ блюстителей закона, а какихъ-то выскочекъ.

„И жаль, и больно!

„Къ несчастію, я коротко узналъ одного изъ этихъ господъ и—вотъ вамъ портретъ его.

„На другой день пріѣзда моего въ Каменецъ, я увидѣлъ въ церкви какого-то молодаго человѣка въ уродливомъ мѣховомъ сюртукѣ на-распашку, въ камзолѣ сѣраго цвѣта, застегнутомъ тесемками и доставшемъ по сіе время; въ высокихъ зимнихъ калошахъ, загрязненныхъ до-нельзя. Нечесанная всклокоченная голова, истасканная и болѣзненная физіономія, густыя насупившіяся брови—вотъ что бросилось мнѣ въ глаза при первомъ моемъ на него взглядѣ. Этотъ господинъ полулежалъ на клиросѣ, опершись на него обѣими руками и съ хохотомъ болталъ что-то съ стоявшимъ близъ него Матюнинымъ. Я спросилъ Крушинскаго, какъ знакомаго мнѣ еще въ

студенчествѣ: кто это такой? — Товарищъ предсѣдателя уголовной палаты Готовцевъ,—отвѣтилъ онъ. По окончаніи обѣдни я подошелъ къ нему, отрекомендовался и передалъ ему поклонъ отъ Квиста. Готовцевъ вѣжливо откланялся, осмотрѣвъ меня, впрочемъ, съ головы до ногъ, что́, признаться, тогда мнѣ крѣпко не понравилось. Впослѣдствіи я понялъ значеніе такого осмотра: онъ былъ предупрежденъ на мой счетъ Матюнинымъ. Прошло четыре слишкомъ мѣсяца,—мы познакомились ближе, бывали вмѣстѣ въ обществѣ, безъ церемоній заходили другъ къ другу. Мнѣ нравились въ немъ его образованность, его ѣдкое слово, за которымъ онъ въ карманъ не лѣзетъ, его пониманіе окружающихъ предметовъ; но сквозь свѣтскій лоскъ, я не могъ не видѣть человѣка, не видавшаго порядочнаго общества и страшнаго эгоиста, производившаго все изъ себя и обращавшаго все къ самому себѣ. Какъ бы то ни было, но мы сблизились. Готовцевъ предложилъ мнѣ нанять квартиру вмѣстѣ. Стѣсненный моими обстоятельствами и разсчитавъ, что въ общемъ хозяйствѣ сберегается моя копѣйка, я охотно согласился на его предложеніе: мы условились имѣть вмѣстѣ кухню, столъ и все нужное для хозяйства. Благополучно прошло нѣсколько недѣль, мы ладили, хоть и не безъ того, чтобы не было между нами стычекъ, поводъ къ которымъ подавалъ непремѣнно Готовцевъ своими эгоистическими выходками. Съ теченіемъ времени къ нашему хозяйству присталъ и Крушинскій, исправлявшій на ту пору должность прокурора, и захотѣлъ у насъ столоваться. Добросовѣстно и кропотливо велъ я домашніе счеты—и всѣ оставались довольны мною; но я уже видѣлъ, что Готовцевъ далеко начинаетъ простирать свои дерзкія выходки. Сдѣлавъ мои комнаты почти исключительной своей резиденціей, онъ отбилъ меня отъ кабинета моего и, по привычкѣ къ безпорядочной жизни, производилъ Содомъ и Гомору въ моихъ комнатахъ. Это не могло мнѣ нравиться; я просилъ его, сердился за такое нарушеніе моего спокойствія. Готовцевъ отвѣчалъ мнѣ обидными насмѣшками, но сердиться и ссориться изъ-за такихъ пустяковъ было бы глупо. Я молчалъ и терпѣлъ, хоть и съ ущербомъ моего личнаго спокойствія. Наконецъ, я замѣтилъ, что онъ старается нарядить меня въ шутовской халатъ; его гримасничанья, его постоянныя насмѣшки надъ образомъ моихъ мыслей, презрѣніе ко всему, во что привыкъ я вѣрить умомъ и сердцемъ моимъ, кощунство надъ священнѣйшими для меня предметами, наконецъ вѣчная пикировка другъ друга въ обществахъ,—все это не могло не наскучить мнѣ. Не дѣлая себя раздражительно смѣшнымъ, я принялъ съ Готовцевымъ болѣе серьезный тонъ, и тѣмъ немножко ускромнилъ его. Но это еще бы туда-сюда. Готовцевъ напалъ на мою служебную репутацію: кстати—некстати увѣривъ всѣхъ въ томъ, что я рѣшительно ничего не дѣлаю, онъ въ кругу своихъ болтливыхъ пріятелей полячишекъ сталъ издѣваться надо мной, твердя всѣмъ, что за меня всѣмъ правитъ мой

секретарь и что я въ моемъ служебномъ хозяйствѣ рѣшительно ничего не смыслю. Не разъ мнѣ самому приходилось слышать отъ него подобнаго рода отзывы. Скрѣпивъ сердце, я неоднократно просилъ его наединѣ быть поосторожнѣе и не доводить ни себя, ни меня до непріятностей: ибо я никакъ не могъ ручаться за горячій мой характеръ. Готовцевъ не слушалъ; названія поповичъ, Бибиковское творенье, кацапъ, стали повторяться имъ чаще и чаще. Какъ паяцъ вертѣлся онъ передо мною, задѣвая иногда меня за самыя чувствительныя струны; терпѣть уже не оставалось никакой возможности; я рѣшился безъ дальнихъ непріятностей разойтись съ нимъ полюбовно, и только ожидалъ окончанія срока моего найма. Къ несчастію, стычка у генерала, гдѣ Готовцевъ принялъ сторону подлѣйшей Савишны, назвалъ меня при всѣхъ невѣждою, покончила все между нами. Готовцевъ думалъ было и тутъ отдѣлаться шутками, но я рѣшительно отказалъ ему отъ моей квартиры. Мы разошлись. На бѣду волокитство его за Marie Данильченковой дошло до высочайшаго безстыдства. Какъ старый знакомый этого семейства, я предостерегалъ всѣхъ ихъ отъ человѣка, для котораго нѣтъ ничего святаго въ мірѣ, который для собственнаго удовольствія готовъ втоптать въ грязь чью бы то ни было репутацію. Мнѣ не вѣрили, а Готовцевъ между тѣмъ бѣсился и еще больше поносилъ меня; а послѣ 17-го августа сталъ притѣснять меня до того, что я, по его милости, лишился стола, кухни и всего нужнаго по хозяйству. Извѣстно ужъ, чѣмъ разрѣшилась наша вражда.

„Но все-жъ-таки изъ этого слабаго очерка не видно, что̀ такое Готовцевъ! Постараюсь опредѣлить точнѣе это истинно типическое лицо. Готовцевъ есть молодой человѣкъ, порядочно образованный, но мало видѣвшій свѣтъ и плохо понимающій людей. Онъ не глупъ, но въ высшей степени неразуменъ. Чуждый всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, онъ кощунъ по убѣжденію и отвратителенъ во всемъ, что касается этого предмета. Самое невзыскательное чувство приличія оскорбляется его поведеніемъ въ храмѣ Божіемъ, куда онъ является всегда растрепанный, дерзкій и ложится обыкновенно или на клиросъ, или прислоняется къ стѣнѣ, образуя уголъ въ 40°. Я всегда боялся его разсужденій о предметахъ священныхъ и при малѣйшемъ затрогиваніи уходилъ отъ него подальше, за что обыкновенно получалъ отъ него названіе семинариста. Какъ русскій, Готовцевъ ни къ чорту не годился. Если онъ и удерживается отъ безумныхъ выходокъ молодаго европейскаго вольномыслія, то это не по внутреннему убѣжденію, а потому, какъ онъ разъ мнѣ сказалъ, что за это хорошо ему платятъ. Нѣтъ вещи, нѣтъ воспоминанія въ нашей отечественной исторіи, которыхъ бы онъ не осмѣялъ, не окощунствовалъ. Это особенно привязываетъ къ нему всѣхъ мерзавцевъ-полячишекъ этого безпутнаго края, которымъ онъ свободно проповѣдуетъ свои антипатріотическія убѣжденія. Готовцевъ человѣкъ безсовѣстный: онъ

продастъ васъ съ величайшей охотою, если это можетъ доставить ему удовольствіе; онъ втопчетъ въ грязь репутацію вашу, жены вашей, дочери вашей, если это дастъ ему маленькое развлеченіе; онъ оговоритъ васъ передъ другими самымъ постыднымъ образомъ и, ставши съ вами лицомъ къ лицу, не морщась и не краснѣя, откажется отъ своихъ словъ; онъ по первому безотчетному впечатлѣнію осудитъ васъ со всѣхъ сторонъ, и послѣ къ вамъ же придетъ, а черезъ мѣсяцъ запоетъ о васъ другую пѣсню. И вся эта безсовѣстность и двоедушіе отъ его страшнаго, чернаго эгоизма. Я не могу указать никого изъ здѣшнихъ, кто бы, по его мнѣнію, не былъ или дуракъ, или подлецъ. Только правовѣды, да тѣ, которые ему курятъ ѳиміамъ лести, избавляются отъ безпощаднаго его приговора. Онъ, пожалуй, готовъ сдѣлать вамъ добро, но только тогда, когда это входитъ въ его эгоистическій разсчетъ. Въ этомъ смыслѣ онъ старательно хлопоталъ о Крушинскомъ, и всѣ говорятъ—и правду говорятъ—что черезъ него онъ теперь сталъ товарищемъ предсѣдателя. Юридически чистый и безкорыстный, онъ однако жъ сдѣлаетъ все, что вы ни захотите, имѣйте вы только хорошенькую жену или дочку, или ползайте и величайте его... Но Богъ съ нимъ! Мнѣ дурно становится, когда я много говорю объ этомъ человѣкѣ!.."

Затѣмъ въ „Дневникѣ" слѣдуетъ упоминаніе о развязкѣ ссоры Аскоченскаго съ Готовцевымъ. Подъ 27-мъ ноября читаемъ:

„Много промелькнуло происшествій въ короткій срокъ моего молчанія въ „Дневникѣ". Развязалось дѣло мое съ Готовцевымъ; я проигралъ, и клевета и ложь восторжествовали. Дмитрій Гавриловичъ, кругомъ обманутый, разгнѣвался на меня и предложилъ мнѣ, черезъ конфиденціальное письмо къ нашему колпакообразному губернатору, оставить службу въ трехъ подвѣдомственныхъ ему—Дмитрію Гавриловичу—губерніяхъ. „Это Шемякинъ судъ!" говорили весьма многіе, изумленные такой вопіющей несправедливостью, и крѣпко винили Бибикова за такое рѣшеніе.—Нѣтъ, друзья мои, отвѣчалъ имъ я: Бибиковъ тутъ невиноватъ; онъ человѣкъ, и немудрено, если, обставленный клеветниками и лжецами, произнесъ на меня такой шемякинскій приговоръ. Погодите, можетъ быть, мы какъ нибудь и поправимся.—Я принялся за перо, а такъ какъ въ моемъ дѣлѣ всего важнѣе было выиграть время, то я сталъ просить генералъ-губернатора дать мнѣ отсрочку на подачу прошенія въ отставку. 20-го числа Анненковъ сквозь зубы изволилъ объявить мнѣ желаемое рѣшеніе отъ Бибикова; я остаюсь на должности до узаконеннаго времени, то-есть до генварской трети. Теперь, выигравъ время, я начну исподволь маневрировать и, Богъ дастъ, дамъ генеральное сраженіе, гдѣ разобью моихъ непріятелей, какъ Наполеонъ австрійцевъ при Маренго.

„А между тѣмъ меня произвели въ надворные совѣтники; бѣда только, что не знаю, чѣмъ заплатить за чинъ. Честь-то честь, да нечего ѣсть"...

Мы не исчерпали бы вполнѣ интересъ одиннадцатаго тома „Дневника“, если бы обошли молчаніемъ одну замѣтку, на первый взглядъ представляющуюся независимой отъ впечатлѣній, пережитыхъ Аскоченскимъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Рѣчь идетъ о критикѣ Іудина предательства. Замѣтка объ этомъ вызвана житейскими наблюденіями, подобно тому, какъ и приведенный выше этюдъ о юридическомъ образованіи обязанъ появленіемъ въ „Дневникѣ“ столкновенію его автора съ однимъ изъ питомцевъ спеціальнаго разсадника юридическихъ знаній въ Россіи. Подъ 22-мъ апрѣля 1850 года Аскоченскій пишетъ:

„Въ прошлый четвергъ, стоя на вечерни страстей Христовыхъ и вслушиваясь въ стихиры, пѣтыя въ разноголосицу, я сказалъ стоявшему подлѣ меня Абазѣ: „за что это бранятъ такъ бѣднаго Іуду?“

— Кого? сказалъ онъ, вытаращивъ на меня изумленные глаза.

— Іуду, отвѣчалъ я спокойно.

— Какъ за что? А Христа-то кто-жъ предалъ?

— Ну, что-жъ такое? Іуда.

— Такъ по вашему, что-жъ онъ такое?

— Порядочный человѣкъ, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы.

— Нѣтъ, ужъ покорнѣйше благодарю. Вотъ ученые!.. Вообразите, сказалъ онъ, обращаясь къ Розенбауму,—Аскоченскій-то защищаетъ Іуду. А? каковъ?

— Да-съ, отвѣчалъ Розенбаумъ своимъ холоднымъ размѣреннымъ тономъ:—точно, его бранить не за что. Вѣдь согласитесь, Аѳанасій Андреевичъ, что онъ исполнилъ то, что давно было рѣшено въ Божіемъ предопредѣленіи...

„Абаза не захотѣлъ дослушивать, махнулъ рукой и всталъ въ сторонѣ, повторяя про себя: вотъ-те и ученіе! вотъ вамъ и просвѣщеніе! Іуду не за что ругать,—г-мъ!

„Теперь мнѣ нечего дѣлать; до утрени далеко; спать не хочется; напишу-ка я кое-что объ этомъ предметѣ.

„Бѣднаго Іуду вотъ ужъ восемнадцать съ половиною вѣковъ всѣ ругаютъ и такъ, просто, и на-распѣвъ; а вѣдь никто не подумалъ разсмотрѣть его поступокъ этакъ, знаете, побезпристрастнѣй, юридически.

„Нѣтъ, кажется, надобности для справки излагать исторію такъ называемаго предательства Іуды,—кто ея не знаетъ; стало быть, приступимъ прямо къ трактаціи.

„Общее, вѣками утвердившееся мнѣніе, подкрѣпляемое, повидимому, свидѣтельствомъ священнаго писанія, есть то, что Іуда предалъ Іисуса Христа изъ видовъ корыстолюбія. У евангелиста прямо и съ намѣреніемъ говорится, что онъ корыстолюбецъ: ковчежецъ имѣяша, сказано, и вметаемое ношаше. Не будемъ винить евангелиста за такой взглядъ на вещи; глубоко огорченный мнимымъ предательствомъ, такъ страшно кончившимся, и чуждый мыслей, которыя унесъ съ собою несчастный Іуда въ позорную могилу, онъ не могъ смотрѣть иначе, не могъ оправдывать поступка своего товарища: но все-таки

нельзя не сказать, что выводить изъ этого обстоятельства корыстолюбіе Іуды—значитъ дѣлать saltus in concludendo. Точно, Іуда носилъ при себѣ „ковчежецъ", былъ, то-есть, кассиромъ, казначеемъ, домашнимъ артельщикомъ, но это былъ не секретъ; про это зналъ и Іисусъ Христосъ, и всѣ ученики; въ этомъ ковчежцѣ хранились деньги, которыми уплачивались за всѣхъ подати, какъ за самого Спасителя, такъ и за учениковъ, которыми искупались житейскія нужды всего этого семейства, отторгнутаго отъ ежедневныхъ своихъ занятій для проповѣдыванія Евангелія. Я даже нахожу въ назначеніи Іуды кассиромъ особенное довѣріе къ нему учителя и всѣхъ учениковъ его, особенную, извѣданную его честность, безкорыстіе и добросовѣстность. Согласитесь, что странно было бы называть воромъ того, кто хранитъ общественныя суммы съ-вѣдома самого общества; точно такъ же странно и неосновательно поставлять то обстоятельство, что Іуда былъ кассиромъ, въ укоръ ему и улику.

„Обращаюсь къ словамъ евангелиста: „вметаемое ношаше"; подъ вметаемое я разумѣю всякое доброхотное даяніе. А какъ вы думаете: много или мало могло быть этого вметаемаго? Мало, — если принять во вниманіе то, что, конечно, ни Спаситель, ни ученики его, не позволяли себѣ брать лишняго отъ доброхотныхъ даятелей; много, — если предположить усердіе и готовность даятелей. Спаситель между своими приверженцами имѣлъ не мало людей уважаемыхъ и богатыхъ,—стоитъ только припомнить Іосифа Аримаѳейскаго, Никодима и другихъ; Спаситель любилъ обращаться съ грѣшниками и мытарями—страшнѣйшими взяточниками, — а по заведенному порядку, грѣшники всегда богаче праведниковъ;—скажите-жъ теперь, пожалѣли бы они что нибудь для того, чтобы еще болѣе привязать къ себѣ великаго, чудодѣйственнаго ихъ Друга? Они разбивали драгоцѣнныя урны съ безцѣнными мастями, чтобъ помазать главу Іисусову; даже неслишкомъ достаточные люди изумляли самихъ учениковъ Христовыхъ богатствомъ своихъ жертвъ (припомните блудницу, омывшую ноги Іисусовы драгоцѣннымъ мvромъ, и толки при этомъ апостоловъ). Подумайте жъ послѣ этого: если Іуда дѣйствительно изъ видовъ корыстолюбія предалъ Спасителя, то разсчетливо ли онъ поступалъ въ такомъ случаѣ? Не выгоднѣе ли ему было для удовлетворенія своей страсти тайкомъ собирать отъ доброхотныхъ даятелей? Не богаче ли бы онъ былъ, если бъ воровалъ изъ той кассы, которая была въ его собственномъ распоряженіи и которую, конечно, никто не контролировалъ? Согласитесь, что, предавая Іисуса Христа, онъ скорѣе терялъ, чѣмъ пріобрѣталъ. Посмотрите еще разъ исторію предательства Іуды и скажите: долго ли длились переговоры Іуды съ жидами?.. Обстоятельство, какъ хотите, не маловажное. Его не упустили бы изъ виду евангелисты, чтобы показать низость предателя и постыдную злобу враговъ Христа; а вмѣсто того, что́ вы видите? Іуда соглашается принять самую низкую цѣну, цѣну—

замѣтьте — раба, тогда какъ Спаситель былъ изъ царскаго колѣна Давидова, что, конечно, небезъизвѣстно было и архіереямъ іудейскимъ; тогда какъ, говорю, сами фарисеи и книжники называли его учителемъ, возводя его, такимъ образомъ, изъ толпы, и ставя наравнѣ съ собою, Іуда съ перваго слова беретъ 30 сребренниковъ (цѣнностью немного больше нашего полтинника)—плату ничтожную, за которую, даже при тогдашней дешевизнѣ мѣстъ городскихъ, едва можно было купить землю для погребенія странныхъ. Согласитесь, что если Іудою дѣйствительно руководило корыстолюбіе, то захотѣлъ ли бы онъ довольствоваться такими пустяками? Да запроси онъ тысячу, десять, тридцать тысячъ сребренниковъ, — іудеи съ радостью дали бы ему! Они рады были этому случаю, потому что доселѣ никакъ не удавалось имъ врасплохъ напасть на ненавистнаго имъ Христа, который въ послѣднее время, какъ видно изъ Евангелія, тщательно скрывался отъ ихъ преслѣдованій и являлся не иначе, какъ среди дня, и окруженный уважавшимъ его народомъ. Само собою открывается теперь, что настоящій корыстолюбецъ не упустилъ бы воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ.

„Кто знаетъ корыстолюбцевъ, тотъ не станетъ спорить, что пріобрѣтеніе золота для нихъ выше всего, что эта страсть убиваетъ въ нихъ всякую мысль, всякое благородное чувство. Есть и бывали примѣры, что не дрожала рука корыстолюбцевъ, продавая дѣтей своихъ, подписывая кровью обязательство (положимъ, воображаемое) на свою собственную душу. То ли мы видимъ въ Іудѣ? Онъ беретъ ничтожную плату; онъ съ ужасомъ видитъ потомъ, что неожиданно предалъ кровь неповинную, и бросаетъ сребренники къ ногамъ архіереевъ; онъ возненавидѣлъ самого себя и погибъ страшною смертью. Что жъ его привело къ тому? Раскаяніе, скажете? Но помилуйте, вѣдь онъ не боялся же мысли о предательствѣ, онъ свыкся съ нею, что жъ ему было отчаяваться, когда онъ видѣлъ, что съ Іисусомъ поступаютъ такъ, какъ онъ предлагалъ? И развѣ теперь только могъ онъ увидѣть, что предаетъ праведника? Развѣ прежде сего онъ не былъ убѣжденъ въ святости своего Божественнаго Учителя? По крайней мѣрѣ, укажите мнѣ хоть слѣдъ противнаго сему убѣжденія! Иначе, что могло бы удержать Іуду взвести извѣтъ на предаваемаго? Однако, онъ ничего такого не дѣлаетъ, винитъ лишь самого себя и погибаетъ отъ петли. Воля ваша, а злодѣи и корыстолюбцы къ этому неспособны! Еще не было примѣра, чтобъ какой нибудь изъ нихъ повѣсился оттого, что ему удалась подлая его афера. Отнимите у него золото,— онъ, пожалуй, повѣсится; а при своихъ сокровищахъ и особенно еще при осязательномъ умноженіи ихъ—онъ и съ естественной смертью будетъ бороться. Такъ ли я говорю?

„Теперь вопросъ: что жъ заставило Іуду поступить такъ ужасно съ своимъ благодѣтелемъ, съ своимъ Божественнымъ Учителемъ? Для того, чтобъ отвѣчать на это, я начну немного издалека.

„У іудеевъ было общее мнѣніе, сохранившееся даже и между нынѣшними жидами, что Мессія придетъ затѣмъ, чтобы освободить народъ израильскій изъ неволи, собрать его изъ разсѣянія, сдѣлать его первымъ народомъ въ мірѣ, покорить все подъ ноги его и назваться самому царемъ іудейскимъ. Мысль эта была и между учениками Спасителя. Апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили Іисуса, чтобы онъ посадилъ одного изъ нихъ о-десную, а другаго о-шую себя, когда сядетъ на престолъ славы. Эту мысль насмѣшливо выразилъ въ крестной надписи Пилатъ. Этой мыслью руководились впослѣдствіи толпы, приставшія къ архіереямъ, обольщавшимъ ихъ всемірнымъ владычествомъ; въ этой мысли древніе іудеи съ презрѣніемъ называли христіанъ рабами распятаго. Какъ бы это, однако жъ, ни было, но никто противъ того не станетъ спорить, что и Іуда былъ не чуждъ этого убѣжденія. Изъ послѣднихъ поступковъ его видно, что онъ былъ человѣкъ характера пылкаго, рѣшительнаго. Онъ видѣлъ своими глазами опыты чудодѣйственной силы своего Учителя; въ ликѣ прочихъ апостоловъ исповѣдалъ его Мессіею и Богомъ, ибо иначе онъ не былъ бы избранъ Спасителемъ; онъ не отставалъ отъ Христа ни на шагъ и слышалъ не разъ тайную Его бесѣду о царствіи, котораго онъ, какъ и всѣ прочіе апостолы, хорошенько не могъ уразумѣть самъ собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вооружается на Спасителя злоба и безвѣріе, чѣмъ далѣе, тѣмъ смиреннѣе показываетъ себя Сынъ Божій, запрещая даже исцѣленнымъ говорить объ немъ и скрываясь, какъ обыкновенный человѣкъ, отъ преслѣдующихъ его враговъ. Онъ началъ уже скучать такою неопредѣленностью положенія своего Учителя: „чѣмъ это все кончится“, думалъ онъ,—и рѣшился, тайно отъ всѣхъ, подвинуть дѣло къ концу. Видя, что ужъ наступаетъ послѣдняя Пасха, а Учитель все еще не объявляетъ себя Мессіею, и будучи совершенно убѣжденъ, что Христу недостаетъ только сильныхъ побужденій, чтобы обнаружить во всей славѣ божественную силу свою, онъ приготовляетъ рѣшительный ударъ, вызывая всю злобу людскую на борьбу съ непобѣдимою властью Бога; онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что Учитель восторжествуетъ и явится тѣмъ, чѣмъ, по понятію его и всѣхъ вообще, онъ долженъ быть. Въ душѣ его образуется странный замыселъ предательства, и онъ таитъ его отъ всѣхъ.

„Я постараюсь доказать, что именно эта мысль руководила Іуду въ его предательствѣ. Замѣтьте, въ Іудѣ не вдругъ обнаружилась она; она росла и образовывалась въ немъ долго. Спаситель задолго передъ страданіемъ не разъ повторялъ въ кругу учениковъ своихъ: „единъ отъ васъ предастъ мя“. Нельзя представить себѣ, чтобы такое ласковое, тихое, незлобное предостереженіе не тронуло души человѣка, столь способнаго къ раскаянію, слѣдственно, такъ чувствительнаго, если онъ дѣйствительно таилъ въ себѣ злобный умыселъ на жизнь своего друга и благодѣтеля. Іуда, однако жъ, не смущается;

онъ упорно таитъ свой замыселъ отъ изумленныхъ учениковъ и думаетъ такъ: „пусть себѣ учитель говоритъ теперь, что̀ хочетъ; увидитъ послѣдствія моихъ мыслей и похвалитъ меня“. Между тѣмъ, неоднократныя напоминанія объ этомъ со стороны Спасителя страннымъ образомъ ускорили развязку. Раздражая пылкаго Іуду, эти напоминанія заставили его, наконецъ, опасаться, чтобы замыселъ его не обнаружился преждевременно и не кончился бы ничѣмъ. Озадаченный уже прямымъ указаніемъ Христа, подавшаго ему хлѣбъ, омоченный въ солило, и открыто назвавшаго его предателемъ, Іуда въ ту жъ минуту встаетъ изъ-за стола и выходитъ... Замѣтьте: въ виду всѣхъ; является къ архіереямъ и условливается съ ними: „Что ми хощете дати и азъ вамъ предамъ его?“ говоритъ онъ. Если бы въ эту минуту спросили его архіереи: что его заставляетъ дѣлать это? Іуда навѣрное не нашелся бы, что̀ сказать. Но іудеи страшно обрадовались этому случаю; они тотчасъ же дали ему стражу и Іуда является въ саду Гефсиманскомъ. Поцѣлуй показалъ воинамъ того, кто имъ былъ нуженъ. Къ слову сказать: поцѣлуй этотъ обезславленъ въ высшей степени; но все зависитъ отъ того, съ какой точки мы смотримъ на вещи. Конечно, для воиновъ онъ былъ знàкомъ условнымъ, но въ сущности для самого Іуды, дѣйствовавшаго въ настоящемъ случаѣ сообразно сказанной мысли, онъ, быть можетъ, не болѣе значилъ, какъ поцѣлуй, которымъ мы искренно иногда напутствуемъ любимаго друга нашего на славное поприще... Предубѣжденіе много значитъ!..

„Надобно замѣтить, что въ словахъ Спасителя, обращенныхъ къ Іудѣ насчетъ предательства, никогда не было упрека. Только на послѣдней вечери обнаружилось какъ будто нѣкоторое нетерпѣніе. Вслѣдъ за кускомъ хлѣба, поданнымъ Іудѣ, Господь говоритъ ему: „еже твориши, твори скоро!“ Что могъ подумать Іуда? Или то, что учитель его не понялъ, или что тайный замыселъ ему извѣстенъ уже. Въ послѣднемъ случаѣ не могъ ли онъ принять этихъ словъ одобреніемъ своей мысли! Никто изъ прочихъ учениковъ не обнаружилъ безпокойства; самъ Спаситель съ пѣснею вышелъ на гору Елеонскую. Все, повидимому, шло какъ нельзя лучше.

„Между тѣмъ Іуда, показавъ воинамъ, кого имъ нужно, говоритъ: „ведите его сохранно“; въ подлинникѣ: „осторожно, не зѣвайте!“— чистая насмѣшка Іуды надъ стражей. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „не будьте безпечны, не полагайте, чтобы я предалъ вамъ простаго человѣка: если онъ въ рукахъ у васъ, то не думайте, чтобы дѣло было кончено: это Богъ, это лицо всемощное, чудодѣйственное“. Іуда хитрилъ, какъ хитрятъ политики, допускающіе зло для многихъ благъ.

„Но не таковъ и страшенъ былъ оборотъ этого дѣла. Спаситель началъ горькій путь страданій. „Тогда,—говоритъ евангелистъ,—видѣвъ Іуда, предавый его, яко осудиша его, раскаявся, возврати тридесять сребренниковъ архіереямъ и старцемъ, глаголя: „согрѣшихъ,

предавъ кровь неповинную". Они жъ рѣша: „что есть намъ? Ты узриши". И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися". И будто это похоже на сребролюбца, на злаго предателя? Нѣтъ, Іуда горько обманулся; иначе не поразило бы его страданіе преданнаго имъ учителя, иначе бы онъ не дошелъ до отчаянія. Онъ ничего не сказалъ въ свое утѣшеніе; онъ самъ обвинилъ себя; это значитъ—уваженіе въ немъ къ своему учителю было то же, и любовь была та же; онъ точно раскаялся, но не въ злодѣяніи, котораго у него и въ умѣ не было, а въ ужасной ошибкѣ своей. На время онъ согласился казаться измѣнникомъ, но потомъ, когда увидѣлъ послѣдствія этого, не могъ пережить скорби своей...

„Понятна ли вамъ теперь ужасная участь Іуды? Понятно ли вамъ мое неудовольствіе на эти крики и вопли проклятія, которыми безъ малаго двѣ тысячи лѣтъ преслѣдуютъ память безпримѣрнаго въ мірѣ несчастливца? И вотъ съ какой точки объясняю я себѣ всѣ тѣ угрозы, которыя изрекалъ въ послѣдніе дни жизни своей Божественный Искупитель на одного изъ любимѣйшихъ учениковъ своихъ: „Горе человѣку, — говорилъ Онъ, — имъ же сынъ человѣческій предастся! Унебыло бы ему не родитися на свѣтъ!" Его полному любви и милосердія сердцу больно было видѣть грядущую участь ученика своего; прискорбно знать, чѣмъ завершитъ онъ неразумный свой замыселъ. Какъ часто, размышляя о подобныхъ вещахъ, я грустно жалуюсь на ближнихъ своихъ! Люди, люди! Зачѣмъ вы судите тѣхъ, кто ужъ не вашъ, кто ужъ въ рукѣ Божіей? Зачѣмъ вы бросаете камень, гордясь мнимой своей непорочностью? Пусть всякій въ христіанскомъ смиреніи осмотритъ кругомъ себя и скажетъ: не бывали ли въ жизни его минуты, когда онъ былъ хуже проклинаемаго имъ Іуды?

„Но, защищая гонимаго, я не беру его безусловно подъ свое покровительство. Іуда не виноватъ въ корыстолюбіи—это такъ; Іуда не виноватъ въ умышленномъ предательствѣ—и это такъ, но виноватъ онъ, во-первыхъ, въ своевольномъ вмѣшательствѣ въ неисповѣдимые пути промысла Божія; виноватъ въ страшномъ отчаяніи, погубившемъ и тѣло, и душу его. По мнѣнію св. отцевъ церкви, Іуда могъ бы спастись, если бы не предался отчаянію. Тотъ, кто простилъ трижды отрекшагося Петра, кто не осудилъ всѣми осужденную блудницу, кто проповѣдывалъ, и самъ былъ всесовершенная любовь, кто на крестѣ молился за своихъ (враговъ) распинателей,—тотъ нашелъ бы въ отеческомъ сердцѣ своемъ еще много любви, чтобы приласкать и забыть страшную ошибку своего избраннаго ученика. Іуда убоялся раскрывшейся предъ нимъ бездны, не съумѣлъ удержаться на краю оной—и погибъ, навѣки погибъ!..

„Не судите, да не судимы будете! Имъ же бо судомъ судите, судятъ и васъ", сказалъ Спаситель.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

VII.

По возвращеніи въ Кіевъ.

Отзывъ Аскоченскаго объ управленіи Д. Г. Бибикова юго-западнымъ генералъ-губернаторствомъ.—Отзывъ о Писаревѣ.—Финалъ отношеній Аскоченскаго къ Бибикову.—Смиреніе Аскоченскаго.—Взглядъ его на современное просвѣщеніе.—„Ригористическое ожесточеніе“ противъ русскихъ университетовъ.—Нравственное вліяніе ихъ.—Православіе, самодержавіе и народность.—Сословное неравенство въ русскомъ обществѣ.—Приговоръ исторіи надъ дѣятельностью Аскоченскаго.

ВЪ АВГУСТѢ 1852 года, Аскоченскій покинулъ Каменецъ-Подольскъ. Гдѣ и какъ онъ жилъ до 1854 г., мы не знаемъ, а въ „Дневникѣ“ эти два года совсѣмъ пропущены. Послѣдующія же замѣтки начинаются съ марта 1854 г., но большинство ихъ относится къ воспоминаніямъ о прошломъ, ибо настоящее не представляло ничего утѣшительнаго въ личномъ положеніи Аскоченскаго и вообще отличалось пустотою и безсодержательностью. Въ тяжкомъ, безотрадномъ уединеніи Аскоченскій приводитъ на намять теперь свои отношеніи къ разнымъ лицамъ, однихъ клеймя желчнымъ стихомъ, о другихъ же говоря съ уваженіемъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ тогда о Бибиковѣ, который, какъ мы видѣли, въ значительной степени былъ виновникомъ многихъ печальныхъ испытаній, пережитыхъ Аскоченскимъ:

„Ой, долго, долго будутъ жалѣть всѣ благомыслящіе люди о Бибиковѣ. Повторяютъ, что я сказалъ когда-то: „Государь могъ найти и

[1] Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ IX, стр. 259.

сдѣлать сотни министровъ, но другаго Бибикова для этого края не отыщетъ". „Мнѣ всегда возражаютъ, что онъ держалъ при себѣ Писарева, и ставятъ это въ незагладимый упрекъ Дмитрію Гавриловичу. Удивительно, какъ близоруко такое сужденіе. Я очень хорошо знаю вдоль и поперегъ Писарева: онъ былъ взяточникъ, по своему понимавшій честь и совѣсть, но въ умѣ ему никто отказать не можетъ, и всѣ мудрые и по своимъ результатамъ благодѣтельныя распоряженія Бибикова по всѣмъ тремъ западнымъ губерніямъ сдѣланы при посредствѣ этого проклинаемаго взяточника. Дмитрій Гавриловичъ поступилъ въ такомъ случаѣ, какъ глубокій политикъ: онъ допускалъ малое, частное зло для общаго и большаго блага. Онъ хорошо зналъ про взяточничество Писарева и сносилъ это, потому что нуженъ былъ ему умъ и дѣятельность этого человѣка.

„Кончились задуманныя распоряженія, осуществились превосходные планы,—Бибиковъ отстранилъ тогда отъ себя Писарева, но отстранилъ благородно, предоставилъ даже награду ему за труды, вмѣстѣ подъятые; Бибиковъ предоставилъ судьбѣ наказать взяточника, и онъ наказанъ, жестоко наказанъ. Повторяю, ставить въ упрекъ Бибикову поведеніе Писарева есть вопіющая несправедливость и обличаетъ узкій, недальновидный взглядъ на вещи. Я священнымъ долгомъ поставляю всегда стоять за честь и имя этого великаго слуги царю и отечеству. Въ лести и похвальствѣ, надѣюсь, никто не упрекнетъ меня, ибо кто больше меня потерялъ отъ того же самаго Бибикова,— но, мимо моихъ личныхъ интересовъ, я всегда буду любить его, ибо понимаю, кого люблю и уважаю".

При всей склонности своей къ пристрастному третированію окружавшихъ его, Аскоченскій по отношенію къ Бибикову остается неизмѣннымъ даже тогда, когда обнаружилось, что послѣдній вполнѣ равнодушенъ къ участи бывшаго своего protégé. „На Благовѣщеніе"— отмѣчаетъ Аскоченскій—„получилъ я отъ Козлова изъ Петербурга письмо, но не благовѣстіе, а зловѣстіе принесло оно съ собою. Кажется, вся моя надежда на Бибикова исчезла невозвратно. Однако-жъ, какъ жестоко поступилъ онъ со мною! Богъ съ нимъ! Знаю только, что онъ сдѣлалъ меня несчастнымъ; нѣтъ возможности перечислить все, что перенесъ и переношу я, по милости этого крутаго и немилостиваго человѣка. Чтобы не тревожить горячихъ ранъ растерзаннаго моего сердца, я не стану говорить ни о Бибиковѣ, ни о письмѣ Козлова. Гибнуть, такъ гибнуть!"...

А между тѣмъ личная жизнь Аскоченскаго становилась съ каждымъ днемъ все плачевнѣе. Безъ всякаго заработка, съ разбитыми надеждами, разочарованный авторъ „Дневника" не видѣлъ конца своему „злополучію". Дѣло дошло до того, что онъ не только смирился въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, но и принужденъ былъ иногда испытывать униженіе передъ недавними своими врагами. Такъ, подъ 1-мъ августа читаемъ:

„...Я нынче положилъ камешекъ, который до сихъ поръ служилъ мнѣ претыканіемъ. Приказавъ замолчать бѣдственному для меня самолюбію, я ѣздилъ — угадайте, къ кому? — къ Розенбауму, къ человѣку, который сталъ нѣкогда врагомъ моимъ и ядый со мною хлѣбъ воздвиже на мя запинаніе, который за то потерпѣлъ и самъ много отъ ядовитаго пера моего и который подъ конецъ горемычнаго моего существованія былъ одинъ изъ членовъ беззаконнаго совѣта, сложившаго на меня извѣтъ и повергшаго меня въ бездну несчастій. Да, я самъ теперь протянулъ ему руку примиренія, чего не сдѣлалъ бы, конечно, если бъ не мои несчастія... Розенбаумъ принялъ меня радушно и черезъ пять минутъ мы уже забыли нашу вражду и говорили между собой про былое, пріятное въ нашемъ знакомствѣ. Этимъ первымъ параграфомъ на этотъ разъ я и удовольствовался, предоставивъ дальнѣйшіе мои планы и надежды времени...“

Но не въ одномъ „смиреніи“ сказалась теперь въ Аскоченскомъ перемѣна, вызванная утомленіемъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Въ это время ясно уже опредѣляется то направленіе его, которое впослѣдствіи открыто выражалось въ „Домашней Бесѣдѣ“. Наглядным доказательствомъ такой перемѣны въ душевномъ настроеніи Аскоченскаго служатъ замѣтки его о современномъ просвѣщеніи вообще и объ университетскомъ образованіи въ Россіи въ частности. Замѣтки эти любопытны какъ фактъ, свидѣтельствующій, до какихъ абсурдовъ можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ задается предвзятыми и односторонними воззрѣніями, когда независимыя стремленія прежнихъ лѣтъ глохнутъ подъ гнетущимъ желаніемъ личности проникнуться непремѣнно какъ можно полнѣе заданнымъ направленіемъ.

„Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ цивилизаціи и прогресса, когда молодое, а за нимъ и старое поколѣніе спѣшитъ подъ знаменемъ мнимаго просвѣщенія къ разрушенію всего, что освящено давностію, и чѣмъ держится благосостояніе обществъ, невольно останавливаешься безпокойною мыслью надъ вопросомъ: что такое современное просвѣщеніе? Не та ли это печать антихриста, которая предсказана въ Апокалипсисѣ и которая не ляжетъ численнымъ изображеніемъ индустріи на челѣ только малыхъ избранныхъ?..

„Нѣтъ такой несправедливости, нѣтъ такой лжи и клятвопреступленія, которыхъ бы не оправдало это такъ называемое просвѣщеніе. Дикарь ужаснулся бы тѣхъ жестокостей, къ которымъ прибѣгаетъ индустрія для достиженія своихъ сатанинскихъ цѣлей. Въ имя этого лжеименнаго просвѣщенія явилась филантропія, преслѣдующая какую-то идею и считающая жизнь особей совершенно ничѣмъ; отъ имени этого просвѣщенія ставятъ памятники истребителямъ человѣчества, отъявленнымъ безбожникамъ и низкимъ космополитамъ; отъ имени этого просвѣщенія обожили умъ, отринувъ спасительную вѣру, всегда спасавшую нашихъ добродушныхъ предковъ.

„И мы — русскіе — жалкіе подражатели истлѣвающаго запада,—и мы къ нашему юному, свѣжему тѣлу привили эту язву лжепросвѣщенія, воздвигли огромныя зданія, гдѣ не унціями, а цѣлыми пудами раздаютъ отраву отрицанія и безвѣрія, да еще гордимся тѣмъ, что и мы, дескать, не отстали отъ Европы, и у насъ есть университеты, гдѣ всякій голубой воротникъ разсказываетъ вамъ, что̀ „каждая звѣзда на небѣ значитъ“.

„Давно уже мнѣ хочется глубже вникнуть въ вопросъ: нужны ли нашей матушкѣ-Россіи эти университеты, — тѣмъ болѣе хочется, что частенько приходится толковать объ этомъ съ любителями современнаго прогресса, которые всегда обвиняютъ меня въ пристрастіи и въ неправильномъ одностороннемъ увлеченіи. А между тѣмъ, я говорю только вотъ что. Прошу прислушать.

„Что такое университетъ? По этимологическому производству этого слова, оно значитъ „всеучилище“, то есть такое заведеніе, въ которомъ преподаются всѣ науки безъ исключенія, обширный пантеонъ человѣческаго знанія. Таковы и были первоначально университеты на западѣ Европы; въ нихъ сосредоточивались всѣ факультеты, и за отсутствіемъ другихъ спеціальныхъ училищъ для образованія юношества, изъ университетовъ выходили и богословы, и законовѣды, и математики, и литераторы и все, что вамъ угодно. Въ такомъ составѣ и съ такой же обширностью переведены эти „всеучилища“ и на Русь къ намъ. Я сказалъ: переведены, потому что сами собою они перейти не могли, бывъ, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ не по духу русскаго народа. Мы выписали нѣмцевъ учить насъ заморской премудрости; но съ самаго же начала такого принужденнаго пересажденія иностранныхъ университетовъ на русскую почву оказалось нужнымъ отдѣлить и даже вовсе уничтожить одинъ факультетъ и самый главный — именно богословскій; для этой науки слишкомъ узки были головы выписанныхъ изъ-за моря нѣмцевъ, и блюстители православія на святой Руси достойно и праведно не позволили бы заморскимъ умникамъ браться не за свое. При томъ же у насъ, далеко еще до введенія университетовъ, существовали духовныя академіи, въ которыхъ, несмотря на схоластичность преподаванія наукъ философскихъ и богословскихъ, истины православія сохранялись во всей первобытной своей чистотѣ и неприкосновенности, и лучшими уроками по богословію не могли похвалиться самые прославленные университеты въ Европѣ. Вотъ ужь это одно могло показать упорнымъ нововводителямъ неестественность заведенія училищъ, съ перваго раза становившихся въ оппозицію съ главнымъ началомъ нашей народности. Но какая надобность! Мы шли, какъ слѣпые, за образованными нашими руководителями, которымъ Русь давала чистый кусокъ хлѣба, деньги и почести; мы обрадовались сами и съ юношеской гордостью повторяли передъ коварно улыбавшейся Европою: „вотъ оно какъ! И у насъ есть университеты!“ Учредители этихъ все-училищъ видѣли

однакожь, что отставка богословскаго университета оставила цѣлое зданіе университета безъ краеугольнаго камня. Что тутъ дѣлать? Да что̀! Поставить во главѣ программы преподаванія Законъ Божій,—и дѣло съ концемъ! Хорошо, поставили. Но ужь одно то, что главному за-границей факультету у насъ въ русскихъ университетахъ дано было, какъ бы изъ милости, лишь укромное мѣстечко и, предоставивъ широту и глубину преподаванія другимъ наукамъ, наукѣ религіи опредѣлили самый тѣсный кругъ,—одно ужь это, говорю, уронило ее въ глазахъ юношества, пріучаемаго смотрѣть на все глазами своихъ наставниковъ, большею частью лютеранъ, кальвинистовъ, социніанъ и другой сволочи. Капля яда, пущенная еще въ ту пору, разлилась быстро въ мутной водѣ университетскаго образованія; чѣмъ дальше, тѣмъ ниже становилось дѣло религіознаго усовершенствованія молодыхъ умовъ. Науки, взрощенныя непокорнымъ умомъ, который все желалъ бы подчинить своему деспотическому критеріуму, пошли противоположно тихому, но свѣтлому голосу Евангельской истины, обращающейся прежде къ сердцу и уже оттуда приносящей чистый свѣтильникъ вѣры для успокоенія и разрѣшенія тревожныхъ вопросовъ ума.

„Нѣмцы-профессоры, а потомъ и питомцы ихъ, русскіе наставники, не могли или не хотѣли этого понять и полною рукою продолжали сыпать гибельныя сѣмена сомнѣнія и отрицанія, во вредъ уже и безъ того униженному богословію. Плодомъ этого было презрѣніе къ урокамъ богословскимъ; оттого-то доселѣ ничто не возбуждаетъ такой скуки въ молодыхъ умахъ воспитанниковъ университета, какъ истины, преподаваемыя служителемъ алтаря въ пустѣющихъ аудиторіяхъ. Съ голоса своихъ наставниковъ и они повторяютъ, что все это ужасъ какъ отстало, по̀шло и лишено всякаго прогресса, что какъ идея дохристіанской религіи оказалась истощившеюся, точно также и идея христіанства требуетъ перемѣны и должна уступить мѣсто другой—идеи разума. Я не только слышалъ, но даже читалъ это въ печатной книгѣ!.. Многоученое начальство не только не противоборствуетъ, но даже содѣйствуетъ уничтоженію науки богословской: на объясненіе, напримѣръ, Софокловой Антигоны оно полагаетъ въ программѣ десять часовъ въ недѣлю, а на преподаваніе закона Божія какіе нибудь три часа.

„Современники царя Бориса съ шумомъ поднялись противъ намѣренія его завести на Руси университеты. Что ни толкуйте, а чуть ли они не лучше своихъ потомковъ понимали эти заморскія выдумки, устроенныя лишь для того, чтобы калѣчить здоровые умы русскаго народа. Посмотрите хоть въ наше славящееся просвѣщеніемъ время, куда годятся воспитанники университетовъ, когда они пустятся въ толкованіе предметовъ религіозныхъ? Запасъ добрыхъ свѣдѣній, вынесенный ими изъ гимназій, подвергается безтолковому критическому анализу и повѣряемый узенькимъ одностороннимъ умишкомъ, расходуется на вольныя и богопротивныя мысли и часто совсѣмъ исчезаетъ въ мелочности понятій научныхъ, схватываемыхъ ими по верхуш-

камъ. И некому остановить этой молодежи, прямо стремящейся въ бездну моральной погибели. Обращаетъ ли просвѣщенное начальство строгое вниманіе на то, чтобы студенты ходили въ церковь? Смотритъ ли оно за тѣмъ, какъ голубые воротники держатъ себя въ храмѣ Божіемъ? Наконецъ, считаетъ ли само начальство священнѣйшей своей обязанностью присутствовать при воскресномъ богослуженіи? Никогда! Другое дѣло—театръ, публичныя гулянья, тамъ непремѣнно надзоръ, и попечительное начальство, не видя голубыхъ воротниковъ, сильно встревожится такой явной безнравственностью своего юношества. Инспекторы и субъ-инспекторы побѣгутъ, какъ на пожаръ и строго начнутъ разслѣдовать, гдѣ это ученое юношество проводитъ позднее свое время. O tempora, o mores! O pecora, o boves!..

„Университеты сосредоточивали и до сихъ поръ сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ остальные факультеты. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ—философскій недавно уничтоженъ, какъ ненужный и предоставленъ исключительно духовнымъ академіямъ. Университетамъ оставлена логика и психологія, да и то преподаваніе этихъ частей философіи поручено лицамъ духовнымъ, такъ называемымъ законоучителямъ [1]). Это исключеніе философіи изъ преподавательной программы ясно показало, что университетскія головы не крѣпки, и что не слѣдуетъ оставлять имъ привилегированную науку свободнаго мышленія. Правительство, наконецъ, поняло, что философія въ рукахъ такихъ мыслителей, какъ преподаватели и воспитанники университетовъ, острый ножъ, данный для забавы мальчишкѣ. Вотъ оно и взяло у нихъ этотъ ножъ, приговаривая: это, дескать, орудіе острое, а орудіемъ острымъ можно порѣзаться, слѣдовательно, надо его у васъ взять (это послѣдній урокъ университетамъ изъ логики); вы же ребята горячіе, голова у васъ и безъ того набита высокопарными нѣмецкими идеями, перевернувшими вверхъ дномъ ваши прежнія русскія понятія, слѣдовательно, вамъ философія не нужна (это послѣдній правильный психологическій урокъ имъ). Надо признаться, что внушеніе этихъ практическихъ уроковъ дѣйствительно могло бы принести пользу, если бы преподаватели постарались вбить ихъ въ головы своихъ слушателей. Но, къ сожалѣнію, оборванныя части науки философской не оказываютъ университетамъ никакой услуги. Логика и психологія сползли въ рядъ самыхъ сухихъ, безжизненныхъ и, по признанію самого совѣта университетскаго, ненужныхъ и излишнихъ наукъ. Предоставленные такимъ образомъ законамъ собственнаго мышленія, молодые люди закружились напропалую, и девять десятыхъ врутъ такую дичь, что въ разговорѣ съ ними и самъ потеряешь логическую мысль правильнаго сужденія. А все отчего это? Отчего образумившееся правительство отняло у университетовъ философію? Отчего оно вырвало ее изъ рукъ фрач-

[1]) Рѣчь идетъ о современныхъ Аскоченскому университетахъ, т. е. до введенія устава 1863 г. Ѳ. Б.

ныхъ преподавателей и отдало рясамъ? Оттого, что замѣтило, что фрачные преподаватели, скроенные по-нѣмецки, вели науку не рядомъ съ ученіемъ православія и не ее повѣряли откровеніемъ, а откровеніе дерзнули повѣрять своей жалкой мудростью; оттого, наконецъ, что увидѣли, что эта наука сдѣлалась въ университетѣ мудрованіемъ по стихіямъ міра сего, а не по Христѣ. Вотъ и вызвало оно другихъ дѣятелей, но опасеніе его было такъ велико, что и тутъ не рѣшилось оно дать полнаго хода философской наукѣ. Вмѣсто большаго воза сѣмянъ, правительство дало новымъ сѣятелямъ только два рѣшета пшеницы, да и то пополамъ съ половою. „Предписываю вамъ“, сказало оно новымъ преподавателямъ, „засѣять все это поле даннымъ вамъ сѣменемъ“.—„Да помилуйте“, отвѣчаютъ преподаватели, „если разсѣять на такомъ пространствѣ, то отъ колоса до колоса не слыхать будетъ человѣческаго голоса“.—„Тѣмъ лучше“, отвѣчаетъ правительство: „между пространствомъ отъ колоса до колоса мы будемъ сѣять сѣмена другаго рода“.

„Соревнуя такому дивному распоряженію, преподаватели разныхъ наукъ пустились сѣять напропалую, кому что попадетъ подъ руку: кто просо, кто кукурузу, кто полынь, кто клеверъ, кто лебеду, кто дыни и арбузы,—все это безъ толку, безъ системы, безъ правилъ, и бѣдные ростки сѣятелей логики и психологіи глохнутъ и исчезаютъ подъ этой громадной растительностью всякой всячины. Видите ли теперь, — вотъ еще плодъ того устраненія главнѣйшей основы всякаго образованія, которое показалъ я выше, говоря о факультетѣ богословія: зданіе философіи, построенное не на камнѣ чистой истинной вѣры, а на пескѣ всерастлѣвающаго анализа, должно было пасть, и упало. Подѣломъ! не заводи училищъ, не сообразясь хорошенько съ требованіями нашей благородной святой народности. Вся бѣда оттого, что мы захотѣли быть просвѣщенными по-европейски, а не по-русски. Но мнѣ замѣтятъ: развѣ за-границей въ университетахъ, гдѣ существуютъ рядомъ факультеты богословскій и философскій, философія благотворнѣй и лучше? Да кто жъ это и говоритъ? Тамъ еще хуже. Тамъ бѣдное богословіе въ совершенной зависимости отъ философіи, и жидъ-выкрестъ, какой нибудь Страусъ, ломаетъ направо и налѣво истины догматическія; тамъ некому и наблюсти за этимъ, ибо духовенство, обязанное хранить чистоту вѣры, само нечисто и связано по рукамъ и ногамъ. Когда-то въ давнія времена положенная, хоть и праведно, но только не за то проклинаемыми, іезуитами основа, нынѣ совсѣмъ подточена; самое зданіе, насквозь проѣденное червями, стало такъ легко, что держится покамѣсть и на такомъ подточенномъ основаніи, зато жъ сколько разъ оно и летало по воздуху въ вихрѣ революцій, нечестія и безбожія! Не дай Богъ дожить до этого! пусть лучше разсыплются въ прахъ эти зданія и подавятъ собою всю премудрость, мятежно возстающую на разумъ Божій и на святыя преданія нашихъ праотцевъ!“

Затѣмъ, Аскоченскій подробно разбираетъ курсъ и систему преподаванія на факультетахъ: юридическомъ, математическомъ, словесномъ и медицинскомъ, и приходитъ къ слѣдующему выводу:

„При чемъ же теперь должны остаться университеты? Факультета богословскаго въ немъ нѣтъ, философскій — оборванъ и почти тоже не существуетъ; юридическій и математическій не приносятъ никакой пользы; словесный — безхарактеренъ и безцѣленъ; медицинскій, по характеру своему, болѣе принадлежитъ другому спеціальному заведенію. Чтожъ такое должно еще поддержать ненужное существованіе университетовъ? Рѣшите теперь сами.

„Слова нѣтъ, что есть исключенія во всѣхъ факультетахъ, но чтожъ говорить объ исключеніяхъ? Кто судитъ о цѣломъ по одной какой-либо его части? Я, напримѣръ, весь покрытъ язвами, а пальцы на ногахъ здоровы: слѣдуетъ-ли изъ этого, что я весь здоровъ? И потому, если для этихъ исключеній заводить такія огромныя зданія, бросать въ воду милліоны, то получаемый отсюда процентъ слишкомъ малъ и незначителенъ, и игра не стоитъ свѣчъ.

„Доселѣ я говорилъ о значеніи университетскаго образованія только въ умственномъ отношеніи; посмотримъ теперь на нравственную его сторону. На этотъ разъ прошу припомнить, что я говорю о воспитанникахъ русскихъ, а характеръ русскаго слагается изъ трехъ существенныхъ элементовъ: православія, приверженности къ престолу и народности, разумѣя это слово въ смыслѣ соблюденія всего того, что завѣщала намъ святая древность, чѣмъ мы разнимся и не походимъ ни на нѣмца, ни на француза, что, т.-е., составляетъ нашу физіономію. Что же даютъ намъ университеты? Какъ въ этомъ отношеніи воспитываютъ они юношество? Увы! И жалко, и грустно подумать!..

„Насчетъ воздѣлыванія перваго элемента нашего отличительнаго характера я уже сказалъ, толкуя о факультетѣ богословскомъ, никогда, впрочемъ, не существовавшемъ въ нашихъ университетахъ и нахожу, что прибавлять къ тому нечего. Скажу только развѣ вотъ что: сохрани Богъ, еслибъ только на университетскомъ образованіи держалось наше православіе! Погибла бы тогда главная и существенная опора силы и могущества Россіи! Бѣдный преподаватель закона Божія! Слово твое есть гласъ воніющаго въ пустынѣ! Какъ онъ уготовитъ пути Господни, когда противъ него идетъ цѣлая фаланга другихъ наставниковъ съ вѣсомъ и авторитетомъ, если каждый изъ нихъ съ точки зрѣнія своей науки какъ бы долгомъ своимъ считаетъ подрывать и подкапывать все то, что священникъ говоритъ отъ слова Божія? На одну его аксіому являются сотни научныхъ проблеммъ, излагаемыхъ съ софистическою увлекательностью и возбуждающихъ тревожную дѣятельность молодыхъ умовъ, уже настроенныхъ, къ сомнѣнію и отрицанію. Проповѣдникъ слова Божія внушаетъ питомцамъ простую вѣру, отвергающую незаконное испытаніе судебъ Божіихъ,

а противъ него говорятъ разумники, наигрывающіе каждый въ свою дудку, дѣлающіе анализъ всему существующему „отъ кедра до иссопа“. Молодой умъ, еще не оборвавшійся надъ разрѣшеніемъ самыхъ простыхъ задачъ, еще ложно увѣренный въ своихъ силахъ, требуетъ исключительнаго знанія, а тутъ ему подносятъ безъиспытательную вѣру. Прочь ее! И вотъ на поприще свѣта является говорунъ, которому простаки вѣрятъ для того, что онъ, дескать, человѣкъ образованный и ученый. Оттого-то такъ часто встрѣчаются въ свѣтѣ индифферентисты, для которыхъ все равно—что̀ православіе, что лютеранизмъ, что даже исламизмъ и жидовство.

„Не подумайте, чтобы я въ ригористическомъ ожесточеніи назвалъ университеты притономъ революціоннаго вольнодумства, музеемъ правилъ, противнымъ великому началу нашей народности, однозначительной съ приверженностью къ престолу, царю и отечеству. Нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ. Но не обинуясь скажу, что индифферентизмъ по отношенію къ религіи отражается нѣкоторымъ образомъ и по отношенію къ другому началу жизни русской. Это, впрочемъ, естественно: кто не воздаетъ Божія Богови, тотъ не можетъ воздавать и кесарева кесареви. Въ венгерскую кампанію вышла за-границей картинка, на которой была изображена китайская стѣна. По одну сторону этой стѣны яркій свѣтъ и надпись: Европа; по другую—глубокая тьма и какія-то лѣнивыя тѣни съ надписью: Россія. Въ самой стѣнѣ видно нѣсколько отверстій, сквозь которыя пробиваются лучи свѣта съ противоположной стороны, и надъ каждымъ отверстіемъ надписанъ какой-либо изъ нашихъ университетовъ. Какъ вамъ кажется эта картинка, сочиненная врагами Россіи? Вишь, какъ они похваливаютъ наши университеты. Чѣмъ они такъ угодили лжепросвѣщенной и революціонной Европѣ? Ужъ не богобоязненностью ли, не приверженностью ли къ престолу и отечеству, не привязанностью ли къ кореннымъ обычаямъ и преданіямъ нашихъ предковъ? Ой, врядъ ли! Такого учрежденія просвѣщенная Европа крѣпко не любитъ! Слышите ли, что̀ толкуетъ дѣдушка Крыловъ:

„Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ!“

„Что такое революція? Отверженіе издавна существующаго порядка, уничтоженіе вѣковыхъ законовъ страны во имя какого-то прогресса, устраненіе дѣдовскихъ преданій и обычаевъ и введеніе новыхъ началъ, зародившихся и даже не созрѣвшихъ въ головахъ, наполненныхъ несбыточными, утопическими идеями, въ родѣ Платоновой республики, или бредней Жанъ-Жака Руссо. Благодареніе Богу, наша Русь-матушка чужда этому злодѣйскому прогрессу, отъ котораго вся Европа съ ума сходитъ. Мы крѣпко держимся святой вѣры, умѣемъ молиться, любить царя и отечество и не чуждаемся прадѣдовскихъ разумныхъ обычаевъ. Но между тѣмъ нельзя не сказать, что въ нѣдрахъ Россіи уже зародилась язва, привитая издавна европейскимъ просвѣщеніемъ. Другія заведенія наши, по новости и молодости своей,

еще не успѣли всосать эту тлетворную язву, а въ университетахъ она уже произвела неисцѣлимую, застарѣлую болѣзнь; она обратилась тамъ въ антоновъ огонь, охватившій цѣлый организмъ. Что мудренаго, если великія и до сихъ поръ еще крѣпкія основы нашего благоденствія со временемъ поколеблются, когда въ такомъ же видѣ будетъ продолжаться воспитаніе нашего юношества? Чѣмъ, напримѣръ, руководствуются господа университетскіе профессора въ своихъ толкахъ объ основахъ народнаго благосостоянія? Книгами иностранцевъ, живущихъ въ вихрѣ нововведеній, революцій и гибельнаго прогресса. Прошу въ этой мутной, нечистой водѣ почерпнуть хоть одну живительную каплю для Руси, во всемъ непохожей на западныя государства, состоящія подъ деспотизмомъ политиковъ, журналистовъ, парламентскихъ говоруновъ, теоретиковъ и другой сволочи! Карамзинъ сказалъ въ своей „Исторіи“: „сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; самыя опасности и безпокойства, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный“. Простимъ нашему историку такое республиканское убѣжденіе; онъ, или правильнѣе, юность его принадлежала XVIII-му вѣку, девизомъ котораго были сумасбродныя слова: liberté et égalité! Во второй половинѣ своей замѣтки Карамзинъ какъ бы хочетъ оговориться, утверждая, что республиканскія идеи плѣняютъ только юный, малоопытный умъ. Я совершенно соглашаюсь съ нимъ въ этомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не увлечься юному уму обольстительной утопіей какого нибудь Овэна и подобныхъ ему? Какъ не поддаться обману, когда вамъ говорятъ не прямо, а только сводятъ параллель между законодательствомъ, между мѣстными обычаями и постановленіями, когда вамъ указываютъ на заграничную свободу мышленія, изъ-подъ руки толкуя о правахъ и равенствѣ человѣчества, когда, въ ущербъ отечественному, восхваляютъ дѣйствія той или другой страны въ дѣлѣ цивилизаціи и, не смѣя прямо и открыто осуждать то, что кажется имъ дурнымъ у насъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ безпокойную дѣятельность юныхъ умовъ и готовятъ въ нихъ на первый разъ только недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей? Отъ коренныхъ иностранцевъ, или даже и нашихъ русскихъ профессоровъ, воспитанныхъ по иностранному, иного и ожидать нельзя. И вотъ, при нашемъ благоразумно строгомъ и осмотрительномъ образѣ правленія, эти умники-говоруны, когда пойдетъ въ ходъ задѣвающій сердце русское вопросъ, или упорно отмалчиваются, опасаясь за лишнее словцо подпасть подъ сюркупъ, или дерзаютъ говорить такія вещи, за которыя Сибирь есть самое легкое наказаніе. Хорошо еще, что „страха ради“ скоро можно остановить мятежную предику такого говоруна, а то просто бѣда бы! И кто жъ вы думаете, по большей части, эти говоруны? Какой нибудь недопеченный студентъ, печальный регистраторъ, или заносчивый гимназистъ! Гадко и стыдно говорить-то съ ними!

„Клевета!.. закричатъ на меня со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ, отвѣчаю я громко и твердо; нѣтъ, господа, не клевета! Пусть каждый изъ поумнѣвшихъ и остепенившихся потомъ на государственной службѣ воспитанниковъ университета скажетъ, какъ передъ Богомъ: такъ ли онъ разсуждалъ въ голубомъ воротникѣ о правительствѣ и распоряженіяхъ его, какъ разсуждаетъ теперь, присмотрѣвшись ко всему ближе? Развѣ даромъ императоръ Николай Павловичъ не жалуетъ этихъ университетовъ? Развѣ даромъ онъ, въ порывѣ справедливаго негодованія, ограничилъ было недавно пріемъ студентовъ въ эти притоны бездѣлья и вольнодумства? Вѣрно далась ему „въ тяжкое“ вѣковѣчная ошибка Петра, насильно навязавшаго намъ европейское просвѣщеніе. Великій человѣкъ, не давъ намъ дочитать азбуки, вдругъ посадилъ насъ за философскія книги, смысла которыхъ мы и понять не могли, и въ угоду непреклонному властелину земли русской, затвердили ихъ отъ доски до доски, какъ школьники. И замѣчательно, что молодые люди чистой дворянской крови гораздо менѣе усвояютъ себѣ либеральныя идеи; зато дѣти разночинцевъ являются самыми усердными поклонниками ихъ и такъ и лѣзутъ въ преобразователи Россіи. Совершенно какъ за-границей! Вѣдь и тамъ аристократы проклинаютъ революцію, и тамъ они готовы были бы поддерживать власть и силу правительства, да что жъ прикажете дѣлать съ сапожниками-мѣщанами и всякаго рода промышленниками и уличными бродягами, изъ которыхъ многіе тоже получили высшее образованіе... въ университетахъ. Оно, впрочемъ, и естественно. Коренному дворянину и аристократу тянуться незачѣмъ, не для чего желать ему революціонной реформы; но сыну мѣщанина или сапожника—другое дѣло. Его поровняли съ дворяниномъ шпагою, его тоже называютъ милостивымъ государемъ, а не Ванюшкою или Степкою, онъ тоже хватилъ университетской премудрости, а между тѣмъ кровь-то говоритъ, что она съ примѣсью грязи, — подавай сюда идею равенства. Но благоустроенное государство не допускаетъ этого; ну, такъ постановленія его дурны, а постановленія и законы исходятъ отъ кого? Отъ высшей правительственной власти, представителемъ которой служитъ... нечего говорить, кто... Ну, такъ и эта высшая правительственная власть распоряжается незаконно; значитъ, нуженъ новый порядокъ вещей, значитъ, и пр. и пр. Правительство, наконецъ, кажется, начинаетъ понимать, откуда ожидается скорѣе всего зло—отъ университетскаго образованія. Въ настоящее время оно ограничило пріемъ студентовъ только дворянскимъ сословіемъ, дѣтьми священнослужителей и купцами первой гильдіи. Давно бы такъ слѣдовало. Пусть сынъ мѣщанина сидитъ за прилавкомъ — онъ будетъ полезнѣе для общества; пусть сынъ сапожника учится сапоги шить—это будетъ лучше чѣмъ браться не за свое дѣло, ибо sutor ne ultra crepidam; пусть дьячковскій сынъ помогаетъ своему батюшкѣ пѣть и читать на клиросѣ, и это полезная и необходимая вещь. Пусть жидовскій сынъ не,

профанируетъ мундира и шпаги, какъ принадлежности дворянина, а продаетъ сѣрнички и мыло, или плутуетъ и обманываетъ, какъ его папенька. Благосостояніе общества отъ этого не поколеблется ни мало, по крайней мѣрѣ, въ милліонъ разъ меньше того, если вся эта сволочь примется разсуждать и резонировать о правилахъ и законахъ государственнаго благоустройства. Дворянинъ,—священное лицо,—купцы первостатейные, существенную опору своего благоденствія непремѣнно находятъ въ правительствѣ, защищающемъ ихъ справедливыя и высокія права. Стало быть, эти сословія не пойдутъ противъ него; имъ искать нечего лучше того, чѣмъ они владѣютъ, а вотъ эти шмели, эта-то дрянь — имъ непремѣнно хочется поравняться съ избраннѣйшими классами общества, отсюда и недовольство, и зависть, и, наконецъ, ожесточеніе противъ правительства, связывающаго имъ безпокойныя руки".

Такой взглядъ на высшее образованіе въ Россіи и на дѣло нашего общественнаго развитія впослѣдствіи нашелъ свое полное выраженіе на страницахъ „Домашней Бесѣды". Мы видимъ ясно, какъ вымучиваетъ изъ себя авторъ сужденія, не только противъ университетовъ, но и противъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій въ жизни. Опасаясь какихъ бы то ни было нововведеній, Аскоченскій самъ не замѣчаетъ своихъ противорѣчій и сбивчивости, не говоря уже о неопредѣленности его желаній. Въ отдѣльныхъ указаніяхъ на неправильную постановку университетскаго преподаванія, въ частныхъ данныхъ, показывающихъ безцѣльность высшаго образованія въ условіяхъ русской дѣйствительности того времени, видѣнъ наблюдательный и живой умъ, но въ общемъ основная мысль оказывается ложной, пристрастной и односторонней. Опровергать ее не мѣсто здѣсь, да въ томъ и нужды нѣтъ. Теперь открытое выраженіе подобныхъ мыслей, какъ то сдѣлано въ приведенныхъ замѣткахъ, смутило бы даже тѣхъ немногихъ гасителей, которые склонны придерживаться исподтишка столь мрачнаго взгляда на русское просвѣщеніе.

Этимъ заключаемъ наши извлеченія изъ дневника Аскоченскаго, въ полномъ убѣжденіи, что приведенные нами факты изъ его жизни и не разъ заявленные имъ взгляды и сужденія, совершенно противорѣчащія позднѣйшей его дѣятельности, представляютъ личность его иной въ сравненіи съ тѣмъ, какъ она обрисовывалась въ „Домашней Бесѣдѣ". Съ какой бы строгостью ни относились мы къ этой послѣдней дѣятельности Аскоченскаго, пережитыя имъ испытанія, неудачи и несчастія въ значительной степени должны смягчить приговоръ исторіи надъ нимъ. „Каково быть"—писалъ Аскоченскій въ 1854 году, оправдывая свою боязнь суевѣрныхъ предзнаменованій—каково быть „подъ вліяніемъ какой-то несчастной звѣзды! Пуганая ворона и куста боится"...